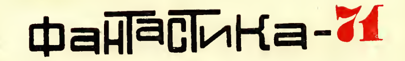

Фантастика-71

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1971

Р2
Ф22

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

«Луноходу-1»

Мне почему-то кажется,
что ты —
Живое существо, а не машина.
И телеглаза твои чисты,
И воля
все познать
несокрушима.
Шагаешь на заданье поутру —
Целенаправлен,
выдержан
и светел.
Не простудись
На солнечном
Ветру —
Он, говорят,
коварен,
этот ветер!
Встречай спокойно
темень и мороз.
Лови любые наши замечанья.
И ладный шум
восьми твоих колес
Опять нарушит вечное молчанье.
И не робей,
И тайн не обходи —
Их сколько хочешь на Луне —
Селене.
Учти —
твой опыт
нам необходим
Для будущих визитов
И вселенья.
Будь осторожен —
в пропасти не лезь.
И верь —
На смену
явятся другие.
И ты
излечишь
тайную болезнь,
Которая
Зовется
Ностальгией.

ПОВЕСТИ

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

Чердак вселенной

1

Приятиый голос:

— Нет, я ие спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли коин?

Настороженное фыркаиье коией, звон сбруи. Менее приятиый голос:

— Все сделаио, как приказать изволнли вы, сударь.

— Тогда в дорогу. Пусть звезды нам осветят раниий путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос иехороший, резкий. Перестук копыт и храп осажеииого на скаку коия.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжнм давешиий приятный разговор.

— Мы будем продолжать иа звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славио!..

— Я готов!

— Я тоже полои иетерпеиья.

— Граф, защищайтесь!

Зазвеиела сталь.

Глеб с трудом прноткрыл тяжелые веки, перевериулся на жнвот и выглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол н шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — была половииа третьего ночи по условному времеии околосолнечиых станций. Шпага, выбнтая нз рук шевалье, натуральио звеня, откатилась к журнальному столнку. Глеб запустил

подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла иа рожках виофоиора. Звук и запах исчезлн. Глеб уроинл голову на упругое изголовье и отвериулся к стене.

— Вставайте, сэр, — пробормотал ои, закрывая глаза, — вас ждут велнкне дела иа чердаке вселениой...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то нмела большое зиачение.

Он сиова заснул. Теперь он брел по гулкому лабиринту туинелей. И будто бы зто ие обычиые переходы стаицнн «Зенит», прямые и светлые, а пыльиые извилистые туииели из чериого альфа-стекла. И все-таки это был «Зенит».

Ои брел в поисках выхода, сворачивал в боковые проходы направо, иалево — пусто и неуютио вокруг, прохладио н сумрачно... Выхода ие было — туинельиые переходы уводилн в глубь астероида дальше н дальше, коичилась гладкая черная облицовка, потянулнсь грубо обработанные стеиы в толще ожелезнеиных недр. Ои понимал: иадо как можио быстрее иаверх, в диспетчерскую, а получалось почему-то наоборот — все глубже и глубже, в самые глухие закоулки станции, о существоваиии которых он раньше не подозревал.

Накоиец ои входит в зарешечениый зал, очень зиакомый зал, но безлюдный и темиый... н узнает виварнй. Не слышно обычных шороха, визга, возии, а в дальием коице прохода между решетками ограждеинй смутно виднеются две мешковатые фигуры с большимн круглыми головами. Кто это здесь?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откннуты вверх, из гермошлемов блестят иастороженые глаза. Это Клаус и Поль — два подопытных шнмпанзе, те самые Клаус н Поль, которых вчера должны былн транспозитнровать на «Дипстар», к орбнте Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит страиный квадратиый предмет, и под зтим предметом что-то раскачивается, щелкает, а иа тонкой цепочке — фигурная гиря... и вдруг открывается маленький люк, н забавная птичка шнпнт и жалобно стоиет: ку-ку, ку-ку... Великий космос, зто часы!

Стрелкн анахронического механизма показывают время начала зксперимента. Пора... «Ну-ка, ребята, марш в лифтовый тамбур, да поживее!»

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, гиря иа длиной цепочке волочится следом: «Зачем тебе зто, старнк? Брось их!..»

Клаусу жаль расставаться с часами, ио инчего не поделаешь, иадо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабнну лнфта и долго падают вниз. Поль беспокойио ухает, вертится, стронт гримасы. Клаус угрюм, но спокоеи; ои стар, н у иего иеобычные для шнмпанзе глаза — редко можно увндеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе в упор, почесывая за-

тянутой в перчатку лапой затылок шлема. «Ну что здесь иепонятиого, старнк? Вы отсталн от графнка ровио иа двадцать четыре часа. На «Днпстаре», должно быть, сходят с ума от беспокойства, потеряны целые суткн, а ты н Поль даже еще не на старте!»

Лнфт тормознт. Свертывается гнбкая дверь, обиажая стену нз чериого альфа-стекла. Участок стены уходнт вннз, н открывается ход в святая святых «Зенита» — камеру гнперпространственной транспозитацнн.

Ворчлнвый Поль неохотио взбирается на стартовый когертон — небольшое слабо вогнутое альфа-зеркало. Клаус медлит. «Смелее, старнк! Тебя нервнрует Поль, поннмаю: ты привык стартовать в одниочку. Но ничего ие поделаешь, иадо вдвоем, таковы условия экспернмента. Ты у нас ветеран, н кому же, как не тебе... Ну вот н отлично. Будь умницей н будь здоров. Передавай прнвет ребятам с «Днпстара»!»

Предупреднтельный гудок, броневая плита идет на подъем. Последннй взгляд через плечо на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый нз них на своем когертоне — порядок.

Ход перекрыт. За спнной метровая толща альфа-бронн, а впереди, на расстояинн полушага... опустевшнй ствол лифтовой шахты. Трудно повернть, но факт: кабина лнфта исчезла.

Очень мило, ио что же делать в такой ситуацнн?

Ну-ну, не иадо паннкн! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, нначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец.

Мягкнй толчок н мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозитации, малая тяга. Ягодкн впереди...

Толчок — нскры нз глаз! Окружающнй мнр, уродливо вытяиутый по вертнкалям, медленио поворачивается на тонкой осн... Со скрнпом н гулом. Ужасно медленно н тяжело...

Мышцы тела свннцово иаполнены нервной усталостью, но это уже ие страшно — главное, устоял. Черная плнта сдвнгается с места н с мягкнм шорохом ускользает вннз, открывая квадратный зев прохода. И сразу — очень нехорошее предчувствие.

В камере, на полу, обрызгаином заледеиевшей кровью, лежнт большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?.. Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно нсчез. Это старнк не прошел. Его когертон возвышается одинокнм зонтнком, припорошеиным инеем. А Клаус... лежнт на полу. Вернее, то, что несколько мннут назад было Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат незавершенной транспозитацнн.

А тншина... Будто после оглушнтельного взрыва. И тишину неожиданно иарушают знакомые звукн: что-то шнпнт и щелкает. Птнчка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда по краю

когертона, жалобно стонет: ку-ку, ку-ку...

Высоко над головой смутно поблескивают в полутьме глянцево-черные арки эр-умножителей — конечная ступень огромного технического комплекса. От самого верха до самого низа — одиннадцать этажей хитроумно организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов. До свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит»,— подумал Глеб. И вдруг отчаянно выругался.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Настроение катастрофически падало. Состояние духа, более созвучное ночному кошмару, чем это, просто трудно было себе представить. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки, если, конечно, взглянуть сквозь пальцы на маленький, но позорный гравифлаттер, устроенный Кветой в самый последний момент транспозитации. И вообще, в последние два месяца все идет удивительно гладко и скучно, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой и каюте, Глеб оделся и вышел в туннель. Постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались... — подумал он. — И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористей наших сверхгениальных идей. Или не понимает?..»

Где-то рядом зашелестел вентилятор. Глеб зябко поежился и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так, вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на Землю, менять профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгая через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Десятки аргументов «за» и «против». Полновесные — за, худосочные — против. Калантаров повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает руки и говорит на прощание что-то такое трогательно-благородное, от чего глаза Калантарова тоже становятся влажными.

— Они безутешно и долго рыдают друг у друга в объятиях, — вслух подытожил Глеб. Для полноты ощущений добавил: — И шумно сморкаются.

Он с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но вернулся, вспомнив, что сегодня

нужно раздобыть у гравитроников клайпер.

2

Колю Сытнна разбудила муха. Огромная, нахальная, оиа жужжала иад самым ухом, н Коля уже прнготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразнл, что зто зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правнльио: иа часовом табло светнлась четверка с точкой и двумя нулямн. Четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не уиимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спнну, прошелся пальцами по стене в поисках контактной киопки. Кнопку ои не нашел, потому что кпопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги, — значнт стоило поискать ее голой пяткой.

Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросилн голосом Иоганыча:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать, — бодро откликнулся Коля. — Я вставать и одиа мииута бежать вам иа помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательио пить молоко.

— Я поиимаю, пнтаиие прежде всего. Ульрнх Иогановнч, вы где сейчас находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — внварнй. Потом— скафаидровый отсек.

— Ясно. Буду через полчасика.

Неспортивно взбрыкнув иогами, Коля скатился иа пол и иесколько раз отжался иа руках. Постоял на голове, раздумывая, ие пойти ли в спортзал попрыгать на батуде. Временн, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть ие забыл!..

Коля медлеиио перевернулся, подошел к диваиу, склоннлся над изголовьем. Задумчиво почесал затылок. Сиежио-белая простыня точно так же, как н вчера утром, была прнпорошена тоикой угольно-черной пылью.

Да, впервые ои обиаружил пыль вчера утром. Недоуменно моргая, ои смотрел иа подушку. Центр подушки — там, где ночью поконлась Колиия голова, — был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставнлся в потолок. Нничего подозрительиого — гладкая светло-кремовая облицовка, нн едииого темного пятнышка. Коля вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой. Он вспомиил, как однажды, месяца два назад, просиувшнсь после иочиого дежурства, с величайшим изумлеиием обиаружнл, что подушка и простыии (н, вообще, все изголовье) буквальио пропитаиы кровью. Никаких сомиенний отиосительио того, что зто была иастоящая кровь, у него, студеита института экспериментальиой биологии, не возникло ии на одну секунду. Помиится, ои так же оторопело разглядывал в зеркале свою окровавленную физиономию — страшиоватое зрелище! — и терялся в догадках. Накоиец, решив, что зто его собствеииая кровь — иу, скажем, во время сна лопиул в иосо-

глоточной полостн какой-ннбудь кровеносный сосуднк, — он старательно уннчтожнл все следы зтого непрнятного происшествня, чтобы не давать повода буквоедам нз меднцннского сектора станцин поговорнть о «хлнпком здоровье современной студенческой молодежн, которую тем не менее Земля почему-то счнтает возможным посылать в космос на стажнровку». Однако лнчные непрнятностн сразу забылнсь, как только Коля узнал от Ульрнха Иогановнча, что в зтот день с нх любнмцем шнмпанзе Эльцебаром случнлось непоправнмое несчастье. У ТР-фнзнков что-то там не сработало, н в результате беднягу Эльцебара вывернуло нанзнанку... На языке ТР-фнзнков это называлось монополярным вывертом. Онн оправдывались тем, что Эльцебар-де «в момент транспознтацнн спрыгнул вдруг с когертона». Иоганыч был безутешен, и Коля, сам опечаленный до предела, очень ему сочувствовал.

И вот теперь зта проклятая пыль...

Коля вчера догадался осторожно собрать н отнестн черную пыль на аналнз. Оказалось, что ннчего особенного она собой не представляет — просто мнкроосколочкн альфа-стекла. Но объясннть появленне альфа-стеклянной пыли на подушке ннкто не отважнлся. Илн не пожелал. На зтой станцнн всем всегда некогда. Только у дядюшкн Ульрнха случалось время подолгу беседовать с молодым помощннком о вещах н очень серьезных, н не очень. Но Ульрнх Иогановнч был специалнст по прнматам, н «пыльные» вопросы, к сожаленню, находнлнсь за пределамн его компетенцнн. Коля проявнл упрямство н, засев в кафетерни, пнл молоко до тех пор, пока не выследнл одного нз здешннх ТР-фнзнков — Глеба Константнновнча Неделнна. Глеб Константнновнч с внднмым отвращеннем цеднл черный кофе чашку за чашкой, н было непонятно, слушает он Колю нлн нет. Потом он прнстально посмотрел куда-то мнмо Колнных любознательных глаз н посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он назвал собеседннка «букварем» н, страшно вращая зеленоватымн глазамн, сказал, что гнперпространство — зто дерьмо, станция — для дураков, зр-познтацня к звездам — дохлый номер н что дальнейшее свое пребыванне здесь счнтает стопроцентным кретнннзмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал. Но с альфа-пылью надо было что-то делать. Для начала он просто-напросто решнл ложнться спать наоборот — к нзголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щнколоток до коленей. Для него начиналась пора невольного зксперннментнровання. Все было бы ннчего н даже нтересно, еслн бы не тревожное беспокойство от смутной догадкн, что он случайно обнаружнл нечто такое, чего пока ннкто на «Зенните» не знает н знать не желает...

В такой ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом н молоком, смахнул посуду в приемный лючок автомойки, выскользнул в дверь. Стремительно вернулся, подбежал к автоматическому бару, настучал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам н теперь уже уверенно помчался в лифтовый тамбур.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Иоганыч рассказывал, что раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Несколько десятков белых мышей и морских свинок прекрасно обходились четырьмя стеклянными ящиками в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозитации высших приматов, выяснилось, что естественное гравитационное поле астероида маловато. Пришлось в срочном порядке строить в недрах астероида установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что заодно уж решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько это можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, архисложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, межэтажные эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа. С другой стороны, «бракованный» зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала стабильность взаимодействия полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, «представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше». Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария нередко ощущали на себе: во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами, и после этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение; это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, ко-

торым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория нового эксперимента окажется вдруг недостаточно отработанной...

Нужно было соблюдать тишину, для обитателей виварня ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Казалось, если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много: пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у этой молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен, обнажая странные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь виварня по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца, — поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». — «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным «а что это?» или «а почему?».

Коля ворвался в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял дядюшка Ульрих.

Впрочем, уже не дядюшка Ульрих. Седоволосый, но очень подтянутый, строгий на вид заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин торопливо меняет свою голубую куртку зенитовца на профессиональное одеяние — белый халат. Только когда сей ритуал был завершен, Фишер счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега, —

сказал он. — Мне интересно узнать ваше самочувствие...

— Хорошее, спасибо, — солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест.— Торопитесь входить. Сегодня очень трудный работа.

Иоганыч деловито осмотрел арену предстоящей деятельности и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал некоторую неуверенность. Перед ними, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами, ростом на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный Фишером, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побанвался. Потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал Иоганыч, действительно случилась не из легких. Напялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам, — очень не просто.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту почему-то отказывался наотрез. Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Впрочем, скоро Буту устал.

В белье Буту стал неприятно похож на человека. А когда его зашнуровали в противодекомпрессионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не получил за это укус в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина... — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился.

Ульрих Иоганович кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплясали кривые — осциллограммное эхо работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения, — бесстрастным голосом доложил помощник. — Бета-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудно-

сти... Периодичность кардиального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Фишер одобрительно кивал.

— Гут, — сказал он. — Прошу нести скафандр.

3

Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивого ТР-перелетчика заботливо препроводили в мягкое кресло. Фишер еще раз проверил скафандровые системы жизнеобеспечения.

— Все есть полный порядок! — сказал он. — Вы, коллега, ждать сигнал и проводить Буту в камера. Ауф видерзеен! Я иметь работа в виварий.

Он опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул, захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь, — подумал Коля. — Будешь рыпаться, нажму на кнопочку и — ауф видерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — щелк, и пальцем в кнопку; дистанционный включатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Иоганыч как-то очень просто ладит с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются, и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутанги — нет... «Это потому, что у меня молодое лицо, — печально подумал Коля. — Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже».

Где-то далеко наверху завыла сирена — приглушенный расстоянием вой проникал сюда через ствол лифтовой шахты. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него.

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. Странно, подумал он. Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет автоматически гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...

Стоп! Коля звонко шлепнул се-

бя ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хоть ты и высший примат, но дубина редкостная! Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдал. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко — только перед настоящим ТР-запуском, — пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

Коля поднял палец и сделал многозначительную паузу. Буту настороженно молчал.

— Второй вариант объяснения предпочтительнее, — пояснил Коля и спрятал палец в кулак. — Потому что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли — с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно) только один человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому, что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространство дыру. Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «большая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не сдвинется с места. А вот черная пыль, оказывается, может... Иначе никак не объяснишь ее появление в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от зиртронной шахты, от камеры транспозитации. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал. Неуемное, жгучее любопытство.

«Это что же получается? — думал он. — Получается, что на малой тяге возникает гиперпространственный туннель не только от камеры транспозитации до орбиты Сатурна — главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее, туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана, но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

— Чушь, — пробормотал Коля. — Или не чушь?

Внезапно Буту задергался. Очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: чтоб тебя монополярно

вывернуло! И, устыдившись, подумал: ничего, пройдет как по маслу. Горилл возят в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно. Это шимпанзиному племени не везет — слишком часто гибнут во время экспериментов. Правда, за последние два месяца только один Эльцебар...

Коля вдруг попятился и с маху сел на жесткий металлический табурет. Ошалело повращал глазами. Эльцебар... Монополярный выверт... Залитые кровью изголовье, подушка, лицо... Но как это раньше не пришло ему в голову!

Сорвавшись с табурета, он стремительно забегал по отсеку. Ну разумеется. Это была кровь Эльцебара!..

Однако все это необходимо срочно выложить ТР-физикам! Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно, поверят не сразу. Смеяться будут. Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иогановича... Может быть, туннельчик — это какая-нибудь опасная пакость! Может, именно из-за него погиб Эльцебар...

Коля подбежал к Буту, быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал его на руку и тихо, но властно скомандовал:

— Встать, Буту. Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения: ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свернулась в рулон гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам вертикальной решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий поковылял в правое отделение; Коля шагнул, разумеется, в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту, — сказал Коля сквозь ограждение. — И совсем не дурак... Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Коля знал, что самое главное на «чердаке» — это, конечно, диспетчерская. Более того, кроме диспетчерской и шаровидной комнатушки информатория, здесь не было ничего похожего на остальные помещения станции, щедро нашпигованные различным оборудованием и автоматикой. В этом смысле здесь было пусто и голо, но Коле это почему-то нравилось.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения

айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Вряд ли это было сделано специально. Наверное, после капитальной переделки станции, когда все бытовые и технические службы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль декоративных полостей. Тяжелые объемы утесов, изящные гроты пустот, облицованные сахарно-белой стекломассой, стали казаться хрупкими и холодными. Ошеломительно глубокими стали полы, покрытые глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом). Все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и вопреки логике плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтичная деталь пейзажа представляла собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской едва угадывался вообще.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резко проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которым его подвергают во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Желудок — пустой со вчерашнего вечера — срочно требовал пищи, скафандр ужасно мешал, а еда была где-то рядом... Буту, конечно, и не подозревал, что понятие «рядом» включает в себя расстояние от орбиты Меркурия, до системы Сатурна. Натягивая поводковый леер, Буту весьма целеустремленно ковылял вдоль туннеля — он хорошо помнил место, где находился тот самый заветный люк...

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом.

Угрожающим рычанием Буту дал понять, что увести его от заветного люка будет не так просто. Ну и пусть посидит, решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, внутри шара вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно, — какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза, обведенные черными стрелами длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу повернул Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... — растерянно ответили глаза, и по их выражению Коля понял, что они говорят святую правду. — А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно, — сказал Коля. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — И с отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо, которому они принадлежали. — Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует, это вопрос: что делать с гориллой? И второй вопрос... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для амплуа ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела сюда на «Мираже» прошлым рейсом, — ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня и, как вы только что выразились, именно в амплуа ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы, — сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

— А разве вам не сообщили?...

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эпсилон-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эпсилон-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже, чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю, — смутилась Квета. — Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— ...Больше не буду, — подсказал Коля.

— Минуточку! — вдруг насторожилась Квета и повернула лицо в профиль. Коле профиль понравился. — Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывавшая выход, оставалась недвижной.

— Я отключила сирену, — сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием. — А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо, — пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он все это знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются, — сообщил он. — И в такие минуты бывают опасны.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык, — сказал он. А про себя подумал: не позвать ли Иоганыча на помощь? И мысленно пожелал Буту провалиться в тартарары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок.

— До свидания, — сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было!

Коля машинально отвязал леер от вентиляционной решетки, собрал его кольцами, как собирают лассо. Леер оборвался странно размочаленным концом... У Коли задрожали руки.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью урагана и, поравнявшись с входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета, — тихо сказал он. — Мой подопечный... случайно к вам... не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть горилла? Нет, я здесь, по-моему, одна... Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините.

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он, чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по клич-

ке Буту. При обнаружеиии примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Одии ва другим вспыхивали экраиы.

— Эй там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочио спускайтесь в вакуумствор! Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

— Спускайся сюда и сам его тут задерживай, — посоветовал бас. — Безобразие! У меня «Мираж» иа подходе, а людей никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну иемедленно! Слышите, вы?.. Немедлеиио!

Ошалело иатыкаясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техииков вакуум-створа. Это был Карлсои, ио Коля его ие сразу узиал: правый глаз техника чудовищио вспух и явственно наливался радужным цветом, комбиезои порван, а из прорехи свисал подол оражиевой рубахи. Судя по всему, Карлсои побывал в серьезиой переделке.

— Он уже там, — сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля. Помчался в указаииом направлении.

Карлсои заправил рубаху и, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля ныриул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо — штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот,—где именио, мешали понять горы ящиков и раскастистое эхо зала. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные баики. Преодолевая россыпь, Коля увидел чей-то кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не иаступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не воткнулся в спину стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху, человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбеиел. Раиеиый обернулся и с иитересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испугаино взглянул иа свои окровавлеииые руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Вареиье. — Почмокав губами, добавил: — Вишиевое. Добрался-таки, мерзавец, до кондитерского запаса! Сейчас ои там дров наломает...

Сверху посыпались банки.

— А иу-ка, — сказал Коля, — помогите мие взобраться на штабель.

Буту сндел иа соседием штабеле н взламывал ящикн. Шлема иа ием уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубкн воздухопровода. Буту дробнл ящнкн, выхватывал из кучи банок одну илн две, надкусывал с краю, бросал. Очевндно, он нскал свое любимое лакомство — ананасовый компот. И очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздражеино оглядывался, время от времени грозно рычал н швырял банкн, а то и ящики целиком в узкие щели проходов.

Коля оценнл обстановку, распростнлся с иадеждой иа ампулу безопасностн. Оставалось надеяться только иа «профессиоиальный иавык», которым ои похвастался перед Кветой.

— Буту, спокойно! — крикнул ои, подражая голосу шефа. — Сндеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах, так! — сказал Коля и приготовился прыгиуть через проход.

Рев гориллы потряс стеиы зала. Коля решнл от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно выработать более разумный план действий, ио иичего дельного в голову просто не прнходнло... И вдруг за его спиной что-то обрушнлось — иа штабель вылезлн Карлсон н знакомый уже человек, облитый внишевым вареиьем. На дальннх штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот... — сказал Карлсои, снимая с плеча волейбольиую сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, ои теперь ие однн — ребята помогут. В опасиой блнзостн от его головы прожужжал ящнк. Мелькиула мысль: точио нз катапульты...

Коля размахнулся н бросил сетку на разъяреииую гориллу. От сетки полетелн клочья, ио летающнх ящнков теперь можио было не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!» — н мгиовеино образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля. — Нужеи зластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Виезапно угол штабеля у него под ногами осел. Коля повнс над ущельем прохода, иапрасио пытаясь удержаться за расползающнеся ящнкн.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая рукамн.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужио, — мягко остаиовил его женский голос. — Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился голос мужской. — Ну-ка, покажите мие героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увндел над собой зиакомое лнцо хирурга станцни Пшехальского.

— Ян Казимирович, здравствуйте, — сказал Коля. — Чувствую

себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пшехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда моего шефа. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только недолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Вместо тела ощущалась какая-то гулкая, туго скрученная неопределенность... Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо дядюшки Ульриха.

— Ульрих Иоганович... — Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У шефа дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбежал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудете? — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут, — сказал шеф. — Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно! — сказала Франсуаза. — Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините, — мягко остановила его Франсуаза. — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, что у него начинается бред.

— О да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в живые и круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До сидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел в лифтовый тамбур. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

4

В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синевато светились круглые окна экранов, вспыхивали и гасли табло. Стен в зале не было: плотной стеной стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Приборы даже на потолке. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от вре-

меии забавио клацал телескопический подъемиик, а иа конце стрелы ходнла вдоль инжнего яруса кабииа для операторов — прямоугольная площадка с пультамн посредине, огражденная иизкими бортами. За пультом, сгорбившись, сидел Ильмар — иа бритой голове наушиики — и что-то жевал, ие отрывая лица от нарамиика экспоиира.

Глеб сбежал по трапу на инжний причал и оглушительио свистиул. Ильмар сбросил иаушиики, повертел головой. Глеб свистиул еще раз. Деловито клациув, подъемиик развернул стрелу н подиял кабину к причальиому борту.

Ильмар рассеянио поздоровался, подождал, пока физик устроится в кресле иапротив. Выложил перед иим на пульт бутерброд с сыром, показал глазами иа кофейиик. Бж-ж-ж-ж, клац-клац... — кабииа плавно поехала к иижиему ярусу.

— Как дела? — спросил Глеб.

— А? — Ильмар приподиял чашечки наушников.

— Меия интересует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должио было стрястись, когда вы устроилн иам гравифлаттер. Гравнтроны плохо переносят вибрацню. Один закашлялся иасмерть. Два других на пределе. А гравитроиов, да будет тебе известно, всего двеиадцать. Это я так. Между прочим.

«Мие все известио, — подумал Глеб. — Между прочим, известно и то, что иам достаточио четырех. Для ТР-перелета в пределах орбнты Сатуриа двеиадцать совсем ие иужиы — в коице коицов, достаточио трех, если точией подсчитать иапряжеииость зр-поля. А для ТР-перелета даже к Ближайшей Цеитавра иам не хватит и трех на десять в двенадцатой степеии».

Кабииа остановилась. Ильмар сиял наушиики, ткиул пальцем в желтую киопку на пульте н посмотрел вниз. Глеб тоже посмотрел. Лязгнул металл, в глубине открывшейся шахты вспыхнул сииий огоиь и осветил звездообразный торец гравитроиа.

— Так я и думал, — пробормотал Ильмар.

— Из новых?

— Старый, ио кому от зтого легче? Вашему брату ведь ничего ие стоит устроить еще одии флаттер, верно?

Нашей сестре, мыслеиио поправил Глеб. Вчера иа калькуляторе работала Квета. По зтой причиие нужио было менять тромбоголовку в блоке локального счета. Сменить, конечно, иедолго, ио вот когда на калькуляторе работал Захаров... Глеб вздохиул.

— Нам бы ваши проблемы, — сказал он, покачивая в руке пустой кофейиик. — Кстати, ты ие забыл записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

— Это вряд ли вам пригодится, — ответил Ильмар.

— Почему?

— Связисты мие говорили, что сегодия «Мираж» покииул Меркурий и придет иа «Зеиит» часа че-

рез два. Но как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь успеть подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет нам избавиться от гравифлаттера?

— Может быть, — не совсем уверенно ответил Глеб. — Спасибо. И еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну чего ты на меня уставился?

— Ничего... — Ильмар вздохнул. — Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Бж-ж-ж-ж... — кабина поехала к трапу, — клац-клац... Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на «чердаке»? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то шеф оттягивает похороны... А так все нормально.

— Все нормально? — зло удивился Ильмар. — Эх, вы... А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр, — напомнил Глеб. — Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком это смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр. А результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь, не хочешь — придется это переварить. И тебе заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по гулким ступенькам наверх.

Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный (она это знала) целиком из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш», — подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро, — вежливо сказала Квета.

— Салют, — буркнул Глеб не особенно вежливо. Поставил клайпер у ног. Зеленоватые глаза, казалось, очень внимательно осматривали все вокруг, но только то, что находилось за пределами какого-то магического круга, центром которого Квета чувствовала себя, испытывая при этом странное неудобство.

— Вы рано сегодня, — сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покоснулась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

«Девочка, — подумал Глеб. — Восторженный птенец». Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...

Глеб настроил клайперный щуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро отбросил щуп и, сунув руку в недра пульта по плечо, нашарил нужный ряд тромбоголовок. Квета, следившая за развитием ремонтных операций, спросила:

— Не знаете, кто еще сегодня дежурит?

— Ваал. И, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко, — терпеливо пояснил Глеб. — Сокращенно — Ваал. Верно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро, — поздоровалась Квета.

— Утро!.. — Глеб обхватил колени и поднял глаза к потолку. — Пещера, туманное утро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «доброе утро!», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники, — сказал Валерий. — Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут, — Глеб выключил клайпер. — Если шеф задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», шеф не спеша направится к этому пульту и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать: до свидания.

— Я не буду делать большие глаза, — возразил Глеб. — Я буду делать большой и по возможности громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые дерзкие энтузиасты науки, вроде меня, после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой — на орбите Сатурна, где плавает станция с пышным глупым названием «Дипстар»*. Вот, кажется, и все, чего нам удалось добиться. — Носком ботинка Глеб отшвырнул тромбоголовку к стене.

Валерий сел в кресло. Задумчиво похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар» через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн плюс два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека...

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось шефу, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пятерых.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет, — сказал Глеб. — Просто из наших буйных голов улетучились флюиды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успехи ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— А Земля ликует вовсю. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «На пыльных тропинках сверхдальних планет»... «Новая эра! Земля гордится вами, покорители Пространства и Времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» и на орбиту Плутона. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера. Те, кто бредил о транспозитации к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на

* «Дипстар» — «Звезда глубины» *(англ.)*.

«Днпстаре», осталась кучка маиьяков, которым до смерти хочется пробить головой иепрнступиую стену. Она неприступная, эта стена, поннмаешь?! И мне почему-то становнтся жаль свою голову.

— Поиятио, — произнес Валерий н медлеино поднялся. — Внимательио слушайте, Квета. Это очень серьезно, мы прнсутствуем иа творческом отчете дезертнра.

Опустив голову, Квета что-то выводнла пальчиком между клавишами иа блестящей поверхности пульта.

— Ваал, — сказал Глеб. — Я иехороший, я дезертнр. Но все равио мы бессильны. Ваал, и я, н Туманов, и сам Калаитаров. Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. ТР-передатчик — приемиик иадо иметь не только у Солнца, ио и возле далекой звезды, ниаче... Каждый осел поимает, что иначе. Ну еще год, другой погоняем ТР-перелетчиков из цеитра Системы иа периферню. А дальше? В коице концов эта одиообразиая цирковая программа нам надоест. Мие уже иадоела... вот так! — Глеб провел ребром ладоии под подбородком.

— Ну, мне пора, — сказал Валерий. — Вместо меия будет Гога.

Валерий столкиулся с Гогой в дверях. Гога посторонился, проводнл Валерия иедоумевающим взглядом.

— Говорят, одна нз горилл сбежала в вакуум-створ, — сообщил ои. — Говорят, есть человеческие жертвы... Признавайся, что вы тут с Ваалом ие поделили?

— Ваал обозвал меия дезертиром.

— Ну?! — Гога опустился в кресло. — Впрочем, Ваал иапрасио ие скажет.

— Ты увереи?

— И ты, мой друг, тоже.

— Напрасио ты так. Ведь разговор ие только обо мие. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его ие будет. Все элементарио просто. Эр-поле фуикциоиальио связано с массой ТР-передатчнка. Пока мы ведем ТР-передачу иа «Дипстар», нас вполие устраивает масса нашего астеронда. Но замахиись мы хотя бы на альфу Центавра, иам понадобнтся иметь в своем распоряжении общую массу шестидесяти такнх планет, как Юпитер! Или поместить возле альфы Центавра ТР-приемник типа «Днпстар». У нас нет нн того, ии другого. Понимаине этого иазывается дезертнрством?

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ннчего особеииого... Через иесколько мииут мы проведем еще один экспериmeит. Мы будем сидеть за пультами, по одному с каждой из четырех сторон квадратиой ямы: ты против Кветы или Тумаиова, я против Калантарова. Как за столом дипломатнческих переговоров. Мы будем смотреть на прнборы и подавать комаиды, нажнмая кнопки и клавишн. Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таннства в то, что наша ра-

бота прнблнзит звездный час человечества... — Глеб показал половнну мнзннца, — хоть на полстолько?

Гога тяжело н шумно вздохнул.

— Квета, — сказал он, — объясннте этому субъекту, что наука нмеет свон негатнвные стороны. Что науку нельзя прнннмать за карнавальное шествне по случаю Праздннка урожая.

— Какне вы все у-умные!.. — покачав головой, сказала Квета. Ее голос звучал в незнакомой тональностн. — Слушаю вас н уднвляюсь, как успешно вы стараетесь не поннмать друг друга! Самоаналнз — это хорошо, зто пснхологическн оправдано. А самобнчеванне — плохо, потому что больно н унизнтельно, стыдно... Я знаю, ннкто нз вас не вернт всерьез, что злополучная теорема — последнее слово в ТР-проблематнке. Простнте, еслн я сказала что-ннбудь не так...

— Так, Квета, так. Здравствуйте. Прошу простнть за опозданне, меня задержала связь с «Мнражем». — Туманов, пощелкнвая пальцамн (за ннм воднлась эта странная прнвычка), прнблнзнлся к пульту.

Он всегда был изящным, от самой макушкн до пят. От тщательно прнлнзанных светлых волос до мягкнх ботннок из кожн полинезийскнх коралловых змей — очень краснвых ботннок н очень редкнх в космической практнке.

— Турннр ндей? — спроснл он Глеба н Гогу, глядевшнх в разные стороны. — Илн контрольная дуэль змоцнй?

— Кнр, — сказал Глеб, — пожалуйста, не делай внд, будто тебе ннтересно.

Туманов пропустнл пожеланне Глеба мнмо ушей. Он стоял, опнраясь рукамн о пульт, в позе пловца, который раздумывает, стонт лн прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожнла остальных. Глеб н Гога переглянулнсь. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эрнтронов, однако... В чем заключается зто «однако» она не успела сообразнть, потому что Туманов неожнданно спроснл:

— Какое сегодня чнсло?

Гога скороговоркой назвал день неделн, чнсло, месяц, год. Немного поколебавшнсь, добавнл названне зры.

— Коллегн! — Туманов солндно откашлялся. — Этот день войдет в анналы исторнн. — Будем готовнть ТР-передатчнк к работе. Шеф решнлся отправнть в гнперпространство двух ТР-летчнков. Первый в нсторнн групповой ТР-перелет.

— Шутншь!..— выдохнул Гога.

— Сегодня нам не до шуток, коллегн.

Сон в руку, подумал Глеб. Туманов прав, сегодня будет не до шуток. Бедные гравнтроны, бедный Ильмар, несчастная Квета, разнесчастный тромбостнггерный блок. Велнкнй космос, до чего же все надоело!

Из корндора послышалось дребезжанне зуммера. Это был сигнал службы вакуум-створа; к астеронду прнчалнл «Мнраж».

— Калантаров, — подняв бровь, сказал Гога.

— И сопровождающие его лица, — добавил Глеб.

— Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?

— Известно, — ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

5

Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты почиталось правилом хорошего тона.

Совсем еще недавно, пока ощущение значительности этого действа должным образом влияло на работоспособность Глеба, процесс настройки ТР-передатчика очень его занимал, сложностью и быстротою своей напоминая шахматную партию блицтурнирного состязания. Туманов щелкал главным включателем: d2—d4. Мгновенно следовал ответный ход: Глеб включал калибратор пульсации. Стремительно разыгрывался ферзевый гамбит — кнопки, клавиши, световые сигналы, — на обдумывание быстро меняющихся ситуаций в распоряжении оператора считанные секунды. Ассистенты фиксировали игровой момент на пультах контроля и регистрации...

Переключая клавиши с бесстрастием автомата, почти с таким же бесстрастием Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было как-то очень уж безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других. У Кветы и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг пошло.

В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно зажужжали зритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются зритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый незабываемый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких сложностей между ними и не было. Не было пылких признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, далеко как до них!

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

Тогда они были рядом. И казалось, так будет всегда. Но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила

ему — как, впрочем, и всем остальным — шершавую колкую ветку акации: мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях. А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимости). Потом для нее — а значит, и для него — все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. И, как доказал Топаллер, не сможет.

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб повернулся к пульту спиной. Покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой. Он сказал: «Казура. Можете называть меня просто Федотом», — и протянул руку. У незнакомца было молодое белое лицо, и одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», известный среди ТР-физиков под негласным прозвищем Фортепиано; вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил. Валерий помалкивал. Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова. Чернобородый сиял и смущался.

— Вот, собственно, и все... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю, — сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эрпозитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина, — осторожно пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц работы эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме и никаких спорадических...

— Ну хорошо, — вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю, — Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович, — мягко остановил его Калантаров. — Идеи ваши меня интересуют. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики. А?

— Ну... — Туманов пожал плечами, — я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Дальше?

— Это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав, — тихо сказал он. — К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет, — сказал он. — При переходе на стартовую тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятная, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость. — После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. И платим за это рекордным перерасходом энергии. Но с облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления. Но разве можно что-нибудь найти, не думая?

— Одна из особенностей гиперпространства, — высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» только сейчас пришлось помянуть... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога, словно бы нехотя, привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Нет, у меня все нормально. — Гога показал глазами на Глеба: — А вот ему плохо. Очень плохо...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес. Чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и чем-то поражал воображение.

Гога чувствовал себя очень несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Отлично. Ровно через час проведете цикл эр-позитации на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

6

Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, которым даже пользовались, но каждый по-своему. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывая собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета. С той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если вприпрыжку бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И обычно всегда у кого-нибудь возникала Идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен...

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек, — мягко окликнул Дюринг.— Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность,

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится много свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох — раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Теперь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно, потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю. Как самочувствие?

— Не знаю... — Глеб подвигал плечами. — Наверное, все в порядке.

— Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо, — ответил Глеб. — Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удается?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за девять секунд ухитряетесь... фюйть... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно! Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось. — Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск, — сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности, море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы.

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы тихая звездная ночь... Звуки фортепиано...

— В миноре, — добавил Дюринг. — Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это... — Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом, в отношении прозвищ я убежденный фаталист. — Дюринг заторопился: — Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо... — пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел Калантарова.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга в дверь, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

Глеб устало сказал:

— Давайте в открытую?

— Давно пора. То, что ты разобрался в теоретнческнх выкладках Топаллера, весьма похвально. А вот то, что ты раскнс по этому поводу...

— Нет, не по этому. Дело в другом. Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жнзнн на трндцать веков. Ибо чуть позже мнр нзобрел для себя отлнчную заповедь: не сотворн себе кумира.

Глеб покачал головой:

— Монм кумнром былн не вы, простите. Моим кумнром былн нден, которые вы умелн выращнвать в нашнх преданных вам головах. А после трех-четырех уравненнй Топаллера вы растерялнсь.

— Ладно, — сказал Калантаров. — Какне у тебя ко мне претензин?

— Претензнн?.. Да ннкакнх. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы, мягко выражаясь, отдаете предпочтение Меркурню.

— Чушь. Меркурнанскне базы располагают более мощной вычислнтельной технnкой, только н всего.

— Топаллер неуязвнм. И никакая технnка здесь не поможет.

— Ну хорошо, — Калантаров вздохнул. — Скажн мне, что такое гнперпространство?

— Я не знаю, что такое гнперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до снх пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства вселенной представлялись мне одннаковымн во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теорнн Калантарова. Вашей теорнн. Скажнте откровенно, что вы собнраетесь предложнть нам в качестве выхода нз теперешней снтуацнн?

— Есть предложенне закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру. — Калантаров пожал плечамн: — Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последннй ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правнльнее будет поннмать как демонстрированне нашнх достиженнй — ведь ннчего прнннцнпиально нового мы от него не ожндаем. Однн человек нлн два — какая разннца?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бородкой..

— Да. Представитель техбюро транспортных коммуннкаций Снстемы. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатацнонных качествах нашей установкн. И надо ожндать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов н проектантов. Первую установку тнпа «Зеннт» — правда, повышенной мощностн — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню намечен-

ной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, наверное, но дальнорейсовым непременно...

— Простите! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы. Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов, — деловито стал объяснять Калантаров. — Ну и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникнет острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк.

— Вот что... — сказал Глеб. — Я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Мосье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший начальник не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». Орзвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж, дело твое, — сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился, спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли... — Калантаров взглянул на часы. — Твой знаменитый зр-эффект кажется мне весьма любопытным. И пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал, — глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. И вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы также... с гирями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

— А недавно мне приснилась идея межзвездной транспозитации.

— Вот как! — пробормотал Калантаров.

— Да. Снилось, будто бы к звезде Бернарда мчится на фотонной тяге огромный звездолет. И будто бы на этом суперкорабле смонтирован ТР-приемник типа «Диспстар». И еще там были тщательно запрограммированные автоматы...

— Понятно, в обход теоремы Топаллера... Идея в принципе осуществима. Но для своей реализации потребует срок, соизмеримый с периодом жизни двух или трех человеческих поколений.

— На безрыбье и рак рыба, — напомнил Глеб.

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я в основном

занимался твоим эр-эффектом. Точиее, эр-феиомеиом — впредь так и будем его иазывать.

Глеб поиимающе кивнул:

— Страииое явление, верно? Три очень заметиые полосы размыва пульсацин поля... А затем будто бы эхо — девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды на каждое аукаиье откликиется. Пока аукается н откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездониую пропасть. И все.

Калантаров приблизнлся к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до непрнличия, вот что... — Он оглядел потолок: — Где-то здесь должиы быть веитиляцнонные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего, — возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой, — нам ие мешает проветриться.

Идти куда-то прниимать воздушные ванны — такой потребности Глеб вовсе ие ощущал, но сопротнвляться было бы еще глупее. Тем более что Калаитаров явно спешил и вид нмел весьма озабоченый.

7

Онн шли по кольцу вдоль туниеля, и Калантаров иа ходу виимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел. «Что-то вынюхивает», — вяло подумал Глеб.

— Вот, — сказал он, — здесь находнтся одна нз вентиляциоиных дыр. Две другне...

— Нет-нет, — перебил Калантаров. — Имеиио эта. Лифтовый люк мы миновали, а впереди имеем вход в ииформаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляциоииой решетки до подиожия стеиы. — Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончалась воображаемая вертикаль. — Отсюда нужно отмерить ровио три метра влево.

Глеб, ие вынимая рук нз карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово, — сказал он. — Мой шаг точио равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ?

— Которым копать. Во всех прнключеиеских киижках клады копают нменно заступом. Вот, к примеру, клад зиамеиитого Кидда...

— Любопытио, — сказал Калантаров. — Но Кидд подождет. Место, где ты стоишь, отметь чеминбудь.

Глеб вынул нз кармаиа иосовой платок и броснл под иоги. Калантаров поднялся н отряхнул ладонн.

— У вас сегодня игривое настроение, — сказал Глеб. — Одиако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, прн чем здесь твой эр-феномен, — вот в чем вопрос...

Глеб иасторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он завороженно смотрел на

черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству в обе стороны своего продолжения. Словно бы глянцевая поверхность слегка запотела. «Ток увлажненного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб. — Но тогда почему стена запотела не против решетки, почему в стороне?..» По примеру шефа Глеб провел по стене пальцем. На пальце остался тонкий налет черного порошка.

— Говорят, дурной пример заразителен, — сурово сказал Калантаров, — но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он понял, что сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел, так как знал, что больше ничего сделать не сможет. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит — перестал понимать. Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной системы. А на звезды ему всегда было наплевать... Да, после Топаллера поредели наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Остались те, кто хочет и, главное, может работать.

— От работы я никогда не отказывался, — хмуро напомнил Глеб. — Ну что я могу предложить? Давайте проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм вселенной.

— Ты опоздал, — возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

— Ладно, — сказал Глеб и вскинул руки над головой: — Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Я давно заподозрил, что эр-феномен — явление гораздо более сложного порядка, чем принято было считать. Я даже составил занятное уравнение. Правда, практической пользы от него столько же, сколько от зайца перьев, — просто математический опус...

— Неправда, — сказал Калантаров. — Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Верно я говорю? Дальше?

— Верно... А что «дальше»?! — удивился Глеб. — Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца, — спокойно ответил шеф. И вдруг закричал: — М-мальчишка! Сумел найти урав-

нение поля самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, вндите лн, работает здесь ради великой нден межзвездной транспозитации! Он ходнт, виднте ли, рукн в брюки, рычит на каждого встречного н упрямо не желает замечать, что ключн от хранилища этой нден давным-давно звенят у него в кармане!

Окончательно сбитый с толку, Глеб не нашел, что ответнть.

— Извини, я погорячился... — Калантаров пожевал губами. — Но я как-то вдруг понял, в чем ущербность твоего мышления. Топаллер сказал, Калантаров сказал... Посмотрн, что получается! Я на Меркурнн, ты на «Зените», мы оба незавнснмо друг от друга рожаем некую общую мысль н облекаем ее в математическую форму. О том, что ты тоже это сделал, я узнаю минуту назад н совершенно случайно. Математическнй, видите лн, опус! Уравнение показало, что перерасход энергни может быть объяснен появленнем линзы эр-уплотнения за пределамн альфа-экрана. Одна лннза? Или?..

— Илн количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячнй хвост! Заложнл руки в карманы н смиренно прошел мнмо открытня. А все почему? Потому что — согласно теории Калантарова — эр-поле не может возннкнуть вне условнй альфа-экраннровкн. Калантаров, виднте ли, когда-то сказал!... Да, когда-то я об этом говорнл. Говорнл, основываясь на результатах первых экспернментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простнте, — перебил Глеб. — Маленькая поправка: пока мы ннчего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за указательный палец, провел нм по стене и молча сунул нспачканный палец оппоненту под нос.

— Ну н что? — спросил Глеб, задумчнво разглядывая черный порошок н словно бы что-то прнпомнная.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гнпотетической лннзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировкн верхнего яруса станцни и нашел, что сей «математическнй опус» должен находиться в трех метрах от вентиляцнонного отверстия, того что возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг ожнвился: — Вчера ко мне подходил кто-то нз лаборантов биологического сектора н что-то звонко чнрикал про черную пыль...

— Кто-то и что-то... — Калантаров поморщился. — Конкретнее можно?

— Да, вспомнил! Это тот самый «букварь», у которого сегодня сбежала горнлла. Они там оделн гориллу в скафандр, но нм ннкто не сказал, что трнста девятый эпснлон-шесть отменяется. Горилла сбежала н, говорят, слегка порезвнлась, кажется, в вакуумстворе нли на продовольственных складах.

— Странно. Нннкто ничего мне не докладывал.

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... букваря? На малой тяге?

— Вот именно!

— Это, пожалуй самое любопытное. Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эрпозитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — понаблюдаем. Потом отправим Алексеенко и Ротанову на «Дипстар», проводим восвояси представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул, прикидывая, сколько времени уйдет на монтаж регистраторов и прочей контрольной аппаратуры в этом участке туннеля и в каюте чудака лаборанта... Если, конечно, легенда про черную пыль подтвердится.

Неприятно завыла сирена. Шеф показал на стену и крикнул:

— Я наблюдаю стену, а ты — вокруг и в общем! Понял?

Глеб кивнул. В ожидании толчка он машинально отставил ногу для устойчивости и подумал, что, если сейчас посыплется черная пыль, физиономия у Калантарова будет выглядеть очень забавно.

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг него образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Затем молниеносное исчезновение сфероида и... ощущение падения. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху. Глеб крякнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крякнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся, дико вращая глазами, и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да это и был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погрузочно-разгрузочными механизмами. По ту сторону широких патерн ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!», «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром, как снег на голову, сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона! Теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи, — оборвал его

бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на чердаке... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После их экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать. Вот тут и соображай...

Глеб переглянулся с Калантаровым. Он никогда не видел начальника таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь? — крикнул голос третьего незнакомца.

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там, — кивнул Глеб, — наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза. С мостика, перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего створ-диспетчера Горелова и техника Карлсона, правый глаз которого едва помещался между двумя нашлепками биомидного пластыря, занимавшими четверть лица.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон. — Вам нужна помощь?

— Потрясающе!.. — произнес Калантаров. — Микродиостанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло, — мрачно заметил Глеб. — Будь эта микродиостанция чуточку подлиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем, вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, крякнул, потер бедра.

— Порядок, — сказал он, странно улыбаясь. — Между прочим, я первый раз побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже, — сказал Глеб. — И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он вскочил. Крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же, — пробасил Горелов.

— Нет! — спохватился Карлсон. — Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов. Затем он спросил у Карлсона угломер: «Ну хотя бы из тех, которые ставят на штангах грузоукладчиков» — и произвел на полу нужные измерения. Калантаров, потирая ушибы, следил за ним рассеянным взглядом.

Глеб вынул из кармана маленький диктофон, продиктовал цифры измерений. Пожал руку

Карлсону н направнлся к Калантарову.

— Ну вот, — сказал он, перематывая днктофонную катушку. — Неплохо было бы выпнть лнмонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из предосторожностн. Скверно... Я н не знал, что гнперпространство так непрнятно сушнт язык.

Калантаров молчал. Со стороны могло показаться, будто он вннмательно слушает собеседннка.

— Нас ждут в днспетчерской, — тнхо напомннл Глеб.

— М-да, — пробормотал Калантаров. Взглянул на часы, поднял бровн, повертел головой: — М-м... всегда забываю, где тут выход в лнфтовый тамбур.

Путь наверх проделалн молча. Глеб усталостн не чувствовал, но разговарнвать не хотелось. Он подумал, что, может быть, нменно такое состоянне пережнвают все ТР-перелетчнкн после транспознтацнн. И еще подумал, что не нспытывает сейчас острого сожаления оттого, что Астра на этот раз покндает «Зенит» так быстро. То есть, конечно, нспытывает, но сложнвшаяся обстановка требует как можно быстрее разделаться с ТР-запуском.

У входа в кольцевой туннель Калантаров обрел наконец свою обычную самоуверенность.

— Сегодняшннй ТР-запуск, — сказал он, — дело слишком ответственное. Надо, чтоб все без сучка и задорннкн, с мнннмальным расходом энергнн. Для представнтеля техбюро расход энергнн — особая статья, н с этнм нужно счнтаться. Многое завнснт от операторского мастерства, н ты сегодня должен показать свое нскусство в полном блеске.

— Постараюсь, — ответнл Глеб.

— Днктофончнк не потерял? — Калантаров насмешлнво прнщурнл глаз. — Математнческнй опус... Ну ладно, это тебе в назнданне. Сам подсчнтаешь? Кстатн, есть лн какой-ннбудь смысл в подобных расчетах?

— Мне казалось... — Глеб растерялся. — В конце концов, просто любопытно узнать хотя бы прнблнзнтельное направленне спораднческой эр-познтацин. Илн, может быть, вы уже знаете, где кончается новый туннель?..

— Знаю. Начнняется возле днспетчерской и кончается в вакуум-створе. Иногда попадает в каюту этого... м-м... лаборанта.

Глеб поморщнлся.

— Я ведь не лаборант бнологического сектора, я ТР-фнзнк, — устало сказал он. — Нужелн вам обязательно нужно, чтобы я с восторженностью ребенка стал выкладывать перед вамн элементарные нстнны из нашей областн знаннй? Вы будете благосклонно вннмать н тнхо радоваться. А, собственно, чему? Тому, что я — ваш ученик — знаю разницу между туннелем в гнперпространстве и локальным участком эр-позитацнн, который действительно может кончаться в вакуум-створе? Или тому, что наш с вамн слншком короткнй ТР-перелет на этом участке я отлнчно могу объяснить

недостатком энергетической мощности и размытой фокусировкой эр-поля? Нужно ли...

— Нужна добротная рабочая гипотеза, — перебил Калантаров.

— У вас уже есть такая гипотеза.

— И не одна. Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства, — правда, с великой натяжкой. Или — еще проще — математическим опусом...

— Или тем, что где-то в звездных глубинах нашей Галактики работает чужая ТР-установка, — добавил Глеб. — Я сказал это, чтобы доставить вам удовольствие. Ваш ученик необыкновенно догадлив, не правда ли?

Калантаров остановился.

— Извини, — сказал он серьезно. — Ведь это неимоверно фантастическая мысль, и мне самому требовалось время, чтобы к ней привыкнуть. Чужая ТР-установка!..

— Да, — согласился Глеб, — все это очень не просто... Однако наш ТР-кувырок в вакуум-створ на малой тяге убедил меня окончательно: мы имеем дело с явной попыткой межзвездного ТР-перехвата.

— Попытка не удалась, потому что чужая фокусировка эр-поля не отличается точностью. Честно говоря, я даже не могу себе представить возможный способ точной фокусировки.

— Способ найдется. Уж если нашлась среди звезд ТР-установка...

— Тссс!.. — Калантаров предупреждающе поднял палец. — Пока это только наша гипотеза.

— Неужели? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните, какие великолепные синяки оставила эта «гипотеза» на ваших начальственных бедрах.

8

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она ему кажется тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже как будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кощунственное. Горячка первых минут удивления миновала, и теперь значительность этих событий предстала перед Глебом и Калантаровым, что называется, во весь свой головокружительный рост...

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской дальше, на тот самый участок туннеля, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-створ. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят наверняка.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего нового на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего глубокого разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона... — не совсем уве-

реиио пронзиес Калаитаров. — Ты не находншь?

Глеб несколько раз втяиул воздух иосом.

— Не иахожу. Вам, навериое, показалось. И потом, здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянио осведомился Калаитаров.

— По свидетельству средиевековых очевидцев, все известные в те времеиа случан траиспозитации непремеино сопровождались запахом серы. Да и как могло быть ииаче, если секретом траиспозитации в прошлом владела иечистая снла.

— Верно. Преставители небесных сил пользовались исключительно эффектом аитигравитации. Явлеине иароду, возиесеиие, хождеиие по водам... Довольио медленный способ передвижения в пространстве.

— Свндетельство святейшего консерватизма.

Со стороиы центральиого входа послышались шаги. Шагало иесколько человек, и Глеб уже зиал, кто нмеино, хотя людей еще ие было вндно за выпуклым поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. В вакуумном скафаидре. Потом показалась Астра, тоже в скафаидре. Шествие замыкали Дюрииг и Фереиц Ирчик, стартинжеиер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калаитаровым и Глебом прощальиым рукопожатием. Остаиовился перед люком и, салютуя, четким двнженнем вскииул руку над шлемом ладоиью вверх. Медлеиио опустил прозрачиое забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калаитаров обиял Астру за твердые плечн скафандра: «Счастливой траиспозитации!» Встретив просительиый взгляд Глеба, согласио кнвиул.

— Только иедолго, — сказал он. И, ие оглядываясь, зашагал вдоль туииеля в диспетчерскую.

Глеб взял Астру за плечи, посмотрел ей в лицо. Торопливо вспорхнули ресницы, и глаза стали доверчиво робкими. Безмолвный и мягкнй упрек: «Ты показался мие страиным сегодия...»

Быстрый, ио тоже безмолвиый ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом».

«Не будем. Я понимаю». — «Я благодареи тебе. Жаль, что ты улетаешь...» — «Я тебя очеиь люблю!» — «...Ты так далеко улетаешь!»

— Может быть, скоро все переменится, — сказал ои. — Мы иащупали иовое иаправлеиие вопреки Топаллеру. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращеиия со звезд. И коичится эта проклятая карусель.

— Миры на ладоиях?.. — тихо спросила она. — Я и не думала, что это будет так... по-человечески обыкиовеиио.

— Пока это еще иикак. Это всего лишь иадежда. Хрупкая, миогообещающая, как твое имя, Астра.

— До свидания, Глебушка!.. Ждут меия, поиимаешь?

— Поннмаю, — сказал Глеб. — До свидаиия. Счастливой

транспозитации! — Он постоял, наблюдая, как ТР-летчики спускаются в люк. Потом спохватился и побежал в диспетчерскую.

9

Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Каре приборных панелей вокруг квадратного колодца шахты, привычное жужжание эрнтронов, огни на пультах. Калантаров стоял, склонившись над клавиатурой управления, остальные сидели. Квета сидела рядом с Тумановым, Гога напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщетно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был чем-то слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни.

Зашевелились, пристегивая ремни.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров. — Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевые звезды, под конец — несколько больше. Сколько именно, никто из них не удосужился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение Калантарова адресовано ему, однако он молчал, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии, — добавил Калантаров.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента, — хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил начальник. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхода. — Насмешливо, зло посмотрел на Туманова: — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил. Разговор не доставлял ему удовольствия, и это было очень заметно.

— По-моему, звезд было девять, — неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему, — сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веры в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться.

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак, — сказал он, — эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень риско-

ванно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, — кисло произнес Казура. — На случай непредвиденных осложнений.

— Весь наш инструктаж состоит из одного-единственного пункта, — сказал Глеб, — «дышите глубже и старайтесь без пузырей».

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно. — Калантаров пощелкал клавишами связи. — Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин, — громко ответили скрытые в пультах тонфоны. — Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ождаем сигнала.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там постарайтесь не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю вас.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-створе, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермощиты перекрыли доступ в патерны; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрей и быстрей стало отваливать от причальной площадки, осветив теневую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан, — позвал Калантаров, — дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлиненная, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стеклокерамики. Глыба медленно отплывала и (по мере исполнения маневра «Миражем») плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на огра-

ненный кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом взошло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо, — сказал Калантаров.

Вспыхнул свет, изображение погасло.

— Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завыла сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести, инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозитации. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когерентонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров истекают последние секунды перед включением ТР-приемной установки; в вакуумстворах «Дипстара» ждали стартового сигнала космические катера.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность, — распорядился Калантаров.

Голос Астры: «Готова!»

Голос Валерия: «Готов!»

— Внимание, — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жужжание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх — он был необыкновенно озадачен и нуждался в объяснениях.

— Это я виновата, — торопливо призналась Квета. — Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом — на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб ошеломленно засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизиро-

вать положеиие, и это ему в оcиовном удалось, одиако серия резких толчков выдала, что иазывается, с головой его операторскнй промах.

Сиова явилнсь белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было девять... «Тройка в квадрате!» — подумал Глеб.

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмеи миениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой иоте звенелн эрнтроны, вразиоголосицу трещалн цикадами зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергни, иачало большого цикла. Возросла искусствеииая тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало трудиее работать на пультах.

Тумаиов, Квета и Гога ассистировали сегодня иа редкость согласоваино, Глеб обобщал усилия операторов, создавая точиую схему эр-позитацни иа основе заданного режима. Наконец последний аккорд. Глеб откииулся в кресле, опустил свиицово-тяжелые руки иа подлокотиики.

Ои почти физически ощущал, как под давлеиием стихии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратмо прогибается простраиство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, иазываемое для удобства «гиперпространственым туниелем». Трудиовообразнмое нечто, сокрытое для иепосредствеииого восприятия абстрактиой формой громоздких математических уравнений. Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, коиечио, не слишком тревожить себя феиоменом белых звезд и смутиым иехорошим предчувствнем. Скорей бы последияя комаида: «Пуск!»

— Я прав, — иарушил молчание Гога. — Звезд было девять.

— Трн, потом девять, — добавнл Глеб. — Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате... — пробормотал Тумаиов. — Это сигиал. И если это снгиал не с «Дипстара», я отказываюсь поиимать...

— Нет, — сказал Глеб. — Это сигиал ие с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущеиию чего-то непоправимого.

У Калаитарова было иезиакомое и страшиоватое лицо, глаза ввалились, подбородок окамеиел. Огии иидикаторов пульта освещали это лицо быстро-перемеииыми волиами ораижевого и произительио-голубого сняния.

— Это не видеосвязь, — жестко сказал Калантаров. — Вериее, ие только видеосвязь. Это едииствеиио мыслнмый способ сверхдальией фокусировкн эр-поля. И поиял я это слишком поздно...

Калаитаров опустился в кресло.

— Если бы мог, я отменил бы траиспозитацию.

Глеб подался вперед и замер,

задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозитацию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль, — пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момент включения стартовой тяги. Смотрели друг другу в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что Калантаров вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит. И может быть, не найдет. Из шестерых сейчас только двое могли попытаться найти какой-нибудь выход. Коллектив сужается и расширяется, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда. Думайте, шеф, думайте!..

— Принимаем вызов, — сказал Калантаров. — Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Перед глазами возникло видение: монополярно вывернутый Клаус. Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

Голубые огни индикаторов пульта дрогнули и стали постепенно угасать, уступая место оранжевым. До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозитации, и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в лицо эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съежился и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубоватым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящийся мениск пульсировал. На первый взгляд пульсация была нормальной.

Щелкали синхротаймеры, эри-

тронов не было слышно — их надоедливый звон нормально сместился в область ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускнело. «Девять секунд, — подумал Глеб. — Через девятьдесять секунд все будет ясно...»

— Пять. Шесть. Семь!.. — четко скандировал Гога. — Восемь. Девять. Десять! Одиннадцать...

Над командным пультом в голубоватых сумерках выросла фигура Калантарова.

— Внимание, Воронин! Первая очередь энергорезерва... Пуск!

«Есть первая очередь!» — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озерцо, осветив Калантарова снизу. «Борьба! — сообразил Глеб. — Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге!» Глеб яростно подергал кисти дрожащих рук, наложил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятых.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд. Зашевелились фигуры операторов, окруженные странно искрящимися голубоватыми ореолами. Фигура Казуры оставалась неподвижной и, словно в награду за это, была украшена ореолом двойным.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь. Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова, чувствуешь горлом все свои внутренности... Хуже всех приходилось Калантарову — он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за кресло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет, кажется, все обошлось. Молодые гравитронники справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный Калантаров снова стал к пульту, переключает командные клавиши.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — встревоженно сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники, — возразили тонфоны. — Вы берете на себя всю мощь меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве, надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя. — Он согнутым пальцем на-

давнл клавиш связи. — Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами, — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем, стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону; ремни рывками врезались в тело, ослабевали, снова врезáлись, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. «Конец гравитронам!..» — подумал Глеб и, на секунду прижмурив глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и сосредоточиться. Вселенная сузилась до размеров пультовой клавиатуры, каждый клавиш — звездный рукав галактики. Глеб широко открыл глаза и наложил пальцы на клавиши... Каждый аккорд мог стать последним аккордом катастрофической увертюры.

Глеб работал. Это была тяжелая скоростная работа где-то на грани меркнущего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на пультовых табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его прославленным даром интуитивно предугадывать все капризы эр-поэнтации помогала удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме. Но до каких же пор?!

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных и небывалых в практике прошлых экспериментов! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем, осветила купол голубоватой зарницей и быстро пошла на спад. В последний момент, перед исчезновением мениска, Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях Калантарова. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. «Пошла энергия! — мелькнула мысль. — Вся пошла, без остатка, лавиной, — последний импульс — выстрел неизвестно куда...»

Тяжесть внезапно исчезла. Страшной силы толчок — вернее, страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Было слышно, как в пультовом чреве разбилось что-то стеклянное. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ошеломлен-

ный тишнной н замирающнм звоном осколков. Под куполом медленно налнвался желтоватым сяннем круглый светнльннк. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелнлся, отстегнвая ремнн. В кресле напротнв зашевелнлся и стал отстегнвать ремнн Калантаров.

Глеб дошел до Гогниого кресла, потрогал порванные ремнн. Огляделся в понсках самого Гоги н только теперь обратнл вниманне, что все остальные звукн в днспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детскн откровенно, в полный голос. Туманов сндел неподвнжно с совершенно белым лнцом н смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпрннять, н увндел, где лежнт Гога. Гога шевельнул ногой. Потом Глеб увндел Казуру. Вернее, увндел руки н ногн Казуры, торчащне в разные стороны нз-под его поверженного кресла. Представнтель техбюро пребывал в состояннн пугающей неподвнжностн...

Опираясь на локтн, Гога сделал попытку привстать н, прнвалнвшнсь к стене плечамн и затылком, замер. Глеб подошел н протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Так что?.. — насторожнлся Глеб. — Не можешь подняться?

— Сначала его, — посоветовал Гога, кнвнув на Казуру.

Ремни, которымн был пристегнут Казура, оказалнсь прочнее замковых петель, крепнвшнх его персональное кресло к пятачку, отведенному для наблюденнй. Казуре очень повезло: благодаря амортнзаторам спнннкн, сиденья н подлокотннков он грохнулся в стену со всем возможным в подобных условнях комфортом.

Убеднвшнсь, что представнтель техбюро был лншь слегка оглушен, Глеб помог ему встать иа ногн н возвратнлся к Гоге.

— Нет, — сказал Гога, — оставь меня здесь. Поинмаешь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся. Транспознтацня удалась?

Глеб промолчал.

Туманов сброснл с себя привязные ремнн, встал н, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кнрнлл Всеволодовнч! — оклнкнул Калаитаров.

— Кнр! — крнкнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулнсь створкн дверн. Казура все еще стоял там, где его поставнлн, н ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пнджака. Калантаров с треском переключнл командные клавншн. Квета рыдала.

— Расстегннте ее кто-нибудь! — поморщнлся Калантаров.

Поскольку «кем-ннбудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешнл выполнить распоряжеине Калантарова.

Квета перестала плакать, судорожно всхлнпывала, растнрая мокрые от слез краснвые длинные пальцы. Глеб машннально понскал в карманах носовой платок, не нашел н, броснв взгляд на прибор-

ные табло, медленно опустился в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась, — с облегчением произнесли тонфоны. — Ну как вы там? Я уж беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Соболезнования потом. Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники?.. Да у вас жаростойкая облицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо. Уставился на колонки цифр, застывших в окошечках пультовых табло. «Он еще на что-то надеется, — подумал Глеб. — Ну что ж, шеф, смотрите. Смотрите внимательно и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...» Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — не оборачиваясь, сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова...

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддергивая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы, — рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, завернул за угол пультового каре, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозитация, — устало ответил Глеб. — Неполная, правда, потому что общая масса Ротановой и Алексеенко локально дифференцировалась в гиперпространстве. Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... Астра неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова и обратно. Глеб увидел, что Квета уже хлопочет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно! — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия, — сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар», — сказал Калантаров. — Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интер-

вал, девять. Учитывая вероятность появлеиия эиергетического импульса высокой мощиости, принять все возможные меры по безопасиости. Калаитаров. У меня все.

Ои откииулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одииочестве, одиако иужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора, перед которым ои чувствовал огромиую вину.

— Ну вот, — сказал Калантаров, сжав кулаки. — Свершилось. Первый Коитакт. Сам вндншь, какой цеиой...

— Вижу. Энергоприемники? Смоитнруем иовые. Гравнтроны? Замеинм. На неделю работы, от силы — иа две. «Днпстар» задействован иа постояииый прием. Что еще?

— Блажеи, кто верует... — пробормотал Калаитаров.

Глеб вскочил. Постоял, ие спуская иапряжеииых глаз с Калаитарова. Медленно сел.

— Нет, — сказал ои. — Оиа вериется. Если оиа ие верится, я стану врагом межзвездной траиспозитации. Как Захаров. Или, скорее, стаиу энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Оиа вериется. Непременно вернется. Ииаче... — Глеб поинзил голос почти до шепота, — иначе и я, и вы, и все мы — просто безмозглые червн! Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлеиы!..

— Вот имеиио, — произиес Калаитаров, разглядывая темные ряды погасших нидикаторов. — Илн враги, илн энтузнасты. И ннкакого представлення о самой сутн Коитакта. А что есть Контакт? Где база моральио-этнческой и философской готовности восприиять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? А в послезавтрашием?.. Мы всего лишь одиа из сторои межзвездиого ТР-обмеиа. Здесь все поиятио: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда позиаиий, — квиитэссеиция природы гуманонда земиого тнпа. Другая сторона межзвездиого ТР-обмеиа неизвестиа. Теперь иа минутку допустнм, что это иеизвестное иегуманоид. Ну, скажем, облако пылн, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочиого бытия. Итак, это облако получает Астру в скафаидре — кусочек оргаиического вещества в иеорганнческой упаковке. Мы получаем десяток, другой кубических километров пылевндной материи в упаковке из электромагнитных полей. Контакт? Коиечно! Межзвездиый обмеи информацией и образцами. На высочайшем техиологическом уровие! Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести ие только радость. А мы себя к нному и не готовнлн. Забрались на чердак вселенной, самоиадеяниo полагая, что главиое для нас — достигиуть звезд. Остальное, дескать, приложнтся... Ну что ж, посмотрнм, иасколько прав был старик.

— Шеф,— тихо сказал Глеб,— человек затерялся в пространстве... Туманов получил пснхнческую травму. Гога отделался сотрясеиием мозга и переломом ио-

ги, Казура — легким испугом. Но ннкто не обвиняет вас. Мы поннмаем, что это только начало, но ннкто не посмеет обвнннть вас н в будущем. Прав Захаров нли не прав, но уж еслн мы забрались на чердак вселенной, вряд ли кто пожелает спустнться вннз по рецепту Захарова. Я, напрнмер, не намерен. А вы?

Калантаров молчал.

— Я жду вашнх распоряжений.

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

Восьмая горизонталь

Пешка, дошедшая до восьмой горизонтали, превращается в фигуру.

(Правило шахматной игры)

ГЛАВА I. СКУЧНЫЙ ДЕНЬ

— Здравствуйте. Меня зовут Рюрик Андреевич, — сказал я, пожимая плотную теплую ладонь. Мы вышли в редакционный холл, чтобы не мешать моим соседям по кабинету. В холле этим поздним зимним утром было еще полутемно, я зажег свет и вгляделся в посетителя. Солидный, приглаженный, полный, но нетолстый, модно одетый, но без намека на желание обогнать моду, хмурый, но чуть-чуть, уж никак не мрачный. И портфель был весь в хозяина — объемистый, но не настолько, чтобы показаться кому-то чересчур большим.

— Понимаете... Видите ли... Я не очень умею говорить. Я нашел путь... к закону, закону... по которому делаются открытия. Я нашел гомологичные ряды открытий. Однородные то есть.

Я успокоился. Это было уже типично, ошибки быть не могло.

— Простите, кто вы по профессии, уважаемый товарищ?

— Учитель... учитель рисования.

Все было ясно. Требовалось только решить, что в данном случае будет гуманнее — потратить полчаса, пытаясь разъяснить человеку его заблуждения, доводя его до белого каления, ярости, истерики и бог знает чего еще; или спровадить под чисто формальными предлогами. Последнее сэкономит и время и нервы. Во всяком случае, мне. А он все равно обречен. Вон как глаза-то горят.

— С открытием — это не к нам, — сказал я. — К нам только с популяризацией открытий. А первый рассказ об открытии должен быть в журнале научном. Иначе к открытию отнесутся несерьезно. Есть же «Вестник Академии наук», «Вопросы философии». Там вас и поймут лучше. И статью там можно напечатать солидную, не то что у нас. Гонорар там, правда, меньше...

— Да я ведь... ей-богу... не ради гонорара! — он поднял ко мне свое порозовевшее лицо. — Я о гонораре и не думаю.

— И напрасно, — раздался серьезный голос Гришки Строганова. Он стоял у входа в холл, тщательно обминая сигарету, казавшуюся крошечной в его могучих пальцах. — Пушкин вот о нем думал... И Достоевский тоже, — добавил он после паузы. — А уж Гоголь и Гейне... — Гриша не договорил, сам себе заткнув рот сигаретой.

На несколько секунд я получил свободу слова и обрушил на посетителя добавочную груду громких имен.

— Но это же все писатели, — прохрипел учитель, уже полузадавленный. — А ученые...

— Хе-хе, дорогой товарищ, — Гришка наконец разжег сигарету и снова получил возможность говорить. — Белл, создатель телефона, судился из-за денег, Эдисон...

— Они изобретатели!

— Ньютон, Гаусс, Менделеев, Якоби, — имена пулеметной дробью сыпались из Гришкиного рта.

Учитель вздохнул, извинился, кое-как открыл свой портфель, путаясь в ремешках и замочках, засунул в него приготовленную было рукопись, закрыл его — по-моему, только на правый замочек, — попрощался и побрел к двери, нелепо отставив чуть назад руку с тяжелым перекошенным портфелем.

Я не знаю соответствующей статистики — не вел, но в этот день норма графоманьих визитов была явно перевыполнена.

Целая бригада телепатов и ясновидцев полчаса окружала мой столик (в холл я на этот раз не вышел, так как в кабинете мог хотя бы время от времени напоминать, что мы мешаем соседям). Они предлагали мне поехать посмотреть какой-то невероятный фильм, хотели познакомить с девушкой, творящей чудеса, и стариком, излечивающим все болезни наложением рук. И я должен был вежливо объяснять, что таких фильмов уже видел немало и все они не доказательны, что с невероятной этой девушкой я беседовал и в большой лаборатории, и в камере предварительного заключения (она была сверх всего мошенницей в точном смысле, который придает этому слову уголовный кодекс), что старика я знаю, и он действительно излечивает головную и зубную боль, но до туберкулеза и рака пока не добрался.

— Фома Неверующий! — взвился самый упрямый из ясновидцев. — Ну, а если я вот сейчас, вот здесь, прочту ваши мысли, тогда поверите?

Ответил ему — сзади, и это был именно удар в спину — Гриша:

— Да прочти вы его мысли, вы бы уже давно побежали жаловаться главному редактору.

Телепаты исчезли с такой стремительностью, как будто они срочно освоили технику нуль-транспортировки.

Я свободно вздохнул, осторожно потянулся и полез в стол за собственной рукописью. Превращать людей и вещи в слова — моя профессия, больше того, мое единственное умение. Надо писать...

Да где там писать! Очевидец приземления летающей тарелки жаждал поделиться со мною — и читателями — своими богатыми впечатлениями.

Потом явился создатель гипотезы о полости внутри солнца, за ним — автор вечного двигателя новой системы (система оказалась старой, проверенной).

В промежутках я обсуждал с авторами (настоящими авторами) проблемы будущего облика людей, догадки древних индийских ученых об эволюции, возможность того, что у нашей вселенной обнаружатся четкие границы...

Гриша вскрыл пришедшую в редакцию посылку и долго демонстрировал всем желающим стержень, на вид явно металлический, с тусклым свинцовым блеском. Стержень торчал из куска углистого сланца и согласно письму шахтера был им найден в полукилометре от поверхности земли.

Чуть позже Гриша долго объяснял пожилому человеку — явно не графоману, — что его статью надо переделать, сейчас она попросту неверна.

— Молодой человек, статья написана на тему моей докторской диссертации.

— Я не ВАК, не надо со мной спорить, — ответил Гриша.

И снова — люди, люди, люди. Один с предложением, как сделать из дурака — гения. Опять — летающие тарелки, фантастические рассказы...

Мне стало вдруг скучно. Впервые в жизни. Мне бывало тяжело, грустно, тоскливо, плохо, печально... Скучно не бывало. В портфеле всегда лежали (и сегодня тоже) недочитанная книга и недописанная статья. В клубе ждал партнер по шахматам, у часов — девушка, в Манеже — выставка. Я не ходил, а бегал, втискивался в троллейбусы, останавливал такси и вскакивал на ходу в попутные грузовики.

Ритм и темп не изменились. А скучно стало. Что с этим делать? Для борьбы с плохим настроением можно перечитать Ильфа и Петрова, сходить на Юрия Никулина или — есть у меня свой собственный способ — заново подсчитать, в скольких газетах и журналах я успел напечататься за свою жизнь. Посмотришь на листок с тремя десятка-

ми названий — и как-то меньше оснований думать, что ты бездарность, лодырь или неудачник. Но когда скучно, это не поможет... А что поможет? Скука — почти по Горькому — не мать, но женщина. Значит, от нее можно убежать. Уехать! Выйти из милой сердцу, но все же рутины. Главный на месте? Отлично!

— Пошлите меня в командировку. Пожалуйста!

— Куда же вы хотите, Рюрик Андреевич?

— Куда угодно!

— Прекрасно. Тогда, — редактор взял со стола лист бумаги, мгновенным движением свернул его в трубку и ткнул, точно школьной указкой, в карту. — Вот здесь, в химическом НИИ, кое-что интересное сделали. Валяйте, проветритесь дней на десять. Да и другое там посмотрите, поищите материал. Не забудьте только, двадцатого у нас редколлегия. Это через десять дней. Не опаздывать! — И он назидательно, как школьный учитель, поднял вверх палец. — А как дома дела? — И его лицо приобрело привычно-отеческое выражение. Он знал, что хороший администратор обязан помнить, насколько зависит работоспособность его сотрудников от их настроения, а настроение... и т. д. И за свои сорок лет руководящего стажа научился искренне интересоваться ответом на сакраментальный вопрос «как дела?».

И я искренне сказал:

— Спасибо, неплохо.

— Вот и отлично.

Утро. Такси. Влажно-синяя лента мостовой в белом бордюре еще не затоптанных к этому часу тротуаров. До аэродрома далеко, а часы наступили боевые, и белый цвет ночного снежка стремительно переходит в пегий. Будь природа художником, она бы сердилась: какой тон портят!

Аэропорт был... да что там рассказывать! В общем, самолет, как говорится, взял курс на юг.

ГЛАВА II. В КОМАНДИРОВКЕ

Стоял январь. И местные красавицы ходили в ослепительно белых синтетических шубках, только что снова вошедших в моду. А средняя температура местного января составляла тогда плюс двадцать по Цельсию, и я не выходил без пиджака лишь для того, чтобы не выделяться среди мужчин в темных костюмах, свитерах и коротких плащах.

Институты, завод, наконец, древлехранилище — журналисту интересно все.

* * *

Книги в коже и бархате, в парче и меди, в бронзе и серебре. Но драгоценная старинная парча меркла перед тем, что она в себе заключала. Плавная вязь арабских букв, угловатые паучки знаков армянской азбуки, бесконечно изысканные линии персидского письма...

Рукопись, которую положил передо мной профессор, ничем не

радовала глаз. Не было здесь ни скульптурной красоты переплета, ии благородиой желтизны прожившего века пергамеита. Серая бумага, иебрежио вшнтая в дешевую ткаиь. А иабегавшие друг иа друга строчкн... Ей-богу, все плохие почерки похожи друг иа друга, на каком бы языке ими ии пнсали.

— Что? — спросил я, напрасио пытаясь скрыть иекоторое преиебреженне. — Это н есть чудо?

Профессор улыбиулся мие. И теии иасмешки ие было в зтой улыбке, но я иа секунду снова почувствовал себя в первом школьиом дне, который я помню, дне, когда я сказал учительиице, что «р» — гласиая, ведь звук «р-р-р» можно тянуть сколько хочешь. Учительница тогда тоже улыбиулась. Я забыл все свои двойки и пятерки, а улыбку помню.

Старик улыбиулся мие и начал читать рукопись, держа ее в вытяиутой руке. Он изо всех снл тянул руку, угождая своим дальиозоркнм глазам.

Чнтал ои по-русски, изредка задерживаясь, чтобы подыскать нужиое слово иа поиятном мие языке. И в подземелье, столько лет бывшем хранилищем книг, совсем ие страино звучали переиесеииые через два почти века слова.

«Я, Амирак из Тоты под Гаиджей, сыи Левона, по прозвищу Альтотас, зиаток языков живых и мертвых, мудрый мудростью прошлого и счастливый милостью будущего, учитель и учеиик в алхнмин и алфнзике, записал историю раиних дней жизии своей, дабы сохранилась для мира истнна. Я, Амирак из Тоты под Ганджей, по прозвищу Альтотас, сын Левоиа, пишу зту историю на склоне дией своих у бездны, дна которой жнвые ие ведают, готовый к приходу разлучительиицы друзей н разрушительницы собраний. В разиых странах был я, и много народов знал я, и много людей видел, но лншь о двоих нз зтих людей хочу поведать чнтателю, жаждущему познаиня.

Одного из них я учнл своей мудростн. Другому же ие нужиа была моя ныиешияя мудрость, ибо перед его мудростью инчтожна она, да и не было ее тогда, когда мы встретились. Его я учил языкам. Армянскому, персидскому, арабскому. Учил его, потому что я их зиал, а ои иет. Зато было мне дано судьбою узреть краешек плаща его мудростн. Небо слушалось его закоиов, и грома служнли ему. И ие устаю я плакать о том, что не познал всю зту высокую мудрость. Но иикто ие зиал о ией больше меия илн хотя бы столько, сколько я. Иначе ие герцоги, как зто было, и графы, как случилось, а короли и императоры неслн бы его гроб к разверстой могнле...»

Профессор чнтал.

И сквозь страиицы рукописи проступал облик оставившего ее человека, миого видевшего, много зиавшего, любителя порою прихвастнуть в цветистом восточном стиле. В длиииых периодах его

фраз мелькали назваиия городов, жеискне имеиа, тнтулы, звания, прозвнща людей, знакомством с которыми он гордился. Он долго прнступал к рассказу о человеке, озарившем его жнзнь, отвлекаясь для описания обстоятельств, нмевшнх весьма отдаленное отношенне к осиовиой теме, то и дело сбиваясь иа ворчлнвые воспомннаиия о «втором геинн своей жизии».

Но то, что зтот «второй геиий» всю жизиь пытался сделать, первый, судя по записям в тетрадн, сделал.

«...И ои позвал меня к себе, и, когда я вошел, запер двери, и задвииул ставиями окиа, и зажег много свечей, и в свете их я увидел иа столе большую реторту с желтым камием виутри.

— У меня не поднимается рука, — сказал хозяин, — ударь сам по реторте молотком, юноша!

Ои иеправильно расставлял удареиня и слишком кратко произиоснл гласные, но все слова были поиятны, и я ощутил гордость, нбо я иаучил зтого человека арабскому; и я взял молоток, и реторта распалась на осколкн, н ои велел мне взять камень, и увндел я, что камень тот тяжел иеобычайио, и дал он мне кислоту, и убедился я, что золотым был этот камень. Два фунта и шесть унций золота было в нем!

Через много лет я рассказал об этом чуде второму геиию своей жизни, и тот хотел повторить чудо, ио не мог, и стал примеиять другие свои знаиня, чтобы добыть иное золото... Когда уже мы расстались, дошел до меня слух, что постиг н он тайиу философского камня, но посейчас не верю я этому слуху.

Увы мие, грешный страиник не устоял перед блеском золота. Я, иесчастиый, захотел узиать тайиу своего ученнка и учителя. И ие устану до конца дней своих клясть себя за зто. Ибо когда проник хозяии мой в мой замысел, то изгнал меня из дома своего и города своего н страны своей (ибо велика была власть его и почет великнй окружал его). А заиимался ои уже в ту пору тайиами эликсира молодости. Сказаио же великим Али ибн Сииой, языку которого я сам учил велнкого хозяина н гоиителя своего, что человек, иашедший философский камень, составит н элнксир молодости, а геиий зтот нашел философский камеиь, нбо как иначе он мог добыть золото?

...Узнав о том, что он умер, я вернулся в страну его и город и проннк в его дом. Но золото, которое там было, а было его миого, за печатями находнлось, а в бумагах покойного — я просмотрел нх — инчего не было ии о философском камие, ни об элнксире молодости. Найди ои эликсир, так и не умер бы, и ие довелось бы мне идти в толпе за его гробом... Но, может быть, он ие успел выпнть злнксир. Или — не захотел? Кто может судить и решать, чего захочет и чего ие пожелает такой человек...

Вся моя жизнь потом была поисками философского камня. Я говорил о нем с индийскими муд-

рецами, и они одобрили мои пути. Я говорил о нем с мудрецами Запада — и они говорили мне, что время алхимии прошло, а философский камень невозможен. И я вспоминал два фунта и шесть унций золота, оставшиеся на столе, когда под ударом моего молотка разбилась реторта.

Я изучил язык римлян, чтобы прочесть книги покойного хозяина, но и среди книг его не увидел трудов по герметической науке. А самому мне не найти философского камня, не найти, не найти. Хотя я бы отдал гору из философского камня за один бокал эликсира молодости».

Дальше шла воркотня в адрес «второго гения» его жизни, туманные фразы о смысле человеческого существования... и все.

— Ну как? — спросил меня профессор.

Я достал блокнот.

— Все зависит от того, кто автор рукописи и о каких гениях здесь идет речь.

Профессор улыбнулся:

— Ясно только, что рукопись написана почерком восемнадцатого века. Скорее всего, в последней четверти восемнадцатого века. Детальный анализ содержания и почерка показал, что автор действительно глубокий старик, действительно знавший много языков. Старик, видимо, вправду пережил немало приключений. Долго жил в Европе, в оборотах речи чувствуется влияние одного из романских языков. Какого — сказать трудно. В рукописи встречаются имена мелких немецких князей, английских, французских, итальянских любознательных аристократов, ученых, художников, артистов, торговавших с Востоком купцов. И только два «гения его жизни» ни разу не названы по имени. Может быть, это сделано без сознательного желания скрыть их фамилии; возможно, автор, наоборот, полагал, что читатель сразу поймет, о ком именно идет речь. Обозначают же Аристотеля в восточной средневековой литературе словом «Философ» с большой буквы. Правда, в рукописи не указаны ни страны, в которых автор встретился с «гениями», ни языки, на которых он с ними говорил. Боюсь, что речь все-таки идет о мелких ученых, последних алхимиках XVIII века. Впрочем, я ведь только специалист по восточным языкам. Может быть, знатоки западной науки той эпохи что-нибудь подскажут?

— Знаете, — я замялся, но потом решился: — Имя второго гения назову вам я.

— Ого! — Знаток впервые сменил свою бесконечно снисходительную улыбку на более эмоциональное выражение лица: — Ого! А ну-ка!

— Я люблю Дюма, профессор. А у него есть роман «Жозеф Бальзамо». Это о графе Калиостро, профессор. У Бальзамо, который позже выступал под именем графа Калиостро, был учитель по имени или прозвищу Альтотас. Армянин.

— Это можно проверить?

— У вас в библиотеке должен быть весь Дюма. И есть еще та-

кая кинга на русском: «Зиаменнтые аваитюрнсты XVIII—XIX веков». Там тоже упомииаются и Калиостро н Альтотас.

— А кто такой граф Калностро? — тороплнво спрашивала меия молодая архнвнстка, когда мы с ней, едва поспевая за профессором, бежалн по лестннце в бнблнотеку.

— Называл себя волшебником, прорнцателем, велнкнм исцелнтелем. Дурачил королей и князей, в том чнсле нашего Потемкнна. В конце концов попался на уголовщине перед самой французской революцней. Кончнл жизнь в Риме, в тюрьме.

— ...Да, это так. — Профессор, совсем недавио олимпийски спокойный, теперь был возбужден до крайности. — Был у Калиостро учитель по нменн Альтотас! Был!

— Для редакцнн одного Калиостро, пожалуй, маловато, — сказал я. — Вот узнать бы, кто первый «гений»! Если он окажется личностью покрупнее...

СОН I. У ГРАФА КАЛИОСТРО

Сырые каменные стены, у одной из иих кое-как сколоченный топчан, на нем лежит толстенький человек с умным н немного хищным лнцом. Я присаживаюсь на край топчана н спрашиваю:

— Do you speak English, monseur Josef?

— Какой болван меня буднт! Могу я хоть в тюрьме выспаться илн нет?

— А вы и так спите, мсье Жозеф. Я вам сиюсь.

— «Я»? Кто этот «я», во нмя всех дьяволов?!

— Я нз Росснн, журналист.

— Я был у вас. В Санкт-Петербурхе, еще кое-где... Что-то я вас не помню, молодой человек.

Жозеф Бальзамо, покряхтывая, растнрая руками широкую волосатую грудь, сел на кроватн. Роскошный бархатный халат, слншком просторно внсевший сейчас на его плечах, явно успел повидать внды, обрюзгшее лицо было бледно. Да и откуда взяться румянцу на лице человека, второй год сидящего в тюрьме?

— А память у меня хорошая,— продолжал Калиостро. — И потом... Что это вы на себя напялнлн? Скажите, ну скажите же мне, что это последняя русская мода! Какой-то изуродованный сюртук, штаны совершенно немыслнмые... У меня чутквй сон. Почему же я не слышал лязганья засова? Может быть, вы хотнте помочь мне бежать? Ради бога! Говорите быстрее, что я должен делать? Спасите меня!

— Это ие в моих силах, мсье Жозеф. Увы. Я ведь вам снюсь. Для вас меня еще нет иа свете. Я моложе вас на два столетия, мсье Жозеф.

— Мсье Жозеф! Почему ие монсиньор? Почему не господин граф? Значнт, вы не верите в меня?

— Я слншком много о вас знаю, мсье Жозеф.

— Так звалн бы тогда по-рус-

ски: Осип Карлович — как князь Потемкин.

— Мне не хочется звать вас по отчеству, мсье. Я не слишком вас уважаю, хотя кое-чем вы мне, бесспорно, нравитесь.

— На дьявола мне ваше уважение, мсье невежа! Я приближенный древних фараонов и новых королей, Великий кофт розенкрейцеров и вождь масонов...

— Я слишком много о вас знаю, мсье Жозеф.

— От кого?

— Ну, скажем, от Альтотаса.

— Эта старая сова, ко всему, еще и болтлива? Ну, дайте мне только выйти отсюда...

— Вам не выйти отсюда, мсье Жозеф. Это ведь замок святого Ангела. В Риме.

— Неужели Великий кофт, маг и мудрец, не может повторить то, что сделал какой-то ювелир по имени Бенвенуто Челлини?

— Да, великий художник, скульптор и ювелир Бенвенуто бежал отсюда. Но у него были, кроме гениальности, железная воля, стальные мышцы. Ну и невероятное везение. А вы силой никогда не отличались, мсье Жозеф, и на папских харчах не окрепли, конечно. А уж насчет везения...

— Тогда зачем вы здесь? Если я выйду на свободу... Нет, когда я выйду на свободу, я вызову тебя на дуэль, человек, вселивший в меня ложные надежды!

— Такую же дуэль, какую вы предложили некоему врачу?

— А! Ты действительно кое-что обо мне знаешь. Да, меня вызвал на поединок врач вашего великого князя Павла Петровича. Кстати, как он сам, этот принц Поль?

— Давно умер, ведь прошло уже почти два столетия...

— Ну да, ну да, ты же мне снишься... А я предложил этому лекарю дуэль на свой лад. Каждый дает другому изготовленный им самим яд — не зря же мы оба врачи, и победит тот, кто сумеет найти противоядие... Ладно, мне было приятно вспоминать прошлое, поэтому давай расстанемся без обиды. Наверно, уже утро. Пора просыпаться.

— Одну минуточку! Скажите, какого великого человека учил Альтотас до вас?

— Ты слишком много хочешь знать, мой юный друг. Видишь, к чему меня привела та же страсть? Ах, добрые советы, добрые советы... Они всегда бесполезны. Мой покойный друг Юлий Цезарь слышать ничего не желал про мартовские иды... Ты улыбаешься? Вон! Я окончательно просыпаюсь.

* * *

Проснулся-то, конечно, я, Рюрик Варзин. В самолете, возвращавшем меня в Москву.

ГЛАВА III. ЗА СОБСТВЕННЫМИ ОШИБКАМИ

— Что вы кончали, юноша? — седой толстый человек утомленно раскинулся в кресле, предвари-

тельно бросив на стол перевод рукописи Альтотаса. Он был академиком, а я журналистом, и я был вдвое моложе его, потому стерпел и не очень понравившийся мне тон вопроса и обращение «юноша», давно уже неуместное.

— Исторический факультет пединститута, Михаил Илларионович, — ответил я.

— Чему же вас там учат, на вашем факультете, что вы не можете понять, о ком здесь идет речь! Двадцатилетние физики сейчас знают больше своих академиков, а историки... Эх!

— Да я ведь давно не историк, Михаил Илларионович.

— Юноша! Историк не профессия, даже не призвание. Историк — это способ мышления и сумма знаний. Я знаю историков-физиков, историков-врачей, историков-поэтов. Смею вас заверить, это не хуже среди физиков, врачей и поэтов.

— Михаил Илларионович, но ведь вы все-таки академик и специализируетесь по истории науки. Не мудрено, что для вас тут нет загадки. А уверены ли вы, что ваши дипломники разгадают тайну рукописи?

— Дипломники?! Минутку, юноша. — И академик нажал кнопку на столе. В дверях появился секретарь.

— Будьте добры, Анна Митрофановна, доставьте сюда Юру Колесничука. Того, со второго курса.

...Я бы вообще принял этого Юру в лучшем случае за девятиклассника. Он был так юн, что я ловил себя на желании начать обращенную к нему фразу со слова «мальчик». Он был так худ, что еще немножко — и костюму было бы не на чем висеть. Он был так застенчив... Впрочем, не успел я подыскать сравнение, как это у него прошло.

Текст перевода Юра проглотил почти молниеносно.

— Юрий Иванович, — обратился к нему академик, — вот юношу интересует, о ком тут идет речь.

— Простите, — ответил Юра. — Кто именно интересует нашего уважаемого гостя?

— Делатель золота, — сказал я.

— О, это же ясно. Исаак Ньютон.

— Видите? — засмеялся академик. — И в дипломниках-то нужды не было. Обошлись второкурсником!

— Может быть, не совсем обычным второкурсником? — спросил я, насколько мог ядовито.

— Может быть, может быть. Я позвал того, кто особенно интересуется алхимией.

— Но разве Исаак Ньютон занимался алхимией?

— Эх, юноша, юноша! Ответьте-ка ему, Юрий Иванович.

— Еще как занимался! Почти целиком пять лет отдал. Шуточки!

— Он что-нибудь написал об этом?

— Ничего, — забасил академик. — Не тот человек! Сэр Исаак по двадцать и тридцать лет не публиковал своих настоящих открытий. Все удостовериться

хотел. А тут открытий быть не могло.

— Почему же не могло, Михаил Илларионович? Может быть, он просто не успел нли ие захотел их опубликовать?

— Это говорите вы, Юрий Иваиовнч? А еще солндный человек. Ах, Юрий Иваиович, ну какие же открытия в алхимии можно сделать в конце семнадцатого века? Она уже изжила себя, оиа уже прошла. Великий Ньютои не мог этого не понять.

— А если он поиял что-нибудь другое, Михаил Илларионович? — Юра окончательно повериул фронт против своего учителя. — Он ведь начал ннтересоваться алхнмией в расцвете сил. Вспомннте его письмо к Астону.

— Какое пнсьмо, Юрий Иванович? Что-то запамятовал.

Мальчик (виноват, студент) вскниул руку н начал читать наизусть: «Если Вы встретитесь с какими-либо превращениями веществ из их собственных видов, как, к примеру, железа в медь, какого-нибудь металла в ртуть, одной соли в другую или щелочь и т. д., то обращайте на это наибольшее вниманне, так как нет опытов в философии более проясняющих и обогащающих, чем этн».

— Причуда гения, — сердннто сказал старик, — вы же знаете, Юрий Иванович (меня он теперь полиостью игнорировал), Ньютон заиимался н богословнем тоже. Сделаете ли вы из этого вывод, что богословие стоит изучать?

— А вы должны были бы помиить, Михаил Илларионович, — студент переходил в решительную атаку, — Ньютон ничего не делал плохо. В Кембрндже сегодия студенты-теологи проходят его комментарии к Апокалипснсу. Англиканская церковь, Михаил Илларнонович, считает Ньютона своим видным богословом.

— Это-то верно, — неохотно согласнлся академик. — Хотя коекакие взгляды были у старика явно еретическими.

— Ну вот, так почему бы Ньютоиу ие нзготовнть золота?

— Да потому, что это иевозможио. Нынешняя физика запрещает.

— Мы-то с вами нсторики и должны прежде всего обращаться к своей науке. Вам все ясно в нстории Раймоида Луллия, Михаил Илларионович?

— Нет, я же вам говорил об этом на семинаре.

— Простите, — я позволил себе вмешаться, — а что случилось с Раймоидом Луллием?

— А! — академик отмахнулся от меня, потом смутился собственной невежливостью и скороговоркой сообщнл: — Он добыл для своего короля чертову уйму золота, и никто никогда не знал и теперь не знает откуда. Сам он, естественно, ссылался иа философский камень...

И старик снова повернулся к студенту:

— Мало ли в нсторнн загадок. Но чудесами их объяснять не надо. Вы еще так молоды, мой друг, вам свойствеиио увлекаться...

— А что вы скажете о наслед-

стве Ньютоиа, Михаил Илларионович? Не слишком ли оио было большим?

— Все это давно подсчнтаио, Юрий Иваиович. Сэр Исаак получал за заведование монетиым двором сиачала тысячу фунтов стерлннгов, потом две. Огромиые деньгн по тому времени! А жил строго, скромно, этакнй типичный британский старый холостяк. Мог он, мог сэр Исаак иакопить эти двадцать или трндцать тысяч фунтов — склероз у меня, ие могу вспомнить точиую цифру.

— Тридцать две тысячи фунтов. И давайте подсчитывать точно. Первые три года службы в монетиом дворе Ньютои получал 750 фуитов стерлиигов в год. Не так-то много. Следующне двадцать шесть лет — пока ои ие передал фактически свою должиость мужу племянницы — его жаловаиье составляло полторы тысячи фунтов стерлнигов.

— Юрий Иваиович, теперь ие точны вы. Исследователи прикниули, что доходы Ньютоиа достигали двух тысяч фунтов в год.

— Что ж, прниу и это, хотя ие очеиь верю в данную цифру. Итак, за двадцать шесть лет Ньютон получнл 52 тысячи фуитов, а нстратил только 20. Откладывал больше шестидесяти процентов жаловаиья в кубышку! Не верю. И жил ои не так уж экономио — помнните, сколько у иего было родственников? Взять хоть Коидюнттов, он ведь им помогал.

— Что же вы, Юрий Иванович, предполагаете? — в голосе академнка зазвучала иасмешка. — Что за прошедшую четверть тысячелетия наука ие смогла бы заиово обиаружить это открытие Ньютоиа?

— Вспомиите раскопкн Отто Николаевнча Бадера — на Сунгнре под Владимиром. Его суигнрьцы двадцать с лишним тысяч лет иазад умели размягчать и выпрямлять мамоитову кость. А мон учнтеля-археологи — оии же вашн учеиики, Миханл Илларионович, — этому только учатся.

— Научились вы спорить, Юрий Иваиович.

— Самн учили, Михаил Илларионовнч.

— Ну что ж, подумайте иад этой нсторией еще, Юрий Иванович. Каждый, как известио, должеи сам сделать свои собственные ошибкн. Я в ваши годы как-то почти нашел живого мамоита...

— Попробую н я иайти своего мамонта, Михаил Илларноиовнч.

— Радн бога, простите, — опять вмешался я, — но почему вы решили, что речь идет именно о Ньютоие? Почему?

— Ответьте вы, Юрнй Иванович, — разрешнл академнк.

— Да там же ясио написаио! Как хороиили первого учеинка Альтотаса? Гроб — сказаио — иесли герцоги и графы. Так было с Ньютоном. Великнй каицлер, три герцога и два графа прииимали ближайшее участие в его похоронах. Герцоги Моитроз и Роксбург, графы Пемброк, Суссекс, Микельфорд. Уж ие скажу точио, несли лн оии гроб на руках, ио

за кисти на нем держались. Это документально удостоверено. Герцоги и графы, да еще прекрасных исторических фамилий. Почти всех вы могли встретить у Вальтера Скотта... если вы, конечно, его читали.

Это была последняя горькая пилюля. Но мне ведь случалось брать интервью у молодых кандидатов физико-математических наук. А их презрение ко всем, кто не знает известных даже им азов, кого угодно закалит.

И я спросил у историков, как бы мне поближе познакомиться с материалами о Ньютоне и об алхимии.

— Да зачем вам это, юноша? Вы же журналист, репортер. Печатайте прямо сенсацию: Ньютон умел делать золото. А там пускай работяги ученые разбираются, где правда, а где... преувеличение.

ГЛАВА IV. ОСТЫНЬТЕ, ОТВЛЕКИТЕСЬ

Я взволнованно пересказывал эту беседу, присев на край стола, а мой Главный задумчиво крутил в руках карандаш, поочередно поглаживая его красные грани.

— Ну, так чего же вы хотите?

— Дать репортаж, Александр Васильевич! Представляете — «Золото Ньютона»! Все коллеги от зависти взвоют. Тут и находка в древлехранилище, и Ньютон, и алхимия, и академик, и золото, и загадка.

— Вот загадок-то слишком много. И всего здесь слишком много. Отойдите от этой темы в сторонку, остыньте. Вам же все равно надо сейчас писать о таможенных химиках. Командировка-то была не за золотом, правда?

— А граф Калиостро?

— Я и говорю — мистики много. Остыньте, еще раз повторяю. Отвлекитесь. Очень тут все похоже на мистификацию. Чую. А чутье меня редко подводит.

— Кто же эту мистификацию устроил? Я?

— Да что вы, Рюрик Андреевич, вас я меньше всего могу в этом подозревать...

Он уходил из рук, играл в благожелательность, а может, и вправду был благожелателен. Во мне все кипело. В моих — а не чьих-нибудь еще — руках была величайшая сенсация века. В моих — а не чьих-нибудь еще — руках была возможность прогреметь на всю страну. Ведь ясно же: как только мы опубликуем всю эту историю, за нее ухватятся физики всего мира вкупе с философами и историками. Нечасто журналисту везет настолько, чтобы он попал в учебники — хотя бы под ту черту, ниже которой размещаются примечания. Мне повезло. Как Стэнли. Стэнли был послан своей газетой в сердце Африки искать Ливингстона — я от имени своего журнала угодил в самое сердце физики. Кто же, если не Ньютон, заслуживает титула «сердце науки»! Я могу стать современным Стэнли. И это хочет отнять у меня спокойно благожелательный человек с украденными у Суворова

именем и отчеством. Какого черта?!

— Пусть сиачала физикн скажут, возможно лн такое, — мягко продолжал Главиый, — а уж потом опубликуем. (Я не мог слова вымолвнть.) Ну ладио, ладно, нельзя же так волноваться, Рюрнк Аидреевич, вот ведь беда. — Главиый встревожился, вскочил, стал хлопать меия по плечу, подал воды. — Ладио, не будем иичего предрешать, пошлнте кому-инбудь на рецеизию, только покрупнее кому-ннбудь, самое малое — члеиу-корреспоидеиту академии.

* * *

Прошел месяц. Каждое утро я в одннадцать часов являлся в комнату, где сидела заведующая отделом писем. Она привычно легко краснела, опускала глаза и чуть заметио качала головой. Прошло два месяца. Заведующая подвигала ко мие и стопки н груды пнсем и рукописей, но средн них ие было коиверта с обратиым адресом члена-корреспоидента АН СССР Лукьянова.

А когда пнсьмо иакоиец прншло, иа конверте был обратиый адрес ннстнтута, где работал член-корреспоидеит — адрес иистнтута, а ие домашний, иа самом же листе ие было даже подписи члеиа-корреспоидеита. Какой-то каидндат фнзнко-математических иаук извещал редакцню журнала, что его неприятио уднвило поступленне иа визу рукописн под претеицнозным назваиием «Золото Ньютоиа». Неужели редакцня иуждается в рецеизеите, чтобы узиать, что алхнмия — лженаука? И тем более страиио, что таким рецеизентом редакция избрала столь уважаемого, авторнтетного н, простнте, заиятого человека, как члеи-корреспондент Лукьяиов Н. П. По его поручеиню и составил даииый ответ младшнй научиый сотрудннк Адацкий.

Я сам положил зто пнсьмо иа стол к главиому редактору и стал ждать его реакции.

А главиый редактор был все-таки куда тоиьше, чем я думал. Я-то ожидал многократиого повторения фразы «что я вам говорнл». Но ои, вндимо, поиял, как близко я принял к сердцу «Золото Ньютона». Главный пробежал глазами этот десяток строчек, вскинул брови при вııде подписи, задумался на секуиду и сказал:

— А! Пошлите еще к кому-нибудь, ие стесияйтесь. Рецеизню мы оплатим. А теперь о деле: нсторик Паиин сумел выдвииуть новую гнпотезу о происхожденни русского рубля. Тоже золото, Рюрик Андреевич.

— Да нет, серебро, Александр Васильевич. Русский рубль был серебряиым.

— Ну вот вндите, все по пословице: слово — серебро, молчаиие — золото.

— Тогда уж так: слово о серебре, молчаиие о золоте.

— Опять-таки иеплохо, — отозвался ои.

Мы посндели молча. Потом я встал и вышел. Сначала из кабииета Главного, потом из редакции. На улице стоял тот самый

тнпнчный апрельский день, с каким классннк до смертн любилн сравиивать женское сердце, мужскую верность н настроеиие любых людей, без различня пола.

По небу тянулись тучи, оставлявшие, однако, достаточно места н для солица, и для солидиых проталнн голубого неба. Лужн на асфальте обращалнсь с солнцем по-хозяйскн, но былн слншком мелкимн, чтоб спрятать его. Я шел по зтнм лужам, и за монмн ботинками тянулся низкий шлейф брызг (я зиал зто н не оглядываясь).

Что-то я стал слишком близко прннимать к сердцу обычные рабочие неприятиости журиалистов.

Итак, что можно н иужио было сделать с золотом Ньютона? Ну, коиечио, послать еще нескольким рецеизеитам. Лучше, разумеется, не послать, а отвезтн, чтобы можио было как-то обговорнть формулировки. Чтобы кто-инбудь нз них единым росчерком пера не забросил это золото на дно самого глубокого колодца в мире.

Можно еще органнзовать обсуждение репортажа. Прийтн с ним к фнзнкам или историкам... Нет, не «нлн», а «н», обязательно к тем н другим. Илн — собрать тех н другнх вместе в редакции. Очередной круглый стол, которые так любит Главиый. Но з т о г о круглого стола в редакцин он не допустнт. А еслн н допустит, то в печать не пропустит. В лучшем, самом лучшем случае пойдет сам репортаж с короткнм коммеитарнем. Значнт, десяток страннц на машннке. А радн этого придется собирать совещаиие, слать бесконечные пнсьма, ездить к десятку-другому людей, просить, уговаривать... Ну нет! Игра не стоит свеч. Хватнт быть фаитазером. Сенсация ударнла рядом, как молиия, н ушла в землю. Да здравствует повседневность! И все-таки...

* * *

Ступеньки у дверей были широкие, каменные, самн дверн тяжелые, н пускалн в ннх только по пропускам. Потолкн в зданнн былн высокне, стены у коридоров — темные, такне темные, что электрнческому свету было не под силу сделать светлее хотя бы воздух между стенамн; а самн корндоры былн такими длиинымн, столько у ннх было поворотов, что, даже получнв предварительно подробнейшую инструкцию н план пути, я путался н расспрашнвал встречных о дороге.

В коице ее меня ждал кабиием с многозначным номером, в кабннете — человек с миогозиачительным выраженнем строгого молодого лнца.

— Ядерные силы, — сурово говорил мне молодой человек с миогозначительным лицом, — не зависят от среды, в которой находятся ядра. Фотонно-гравнтонные превращения, — говорнл он, — убыстряются в магнитном поле. Следует лн из этого, — говорил он, — что можио всерьез рассматрнвать это явление как своего рода катализ? По-вндимому, да. Вправе лн мы распространять

представление о возможности квазикаталитических явлений на ядерные превращения? Если подойти к этому вопросу достаточно широко, прямого запрета на такое представление установить нельзя, хотя конкретные случаи подобного атомного квазикатализа нам неизвестны. (Это «квази» он выговаривал с особым удовольствием.) Вы спрашиваете, что именно могло бы выступить тут в роли катализатора? Очевидно, только поле. Известные нам гравитационные, магнитные, электростатические и иные поля такого действия не оказывают. Говоря точнее, такого действия еще не наблюдалось. Остается мечтать о некоем новом гипотетическом поле икс — или о полях известной нам природы, но небывалой мощности... или в неизвестных нам комбинациях. Но только мечтать. Такую гипотезу я бы сегодня не решился даже назвать научной.

У него выпуклый лоб мыслителя, победоносно наступающий на шевелюру. У него узкие скулы. Подо лбом и над скулами — глаза. Немного сонные, потому что думает он сейчас не о том, о чем говорит.

...Илья Трушин — величайший специалист по мельчайшим массам и зарядам. Рядом с телами, которые он клал на весы, пылинка выглядела небольшой планетой. Он был тем человеком, который мне нужен.

Я, наверно, еще напишу статью о его последней работе. Хорошей работе. Он докладывал о ней в Дубне и Оксфорде. Академики приводят в его лабораторию иностранных гостей — похвастаться. Он обитатель современного Олимпа. То, что он делает, остается. То, что делаю я, превращается. Вещи — в слова. И так далее. Со мной ему скучно. Особенно сейчас, когда с рассказом о своей работе он наконец покончил, а удовлетворение пустого журналистского любопытства, ей-же-ей, в его функции не входит.

Хорошо же!

— Вы прекрасно излагаете материал последних достижений науки, — говорю я в манере своего собеседника. — Но ваши сведения, к сожалению, неполны. У меня есть основания... веские основания (как я его!) считать, что уже Исаак Ньютон знал способ атомного катализа — виноват, квазикатализа. Потому что он умел получать золото. Насколько я понимаю — из олова. Хотя не исключено, что Ньютон работал с ртутью.

Лицо моего собеседника мгновенно становится значительно менее значительным. И менее сонным. Появившееся на нем выражение я назвал бы глуповатым, если бы это слово могло подойти хоть к одной черте его респектабельного облика.

Поток ленивых безличных фраз оборвался.

— Мура, конечно! — сказал он. — Но придумано прилично. Сами думали?

— Вместе с Ньютоном!

— А может, это еще какой-нибудь древний грек изобрел? Пифагор там? Или, еще лучше, Антей?

Перед тем как его поколотил Геракл?

Он шутит. Но злится. Что же, я его понимаю. Мне тоже надоели сообщения о том, что древние афиняне делали вычислительные машины, а в древней Финикии был беспроволочный телеграф.

— Да нет, — отвечаю я кротко. — Ньютон. Англичанин. Жил в семнадцатом-восемнадцатом веках. Точнее, с 1643 по 1727 год. Изобрел...

— Да знаю я, что он изобрел. И что открыл, тоже знаю.

— Так не все же, сами видите, вы о нем знаете.

— Видите ли, я как-то не люблю розыгрышей.

— Это не розыгрыш. Читайте, — я вынул из портфеля и положил перед ним перевод исповеди Альтотаса. Это была моя последняя копия, седьмая с машинки, текст был бледен, местами слеп, и двадцативосьмилетний профессор время от времени морщился, разбирая буквы. Потом с хрустом вытянул под столом длинные ноги, откинулся на спинку кресла, секунду подумал:

— Вы видели подлинник?

— Да.

— Перевод заверен?

— Да.

— Что говорят эксперты?

— Это действительно восемнадцатый век, это действительно старик, он действительно много путешествовал.

— Тогда остается только признать, что с восемнадцатого века в искусстве вранья прогресса не было. Предки тоже врать умели, и не хуже нас.

— И все?

— И все!

— Больше вас здесь ничего не интересует?

— Ничего. Я не историк.

— Жаль. Но вот я — я хочу проверить, правда это или нет.

— С точки зрения моей науки, физики — вранье. Безусловно, бесспорно, всеконечно.

— А вот историки — те осторожнее, Илья Всеволодович. Видите ли, Ньютон был немного слишком богат.

— Может быть, он чеканил фальшивую монету?

— Что?!!

— Хотите вызвать меня на дуэль за оскорбление научного величества? Увы, мы живем не в его время. Конечно, чтобы сэр Исаак Ньютон стал фальшивомонетчиком — об этом и подумать смешно. Но это в миллион, что я — в квинтильон раз вероятнее, чем открытие философского камня. И простите, мне надо на заседание кафедры.

* * *

...Юрий Иванович, просивший называть его Юрой, с сомнением покачал головой:

— Знаете, это... даже оскорбительно как-то. Короли, уж на что подозрительный народ, и то ему верили, а вы нет.

— Свифт же не верил? Свифт обвинял его в мошенничестве!

— Он только притворялся, что не верит, этот великий лицемер.

И обвинял его в мошенничестве в пользу Англии, а не свою. Тут разница. А вы в отличие от Свифта не притворяетесь. Должен вам сказать, Рюрик, что начало восемнадцатого века — время не самое трудное для нумизматов. Не самое, не самое. У десятков людей, да и в музеях, есть масса соверенов и гиней той поры. Так что объект для исследования я найду... И в лаборатории Института археологии договорюсь, там тонкий химический анализ неплохо поставлен.

— Ну и прекрасно, Юра!

— Ничего прекрасного я в этом не вижу. Подозревать Ньютона!

* * *

— Ну вот. Соверен оказался полновесным.

— Один? Проверьте хотя бы десяток, Юра. Вы же сами понимаете, один — это нерепрезентативно.

— Ого, какие вы слова выучили, Рюрик Андреевич!

— И кроме соверенов, проверьте еще десяток гиней.

— Знаете, Рюрик Андреевич, по-моему, вы становитесь нахалом.

— Да нет, Юра, — я осторожно погладил его по щеке. — Я просто понял, что тебе это действительно интересно.

Юра засмеялся.

— Мне — что! Мой дорогой учитель буквально с ума сходит от любопытства — естественно, одновременно презирая нас обоих за то, что мы поверили в эту историю. Человек вообще любопытен.

— И еще как любопытен, Юрий Иванович! — загремел знакомый голос. — Я, например, уже минут пять вас подслушиваю и извиняться не намерен.

И верно, все это время академик стоял позади нас, и упрекать его в этом не приходилось, так как говорили-то мы с Юрой в его кабинете.

— Вы, кстати, без меня и не обойдетесь. У меня в личной коллекции есть несколько гиней того времени. Я ставлю только одно условие: если с монетами все в порядке — вы, Рюрик Андреевич, принесите Ньютону извинения. Приму их я.

— А если что-нибудь не в порядке?

— Я не намерен даже обсуждать такую возможность.

— Вы ставите меня в неравное с вами положение, Михаил Илларионович.

— Вы находитесь в нем с того момента, как занялись этим вздорным делом, Рюрик Андреевич.

Старик величественно прошел мимо нас к своему старому добротнейшему столу необъятных размеров. У него ушло добрых полминуты только на то, чтобы обогнуть правое крыло стола, подойти к широкому кожаному креслу и взяться за его шагреневую спинку.

Мы с Юрой за это время успели опомниться, обидеться, решить уйти и оказаться уже у двери, когда нам в спину полетела последняя фраза академика:

— Однако вздорность дела и вправду почему-то не мешает ему занимать меня до крайности. Завтра я привезу вам гинеи.

* * *

— Рюрик Андреевич, вами последнее время в редакции недовольны. У меня тоже такое впечатление, что вы забросили работу. В чем дело?

— Одну минуточку, Александр Васильевич, — я вскочил, — мне, кажется, звонят, я сейчас. (Мой стол стоял у самой стены кабинета Главного, и звонок моего телефона иногда пробивался сюда через штукатурку и кирпич.)

— Странную вещь хочу я вам сообщить, Рюрик Андреевич,— голос Юры звенел сегодня так, что километры телефонных проводов не смогли сделать его менее пронзительным.

— Какую же странную вещь, Юра?

— Все наоборот, Рюрик Андреевич, все наоборот.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Нет, сначала вы мне скажите. Что вы хотели доказать анализом гиней, Рюрик Андреевич?

— Да то, что в них больше золота, чем должно быть, Юра.

— Больше?.. — голос Юры сразу упал, наступило молчание. Я подул в трубку, испугавшись, что нас разъединили. — Да здесь я, Рюрик Андреевич. Но вы же обвиняли Ньютона в подделке монет?

— Стали бы вы проверять гинеи, если бы я с самого начала сказал, что в них должно быть больше, а не меньше золота? Но вы и сами, Юрчик, могли бы догадаться, чего именно я хочу. Зачем мне Ньютон — фальшивомонетчик? Мне требуется Ньютон-алхимик. Притом великий алхимик. Первый удачливый алхимик. Откуда же ему иначе было взять золото?

— Но как этого не замечали раньше?! — в голосе Юры было удивление, но куда больше в нем было священного трепета. — И как вы сумели до этого додуматься?

— Ну, что лишнего золота не замечали, это понятно. Монеты всегда проверяли на «недовес» золота. Никто не боялся, что ему передадут презренного металла. А додумался я... Знаете, отвечу вам словами нашего общего знакомого Ньютона: «Я все время думал об этом».

* * *

— Илья Всеволодович, вас не затруднит взглянуть на вот этот листок?

— Пожалуйста, Рюрик Андреевич... Так-так, золота столько-то промилле, серебра столько-то, меди... Зачем вы мне это показываете?

— Здесь выписан химический состав средней ньютоновской гинеи, глубокоуважаемый Илья Всеволодович. И она, оказывается, содержит золота больше, чем полагается.

— И вы опять будете иастанвать на том, что лишнее золото Ньютои сработал лнчио? Может быть, при содействии Мефнстофеля? Как вы вообще отиоситесь к Мефистофелю, Рюрик Андреевич? Не иашлн лн вы ему живого прототипа?

— Вы хотите меия оскорбить, Илья Всеволодович? Не удастся. Вот, прочтите то же самое на официальном бланке. Здесь и состав и справка о том, что золота в моиете больше иормы.

— Хорошо. Прочел. Но чего вы от меня-то хотнте?

— Всего-навсего того, чтобы вы изготовили золото.

— А смысл, смысл? Кому это золото будет нужно? Представнм себе на минуту — не дольше, — что вы правы. Если я завтра повторю Ньютоиово открытие, послезавтра в мире будет такой фннансовый кризис, что паника 1929 года покажется шуткой. Кому нужно золото, потерявшее цену?

— Нужно! И иа обшнвку спутииков, да и вообще. Ленни же говорил, что мы будем делать нз золота общественные уборные!

— Только после победы коммуиизма, вспомиите цитату поточнее, Рюрнк Андреевич. Но, в конце коицов, не в том дело. Блефом заведомым не хочу заннматься. Жизнь коротка, а серьезных дел хватает.

— Верных дел?

— Что вы хотнте этим сказать?.. — Трушнн вскочнл иа иогн — столько презреиия было в моем голосе. — Как вы смеете разговаривать таким тоиом?

— Простнте, Илья Всеволодович. Я зто ие столько в ваш, сколько в свой адрес. Тоже люблю только вериые дела. Еще раз простите — и до свидання.

— Нет уж, какое там «простите». Давайте объясиимся.

— Ну что же. Вы, я уже знаю, много раз проверяли зкспериментами теорию относнтельности.

— Да.

— Все время оказывалось, что старнк Эйиштейн прав.

— Так.

— И вам инкогда ие хотелось, чтобы имеино по зтому пункту великий Альберт ошибся?

— Хотелось ли мне зтого? Не то слово! Радн этого я и брался за такие экспернменты. Я нарочно проверял устон. Если бы хоть один из них рухнул... Мне говорнлн: зачем ты за зто берешься? Выберн зкспернмент, где больше шансов на открытне, возьми дело повернее... А меня прнвлекала нменно степень рнска. Риска неудачи... Ведь подтвердить известное зиачнло для меня потерпеть иеудачу. Что делать? Привык. Зато отработал методику. Стал доктором...

— И вам зто нравится?

— Что?

— Докторская степень, отработаииая методика? Не иадоело вам чувствовать себя мудрецом?

— Знаете, Рюрнк Андреевич, со мной давио ннкто так нагло не разговарнвал.

— Обидио за вас, Илья Всеволодович! Вы слншком прнвыкли

к тому, что все теории оказываются верными.

Трушин сел и засмеялся:

— Нет, вы мне определенно нравитесь, Рюрик. Знаете, я думаю, что нам пора обходиться без отчеств.

— Идет.

— Такое упрямство заслуживает вознаграждения. Черт с вами, я подумаю завтра над вашей идеей. А пока пойдемте выпьем. За то, чтобы я перестал чувствовать себя мудрецом.

— Вы мне нравитесь еще больше, чем я вам, Илья. Пойдемте, выпьем. И знаете, где? У меня дома.

СОН II. ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ИСААК ИСААКОВИЧ!

— Добрый вечер, Исаак Исаакович, — негромко сказал я. И сам удивился, как изысканно это прозвучало по-английски:

— Good evening, Isaac son of Isaac!

Человек в пудреном парике поднял от рукописи длинное лицо с длинным узким носом, прищурил усталые маленькие глаза, всмотрелся в меня, отложил в сторону гусиное перо, деловито посыпал белым песком из серебряной чашечки недописанную строчку, привстал в кресле, снова близоруко вглядываясь в меня.

— Добрый вечер, сэр. Чем могу служить? Простите, но лакей не предупредил меня о вашем визите.

— И не мудрено, Исаак Исаакович. Вы просто задремали в кресле, и мы с вами друг другу снимся.

— Снимся? Тогда я его прощаю, этого лакея. Но почему вы, сэр, так странно ко мне обращаетесь? Мы ведь живем не во времена славного короля Этельреда. И почему вы так странно одеты, сэр?

— Видите ли, у нас в стране до сих пор принято добавлять к имени собеседника имя его отца, Исаак Исаакович.

— В какой стране, сэр?

— В России.

— ...Россия... О да, так теперь называют свою землю московиты. У меня же есть среди знакомых ваши соотечественники, сэр. Даже ваш король... нет, как это? Цар. Цар Пит. Его приводили ко мне на монетный двор. Большой человек. И не только ростом.

— У нас в стране его именуют даже великим, Исаак Исаакович.

— Великим? Возможно. Но скажу вам по чести, сэр, я не хотел бы быть его подданным. Не совершаете ли вы государственную измену, сэр, выслушивая такое заявление?

— Да нет, Исаак Исаакович. К тому же я не подданный царя Петра, а только потомок его подданных.

— Петра! Звучит как на латыни. А потомок... Как это понимать?

— Вы мне тоже снитесь, Исаак Исаакович. Я живу на двести пятьдесят лет позже вас.

— А я еще часто жалел, сэр,

что приходится тратить время иа сои! Тут, оказывается, можио коечто узиать о будущем. Что обо мие зиают, сэр, через два века в Московии, извииите меия, сэр, в России?

— Вас помият, Исаак Исаакович. Вас считают великим физиком.

— Зиачит, всем этим иедоучкам Гукам и Лейбиицам ие удалось меия обокрасть!

— Их тоже помият, ио ставят ииже вас.

— Ниже меия! Еще бы! Этих мошеииикоз! Сэр, если бы вы зиали, сколько крови оии мие испортили, эти воры!

— Но, сэр, говорят, что оии ничего у вас ие украли, просто вы так долго ие публиковали свои открытня, что за это время некоторые нз иих удалось повторить другим.

— Долго? Но я должеи был убедиться в своей правоте. Все эти Гуки н Лейбиицы могут ошибаться — их ведь забудут, что бы вы там ии говорили про свою Московию XX века. Я ие имею права ошибаться. Гипотез я ие строю, сэр, мои работы достоверны, сэр, запомиите. А вокруг — интриги, мошеиинчество, клевета... Но вы ведь все это зиаете.

— Зиаю, Исаак Исаакович, но вы, ей-богу, миогое прииимаете слишком близко к сердцу.

— Слишком близко? Я просто ие обращаю иа это виимаиия! Теория гравнтации останется в веках, как и мое толкование Апокалипсиса. Чему вы улыбаетесь, молодой человек?

— Вы сравниваете иесравиимое. Теория гравитации — да, а вот толкование пророчеств...

— Уж ие атеист ли вы, молодой человек? В нашем развращеииом высшем свете они сейчас попадаются.

— Да, Исаак Исаакович, я атеист.

— Чудовище! Вои из моего дома.

— Но я же вам сиюсь, Исаак Исаакович! А вы мие.

— Ах да. Ну, тогда я примирюсь на время с вашим присутствием. Чем вы заиимаетесь, когда бодрствуете, атеист?

— Я сотрудиик журиала «Наука н труд». Пишу еще в журиал «Зиание — сила».

— Зиаиие — сила? Это сказал сэр Френсис Бэкои. Хороший был учеиый. Но плохо кончил. А зачем ои полез в политику? И вообще ему слишком нравились деиьгн. А сила — ие богатство, дорогой сэр... Как вас зовут?

— Рюрик Андреевич.

— Зиачит, дорогой сэр Рюрик.

— Но, сэр, вы ведь сами члеи парламеита. Как же с политикой?..

— Ха! Зиаете мое едииствеииое выступлеиие за все годы?

— Зиаю, зиаю, Исаак Исаакович. Вы просили закрыть форточку. Этот аиекдот до иас дошел. Нет иичего долговечиее аиекдотов.

— Аиекдот-то дошел. А помият ли, что я был члеиом того парламеита, который скииул короля Якова? Того парламеита, который отстраиил династию Стюартов от

власти? Дорогой сэр, говорил я мало, я делал. А где признание? Меня все обкрадывают...

— Какое же вам еще нужно признание, Исаак Исаакович? Знаете, как вас похоронят?

— Ну-ка, ну-ка!

— Ваш гроб понесут три герцога и два графа.

— А какие герцоги, ну-ка, титулы?..

— ...Это ничего... Это даже неплохо. Все-таки в Англии умеют ценить ученых!

— А Бэкон? А Томас Мор? Вспомните, чем они кончили!

— Вольно ж им было дружить с королями и лезть в политику! Я вот краешком коснулся политики — из-за ирландской медной монеты — знали бы вы, что мне устроил декан Дублинского собора!

— Великий Джонатан Свифт?

— Что-то многовато в вашем времени великих. И Петр, и я, и Свифт. Неужели этого брызжущего ядом попа тоже помнят?

— Помнят. Только, поверьте, не за те памфлеты, в которых он помниал вас, Исаак Исаакович.

— И на том спасибо. А то обвинить в желании нажиться меня! Меня, который мог бы — стоило захотеть — стать богаче самого Креза!

— Вот из-за этого-то я к вам и явился, Исаак Исаакович. Не могли бы вы рассказать читателям нашего журнала...

— О своем способе разбогатеть? С вашего разрешения, сэр, я проснусь. Советовал бы вам, любезный сэр, сделать то же.

Парик по-совиному взметнул над головой Ньютона своими крыльями — буклями. Серебряная чашечка опрокинулась, и песок из нее полетел мне прямо в лицо. Я встряхнул головой, и у меня перед глазами поплыли, растворяясь в воздухе, скульптурная чернильница, тяжелый стол, стройная фигурка в старинном кафтане, громадное кресло и стены, обшитые дубовыми панелями.

И когда через секунду я сидел на своей постели, вертя головой, ошалело оглядывая веселенькие обои и неотделанные книжные полки, только вытряхнувшийся из волос песок напомнил мне о сне. И то память тут же подсказала, что этой ночью я ходил купаться, а пруд был мутноват, и, значит, у этого песка куда менее романтическое происхождение.

ГЛАВА V. ФЕРЗИ И ДАМКИ

Бутылка была уже на исходе. Нам вполне хватило литра сухого вина, чтобы прийти в философское настроение.

— Пробую я, пробую варианты, и начинает мне казаться, что все это напрасно. Напрасно, но не зря. Зато я как следует познакомился с тобой, — сказал Илья.— Знаешь, Рюрик, давай я тебя устрою в одни НИИ, там нужен человек для связи с прессой. Сенсаций у них — не оберешься, и ты будешь всю информацию из первых рук получать. Книгу напишешь, да не одну. Диссертацию защитишь. За шагом шаг, всего

добьешься. Верное дело! Рюрик, ей-богу, я тебя не осуждаю, но согласись, для тебя вся эта история с золотом — только шанс с ходу попасть в дамки. Славы хочешь?

— Естественно, хочу.

— Да ведь зубы у тебя не те. И душа...

— Спасибо за комплимент. Но при чем здесь зубы?

— Чтобы за один ход попасть в дамки, надо съесть уйму чужих шашек, мой милый журналист. А я предпочитаю шахматы. Пешка идет, идет в ферзи и все прямо, вкось поворачивает, только когда кого-нибудь ест. Но может обойтись и без этого. Я, кстати, уже на шестой горизонтали...

— Откуда цифра, приятель?

— Пятая горизонталь — кандидатская степень, четвертая — аспирантура, третья — университет... А со второй — пешка ход делает!

— Значит, седьмая горизонталь, когда член-корреспондентом станешь, восьмая — академиком?

— Точно! При вперед да работай как черт — доберешься.

— Это в твоем деле, приятель. А в моем... У нас четкой лестницы рангов нет. Пешки прыгают порою через клетки. Но ферзи-то, разумеется, есть. И я хочу в ферзи — только тоже без кривых ходов, по прямой дороге.

— Боюсь, тупик это, а не дорога. Попался я вслед за тобой на безумное совпадение. Ах, гении, гении... Пойдешь, куда тебя зову? В НИИ?

— Хочешь, чтоб от Шанса я отказался? От удачи?

— Ладно, не буду, не буду. Кстати, не сбегать ли еще за бутылочкой?

— Жаль, но придется отложить. Сегодня вечером — уже договорился — встречаюсь с философом, которого надо уговорить подключиться к нашей группе.

— Господи, да зачем нам еще и философ?

— Еще как нужен! Представь, я ему кое-что о наших идеях уже рассказывал, так он говорит: «Вы, на мой взгляд, пользуетесь не теми мерками. Вот на карте в меркаторовской проекции Гренландия куда больше Австралии. А на самом деле — меньше. Плавать удобнее «по Меркатору». Но путь, который пройдет корабль, надо измерять по глобусу. Ученые Европы, начиная с вашего Ньютона, создали свою формальную логику. С ней очень удобно делать открытия, но меры и формы мира она искажает». Каков образ, а?

* * *

Проблема золота не решалась. Уже и Юра-историк у меня дневал и ночевал.

Уже и надменный Михаил Илларионович звонил мне в редакцию и домой, доставал для нас на время старинные печатные трактаты и даже рукописи, зазывал к себе нас всех троих — физика, историка и журналиста — и начинал рассказывать про Роджера Бэкона и Раймонда Луллия, про Агриппу Неттесгеймского, у кото-

рого черт служил собакой, про Парацельса, полагавшего, что Мартин Лютер недостоин завязать ремни на его башмаках.

— Нет, вы скажите мне все-таки, Юрий Иванович, — говорил он, тыкая Юру в грудь пальцем, — откуда у Сен-Жермена были деньги?

— Я не знаю, кто такой Сен-Жермен, — жалобно подавал голос Илья.

— Авантюрист середины восемнадцатого века, действовал в основном во Франции, — быстро говорил я. — Да ты не отвлекай их, потом тебе все Юра объяснит.

— Есть мнение, — отвечал Юра Михаилу Илларионовичу, — что этот Сен-Жермен был сыном банкира и испанской королевы, потому и был богат, с одной стороны, а с другой — потому и напускал на себя таинственность.

— Ха! Это ж у вас по Кузьме Пруткову:

Раз архитектор с птичницей
спознался,
И что же! В детище смешались две
натуры:
Сын архитектора — он строить
покушался,
Потомок птичницы — он строил
только куры...

А может быть, ваш Сен-Жермен тоже умел делать золото, а?

И сразу становилось ясно, что академик нас провоцировал. То он пытался уверить нас, что искусственное золото получали еще в Древнем Риме, то вспоминал классическую формулу Марка Твена: «Знания, которыми не обладали древние, были весьма обширны».

— Одну минуточку, — Юра был на страже, — а вот как вы объясните мне поведение графа Калиостро в последний период его жизни, перед заточением в замок святого Ангела? Он, который до этого выманивал деньги у кого только мог, торговал — или почти торговал — собственной женой, шел не раз на прямое мошенничество и даже воровство, — вдруг оборачивается щедрым хлебосольным хозяином, если творит чудеса, то лишь для собственного удовольствия, живет на широкую ногу, даже филантропствует. На какие, с вашего разрешения, шиши, Михаил Илларионович?

— На какие, на какие! Обдурил какого-нибудь екатерининского вельможу или просто украл у Потемкина пригоршню бриллиантов, а тот и не заметил. Не выйти вам, Юрий Иванович, в настоящие историки, если будете так легковерны. Постойте-ка! А проанализировать вы догадались? Может, там не обычное золото, а какой-нибудь изотоп?

— Об этом я в первую очередь подумал, — досадливо сказал Трушин. — Увы. Золото как золото, только многовато его. Хотя кто знает, может, Ньютон был просто добросовестнее своих предшественников по монетной части.

— Ох, Илья, — я рассердился, — то он у тебя фальшивомонетчик, то сверхчестный. Как будто от честности в монете может прибавиться золота!

— Ну, а вы, Илья Всеволодо-

вич, скажите, — Михаил Илларионович нажал Трушиину на плечо, подвел его к своему креслу и насильно в него усадил, — скажите, как можно изготовить золото из ртути или, скажем, олова?

— Сегодня? Проще простого. Стоит поместить ртуть под поток нейтронов. Простейшая ядерная реакция, и ртуть становится золотом. У этой элементарной операции есть всего один недостаток — она слишком дорого обходится. Лабораторное золото выходит дороже, чем из рудника. А для времен Ньютона прибавляется еще одни недостаток: источника частиц тогда не было и не могло быть.

— А что было?

— Магнитное поле уже знали, хотя создавать сильные магнитные поля не умели. С электростатическим полем тоже иногда сталкивались, хотя опять-таки слабым очень. Ну, раскалять умели тысяч до двух, пожалуй, градусов. Охлаждать совсем немного. Не знаю, была ли тогда центрифуга, но если и была — слабоватая. Впрочем, механическим воздействием превратить один элемент в другой невозможно... Что еще остается? Мы с Рюриком неделями с этой темы не слезали, все прикидывали. Ну, есть космические лучи. Но им — и то на большой высоте — под силу превращение только отдельных атомов. Запрета нет, но во времена Ньютона этого и заметить было бы невозможно. Впрочем,.. теоретически можно предположить, что попал Ньютону в руки естественный источник нейтронов, некая необычно богатая радиевая руда. Запрета нет. Но и тут граммы радия дали бы граммы золота. А килограммы радия уморили бы столько народу, что вы, историки, не могли бы этого не заметить.

— Проще надо действовать, проще. По-моему, Илья, вы бродите где-то рядом с дверью, но каждый раз натыкаетесь на косяки. Попробуйте без алгебры, с одной арифметикой, как папа-купец из чеховского рассказа. Помните, там репетитор сынка никак не мог без иксов справиться с задачей... Проще! Вот с помощью света Ньютон ничего бы не мог сделать? Монохроматического... или поляризованного...

Мы ошеломленно уставились на академика, а тот, смущаясь под нашими взглядами и все медленней и трудней подбирая слова, бормотал:

— Ньютон же ведь, знаете сами, так много занимался светом.

— Бессмысленно даже пробовать свет, — грустно ответил Трушин. — Он теоретически бессилен вызвать такое действие.

— Бессмысленно? — я был настойчив. — А ты помнишь заветы Эразма Дарвина — ставить время от времени самые нелепые опыты. Чаще всего — говорил этот Эразм, дед Чарльза — из таких опытов ничего не получится, но иногда из них могут родиться великие открытия. Великие!

— Знаю я эту цитату. И еще знаю, что сам Эразм такие опыты ставил, и ничего хорошего из этого у него не вышло.

— А мы попробуем, — бесстрашно сказал я. — И вообще, Илья, ты не находишь, что мы многовато последнее время философствуем, а делать ничего не делаем?

— Будем и делать, — вскинул Илья голову. — Попробую. Но последний раз. Вот что: давайте сейчас вчетвером наметим план — что именно мне надо сделать в лаборатории. Я это сделаю, а потом снова соберемся. А пока я из лаборатории не вылезу, а вы свои делишки подгоните. У меня есть, например, сведения, что ты, дорогой Рюрик, запустил редакционные дела до крайности.

— Да и Юрий Иванович тоже, — подхватил академик, — должен не только знаний набираться да гипотезы строить, но и персональную стипендию получать. А для этого иногда нужно делать не только то, что хочется.

* * *

Да, на работе следовало подтянуться. Теперь, когда я знал, что Илья взялся за дело, а я мог ему только помешать, рука моя потянулась к перу. Я снова вслушивался в троллейбусный разговор, пробовал на вкус чье-то признания, рядовую болтовню, меткие словечки. Снова искал сравнения для автомобиля, вывески, встречного старика.

Я не знал, найдет ли Илья решение. Скорее, знал, что не найдет. Слишком просто выглядели все запланированные нами действия. Слишком просто, чтобы они могли привести к цели. Но ведь сложное — в нашем смысле слова — было Ньютону недоступно. Значит, он пользовался чем-то простым? Да. Простым, но как-то не просто. Тут как со статьей. Можно написать интересно о чем угодно — важно найти только свежий, неожиданный поворот, точку зрения, с которой читатель сам не увидел бы того, что видишь ты. Журналист здесь выступает как представитель искусства. А в науке тоже так: открыть — значит взять известные факты и расставить их по-новому. Велика ли разница?

Проходила понемногу апатия, сковывавшая меня столько времени. Я, как Атлант, скинул с себя небо на плечи Геркулеса, и за золото Ньютона отвечал — хотя бы временно — другой.

А вот не захочет ли Илья присвоить себе все заслуги?

Впрочем, мысли о дележке славы сегодня тревожили меня меньше, чем полгода назад. Наверное, потому, что я уже не верил в удачу...

Зато верил в удачу журналистскую. Я соскучился по таинству превращения грязных блокнотных листиков в цветные и радостные журнальные страницы.

Я поднялся на наш девятый этаж пешком, сел за привычно заваленный бумагами стол.

— Главный редактор тобой интересовался, — сообщил мне Гришка.

Александр Васильевич бегал по комнате. Размахивать руками он начал, по-моему, еще до моего

прнхода. Но крнчать — только после него.

— Съезднл в командировку, и словно нет его уже полгода! — голос при этнх словах был у Алексаидра Васильевича такой, словио он не ругал меня, а жаловался мне иа меня же. Я нанес ему смертельное оскорблеиие — и редактор хотел, чтобы я извииился и обещал подогнать дела.

— Ньютои! Золото! Граф Калиостро! Колдуны! Красавнцы! Ведьмы! А я полгода репортажа прилнчного допроснться не могу. Не делаете нн черта, пользуетесь хорошим монм отношением! И хроники иет! А где технnка, техника? Да не леннтесь вы, а просто работать разучилнсь. То нм не по нраву, другое... Вот я в вашн годы...

— Наслышан, — сказал я, не изменяя выраження лица. — За деиь-два фельетон; на пари — первых трех встречиых проинтервьюировал, н нитервью иапечатали; мнннстров за хвост ловили...

— ...Да! Ловнл, интервьюировал, писал! А вам месяц к статье готовнться морально, месяц матерналы собнрать, месяц проверять, полгода писать, еще год — редактнровать. Работничкн!

Я присел иа край стола, любуясь свонм Главиым. Волосы стояли венчиком вокруг его огромной головы. Насажена она была на широченные плечи, но под ннми было тело, отнюдь ие уродливое, но и не могучее. Ннчего общего не было между этнм телом (за нсключением плеч) и головой. То ли дело роденовский Бальзак! Ведь безумная, кажется, идея — изобразить великого писателя нагим, точио древиегреческого атлета — обнажить этн обросшие жнром мышцы, выставить напоказ слишком дряблую кожу, слншком широкие для мужчины бедра, слишком толстые рукн. И над всемн этнмн преувеличеннями (по отношеиию к классической фигуре) — голова — продолженне и развитне тела. Бюст здесь был бы только цветком, стебель которого оборвали у самого верха, лнцо в виде маскн показалось бы лншь опавшнм лепестком...

— О чем ты думаешь, когда с тобой говорят о деле? Что ты можешь сделать в свое оправдание? Не сказать — говорить вы все мастера, — а сделать. Ну?

— Это что, рыцарскнй вызов? Пожалуйста! Подойдемте к окиу, Алексаидр Васильевич. Видите вои ту вывеску? Сберкасса. Что там дальше? Вы, иаверное, лучше меня видите, Александр Васильевич?

— Почиика обувн.

— Отлично.

— Потом продовольственный магазин, винзавод... Черт возьми, Рюрик, неужели вы настолько ненаблюдательны? Это лншинй раз доказывает, как вы плохо работаете. Никуда не годится, никуда! Я же не вижу уже, я на память вам говорю, где что, а вы... Мы же здесь больше года помещаемся. Наблюдательность журиалнста! Журналнст обязан быть наблюдательным!

— Погодите-ка со свонми прнзывами, Алексаидр Васнльевич. Я предлагаю пари.

— Какое?

— Я зайду под каждую из десяти вывесок подряд и принесу десять материалов, достойных вашей подписи.

— И это всего за каких-нибудь десять лет? Или двадцать?

— Нет. За неделю.

— Однако! Ящик коньяку?!

— Отлично.

— А ты учитываешь, для какого издания ты все это собираешься делать? Это ведь не газета. Что ты можешь написать в научно-популярный журнал насчет сапожной мастерской?

— Увидите, Александр Васильевич! — я соскочил со стола. — Иду на «вы»!

Я лупил по покорным клавишам всеми десятью пальцами, перенося на большие листы бумаги если не сами слова, то их смысл с разложенных по столу блокнотных листков. Можно было бы написать статью о новом стиле работы в сапожной мастерской, но это уже проделал недавно один из моих друзей. Надо искать другой ход. Что же! Как я выяснил в первый же свой визит, один из рабочих мастерской по починке обуви оказался отличным перцепиентом, точнее говоря, принимал участие в опытах по телепатии в качестве отгадчика мыслей. Ну, я рассказал о нем, о самих опытах, а потом...

«Говорят, что для всех этих опытов нельзя найти объяснения, что фактов не существует, раз под них нельзя подвести теорию. Но природа любит вольно обращаться с научными теориями. Ведь даже самая обычная молния в каком-то смысле теоретически невозможна. По строгим расчетам, для ее образования в грозовой туче нужно напряжение в семьдесят тысяч вольт, а на самом деле это напряжение бывает раза в три-четыре меньше. Итак, молний не должно быть! Как и телепатии».

Через три часа статья была закончена. Теперь в институт! И снова домой, за письменный стол.

«Феи пьют только росу — лишь ее блестящие капельки для них достаточно чисты. Но почему роса чиста? Ведь почти всюду в нашем довольно-таки пыльном мире носятся крошечные частички, готовые замутить кристально чистую поверхность капелек. Однако грустить об их печальной судьбе рано...»

Я заглянул в один толстый том и втиснул в начало очередной статьи сообщение, что шампанским лечат тиф и холеру. Я заглянул в другой том...

Томов было много. Статей тоже. И я не халтурил — насколько это было возможно. Я использовал свои память и воображение на все двести процентов.

Но о чем бы я ни писал, как бы ни был я занят эти неистовые семь дней, я помнил: Илья действует, пока Рюрик выигрывает пари. Ящик коньяку? Нет, на кону стояло кое-что поценнее. Я загадал, что в случае выигрыша пари рукопись Альтотаса должна оказаться подлинной и правдивой. С детства любил заключать сам с собою такие пари, как будто

«объективная реальность» хоть сколько-нибудь зависит от наших действий, да еще предприятых заданим числом.

И то ли потому, что такие пари с собой я заключал лишь тогда, когда был подсознательно уверен в результате, то ли из-за ряда совпадений, но до сих пор мне везло. До сих пор.

А теперь... Илья позвонил мне ночью — впрочем, я не спал, «добивая последний гвоздь» в ящик с коньяком. И сказал:

— С тюльпанами ничего не происходит.

— Какими тюльпанами?

— Да твой Эразм Дарвин в порядке выполнения собственных рекомендаций играл на скрипке перед тюльпанами.

— Ну?

— С тюльпанами ничего не происходило. Точь-в-точь как у меня с ртутью и оловом.

— Ты все способы перепробовал?

— Весь список. И еще добавил несколько сочетаний разных воздействий. Так что я выполнил все принятые на себя обязательства. И хватит, братец.

— Я сейчас приеду к тебе.

— Не надо. Я хочу спать.

— Ты очень жалеешь, что занялся этим делом? — спросил я.

Моя вера в успех в эти секунды ушла куда-то, как вода в песок. На ее месте осталось даже не чувство разочарования, даже не обида, а стыд. Мне было стыдно перед Юрой и перед Михаилом Илларионовичем. Было стыдно перед Главным, которому я так долго морочил голову, и перед товарищами по редакции, которые выслушали столько моих рассказов. Но всего сильнее — перед Ильей Трушиным.

— Ты очень жалеешь о потерянном времени?

Илья молчал.

— Ты не хочешь отвечать?

— Ладно. Отвечу. Не жалею.

— Спасибо. Завтра я к тебе приеду.

Я повесил трубку.

ГЛАВА VI. ПРЕВРАЩЕНИЕ

— Куда торопишься? — Гришка был громогласен, как всегда, но сегодня его голос ударил меня особенно больно. — Сейчас у нас заседание редколлегии, присутствие всех сотрудников обязательно. Забыл, что ли?

— Забыл. Спасибо, что напомнил.

— Ну, так идем же в холл.

Их было двенадцать, членов редколлегии. Высокие и низенькие, толстые и худые. Доктора наук и литераторы. Один министр. Один академик. Два член-кора. И интересно, кто из них важнее? Это — какой критерий взять за основу. Если зарплату — она, как говорится, каждому по труду, — одно. Если взять известность — другое. К кому больше прислушаются здесь, в журнале, третье, а в Совете Министров — четвертое. И еще один критерий. Кого из них будут помнить через сто лет?

А меня? Меня до какого века запомнят? Ха, века! Скажи, года.

Если я сегодня умру? Ну, лет пять продержатся статьи в рекомендательных списках. А там — кто их вспомнит? А вот как насчет вечности? Придется без нее обойтись. Ньютоновского золота мне не найти. Секунду! Что это там говорит академик?

Он покачивается, переносит тяжесть тела то на одну, то на другую ногу, легонько почесывает бровь — один из самых знаменитых физиков XX века, человек с уникальным в нашей стране хобби — коллекционер итальянских картин эпохи Возрождения. Он говорит сейчас о том, что журнал «должен быть чутким», надо уловить первые толчки очередного великого наукотрясения и перекинуть мостики статей через очередные трещины в познаниях широких масс.

«Всего за один час любая жизнь может ведь десять раз измениться! Случайная встреча с девушкой ломает судьбу человека, а неожиданное открытие, один-единственный факт, который не укладывается в добротные теоретические построения, переворачивает науку. Будьте внимательны к фактам!»

Что же, надо поговорить с ним о золоте Ньютона. Факт это или не факт? Рукопись — факт. А вот то, что в ней говорится... Господи, как все было бы просто, если бы тогда, семь месяцев назад, Главный написал на моем репортаже священное «в набор». Я бы ждал результатов публикации, а не тыркался сам по институтам. А результаты... Физики отозвались бы двумя-тремя разгневанными письмами под девизом: «Хватит вам врать народу». А скорее всего — вообще не отозвались бы. Только через пару месяцев или лет, когда меня представят какому-нибудь профессору, тот переспросит: «Варзин? Это не вы писали про золото Ньютона?» — и засмеется. Да скоро у меня и повода не было бы, чтобы вспомнить подземное архивохранилище, глухой голос профессора с едва уловимым восточным акцентом, толстую тетрадь, заполненную непонятными значками. Я писал бы о другом. И думал бы о другом.

И о чем мне сейчас говорить с уважаемым членом редколлегии? Проблемы уже нет, Илья ее решил, отрицательное решение — тоже решение.

После заседания долго ходил по улицам. Я не мог смириться с тем, что все кончено, что больше мне уже не загореться, не почувствовать себя частью чего-то большего, чем обыденность. Что же, чтобы найти другой ответ, надо найти другой путь к нему. Я обязан это сделать, вывернуть себя наизнанку, стать другим человеком, в конце концов, если иначе не смогу достичь цели. Ньютон добыл золото. Добыл, что бы об этом ни думал Илья. Но как? Он же ничего не знал об атомах!

Леонардо да Винчи вряд ли много знал об ультразвуке, а ультразвуковую стиральную машину сделал. Для Моны Лизы. Могли быть какие-то могучие силы, которые Ньютон вызывал, сам того не ведая.

Ночь продолжалась. Небо клоч-

ками теряло свою уверенную черноту. Пока не стало ровным-ровным, сине-фиолетового цвета.

Потом фиолетовый цвет начал уходить, синий разжижался, вот он уже стал голубым, поднялся над горизонтом край солнца — голубое стало сразу нежнее и ярче, прикрыла этот край случайная тучка — голубое стало серым.

Ньютон мог использовать свет каких-то узких участков спектра... неожиданных участков спектра... Нет, это гадание на кофейной гуще. А что, если... Мне же объясняли однажды, что существуют общие правила делания открытий. Как его звали, того учителя рисования с гомологичными рядами открытий? Звучит название красиво. Проверим? Он, верно, раньше чем прийти, присылал рукопись. Значит, можно установить его фамилию. Надо только подождать начала рабочего дня.

* * *

Пышнотелая Зина, ведавшая у нас письмами, конечно, поворчала. Еще бы! Я спрашивал о письме или рукописи, причем не знал, ни кто автор, ни когда письмо пришло, ни даже каких оно размеров и, соответственно, числится у нас письмом или рукописью (разница тут почти что только количественная). Она долго рылась в книгах и каталожных ящичках, и я терпеливо стоял рядом и смотрел на нее. Тем более что это занятие нельзя было назвать неприятным.

При рассмотрении вопроса, кого брать на это место из трех девушек-претенденток, дело решила, по существу, длина Зининого платья. Оно почти прикрывало колени, и, потрясенный такой скромностью, Главный отдал предпочтение его хозяйке. Как ни странно, выбор оказался довольно удачным. Вот и сейчас она сумела найти след давнего визитера.

— Самой рукописи нет. Запись: «отдана автору». Но согласно регистрационной карточке название рукописи — то самое: «Гомологичные ряды открытий». Автор — Николай Пантелеймонович Авдюшко. Адрес есть. Запишите.

Я снова представил себе этого запинающегося на каждом слове от смущения человека. Я определил его в ту единственную нашу встречу как начинающего шизофреника. Что же, если я был прав, за эти месяцы он должен был уже выйти из разряда начинающих. А если прав был он...

Да чего же тут думать? Увижу его — тогда и буду разбираться, кто есть кто. И что с ним делать. А сейчас надо же с чего-то начинать.

* * *

На дверях была блестевшая медью дощечка «Н. П. Авдюшко». Рядом с нею не было никаких указаний на количество звонков, из чего следовало, что Авдюшко был здесь хозяином.

Я нажал кнопку, подождал, услышал шаги, звон засова, скрип двери. А потом почти испугался.

Так хороша собой была возникшая на пороге женщина. Лицо золотисто-матового цвета, глаза марсианки из фантастического романа, брови, до которых ни одному писателю не додуматься. А мягкость линий подбородка заставляла вспомнить наброски Леонардо да Винчи. Ей было, наверное, уже за тридцать — морщинки у глаз достаточно заметны. Но предательскими их никто не посмел бы назвать, потому что даже они казались необходимой деталью этой совершенной красоты. Есть лица, на которых, как говорится (а вернее, пишется), «видны следы былой красоты». А это лицо должно было сохранить не следы красоты, а саму красоту. Казалось, его ничто не может испортить — даже время.

Она стояла у открытой двери и выжидательно смотрела на меня. Не знаю, привыкла ли она к впечатлению, которое производит на людей, но, во всяком случае, на ее лице не было и следа удивления перед охватившей меня оторопью.

Я никогда бы не мог ее полюбить. Потому что рядом с такой женщиной чувствовал бы себя все время недостойным ее совершенства. А я не из породы верующих. Но каково рядом с ней ее мужу... Если тот заикающийся графоман и вправду ее муж! Тут на Марс полетишь, а не то что новый научный закон откроешь.

— Так вы, может быть, хоть скажете, кто вам нужен? — В голосе женщины звучала легкая, очень легкая ирония. Я встряхнул головой, избавляясь от наваждения, и ответил:

— Николай Пантелеймонович Авдюшко. Он дома?

— Дома, муж дома, — протянула она в ответ и отступила в сторону, шире открывая дверь.

И я оказался в старой профессорской квартире. Что профессорской, было видно с первого взгляда. Прихожая и коридор, все четыре комнаты были уставлены по стенам не модными и удобными открытыми стеллажами, но солидными дубовыми книжными шкафами. Сквозь узкие полоски стекла глядели корешки с русскими, латинскими и греческими буквами. Письменный стол в кабинете хозяина был тоже большим и добротным. А хозяин... Хозяин сидел профилем ко мне, склонившись над рукописью, от которой его оторвал ласковый оклик женщины.

Он встал навстречу гостю, видимо не совсем еще узнавая меня, потом вдруг узнал — и остановился в движении, как птица останавливается на лету.

Несколько мгновений он явно не знал, что делать, как меня принять. Потом вздохнул, махнул в пространство кистью левой руки, пожал мне руку, предложил стул. И без церемоний перешел к делу. Не заикаясь, не запинаясь и совсем-совсем не смущаясь:

— Послушайте, однажды вы вздумали надо мной посмеяться. Это было у вас на работе и, на мой взгляд, выглядело не слишком вежливо. Сейчас, насколько я понимаю, вы пришли из-за премии Союза художников. Так вот, о ра-

ботах, за которые ее дали, с вами я не буду говорить. С вами! Пусть пришлют другого корреспондента. До свидання.

Я засмеялся:

— Видите лн, дорогой Николай Пантелеймоновнч, я впервые слышу про премию. Очень ннтересно. Поздравляю вас. Но мие от вас нужно совсем другое.

— Что нменно?

— Я хотел бы посмотреть, что именно вы имеете в внду под гомологнчными рядамн открытнй.

— Кто вас ко мне иаправнл?

— Виднте лн, меня заставнлн прийти те иемногне слова, которые я слышал от вас иесколько месяцев назад.

— Позвольте вам не поверннть. Наука, по слову поэта, для одних богиня, для других дойная корова. Вы ведь из «другнх». А из моей гипотезы много не выуднщь. Признают ее, по моим подсчетам, самое раннее лет через шесть.

— Я, возможно, призиаю ее раньше. Что-то же сидело во мие эти месяцы, раз я решился прийтн.

— Не верю я вам.

— Думаете, хочу украсть ваше открытне?

Авдюшко рассмеялся:

— Да нет. От иего ж пока один хлопоты. И иикакой корысти.

— Тогда почему бы вам мне о ием не рассказать?

— Временн жалко. Как вам было жалко когда-то на меня своего рабочего времени. Это я, ейбогу, уже не в отместку, а всерьез. Опять же, откуда я зиаю, что вы не собираетесь писать фельетон про отъявлениого графомана?

— Хорошо. Будем говорить в открытую. Я пришел к вам постольку, поскольку есть шанс из ста, что вы окажетесь действительио не графоманом, а автором открытия. Девяносто девять шансов против последнего вариаита, но утопающнй хватается за соломинку. А я должен во что бы то ни стало удовлетворить свою собственную манию. Если вы правы, ваше открытие поможет мне сделать собственное. Еслн не правы, ваш бред поможет мие взглянуть со стороны на плоды моего воображення и, возможно, увндеть, что онн тоже бред.

— А в чем заключаются плоды вашего воображення?

— Расскажу. С тем условием, чтобы потом рассказывалн вы.

— Принимаю. И слушаю.

И я рассказал Николаю Пантелеймоновичу Авдюшко основные детали нстории о золоте Ньютоиа.

— Да, — вздохиул он, услышав о неудачных опытах Ильн, — это я называю провалом. Но... вас интересует миение товарнща по несчастью?

— Ваше? Коиечио.

— Так вот, мне кажется, что вы не хотелн ндтн слишком сложиым, зато идете слишком простым путем. Вы ломитесь в стену, а дверь где-то рядом. Посудите самн. Сколько разиых возможиостей нашел ваш Илья для воздействия на ртуть и олово?

— С учетом того, что мог зиать Ньютон, — несколько десятков.

— Ну вот, уверяю вас, все эти возможности давно были использованы — намеренно или случайно, безразлично. Значит, пробовать их снова — безнадежно. Это все равно что выбивать из урана ядерную энергию молотком, на том основании, что под тем же молотком взрывается гремучая ртуть. Вы отнеслись к неизвестному вам открытию Ньютона как к гомологу его открытий в механике. Ошибка.

— Но разве открытия, сделанные одним человеком, не являются поистине единородными, а значит, связанными между собой?

— Конечно, нет! Сам Ньютон открыл законы движения, закон всемирного тяготения, построил один из первых велосипедов, изобрел новый тип телескопа и чего только еще не натворил. Посудите сами, что тут общего? А вот когда физики обнаруживают в атоме ядро, а химики устанавливают, что молекула вещества в растворе распадается на ионы, эти открытия — гомологи, хотя сделаны разными людьми в разных областях науки. В обоих случаях был продемонстрирован один и тот же метод мышления, в обоих случаях результатом явилось дальнейшее дробление «элементарных частей» (а не частиц, поскольку это совсем другое) материи. Оба открытия были сделаны благодаря качественно новому подходу к проблеме и качественно новой методике. Приборы были разные, проблемы разные, но мне удалось связать... удалось...

И тут я опять увидел того застенчивого серьезного человека, который приходил ко мне в редакцию. Как будто какой-то кусочек грампластинки был поврежден, и, когда игла проигрывателя доходила до этого кусочка, она скользила, срывалась.

Николай Пантелеймонович мог быть властным хозяином своего и чужого времени, властным мужем женщины из сказки, властным учителем и властным оппонентом — как он «прошелся» по проблеме золота! — но когда дело касалось его гипотезы, голос ему изменял.

Но и в этом положении Авдюшко сумел найти выход. Он перестал спорить с собственной слабостью и негромко позвал:

— Инга!

Прекрасная женщина появилась на пороге комнаты.

— Принеси, пожалуйста, голубую папку из шкафа в гостиной.

* * *

— Ладно, пейте кофе и ешьте маслины. И читайте. Кстати, вот вам карандашик, пометьте на полях, если что-то покажется неверным.

— ...Послушайте, а это интересно!

— А кому именно интересно — моему коллеге-графоману или вам, журналисту? Короче говоря, сможете вы это напечатать?

— Не знаю.

— Ну вот. А туда же!

— Вы проверяли свою гипотезу?

— Я сопоставил параллельные

открытия в разных областях иауки. Вы видели мой список. Ну, разве ои не убедителей?

— Конечно, убедителей. Но это чисто спекулятивиое построение. Гипотеза объясняет по-новому факты — это уже иеплохо. Но она должна предсказывать новые факты. Как у вас с этим? Какое открытие вы предсказали?

— Ого! Берете быка за рога? — Нниколай Паителеймоиович откинулся в кресле, внимательно меня разглядывая. Я смотрел иа иего в упор, твердо решив не произиосить более ни слова, пока этот Авдюшко ие заговорит о деле. Молчание длилось, сгущалось, нам обоим становилось все труднее переиосить его.

— Вам стаиет легче, если я скажу, что в ближайшем будущем будут открыты кваиты жизии?

— Что нменио вы имеете в виду?

— Мельчайшие из возможиых колнчеств вещества и энергнн, которыми только и может идти обмен вещества и энергии в живом организме. Эти кваиты жизии должны быть больше квантов, которые знает физика.

— Ну, само по себе такое предсказание сделать нетрудно. Это одна из тех идей, что носятся в воздухе. Вот если бы вы ее дополнили, если бы указали точиые размеры этих иовых квантов...

— Указал! Больше того, я опубликовал свою гипотезу. Конечио, не в иаучио-популяриом журнале, вроде вашего. И не в столичном иаучиом журнале — для иего гнпотеза оказалась слишком малообосиованиой. А вот в этом сборнике, — и Нниколай Паителеймонович выиул из стопки книг иа краю стола тонеиькую киижечку в синей бумажиой обертке.

Я раскрыл киижечку, глянул иа титульный лист... Там внизу стояло иазвание столицы одной из союзных республик.

— Не мие рассказывать вам, Нниколай Пантелеймоиович, какую чушь иногда печатают в таких провинциальиых издаииях.

— И мне ие вам, Рюрик Андреевич, перечнслять, какие блестящие открытия были впервые обиародованы в таких провинциальиых издаииях.

— Верио, извнинте меия, я совсем ие хотел бросить теиь именно иа вашу работу.

— Да, пожалуйста, извиняю, для меия главиое в этой статье — закрепленне приоритета. Видите ли, тут помещеиа теорема Авдюшко. Вот, читайте. «Если в одной области естествениых иаук сделано открытне, характеризующееся... то в другой области иаук за определеииый промежуток времени будет сделано свое открытне, аналогичиое (гомологичное) даиному по таким категориям...»

— Здорово!

Авдюшко действительно оказался ие графомаиом. А если и графомаиом, то для его разоблачеиия требовалнсь более веские научные позиания, чем те, которыми я обладал.

Николай Пантелеймонович нахмурился.

— И все-таки вам придется серьезно объяснить, почему вы пришли именно ко мне и именно сегодня. Тот человек, с которым я говорил в редакции, этого, право же, никогда бы не сделал.

— А я и стал за последние дни другим человеком!

— Бывает, однако...

— Ну, да поймите, тогда я не мог влезть в вашу шкуру, а теперь сам попал в положение непризнанного пророка.

— Ага, мое прошлое стало вашим настоящим — прекрасно. Будем надеяться, что мое настоящее — ваше будущее.

— Хотел бы этого — вы мне нравитесь... Поговорим-ка о деле, Николай Пантелеймонович. Как же все-таки с предсказанием открытий?

— Как, как! Сам мучаюсь. Я предсказал пару открытий, но даже говорить о них сейчас не хочу: до того, как их сделают, пройдет лет десять. Вот бы здорово было иметь рядом параллельный мир, в котором время идет впереди нашего, предсказывать — у себя — открытие, а потом бежать в соседнее измерение и смотреть, как и когда это открытие сделано.

— Прекрасная идея! А что вы называете открытием?

— Все-таки силен в вас журналист, мой дорогой. Дефиниции вам требуются, одни дефиниции. Открытие — это когда Рентген обнаруживает икс-лучи, а Менделеев чертит таблицу.

— А когда предсказывают нейтрино?

— Это еще лучше.

— Говоря короче, вы, как мой любимый Ньютон, против гипотез, вас интересует то, что он называл достоверностями или принципами.

— Конечно. Оно вернее. Вы же знаете, в атомной физике сейчас из ста опубликованных гипотез только одна оказывается верной. А ведь чтобы гипотезу опубликовали, надо и найти какие-то факты ей в подтверждение, и отстоять статью от рецензентов и редакторов. А прежде всего, конечно, физик сам должен не успеть разочароваться в своей гипотезе до публикации.

— Значит, одна из ста верна?

— Да!

— Тогда, может быть, лучше не предсказывать открытий? Проще найти, какие из уже предложенных гипотез гомологичны сделанным открытиям, или, иначе говоря, удовлетворяют критериям Авдюшко. Эти гипотезы и верны.

— Благодарю за великолепный термин. Но ведь может оказаться, что ни одна из гипотез не верна, и тогда все равно правильную гипотезу придется сочинять.

— Возможно. Но скорее всего верная гипотеза найдется. Слушайте, вот будет здорово!

— Оно конечно. Особенно если бы у нас под рукой был — для проверки и контроля — тот самый параллельный мир, живущий впереди на пять лет.

Инга Авдюшко все это время молчала. И сейчас она ничего не сказала, только улыбнулась словам мужа.

Меня словно ударила эта прекрасная улыбка. И в то же мгновение я понял.

— Послушайте, Николай Пантелеймонович! Параллельный мир есть. Что вы знаете о кристаллографии?

— Ничего...

— Вот-вот. Надо взять все гипотезы шестьдесят восьмого года, или шестьдесят третьего, или какого захотите. Намеренно не узнавать ничего об открытиях, сделанных позже. И проверить, какие гипотезы удовлетворяют вашим критериям. И уже потом выяснить, какие из них себя оправдали. И если окажется...

Я сказал все, что хотел, и замолчал.

Авдюшко кивнул головой:

— По-моему, это хорошо придумано. Разрешите только спросить: почему именно кристаллография?

— Просто красивые имена первыми приходят в голову.

— Хм. А вы мне нравитесь, мой молодой друг. И я даже готов рассказать вам, за что получил премию. Я сделал в педагогике рисования открытие, гомологичное открытию гамбита в шахматах. Впрочем, об этом — как-нибудь в другой раз.

* * *

У меня был знакомый кристаллограф. Юным кандидатом он написал между делом несколько популярных статей, редактировал их я, и хотя с тех пор он успел сделать несколько открытий, создать по меньшей мере две новые теории и стать членом-корреспондентом Академии наук, но изредка продолжал появляться в редакции.

— Мне нужна, — сказал я, — подборка гипотез, судьба которых к концу 1968 года была еще неясной. Требуются все гипотезы — от общих, затрагивающих основные проблемы, и до мелких, по самым частным вопросам. Кстати, сколько гипотез так наберется? Сотни две?

— Ну, Рюрик, ты стал оптимистом или пессимистом. Гипотез всех видов — тысячи. И ты уж прости меня, но у меня для того, чтобы сделать эту подборку, сейчас нет времени. Попросить кого-нибудь из моих ассистентов? Но у них ведь тоже плоховато со временем. Плановые темы... А дело ты задумал трудоемкое... И вообще раньше за тобой не водилось — заставлять других работать вместо себя.

— Видишь ли, Гена, я не должен ничего знать о судьбе этих гипотез после 1968 года. Я и этот год взял в качестве пограничного потому, что как раз с 1969 года ничего по кристаллографии не читал — так уж получилось, Гена, прости меня. И опять же вы сами знаете, где что искать. Мне ведь не нужны выписанные формулировки — только ссылки на страницы книг и журналов, где напечатано изложение гипотез.

— Это уже легче. Если я засажу всю свою кафедру за библиографию, сам потрачу несколько часов... В общем, это можно сделать. Но чего ради? Будь добр объяснить.

И я рассказываю ему о крите-

риях Авдюшко. То есть сообщаю не сами критерии, конечно, а лишь тот факт, что они существуют.

Геннадий щурится, поглаживает себя левой рукой по виску, пересеченному оглоблей очков, думает несколько минут, предостерегающе вскинув правую руку, чтобы я не мешал.

— Значит, если у твоего Авдюшко все верно, то едва выдвинешь гипотезу, тут же можно проверить, правильна ли она (я киваю). И если неправильна, то иногда ее можно будет изменить, подогнать под ответ, соотнести с критериями (я снова киваю). Ни-че-го. Мо-ло-дец. Ради этого помогу. Пожертвую рабочим днем своим и всех своих. Окупится.

* * *

Все гипотезы, которые отвечали в 1968 году критериям Авдюшко, в 1973 году превратились в достоверности, теории или остались гипотезами. Ни одна не пошла в мусорную корзину науки, где лежат теплород и эфир, чертежи вечного двигателя и аппарата, испускающего лучи смерти. Мой Геннадий вцепился в Авдюшко как клещ. Теперь они вместе просматривали гипотезы 1973 года, решая, которые из них должны быть верны.

А меня судьба этого чужого ребенка интересовала мало. В конце концов, с открытием Авдюшко вознились сейчас «родители», я же сыграл всего лишь роль свата: свёл жениха и невесту. Что же дальше? Подошел я ближе к золоту Ньютона или занимаюсь бегом на месте?

А Авдюшко, наверное, все-таки гений. Он говорит, что его настоящее — это мое будущее. Ерунда, его настоящее — это моя мечта. Но помочь мне даже он не смог.

— ...Видите ли, дорогой друг, я просто не знаю, гомологом какого известного открытия может быть это неизвестное. Слишком уж мало нам о нем известно. Единственное, что я могу рискнуть предсказать... единственное, что мне говорит интуиция... Скорее всего возможно, а вернее, может быть, что к этому открытию можно подойти с помощью электричества. Ньютон разложил призмой свет, а свет и электричество в каком-то смысле гомологи... Хотя получить нейтроны при разложении электричества, конечно, невозможно... И все-таки, все-таки, дорогой друг, скажите вашим физикам — пусть они подумают над электричеством.

Да, Авдюшко не смог. Вся надежда на себя — себя самого. Думай, Рюрик, думай, Рюрик Андреевич, тебе иначе нельзя, ты сейчас справишься, сможешь. В конце концов, с тобой-то ведь тоже произошло превращение...

ГЛАВА VII. КЛАНЯЙСЯ РАЙМОНДУ ЛУЛЛИЮ

Итак, физика оказалась бессильна, история беспомощна. Алхимия проверена сверху донизу, все ее рецепты неверны.

Остаются только факты. И логика. Десяток людей якобы получили — с XIII по XVIII век — золото. Допустим, что хоть двое из них получили его вправду, без «якобы». Тогда явление повторяемо. И не было тут единственного в своем роде влияния вспышки Сверхновой, вселенского космотрясения или иного уникального события. На истину можно набрести. Именно набрести — явной закомонерности тут не было, — иначе золото давно делали бы на фабриках. Были ли в истории случайные открытия?

Да, случайность есть форма проявления... Все великие открытия делались по многу раз. Даже моего Ньютона повторяли то Гук, то Лейбниц. Роджер Бэкон оставил в своем XIII веке описания телескопа и микроскопа. А в XVI веке их изобрели заново.

Надо найти общий закон открытий... У Беккереля была фотопластинка. Иначе бы он не открыл радиоактивности. Чего же, чего нет у меня, причем у Ньютона это «что-то» было?

Электричество! Посмотреть, нельзя ли как-нибудь использовать электричество. Вот все, что мне мог посоветовать гениальный Авдюшко. А какое электричество может порождать нейтроны? Подожди-ка, товарищ Варзин! Я схватился за голову — ведь ты же сам редактировал два или три года назад статью об искусственных шаровых молниях. О плазменных образованиях, полученных академиком Капицей с помощью высокочастотных электрических разрядов. Они излучали нейтроны!

Значит, Авдюшко прав, электричество можно использовать. Но как?.. Думать! Еще секунда — и я пойму...

* * *

— Ты мне нужен, — сказал я. — Мне нужен физик. Даже Физик. С большой буквы. А ты к тому же в курсе дела.

— Опять что-нибудь с Ньютоном? Господи, ну и надоел же ты мне! Мономан! Идиот!

Илья исходил гневом, злобой, ненавистью. Все это — я знал — было обращено не на меня. На моих Альтотаса, Ньютона, Калиостро. Он ненавидел их. Слишком много времени ушло на алхимию у человека, который твердо знал, что жизнь коротка.

— Мы знакомы уже больше года, — гремел Илья. — Ладно, понимаю, у тебя были переживания. Но у меня они тоже были, и у всех бывают. Что, сколько, чего ты сделал за этот год? Ничего! А посмотри, сколько у меня одних статей за этот год вышло, — он выхватил из стола листок и сунул его мне под нос, — научных статей, а не популярных, учти. Если бы мне нечего было поставить в такой список, я бы считал себя бездарностью. Работать надо!.. Чему ты улыбаешься?

— Я тоже любил такие списки.

— Это ты — лодырь издеваешься над собой — работником. Понял?!

Он кричал, но почему-то казал-

ся мне спокойиым. Нет, ие то чтобы ои лицемерил, обрушивая громы и молнни иа мою бедную голову — просто его волнеиие было мелкой рябью рядом с моим собственным, не выходившим сейчас наружу. За его волиением стояла полиая вера в себя, она придавала ему вес и силу. За моим было иеверие.

Хлопали двери в кабииет, сюда заглядывали соседн по коридору, прнвлечеиные криками. На мгновенне они застывали в дверях и потом исчезали, чтобы ие показаться неделикатиыми.

У меня есть страиное, давио обнаружеииое миою свойство: я гораздо лучше и дальше слышу шепот, чем громкий голос.

И я слышал шепот в коридоре. Слышал лучше, чем крики Ильи.

— Ты можешь сделать паузу?

Он замер с раскрытым ртом.

— Так вот, ие буду излагать тебе ход своих мыслей, ио Ньютон кан-то использовал в своих алхимических работах электричество. Ты зиаешь, что у Капицы получениая высокочастотным разрядом плазма излучала иейтроны.

— Зиаю. Вопрос в том, сколько их было. А было мало. Не то что фунты, так и граиа золота ие получишь. Я уж ие говорю, что искусствеииые шаровые молнии получают совсем с иедавиих пор. И нх приходится держать в мощиейших магинтиых ловушках. Впрочем, и то слава богу, что ты отназался от мысли о какой-то иеведомой ядериой реакции и начал искать среди известиого. В общем, у иас в аспираитуре есть свободное место, Рюрик, я узнавал, — голос Ильи стал спокойнее... — Коиечио, это тебе ие журнал, ио и иа том спаснбо, после всей этой истории. Над тобой смеется вся Москва... Я встретнл в Доме журиалистов двух твонх товарнщей по работе, и они...

— Не иазывай их фамнлии. Не люблю злорадствовать, а ведь придется.

— К черту! Раз ты хочешь заиниматься физикой, иди ко мне в аспираитуру. После твоего вуза и в твоем возрасте зто трудно, но академик Кашкии сейчас для меня все сделает. Знал бы, каную установку я для иего отгрохал! А Кашкнн — его всюду послушают. Ну?

— Где уж мие сдать экзамеиы, — мягко сказал я.

— Их буду прииимать я.

— И по языку?

— Моя двоюродная сестра. Зиачит, согласен?

— Старнк. — Я схватил его за плечи, придвииул к себе, у самых своих глаз увидел потиый нос и грустиые уголкн губ. — Старик, это реально, надо делать...

— К черту!

Я схватил со стола слнток металла, сменивший прежиее пресспапье.

Ловкие руки Ильи отобралн у меня слиток прежде, чем я кан следует ощутил тяжесть металла, короткий холодок в ладоин н тревожиое любопытство к самому себе: что я сделаю?

— Не игрушна. Висмут высокой чистоты. Восемь девяток по-

сле нуля. Так ты пойдешь в аспирантуру?

Уже сквозь захлопывающиеся за мной двери я услышал истеричный крик: «Кланяйся Раймонду Луллию».

Он, конечно, прав. Золото Ньюна только мираж, привидевшийся мне в подвале далекого древлехранилища. И в аспирантуру я, разумеется, не пойду. Ученого из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в журналисты.

Я шел по улице, потом спустился в метро, сел в поезд, вышел, пересел, проехал лишнюю остановку, вернулся, вышел на поверхность, перешел по подземному переходу улицу, сел в троллейбус, поудобнее устроился на заднем сиденье, в дальнем от двери уголке, у окна. И заснул.

СОН III. ГРОМОВАЯ МАШИНА

Как описать это лицо? Оно было длинным, да еще и с длинным кривым носом. Резкие складки у губ и складки у глаз могли бы прибавить внешности своего хозяина лишний десяток лет, но выпуклый мягкий подбородок с по-детски округлой ямочкой заставлял этот лишний десяток отбросить. Парик обрамлял лицо. Мягкий галстук... — галстук? Или тогда он назывался фуляром? — плотно окутывал шею, свободно ниспадая на грудь между распахнутыми полами длинного атласного камзола. Короткие штаны, чулки, башмаки... Меня снова занесло в XVIII век! Я быстро огляделся.

В комнате был еще один человек. Тоже в башмаках, чулках, штанах до коленей, но вместо камзола на нем был... кафтан, что ли? И волосы у него длинные, да свои... Впрочем, комната ли это? Скорее дощатые сени. Если в XVIII веке бывали сени. Да что я! Бывали, конечно. Но это не обычные сени, потому что от двери под потолком идет проволока. Куда? К невысокому шкафу, точнее, к железному пруту, который стоит на этом шкафу в хрустальном стакане, до половины заполненном каким-то порошком. Люди стоят лицом к шкафу. Позади них, по другую сторону сеней, огромный сундук. Я стою рядом с сундуком, в дальнем от людей углу, почему-то они меня не видят.

— Переоделись бы вы, сударь. Что же, из академии, в параде, да к прибору, — укоризненно проговорил человек без парика.

— Нет времени, нет времени, господин Соколов. Вы только посмотрите, какая туча на горизонте! Мой прибор сегодня будет работать. Думаете, Михаил Васильевич пошел переодеваться?

— Да с него-то, буяна, чего взять! Что я хотел спросить у вас, Георгий Вильгельмович...

— Спрашивайте, спрашивайте, родом я лифляндец, мы любим вопросы.

— Верно толкуют, будто вы можете без огня нефть зажечь?

— О, проще простого! Стеклянная палочка, дорогой господин Соколов, может привести человека в такое состояние, что ежели он при-

косится к горючей жидкости, та тотчас вспыхиет.

— А вы сами сие видели, Георгий Вильгельмович?

— Опыт оный многие знатные ученые ставили, среди них первый славный Эйлер. Но как тогда вы удивитесь, сударь, ежели узнаете, что можно даже о лед зажечь нефть, ежели лед наэлектризован или же наэлектризована нефть.

— Много дивимся мы, господин профессор, вашим с господином Ломоносовым опытам. Он ведь тоже над домом шест железный, как и вы все равно, поставил, а проволоку от него в дом провел.

— Чему же дивиться, коли не науке великой, господин Соколов? Сам Невтон аглицкий, муж знаменитейший в свете, искру электрическую молнии небесной уподобил. А славный Иосиф Флавиус, историк римский и иудейский, тако пишет, что к золотой крыше храма Соломонова медные водосточные трубы подходили, от молний храм охранявшие. За тысячу лет в оный храм гром не бил. Не тому надлежит дивиться, что в наш век электрический мы молнии ловим, а древними знаемой премудрости. Громовая же машина, которую здесь видите, еще большее нам откроет. Но отойдите несколько, сударь, опасности нет, гроза еще далеко стоит, однако будем осторожными.

Профессор отстранил своего собеседника, но сам остался у шкафа с хрустальным стаканом. Между его лицом и прутом, торчавшим из стакана, было сантиметров тридцать. Я почувствовал, что сейчас что-то случится. Надо вмешаться! Лихорадочно искал в памяти, что я вижу... Закричать? Но услышат ли они меня? Ведь это же сон, один из моих идиотски реальных снов... И все-таки я крикнул: «Берегитесь!» И опоздал. В это самое мгновение от железного прута отделился отливавший синим огненный шар с кулак величиной. Секунда — и шар оказался у самого лба профессора. Я услышал хлопок, больше напоминавший звук выстрела из старинной пушки, чем гром. Профессор, не вскрикнув, рухнул назад, на сундук. Мастер кинулся на землю, на его спине вспыхнула одежда. Вдребезги разлетелся хрустальный стакан на шкафу. Во все стороны из него полетели какие-то пылинки. Одна из них угодила мне в глаз, я схватился за глаз и... проснулся.

Я сидел в троллейбусе, меня довольно сильно трясло — что поделать, задние сиденья. Болел глаз. Что-то жгло ладонь. Я поднес ее к глазам. Несколько пылинок. Какие-то металлические, скорее всего медные опилки.

В хрустальный стакан с медными опилками был вставлен стержень электроизмерителя в последнем опыте Рихмана.

Да, только что на моих глазах погиб Георг-Вильгельм Рихман, член Санкт-Петербургской академии наук, изобретатель первого электрометра... И я ничего не мог бы сделать, даже если бы вправду находился там. Рихман ведь все равно был убит, а академический «грыдыровальный» мастер Иван

Соколов все равно уцелел. Я много читал об этой истории, помню портрет Рихмана... Но почему именно сейчас я увидел именно этот сон? Знаю я себя — мне такие сны зря не снятся. Память услужливо извлекла из своих запасников эту сцену не случайно. Но почему? Из-за упоминания Невтона-Ньютона? Но я и без того недавно вспоминал, что старик занимался и электричеством. Нет, было что-то еще... Огненный клуб! Синий шар, отделившийся от прута. Это же шаровая молния. Но какая! Первая в мире, которую получили искусственно. Пусть не намеренно, пусть с трагическим исходом, но искусственно. До искусственных шаровых молний XX века еще сотни лет, тысячи открытий и изобретений. XX веку понадобилась для этого сложнейшая техника, мощные магнитные поля, чудовищной силы источники тока. А шаровую молнию можно было создать еще в XVIII веке. И в начале его и в конце XVII века тоже.

Я достал из кармана пиджака и лихорадочно перелистал перевод рукописи Альтотаса. Вот оно, это место:

«Небо слушалось его законов, и грома служили ему». И я мог понять когда-то эту фразу просто как образчик восточного красноречия. И Юра на нее внимания не обратил, и Илья, и Михаил Илларионович. Даже Авдюшко... Но ведь с небом-то дело обстояло в точности по Альтотасу: по законам Ньютона двигаются космические тела. А может, слова о громах, которые служили Ньютону, только намек на его занятия электричеством? Вряд ли. В первой части фразы нет преувеличения. Стоит ли тогда видеть такое преувеличение во второй части фразы? А если принять, что Ньютон мог, пускай только во время гроз, получать шаровые молнии, то как не вспомнить про нейтроны из шаровых молний...

Ах ты, господи... Да ведь я уже все понял — понял, что мои фантазии не стоят выеденного яйца. Взять хоть эту. Где гарантия, что Рихман получил именно шаровую молнию? Показания бедного Ивана Соколова? Но ведь он был перепуган до смерти. И один свидетель — не свидетель, тут наука строго держится основ римского права. А если даже это была именно шаровая молния — где гарантия, что она возникла не из-за чистой случайности? И даже если тут была не случайность, а закономерность, все равно, откуда я взял, что Ньютон мог перескочить через головы десятков ученых, столько наоткрывавших в электричестве с начала XVIII века и до 1753 года, когда погиб Рихман?

Не буду обольщаться. Хватит быть смешным. Теперь мой черед смеяться. Над кем? Да над Ильей. Он не верит, что я могу вернуться в журналистику? Так я ж поднесу ему такую «утку»! Для одного человека, зато это уж будет сенсация! Я не верю в золото Ньютона, но его поверить заставлю. Рихмана для этого, конечно, мало. У него и у Ньютона не могло

быть магнитных ловушек. Но... зря я, что ли, писал недавно о феях, которые пьют только росу? Капелька поддерживает свое существование, потому что посылает частицы водяного пара в атмосферу, отталкивая пылинки. Ну, а что такое шаровая молния, до конца никому не известно. Почему бы ей не поддерживать свое существование благодаря некоему излучению? В частности, нейтронов. Нейтронов слишком мало для превращений? Это у Капицы слишком мало. А у природных шаровых молний излучение может быть сильнее. Почему этого до сих пор не открыли? Так ведь даже секрет шампанского после древних римляи искали полторы тысячи лет, а он и вовсе рядом лежал. Ну, а что касается теорий и запретов... Если уж у самых обычных молний нет даже права на существование, что тогда говорить о шаровых! Но ведь он все равно не поверит, Илья. Специалиста такими рассуждениями не проведешь. Ну что ж, надо будет зайти в одно местечко, где у меня есть очень, очень добрые знакомые.

Дорога была длинной, но сегодня у каждого ее шага, ступеньки и остановки был свой непреходящий смысл. Стоило, стоило проехать — чисто случайно — лишний пролет в метро, потому что именно на этом пролете перед моими глазами оказались волосы цвета воронова крыла, кожи аспида, донецкого антрацита и каслинского чугуна, цвета самой глубокой ночи и самой большой глубины, это сочетание десятков оттенков черного, с варварской роскошью украсивших голову на отнюдь не по-варварски точеной шее. Но я даже не оглянулся, когда обогнал в подземном переходе обладательницу этой прически. Лица тех, кто шел мне навстречу, тоже были великолепны. Старые и молодые, прекрасные в своем совершенстве или нелепые, они захватывали порою резкостью черт, порою смутным переливом линий. Сегодня я то торопился, чтобы быстрее пропустить мимо себя лицо слишком красивое, чтобы за лишние доли секунды не влюбиться, то сдерживал себя, чтобы разглядеть во всех чертах и удобнее уложить в сокровищницу памяти особенные брови, новую форму морщинки у губ, безнадежно густую тень под глазами.

И было мне плевать на это проклятое золото. Старое правило: ищешь Индию, найдешь Америку.

За этот год с небольшим я прошел больший путь, чем за всю предшествующую жизнь. И шел только вперед... Как пешка. Только где же она, моя восьмая горизонталь? Не стану я фигурой. И слава богу, наверно. До чего мне только что хотелось увидеть длинную милую рожу Ильи. А вот увидел — и поругался. Он чувствует себя виноватым. Ну, так сейчас я его окончательно доведу до белого каления! Заодно и помирюсь! Вот и конец истории с золотом Ньютона. Липовый я Колумб. Ищешь Индию, черта с два найдешь что-нибудь еще.

* * *

...Илья сел в кресло боком, небрежно перекинув через ручку длинные ноги. Протянул длинную правую руку к колбе с горячим кофе, подвинул длинной левой рукой две чашки, длинными пальцами вынул из элегантной шкатулки несколько удлиненных сахарных параллелепипедов, бросил их в чашки, налил кофе, подвинул одну из чашек мне.

— Ну, на этот раз я тебя выслушал. Доволен? Придумал ты все здорово. Нашел, сопоставил, вывел... Молодец! Особенно насчет того, что обычных молний по теории не должно быть. Я, кстати, знаю, из какого номера «Успехов физических наук» ты почерпнул такие сведения. Ты прав, всю нужную аппаратуру я могу найти если не в своей лаборатории, так в соседней. Для проверки этого бреда хватило бы нескольких часов. Но у меня есть только четыре минуты, потом надо идти принимать экзамены. А для беседы о золоте нам этих четырех минут хватит. И четырех секунд хватило бы. Я в эту игру больше не играю. Все. Поговорим о другом. Если бы ты знал, как мне хотелось тебя увидеть!

— Мне тоже.

— И учти, предложение насчет аспирантуры остается в силе. Верное дело. Ну?

Я молчал.

— Ладно, если хочешь, посиди здесь. Мне пора на экзамен.

Он встал, подождал немного, видимо, ожидая, что я тоже поднимусь с места, потом пожал плечами и шагнул к двери.

— Я немного побуду и уйду, — сказал я в его узкую длинную спину. — Если не возражаешь, оставлю подарок. На столе, под газетой.

Он повернул голову в профиль, чинно кивнул и исчез за дверью.

Я ушел через минуту. А примерно через час... Насколько я себе могу представить, выглядело все примерно так.

ГЛАВА VIII. НА СТОЛЕ, ПОД ГАЗЕТОЙ

К темной дубовой двери подошел человек, явно чувствующий себя непривычно и неловко в бесконечно длинном университетском коридоре. Он посмотрел на номер на двери, потом заглянул в записную книжечку, облегченно вздохнул и постучался.

Никто не ответил.

Еще раз.

Молчание.

Он приоткрыл дверь и спросил негромко:

— Можно?

Ответа не было.

— Эй, есть там кто живой? Да нет, молчат, — сказал он сам себе. — Нет там никого. — И все-таки, проходя в дверь, произнес вежливейшее: — Простите.

В рабочем кабинете физика все было как всегда. Хозяин ушел отсюда недавно — еще не успела остыть стоявшая на письменном столе колба, в которой он, видимо, имел обыкновение варить себе

кофе (гость не забыл потрогать ее кончиками пальцев). Вежливый посетитель покружил по комнате, разглядывая книги в шкафу, папки на стенной полке, фотографии на стенах. Потом снова подобрался к письменному столу и не столько снял, сколько столкнул сложенную вдвое газету, прикрывавшую правый его угол поверх нескольких книг. Шелест, с которым газета опустилась на пол, прозвучал в ушах гостя громом. Потому что, пока она падала, он успел разглядеть предмет, лежавший между двумя стопками тяжелых томов. Это был слиток желтого с красным отливом металла.

Широкая плоская ладонь скользнула под слиток, вобрала его в себя и попыталась поднять. Но запланированного усилия оказалось недостаточно. Тогда вторая ладонь охватила слиток сверху, потом отошла вбок — и две руки в дружном рывке легко подняли кусок металла.

— Как бы его на зубок попробовать? — прошептал любознательный посетитель, наклоняя голову к слитку.

— Мне хотелось бы знать, что это вы тут делаете? — раздалось от дверей.

Слиток выпал из сразу ослабевших рук и упал на настольное стекло, дробя его.

Хозяин рук метнулся к одной стене, потом к другой, остановился у окна, мучительно стиснув зубы, готовый... бог знает к чему. Но не к тому, что сказал хозяин комнаты.

— А это что такое? — спросил тот, поднимая слиток.

— Я только посмотреть взял, — лихорадочно зашептал посетитель, еще не поняв, что именно поразило его в голосе физика.

— Я не о вас, а об этом спрашиваю! Что это такое? — хозяин комнаты потряс над головой гостя слитком.

— Золото.

— И сам вижу. Откуда оно взялось?

— Когда я пришел, лежало здесь, под газетой, — оправдывался гость, запоздало соображая, нельзя ли было объявить себя владельцем слитка.

— Значит, он добился! Добился! И только разыгрывал меня! Приказная строка, в физике ни уха ни рыла, а добился! А я отступил. Господи, как же все, наверное, просто было, если он добился. Даже он. А я-то...

Воспользовавшись замешательством хозяина, посетитель начал продвигаться к двери.

— Э, нет! Вы своим чередом. Как вы сюда попали... молодой человек?

Обращение физик произнес с некоторым сомнением, поскольку гость был явно старше его самого. Но физик слишком привык принимать экзамены, чтобы во время опроса странного посетителя отказаться от своей обычной в таких случаях манеры.

— К кому вы шли? Кто вам выписал пропуск? Где он, кстати? — загремел физик, срывая досаду, но и загораясь интересом к самому допрашиваемому.

Тот пискиул, резким толчком в бок отбросил физика с пути к двери. И мгиовенно нсчез за иею.

«Шпиои! Кто же еще? А тут — первое в мнре искусственное золото. То есть первое в двадцатом веке».

Физик сорвал с телефона трубку, набрал номер вахтера и коротко прнказал ему впредь до особого распоряжеиия инкого не выпускать из здания. Ои, конечио, не имел права отдавать такой приказ, но пока он дозваиивался бы до лиц, этим правом обладающих, распоряжеиие успело бы потерять всякнй смысл. Выскочив затем из кабинета, физик мобилизовал всех своих и попавшихся под руку чужих сотрудников на понски иностраиного разведчика, вызвал звонком комеидаита здання, тот кликиул студеитов и аспираитов...

И через пятнадцать минут недавний визитер был обиаружеи в кабинке жеиского туалета.

А еще через три мииуты ои плакал в кабииете комендаита н клялся, что золото физику не прииосил, у иего золота иикогда и ие было, ои столько золота ннкогда и ие видел... Он безо всякой взятки пришел просить глубокоуважаемого Илью Всеволодовича разрешить его сыну пересдать зкзамеи...

— Обыщите его! — скомандовал физнк двум юным аспнраитам, насторожеино следнвшим за каждым движеиием задержаиного.

Комендант остаиовил их:

— Мы не нмеем права. Сейчас подъедут сотрудиики. Я их уже вызвал.

Насмерть перепуганный плеиник, путаясь в петельках, расстегиул пиджак и иачал опустошать виутреииие карманы, выкладывая их содержимое на стол. Потом перешел к виешиим кармаиам пиджака, потом к брючиым и, распустив пояс, продемонстрировал, что под рубахой у иего ничего ие спрятаио.

— Сотрудииков-то зачем беспокоить? — приговаривал ои при этом. — И без нних прекрасиенько обойдемся.

В карманах оказались паспорт и служебное удостоверенне замдиректора Н. П. Плегиоиова, шесть запнсиых киижек и шестьсот восемьдесят рублей. Четыреста нз них — в отдельном коиверте, пятидесятирублевыми бумажкамн.

— Ои предлагал вам взятку? — спросил у физика комеидаит. — Или что-то украл?

— Нет.

— Господи, да что у вас там можно украсть?! Зачем же весь этот шум? И с чего зто вы, товарищ Трушии, приняли его за шпиона? Обыкиовеииый взяткодатель, не успевший себя проявить. Успел бы — сел бы. А теперь мие за вас красиеть. Ну какой же ои шпион? А вот золото — давайте сюда. Ему в сейфе место. В сейфе. Для зкспернмента получите под расписку. Порядок есть порядок.

— Поиял! — закричал фнзик.

— Что поиял? Ои все-такн шпнои? — комеидаит взволиоваиио вскочил иа иогн.

— Нет, совсем другое!

— А что нам с иим делать?

— Да гонните иа все четыре сто-

роны! — эту фразу физик договорил уже за распахнутыми им дверями комендантского кабинета.

Комендант неодобрительно покачал головой:

— Заведует лабораторией, а командует будто декан. Вот получит выговор за превышение, поймет. Молодо-зелено... И расписку не взял — за золото-то. Но это мы сейчас и без него оформим... Так вы, граждани, не желаете ли объяснить нам, для какой такой цели вы носите при себе этакие деньжищи?..

* * *

Гришка был растерян:

— Значит, не уважаешь ты меня как противника. На такую жертву рискнул! Партия же твоя была. Фигуры мои сдавлены, выбор ходов у меня невелик. Верное дело.

— Видишь ли, Гриша, я больше не люблю играть наверняка. И не хочу ждать, пока ты сам проиграешь.

Авдюшко, третий час сидевший у меня в редакции (мы играли в блиц «на вылет» — проигравший уступал свое место), меланхолически заметил:

— Э, нет. Вы многому научились за последнее время, мой дорогой. Но не потеряйте взамен умения ждать.

— Тоже мне умение, — фыркнул Гришка. — Надо — и ждешь.

— Не скажите, дорогой товарищ. Кстати, пора сделать перерыв в блице, голова кружится. И если у вас есть настроение послушать...

— Конечно! — ответили мы в один голос.

— Отлично.

СОН IV. УМЕНИЕ ЖДАТЬ

Вы, Рюрик Андреевич, рассказывали мне свои сны. А теперь я расскажу вам свой. Давний сон. Того далекого времени, когда я был вдвое моложе, в полтора раза худее и в тысячу раз нетерпеливее, чем сейчас. Иду в столовую — а до нее от моего дома два квартала — и думаю: глупо ведь тратить на ходьбу время, все равно я там буду, ничто не может этому помешать. Ничего бы в мире не изменилось, если бы я уже был там. Так почему бы не перескакивать человеку через такие «слепые» промежутки? Или другое. Скорее, например, экзамены в институте сдавать надо. Известно же и мне и профессорам, что сдам, что пятерки получу, что потом скорее всего перезабуду все — так нет, мало того, что учить велят, так еще билет надо тянуть, рисковать, переживать, нервничать... Вот когда-нибудь...

Пофилософствовал на эту тему как-то вечером — не в первый раз. Лег спать. А заснул — увидел во сне человека на троне. Трон был собственно не троном, а огромными настольными часами — только без стола. В одной руке человек держал как скипетр огромную часовую стрелку, в другой старинные круглые часы — нюри-

бергское яйцо, я как раз иедавио видел такие в музее. Вместо глаз хроиометры, нос в виде ремешка от ручиых часов, рот — рупор радио, а оттуда иесутся сигиалы точиого времеии. В общем, зрелище скорее смешиое, ио во сие мие почему-то жутковато стало. Подошел поближе — исчез «часовой» субъект, а там, где он только что был, на обыкиовеииом стуле сидит пареиь с моего курса, Пашка Гирии, с иим мы, собствеиио говоря, и философствовали больше всего на великую тему о времеии.

И говорит мие Пашка:

— Слушай! Великолепиая штука! Все твои проблемы решены. Хочешь оказаться в будущем месяце? После сессии?

— Коиечио, говорю. А разве можио?

— Да можио, поиимаешь!

— Как?

— Слышал о иаходке в Аитарктиде? В прошлом году.

— То, что иазвали марсиаиским кладом, что ли? (Во сие я твердо знал, что в Аитарктиде нашли какой-то клад, и знал, как его зовут.)

— Да. Так вот, исследовали это сокровище, исследовали, исследовали... Кое-что поияли до коица, кое-что ие совсем. И только в одном вовсе ие могли разобраться. В металлическом кубе.

— Помию, помню, его еще прозвали «серым ящиком». За цвет.

— Молодец. Так пошлн же к этому кубу. Разобрались с ним наконец.

— Пошли.

Коридоры, коридоры, коридоры... Даже во сие я поимал — что-то тут неладио. И спросил с опаской:

— А иас пустят к этому ящику?

— У меия там брат комаидует. Пустят. И не только к ящику, если захотим...

Куб был чуть выше человеческого роста, и в одиой из его граней виднелась узкая дверь.

— Это машина по превращению будущего в настоящее, — торжествеиио объявил Гириi.

— Машииа времеии?

— Нет, иет. Я сказал точное пазваиие.

— Да это же просто игра слов. Где разиица?

— Поймешь, когда выйдешь. Не бойся, уже проверяли эту машину, безопасиость полиая. Где ты, значит, хочешь оказаться?

— Сейчас иачало декабря... Хочу в коиец яиваря. Разумеется, я во все это ие верю...

— Отлично!

Я вошел в куб. Виутри было светло, хоть и ие слишком, стены тускловато мерцали в такт друг другу. Прошло несколько миiут. На секунду мие стало чуть страшновато, но я отогнал это чувство, подошел к двери и поднял руку — постучать. Не успел. Дверь сама отошла в стороиу, и я вывалился из куба прямо в объятия Пашки. А когда освободился из иих, понял, что тот решил продолжить розыгрыш. В пять минут успел, сукии сыи, переодеться и побриться. Молодец!

— Тебе бы выступать, брат, в цирке. В иомере с переодеваии-

ем... — начал я и увидел в его руке газету, свернутую так, чтобы число бросалось в глаза. Там стояло 31 января.

И тут на меня нахлынуло прошлое, которого не было. Я вспомнил, как блестяще отвечал на экзамене по истории искусства и почти сыпался на педагогике. Вспомнил, как поссорился с Ниной под самый Новый год и как позорно проиграл в товарищеском соревновании по самбо. Вспомнил, что вчера (30 января) был у врача и тот сказал, что нужна операция: камни в почках. А я очень боюсь боли, хоть и самбист.

— Но если я был здесь, кто же ходил на экзамен?

— Чудак! Ты же. Ты ведь это помнишь?

— Да! Но...

— Я же тебе объяснял, что это за машина. Будущее стало настоящим. Вот и все. Но прошлое от этого никуда не делось. Ты помнишь? Значит, это было. То, что должно было произойти, произошло. Как ты мечтал.

— Здорово! Слушай! А нельзя туда еще... На пару месяцев?

— Пожалуйста!

— Только... Тогда уже не на два месяца, а на полгода, ладно? Перескочу и через операцию, и через летнюю сессию. И вообще лето — это хорошо! Лучше зимы. Солнце, вода...

— Пожалуйста. Заходи.

— ...Ох, Пашка, я, оказывается, попал в неприятнейшую историю. А я, ей-богу, ни сном ни духом. Мать плачет, комитет комсомола собирается, хоть уже каникулы начинаются. Да ты, наверное, в курсе, я же помню, что с тобой делился, да и разговоров было в институте полно... Я еще на полгодика, пока все остынут. А вспоминать — не переживать, вспоминать даже приятно. Пожалуйста, закрой за мной дверь.

А потом мне надо было осваиваться после института на работе, ехать в неприятную командировку, судиться из-за квартиры. А потом...

И совсем уже потом я лежал в гробу, обложенный цветами, и слушал (ведь все это, в конце концов, был сон) взволнованную речь представителя общественности.

— Покойный профессор, — прочувствованно говорил он, — прожил долгую жизнь, полную больших и малых событий.

И я понял, закончил Авдюшко, что пора просыпаться. И что давно было пора. С тех пор я всегда с удовольствием проходил те два квартала от дома до общежития. И иногда даже жалел, что их не три.

Может быть, Николай Пантелеймонович сказал бы что-нибудь еще, но тут необычно резким звонком разразился мой телефон.

— Кто же звонит в такую пору в редакцию? — пожал плечами Гриша. А я молча вслушался в трезвон, раньше чем снять трубку. Каждый может угадать по звукам дверного звонка, кто хочет войти или, по меньшей мере, в каком настроении человек, стоящий сейчас перед дверью. А я довольно часто угадываю по те-

лефонным звонкам состояние духа будущего собеседника.

Сейчас мне показалось, что он — кто бы он ни был — должен быть разъярен. Что же, в голосе Трушина действительно звучала ярость. Но торжества в нем было больше. Намного.

— Немедленно приезжай. Пропуск выписан! — прогремел он в трубку и повесил ее.

— Спасибо за сон и рекомендации, Николай Пантелеймонович. Поиграйте теперь без меня. Срочно требуюсь...

Я поехал.

Он сидел в своем кабинете и даже не встал мне навстречу. Он сидел не просто, а раскинувшись в кресле, и стол перед ним был накрыт газетой поверх расставленных по углам стопок книг.

— Подойди, подойди, бандит, — подозвал он меня, сорвал газету, скомкал ее обеими руками, приподнялся, запустил бумажный ком в форточку и повалился обратно в кресло. — Значит, вызов мне послал? Гений, значит? А я, видишь, не хуже тебя сделал. История здесь была... Ну об этом потом. Главное, понять надо было, что запрета тут нет. Сделал я копию. Хоть и путал ты в своем рассказе, детали важнейшие пропускал... Твой слиток — для сравнения — только что у коменданта выцарапал. Трудно было.

Перед ним лежали два очень похожих слитка золота. Он был очень, очень доволен.

— А то, понимаешь, просто уважение к себе потерял, когда взглянул на твой подарочек. Приоритет-то за тобой, но и я не такой идиот, как сам думал. Понял, сукин сын?

Да, сегодня его словарь резко изменился. Но купил он меня здорово. Лучше, чем я его. И я сказал:

— Вот не знал, что в Минералогическом музее есть второй такой образец. А Пашка Жуков, тоже друг, такой розыгрыш испортил!

— Какой Пашка Жуков? — физик выпрямился в своем кресле, вцепившись руками в край стола. — Какой Пашка Жуков? Какой розыгрыш? Второй раз за сутки я чувствую, что схожу с ума... — По мере того как он произносил фразу, голос его становился все тише, и «схожу с ума» я скорее угадал, чем услышал.

— Так ты с д е л а л это золото?! — спросил я.

— Конечно! А ты?

— Я-то? Да взял на время модель слитка — внутри ртуть, потом свинцовая оболочка, сверху золотая фольга. А ты на закон Архимеда почему не проверил?

— Архимеда? Да я ж говорю, не было у меня этого слитка. У коменданта он лежал. И хорошо, что не было. А то бы проверил. — И Илья начал смеяться. И продолжал это делать по крайней мере минуты четыре.

Потом, вытирая глаза, сказал:

— Да ты бы хоть спросил, как я это сделал.

— Чего ж спрашивать, когда уже сделал. Тут как с атомной бомбой — самое трудное выяс-

нить, можно ли это сделать. А дальше уж легко.

— А приоритет-то мой. Но я без тебя никуда. Соавтор. Вот мы и добрались до восьмой горизонтали, Рюрик. Считай, что у нас в кармане все премии мира, старик! К шведскому королю за Нобелевской съездим, представляешь? Не знаю, как тебя, а уж меня-то и в академики выберут, — Илья зажмурился от удовольствия, — впрочем, тебя, наверное, все-таки тоже, — великодушно добавил он. — Весь мир будет наш. Весь мир! Мы на восьмой горизонтали. Мы вышли в ферзи!

Я смотрел на него и радовался. Нельзя было не заразиться этим детским восторгом. Особенно тому, кто год назад переживал тот же восторг, мечтая, хоть и без всяких оснований, о том же будущем. Но мое превращение состоялось раньше, чем я добрался до восьмой горизонтали.

Ах, Илья, Илья! Каждый должен дойти до своей восьмой горизонтали. Только зачем же превращаться на ней именно в ферзя?

Впрочем, я не стал говорить ему всего этого.

А он продолжал, уж чуть смущенно:

— Только как с историками быть? Приравнять их к нам — не по справедливости как будто. А выразить публично благодарность — маловато ведь...

— Ладно, Илья, что зря переживать, — сказал я мягко. — Как-нибудь разберемся.

Почему-то мне было его жаль. Ладно, ладно. Будет еще время надо всем этим подумать... А теперь хоть минуту отдохнуть.

Я сел в широкое кресло, прикрыл глаза. И, уже засыпая, услышал над собой встревоженный голос Ильи:

— Погоди-ка! Но ведь поток нейтронов смертельно опасен. А старый Ньютон даже не знал, что тут нужна защита. Сам он мог бывать у своей аппаратуры редко. Но люди, которые за нею следили... Они должны были умирать.

СОН V. ПРОЩАЙТЕ, ИСААК ИСААКОВИЧ

— Они должны были умирать, — повторил я негромко и вдруг понял, что произнес эту фразу по-английски. Огляделся.

Я снова был в кабинете Ньютона. Хозяин кабинета стал старше, еще суше сделалось тело, еще морщинистее холодное лицо. На его письменном столе рядом с бумагой лежал огромный том библии в кованном серебром переплете. Усталые маленькие глаза вглядывались в ее строки.

Медленно оторвал старик свой взгляд от книги, медленно поднял его на меня.

— А, это вы, мой ночной гость из страны снов, — медленно произнес хозяин. — Да, они умирали... Болели, тяжело болели и умирали. И когда я понял, почему... Следа не осталось от моей проклятой машины. — Голос старика на секунду прозвучал резко,

сильно и звонко, потом снова упал. — Теперь вы понимаете, почему я ничего не опубликовал по алхимии? А может быть, — голос стал совсем тихим, я едва разбирал слова, — а может быть, теперь вы поймете и то, почему я стал изучать апокалипсис.

И маленькая костлявая ладонь взметнулась над развернутой книгой и наискось хлестнула по странице.

— Прощайте, Исаак Исаакович!

* * *

Илья встревоженно тряс меня за плечо.

— Спасибо, что разбудил. Досидели мы с тобой до утра! Пора в редакцию. Побегу. Пока!

Рассказы

2

ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА

Мы пойдем мимо — и дальше

1

— Послушайте, Кира Владимировна, зачем психологу вакуумный насос? — спросил меня бухгалтер.

Официально он теперь назывался генеральным бухгалтером. Полгода назад он был главбухом, и на его столе лежали обыкновенные конторские счеты. А сейчас справа от генерального бухгалтера — селектор, слева — изящный компьютер «Рига-6М», на большом полированном столе ничего лишнего — только ручка, карандаш и новая книга Жана Силбаха «Финансирование научных исследований». На французском языке. И сам генеральный бухгалтер похож на молодого профессора-физика.

Генеральный бухгалтер — мой враг № 1. Он всегда разговаривает со мной с позиции силы.

— Вот, пожалуйста, — сказал он, — пункт семнадцатый вашего пространного списка. Стеклянный высоковакуумный масляный двухступенчатый диффузионный насос. Восемнадцатый пункт — нитрат серебра, тысяча семьсот граммов. Девятнадцатый пункт — экстракционный аппарат Сокслета... Два года вы меня изводите такими заявками. И впереди, насколько я понимаю, еще целый год, пока вы кончите университет и, даст бог, уедете куда-нибудь...

Нечто подобное я слышала еще в школе. «Знаешь, Кира, хватит с меня твоих затей, — заявил директор, когда я научила своих

октябрят скорочтению по системе «ультраспид». У директора болело горло, он говорил трагическим шепотом. — Что за цирк, что здесь происходит? Хоть бы ты скорее кончила десятый класс и поступила в МГУ...» И вот теперь бухгалтер ждет, пока я окончу МГУ и уеду в Академгородок. Интересно, что мне будут говорить в Академгородке и куда я уеду оттуда?..

— Шесть тысяч двести, — продолжал бухгалтер, разглядывая список. — Можете вы объяснить, для чего нужны вакуумный насос, нитрат серебра и все остальное?

Объяснить я не могла, он это прекрасно знал.

— Виктор Андреевич, — сказала я, чтобы хоть что-то ответить, — поймите, нельзя расспрашивать Чуваева, это нарушит чистоту эксперимента. Когда Джон Бернал разрабатывал свою теорию жидкого состояния...

— Чистота эксперимента, — с горечью произнес генеральный бухгалтер. — Все думают о чистоте эксперимента и никто не хочет думать о чистоте бухгалтерии. Вместо конкретных объяснений вы цитируете Налимова и Мульченко, ссылаетесь на кривую Виланда, приводите формулу Сарбаева и рассказываете мне истории из жизни Джона Десмонда Бернала. А я смотрю на смету. Тут ваша подпись, не так ли? — он раскрыл пухлую папку с моими бумагами. — Семнадцать тысяч на весь год. Из них на оборудование — четырнадцать. Хорошо, теперь обратимся к фактам. Не проходит и месяца, как вы тратите четырнадцать тысяч, а через две недели и все остальное. Затем вам дают еще семь тысяч. Восходящая звезда психологии, разве можно отказать! Я тут же оплачиваю кучу счетов. Ультрафильтры Зигмонди, фотоэлектрический пирометр ФЭП-4, диализатор с мешалкой, две тысячи шестьсот рублей заводу «Физприбор», четыреста пятьдесят по трудовому соглашению за изготовление стеклянной аппаратуры согласно эскизам... Семь тысяч кончаются. И тогда вы говорите: нужна радиационная защита. Вы прекрасно знали об этом заранее, но не включили стоимость защиты в смету. Еще бы, на монтаж защиты обязательно дадут дополнительные средства: если есть радиация, защита необходима, не так ли?.. Ладно, пойдем дальше. Апрель этого года. Я был в отпуску, а вы уговорили Зацепина и Софью Александровну и забрали приборы, предназначенные для химфака. Интересно, как это увязывается с кривой Виланда и возвышенными идеями Джона Десмонда Бернала?

В душе он оставался главбухом, и сейчас ему не хватало счетов: взять и подсчитать, сколько я израсходовала. Раньше он так и делал. А тут вместо счетов ЭВМ, не будешь же на ней складывать такие простые цифры.

— Если хотите знать, Кира Владимировна, — продолжал он, — вас испортила слава. Интервью, очерки, портрет на обложке «Смены»... Барыбин, Зине-

вич, Мельникова, доктора психологических наук, спокойно занимаются психологией, а вы, студентка, строите машину, которая неизвестно как должна быть устроена и неизвестно что должна делать. Не спорьте, это не поможет. Пока вы не выходили за пределы утвержденной суммы, я молчал. Но дополнительные средства — совсем другой разговор. Составьте обоснование, смету, пусть все это подпишет Коробов. А потом пойдите к Зацепину. И если он утвердит... ну тогда будет видно. Советую поторопиться. Зацепин послезавтра уезжает...

Главбух по-своему прав: я потратила уйму денег на машину, о назначении которой не имею ни малейшего понятия. Но я тоже права: нельзя было расспрашивать о назначении машины, это отразилось бы на ходе эксперимента.

За два года я привыкла не вмешиваться, и, когда Игорь перед отъездом принес список оборудования для Тумбы-2, я ничего не спросила. Игорь в Саянах, плывет на своей байдарке по Большой Бирюсе — не позвонишь, не спросишь... Самое умное — отложить все до его возвращения. Потеряем мы на этом месяца полтора, ничего страшного. А пока я поеду домой. Ну конечно! Возьму билет на самолет и завтра к вечеру буду в Таганроге. Мама даже не ждет. Лето кончается, надо отдохнуть и в октябре взяться за диплом.

Решено. Еду на три недели домой.

2

Главбух говорит: слава испортила. Ну какая у меня слава? Придумала систему упражнений по развитию фантазии, занималась с Настей Сарычевой, потом Настя открыла АС-эффект и действительно прославилась. А моей славы едва хватило, чтобы новую тему включили в план проблемной лаборатории.

Конечно, тема дикая. Но потрясающе интересная, я бы ни за что от нее не отказалась. К тому же Игорь идеально подходил для эксперимента. В психологических опытах это чрезвычайно важно — иметь подходящего человека. Иногда все останавливается из-за того, что не на ком экспериментировать.

Игоря Чуваева я нашла в Таганроге. Гениальный парень, он решил перейти Азовское море на ходулях. Плывут же через океан на плотах и папирусных лодках, такая уж эпоха. В Таганрогском заливе совсем мелко, особенно при восточном ветре, когда начинается сгон воды. Игорь тренировался со своими ходулями, я его выловила метрах в трехстах от берега. Одна ходуля заклинилась между камнями, и первый в мире ходулеавт висел над водой под углом в сорок пять градусов. Красивое было зрелище. Развязать ремни он не мог, не дотягивался, а кричать не хотел, потому что на берегу сидела рыженькая Алиска. Игорь заканчивал тогда седьмой класс, Алиска была в четвертом, но она играла не последнюю роль

во всех его затеях. Алиска не видела, как я спасала отважного ходуленавта, в школе я никому ничего не сказала, и Игорь проникся ко мне доверием.

Впрочем, с ходуленавтикой мы быстро покончили. Я заставила Настю сделать расчет; получилось, что предел — два метра плюс-минус пятнадцать сантиметров. С глубиной возрастает сопротивление воды, труднее шагать. Нужно было чем-то занять Игоря, и я подбросила ему систему упражнений по развитию воображения. Фантазия у Игоря была богатая, это чувствовалось уже после первой недели занятий. Но тут у меня начались выпускные экзамены, а потом надо было ехать в Москву, поступать в университет. Перед отъездом я подарила Игорю «Спутник юного филумениста» и набор спичечных этикеток. Я к тому времени прочитала уйму книг по психологии и считала себя настоящим психологом. Пусть Игорь собирает этикетки, решила я, дело это тихое и в какой-то мере полезное. Да и в «Очерках по психологии подростков» говорилось: «Филумения направляет энергию подростка в спокойное русло коллекционирования, развивает любознательность, расширяет кругозор».

Прошел год, и, приехав на каникулы, я заметила на улицах нечто новое. В Таганроге, особенно в старой его части, за год бывает не так уж много перемен. И если что-то изменилось, это сразу бросается в глаза. Смотрю, напротив вокзала появился громадный световой щит: «Страхуйте имущество от огня!» Зеленая надпись и красное пламя. Сначала загораются внутренние контуры пламени, потом внешние, доходящие до четвертого этажа, и тогда по диагонали появляется призыв насчет страховки. Очень красиво. Прошла я два квартала по улице Фрунзе и вижу: «При пожаре звоните 01». Оранжевые буквы, каждая по три метра, не меньше. Тоже красиво, но, думаю, несколько однообразно. Иду дальше. На здании почтамта прямо-таки праздничная иллюминация: тут и «Прячьте спички от детей», и «Страхуйте имущество», и «Звоните 01», «Вступайте в добровольное пожарное общество»... Я начала кое-что понимать: «Филумения направляет энергию подростка в спокойное русло коллекционирования...» Вот и направила!

Правда, потом выяснилось, что Игорь лично ничего не сжег. Он развлекался сравнительно безобидно: отламывал спичечные головки и закладывал их в самодельный калейдоскоп вместо стекляшек. Я была потрясена, когда впервые посмотрела в такой пироскоп. Я даже не знаю, с чем это можно сравнить. Таким должно быть небо где-нибудь в центре галактики, в самой гуще вспыхивающих, сталкивающихся звезд и кипящей огненной материи.

Игорь построил пироскоп и, конечно, показал Алиске, ну и очень скоро об этом узнала вся школа. Появились подражатели, а они всегда портят дело. Сгорел дом на Пушкинской, в шести дру-

гнх местах с трудом потушили пожары.

За спичкамн, конечно, стали присматривать, но Игорь к зтому времеии н сам отказался от спичек, ему ие нравилось нх пламя. Он взялся за хнмию и за год научнлся получать многослойиые крупиикн, которые горели без дыма и давалн пламя с меняющейся цветной окраской.

Я осмотрела лабораторню, которую ои устронл во дворе, в сарае, позиакомнлась с его дальиейшнми плаиамн, послушала, что говорят в народе, и поняла: надо срочно спасать родной город. Пироскоп я отправнла ценной баидеролью Насте, и через три недели Чуваева приглаcнлн в московскую школу с хнмическнм уклоиом. В последний момент в это дело вмешалась Алнска и чуть было все не нспортнла. Прншлось обещать, что после восьмого класса я ее тоже заберу в Москву.

Эта нсторня меня кое-чему научнла, и в Москве я коитролнровала Игоря, хотя мне хватало н своих забот. Первые полгода прошлн спокойно. Но после знмних каннкул Игорь позвонил н сказал, что ему поручнли сделать доклад об алхимни. Помогите, говорит, найтн что-инбудь о ксантосисе, хочу показать на практнке. Понятио, я всполошнлась. Кто его знает, что это за ксаитосис и как его показывают на практике!..

Помчалась в библиотеку, выпнсала груду книг по нсторнн хнмин и стала искать танисвенный ксаитосис. К счастью, выяснилось, что иичего страшного нет: ксантосис — операцня волочеиия. Берут какой-ннбудь сплав и придают ему виешний внд золота. Есть еще и лейкоснс — это когда сплав подделывают под серебро. Ну я кое-что выписала для Игоря, работы там было на час, только и всего. Но я просндела до закрытия чнтального зала и на следующее утра прншла сиова. Алхимия заинтересовала меия помнмо доклада. Я, иапрнмер, раньше не зиала, что зпоха алхимни продолжалась свыше тысячи лет. Я стала размышлять об зтом долгом тысячелетни, н у меня появилась потрясающая идея.

Алхнмиков влекло золото, они иадеялнсь получить его с помощью философского камия из ртути, серы н мышьяка. И вот тысячу лет усилия алхнмин (а оиа тогда была осиовной зкспернментальной наукой) концентрировалнсь на одном направлеиин. Совершеиио нереальном! И лишь попутно делались полезиые открытня. Работалн, например, со ртутью — и обиаружнвали киноварь, сулему. Изучали превращення серы — и открывали сульфаты медн и цинка. Все открытия зтого тысячелетня связаны с основной алхнмнческой лннией.

Представляете, что получается?

Цеиится золото — и лучшие умы тысячу лет изучают превращення металлов. Ну, а еслн бы ценнлось не золото, а иечто другое? Хотя бы еловые шншки — прн условин, что онн очеиь редкн. Тогда тысячи лет нскалн бы способы получення еловых шишек. Иное иаправление поисков н, сле-

довательно, совсем иная цепь сопутствующих открытий. Наверное, за тысячу лет научились бы выращивать самые фантастические растения. Кто знает, каких успехов достигла бы биология...

Я целыми днями просиживала в читалке. Ссорилась с библиографом, его раздражало, что я не могу ясно сформулировать тему. От алхимии я перешла к географии. Эпоха великих географических открытий — снова погоня за золотом. Жажда золота определяет маршруты экспедиций: считается, что богатые золотом страны лежат на континентальных побережьях, там, где впадают в океан большие реки. «Я делаю все возможное, — писал в своем дневнике Христофор Колумб, — чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности». Золото и пряности... Временами пряности поднимаются в цене выше золота и сразу же меняется главное направление поисков: мореплаватели ищут уже не Эльдорадо, а «пряные острова», с их зарослями корицы, перца, гвоздики, мускатного ореха. Карл Первый приказывает Магеллану: «Поскольку мне доподлинно известно, что на островах Молукко имеются пряности, я посылаю вас главным образом на их поиски, и моя воля такова, чтобы вы направились прямо на эти острова». Если бы ценились не золото и пряности, а какие-нибудь особые ракушки, иной была бы вся история великих географических открытий.

Вначале это привлекало меня чисто теоретически. Получались любопытные мысленные эксперименты. Допустим, вместо «золотой» алхимии была бы «магнитная». Ценность монеты определяется весом поднимаемой гирьки, разве плохо? Золото блестит — в этом его достоинство... в глазах дикаря. Зато у магнита удивительные свойства, каждая монета была бы компасом. Так вот, «магнитная» алхимия: трудно даже представить, сколько открытий сделали бы алхимики за тысячу лет. Они бы, например, легко обнаружили, что магнитные свойства исчезают при определенной температуре, и открыли точку Кюри на полторы тысячи лет раньше... Превращение неблагородных металлов в золото практически неосуществимо до сих пор (ядерные реакции не в счет — они дают ничтожный выход), в сущности, алхимия с самого начала оказалась в тупике. Ксантосис, имитация золота, таков предел «золотой» алхимии. А «магнитная» алхимия шла бы от открытия к открытию и вместо жалкого ксантосиса овладела бы электромагнетизмом...

И вот однажды меня осенило: а ведь современная наука тоже развивается по определенным линиям. Конечно, теперь нет одной господствующей линии, но что это меняет? Природа, вселенная, материя неисчерпаемы — должны существовать бесчисленные пути их исследования, и мы выбираем лишь те пути, которые связаны с сегодняшними представлениями о ценностях.

У меня был билет в консерва-

торию; Святослав Рихтер играл Первый концерт Рахманинова, я так ждала этого вечера — и вот сидела в зале и не могла сосредоточиться из-за сумасшедшей идеи: а что, если сменить систему ценностей?

В самом деле, взять и поставить такой эксперимент. Иная система ценностей — значит иная система целей. Откроются совершенно новые поисковые линии. Сейчас мы их не замечаем, они для нас как невзрачный магнитный железняк для алхимика, ослепленного призраком золота...

Не может быть и речи о том, чтобы наука — ради эксперимента — изменила свою систему целей. Опыт придется ставить на одном человеке. Снова, как и с Настей Сарычевой, я буду перестраивать мышление человека. И снова возникнет вопрос о риске: опыт закончится, а мышление навсегда останется перестроенным.

Если бы не музыка, я бы, наверное, не решилась.

3

Нет, музыка здесь ни при чем.

Систему развития фантазии я нащупала более или менее случайно, меня терзали сомнения: смогу ли я придумать еще что-нибудь? И вот появилась такая великолепная идея, как же было от нее отказаться...

4

Три года назад мне не хватало уверенности в своих силах. Сегодня уверенности сверхдостаточно, не мешало бы чуточку убрать, я это сама понимаю, и все-таки меня неудержимо влечет к новым приключениям. И то же самое ощущение: смогу ли? Потому что, если не смогу, — какое значение имеют все предыдущие удачи?!

Я и не подумаю ждать, пока Игорь вернется. Сама разберусь в этой чертовой Тумбе, составлю обоснование и смету.

Когда три года назад я выложила Игорю идею эксперимента, он сразу загорелся:

— Вот здорово! Надо взяться за октановое число. У нас шефы этим занимаются, мы два раза в неделю ходим к ним в институт. И практику мы там будем проходить.

Об октановом числе я помнила совсем немногое. Показатель антидетонационных свойств топлива. Чем выше октановое число топлива, тем лучше, потому что можно увеличивать степень сжатия, а это ведет к повышению к.п.д. двигателя.

— В общих чертах соответствует, — снисходительно подтвердил Игорь. — Но мы не будем увеличивать октановое число. Как раз наоборот: мы его будем уменьшать. По этому пути еще никто не шел.

Гениальный парень, он молниеносно схватил суть дела. Признаться, в первый момент я даже растерялась: одно дело — теоретические рассуждения об алхимии и множественности поисковых путей, а другое — конкретная работа по уменьшению октанового чис-

ла. Взяться за ухудшение качества горючего, считать, что горючее тем ценнее, чем оно хуже... Ну-ну. Я заставила себя сказать: «Прекрасно, так и сделаем» — и твердо решила, что в дальнейшем не буду вмешиваться в техническую сторону дела. Если Чуваеву придется меня убеждать, это обязательно повлияет на ход его мыслей. Самые неожиданные идеи будут невольно отсеиваться. Мое дело — создать условия для эксперимента и не вмешиваться.

Так мы и договорились. Игорь действительно начал с октанового числа, но очень скоро переключился на что-то другое. Весь первый год он искал подходящее направление, выбор оказался значительно труднее, чем я предполагала.

Вообще это было тяжелое время. Игорь заканчивал школу, поступал в университет, на химфак. Химия была его призванием, в этом не приходилось сомневаться, и все-таки я боялась, что он срежется на экзаменах. Я усиленно занималась с ним развитием воображения, он легко справлялся с самыми трудными задачами. Индекс фантазии у него был втрое выше среднего: 210—220 по шкале Лирмейкера. В любой вещи он прежде всего видел ее неявные, необычные свойства. Я смотрела, как он сдавал химию на вступительных экзаменах. Вопрос относился к электролитической диссоциации, но Игорь сразу сказал, что диссоциация при двух видах электричества — положительном и отрицательном — достаточно тривиальна. Интереснее, сказал он, рассмотреть диссоциацию при условии, что существует электричество трех видов. Первый час он возился у доски один, потом к нему присоединился преподаватель, и они стали вдвоем рассматривать диссоциацию «в общем случае эн видов электричества»...

На следующий день Игорь примчался ко мне и объявил, что есть подходящая идея о нецелых ценностях и нужно поскорее приступить к монтажу установки. Готовиться к экзаменам он перестал, но все обошлось благополучно. А тут как раз начался бум с АС-эффектом, и, поскольку Настя всюду твердила, что обязана своим открытием тренировке фантазии, мои акции пошли в гору. Мне предложили участвовать в работе проблемной лаборатории, я назвала свою тему, отстояла ее на ученом совете, составила смету — и осенью Игорь приступил к сборке Тумбы.

Два года он возился с этой машиной: собирал, разбирал, перестраивал. У нее даже имена менялись. Сначала она называлась Качель, в ней действительно что-то раскачивалось наподобие маятника. Качель превратилась во Флюотрон, у него был шикарный научный вид — сложнейшее переплетение стеклянных трубок и проводов, масса электроники. За Флюотроном последовали Труба, РПС, Антитразер, несколько безымянных аппаратов, они менялись чуть ли не каждую неделю, и уж после них появился Пузырь, стеклянная банка, обставленная

электромагнитами. Пузырь постепенно вырос в Бочку, Бочка стала Тумбочкой и, наконец, Тумбой.

Тумба так и осталась Тумбой, но что-то в ней не ладилось. Игорь жаловался: схема вроде бы собралась, однако мощности не хватает, и получается, что формулы врут... Он упрямо возился с Тумбой, хотя работа застопорилась, я это видела. Поразмыслив, я предложила собрать более мощную установку. В конце концов, хорошее открытие как раз и состоит в уточнении формул. Игорь сразу принялся за расчеты, мне с трудом удалось убедить его не откладывать поездку в Саяны. Ему обязательно надо было отдохнуть. Мы договорились, что за это время я подготовлю оборудование и материалы.

Нет, главбух, конечно, прав: бумажки надо составить. Вопрос в том — как это сделать. Любопытно было бы взять какого-нибудь психолога XIX века, дать ему лазер или такой компьютер, как у главбуха, и сказать: «А ну-ка догадайтесь — что это за штука и как она устроена...» Приятно представить в такой ситуации глубокоуважаемого Вундта. Чопорный был дядя, сердитый, видно по его книгам. Или глубокоуважаемого Гербарта, из-за которого я поспорила с Алексеем Ивановичем и едва не завалила экзамен. Гербарт написал работу «О возможности и необходимости применения в психологии математики», пусть бы он применил тут свою математику.

Красивая получается задача: дана машина, которая неизвестно для чего предназначена, надо понять... что надо понять?.. Ну, в общем, что это такое. Хотя бы в принципе. Не исключено, кстати, что эксперимент не удался и машина просто груда металла. А может быть, она нечто далёкое и удивительное, как лазер для Вундта и Гербарта...

Глупая затея. Нажмешь не ту кнопку — и Тумба спокойно взорвется.

Пойду-ка я лучше обедать.

5

В сущности, мне нужен был толковый консультант. Я это сообразила, увидев в столовой Арсена Азаряна, единственного у нас психолога, знающего физику. Арсен окончил физтех, четыре года работал у Капицы, учился на заочном отделении психологического, потом пошел в аспирантуру. Лучшего консультанта я бы не нашла.

— Слушай, Кира, — сказал Арсен, — спаси человека, вынужденного посвятить отпуск неблагодарному делу обмена квартиры. Дай почитать что-нибудь такое детективное, знаешь, с кошмарными убийствами и проницательным инспектором...

Он пришел в университет за справкой, и теперь у него были два часа свободного времени до начала приема в каком-то жилотделе. Когда я предложила покопаться в машине, Арсен сразу повеселел.

— Вот, здорово,—сказал он.— Я давно скучаю по такой работе. Психология — прекрасная наука,

но в ней нет точности, расчетов, вещественности. Слова, слова, слова...

— Не только слова.

— Конечно. И все-таки... Я знаю точно, что такое вольт, ампер, эрстед. А в психологии — «способности», «темперамент», «характер»... Ты можешь сказать, что такое «характер» и как его измерить?

— А почему тебя потянуло в психологию?

— Представь себе Колумба. Как по-твоему, кем бы он был в наше время?

— Капитаном большого морозильного траулера. Эпоха великих географических открытий прошла.

— Вот именно. Тогда каждый капитан мог рассчитывать на великие открытия. А сейчас Колумб как миленький стоял бы на мостике морозильного траулера и подсчитывал проценты выполнения плана... Понимаешь, я увидел, что в физике тоже наступает затишье. Будет, конечно, новая волна открытий, но не сейчас. А психология... да ты сама знаешь: еще пять или десять лет — и начнется эпоха великих психологических открытий.

Мы наскоро пообедали, и я повела Арсена к Тумбе.

— Две комнаты с удобствами, — завистливо вздохнул он, разглядывая лабораторию.

На стене висела большая фотография: Уиллис на борту своей «Малышки». Арсен даже присвистнул.

— Слушай, Кира, это тот старик, который...

— Да. Капитан Уильям Уиллис. В семьдесят пять лет на одноместной яхте через Атлантику.

— Могучий старик... А кто на цветном снимке?

— Алиска. Есть такой человек в Таганроге.

— Молодец Петр Первый! Умел основывать города...

Тумба занимала всю вторую комнату, свободного места там было совсем мало. Я пропустила Арсена, а сама осталась стоять в дверях.

Массивное основание Тумбы похоже на автомат для продажи газировки. Такой же металлический шкаф, только раза в три шире, и лежит этот шкаф на полу, в середине комнаты. Над шкафом возвышается короткая труба, напоминающая ствол старинной пушки. Дуло пушки закрыто многослойной стеклянной плитой. Красивая вещь. Делал плиту старый мастер с завода «Физприбор», но Игорю понадобилось что-то изменить, начались переделки, и у меня была сложная дискуссия с главбухом по поводу оплаты этой работы... К плите, по всему периметру, прикреплены провода, целая сеть проводов, почти как во Флюотроне. Провода тянутся к стенам — там установлены блоки ЭДУ. Черные такие коробки, наполненные электроникой. Я пробивала через бухгалтерию материалы для этих блоков, но даже не представляю, что такое ЭДУ. «Эй, дубинушка, ухнем...»

— Индийская гробница, — сказал Арсен. — Послушай, может

быть, есть описанне, а? Или хотя бы схема.

— Искала, ничего нет. Смотри на это, как на задачу. Дана неизвестная машина, надо узнать, что оиа собой представляет. Назначение, принцип действия...

— Ладно. Я в ней покопаюсь, если не возражаешь.

Он терпеливо копался в Тумбе, а я развлекала его разговором. Так прошло около часа, у меня уже появилась какая-то надежда, но тут Арсен подошел ко мне и грустно спросил:

— Что я тебе плохого сделал, Кира?

— Ннчего плохого, с чего ты решил...

— А зачем ты меня разыгрываешь?

— Ннкакого розыгрыша, честиое слово! Мне надо знать, как эта штука работает. Хотя бы приблизнтельно.

Арсен смотрел иа меня, недоверчиво прищурившнсь.

— Эта штука не может работать, — проникновенно сказал он. — Эта штука являет собой бессмысленное нагромождение частей. Вот идут трубы от вакуумных насосов, полюбуйся, они ни к чему не прикреплены. Насосы будут качать воздух из комнаты. С таким же успехом можно перемешивать Тнхий океан чайной ложечкой... Слушай, почему ты взяла этого парня? При таком диком экспернмеите надо было уж взять хорошего физика.

Ну, на этот счет у меня был отличный прнмер нз Джона Бернала:

— Если бы Маркони хорошо знал физику, он и не подумал бы о радиосвязн через океан. По хорошей фнзнке того временн радиоволны не моглн нзогнуться н пойти вдоль выпуклой земиой поверхности.

Такне примеры действуют безотказио. Арсеи пожал плечамн, но спорить не стал. И все-таки дело было швах: я надеялась, что Арсеи хоть что-то мне подскажет. Не могу же я составнть смету на второй образец «бессмысленного нагромождения частей».

— Ты смелый человек, Арсен, — сказала я. — Давай героически посмотрим, как она работает. Не думаю, чтобы оиа сразу взорвалась.

Это тоже подействовало безотказно.

Арсеи развериул кабель, подсоединил его к щнту и включил Тумбу. Комната иаполнилась звуками: что-то быстро-быстро стучало, металлический ящик жужжал, всхлипывал н прнсвистывал, нз угла доносилось ритмичное позвякивание, как будто там н в самом деле перемешивали океан чайной ложечкой...

Арсен усмехнулся:

— Ну как? Квиитет Кулля исполняет популярную мелодию «Час пик».

— На щнте есть разные кнопкн...

— Хорошо, — согласился Арсен.— Нажмем на разиые киопки.

Тумба продолжала шуметь как ни в чем ни бывало. Ничего не пронзошло.

— Перед нами озвученная аб-

страктная скульптура на физические темы, — подытожил Арсен, выключая Тумбу. — Вольная композиция из приборов, проводов и всякого случайного барахла. Там в углу стоит генератор СВЧ, отличный генератор, но волновод сделан безграмотно и подключен к ящику, набитому кусками картона... В металлической гробнице находится излучатель альфа-частиц, по идее частицы должны поступать в трубу, однако магнитная система там такая слабая, что не может быть и речи о фокусировке. Дальше. Стеклянная плита укреплена на фарфоровых изоляторах, которые снаружи покрыты серебром и потому ничего не изолируют... Этот парень морочит тебе голову. Давай я поговорю с ним как мужчина с мужчиной.

— Он в Саянах. Приедет, тогда поговоришь.

— Правильно. И не огорчайся. Начнешь сначала. Я тебе знаешь каких ребят подберу! Физиков, химиков, кого хочешь... Нет, в самом деле. Эпоха коллективов, а ты работаешь в одиночку. Кошка, которая ходит сама по себе... Я прикину, как организовать опыт, а ты вечером позвони. Договорились?

Я проводила Арсена и вернулась к Тумбе.

Абстрактная скульптура... как же! Игорь работал всерьез, я в этом нисколько не сомневалась. Тумба должна быть чем-то принципиально новым, отсюда и впечатление бессмысленно нагроможденных предметов. Первая вещь всегда кажется бессмысленной. Морзе сделал свой первый аппарат из мольберта, старых часов и гравировальной пластины, заменявшей ему гальванический элемент. Тоже можно было бы сказать: на таком мольберте невозможно рисовать, а часы не будут показывать время, и вообще бессмысленно громоздить разбитые часы на мольберт...

Психологический барьер. Я должна была предвидеть это раньше.

6

Вообще-то я сегодня собиралась в кино. У меня билет в «Колизей» на шесть пятнадцать, там идет третья серия «Братьев Карамазовых». Не везет мне с этой картиной. Первую серию я смотрела лет пять назад, вторую — в позапрошлую зиму. То времени не было, то картина не шла.

Надо сбегать к себе, переодеться и ехать в кино. Из-за Тумбы я сегодня пропустила плавание, мне еще достанется от тренера за прогул.

Погода замечательная. Жара схлынула, будет тихий ласковый вечер, можно открыть окна.

В лаборатории идеальный порядок, Игорь постарался перед отъездом. Два года назад мне пришлось крепко повоевать за эти комнаты, на них претендовала лаборатория эвристики. Предполагалось, что здесь будет сооружен шикарный лабиринт для белых мышей.

Два года Игорь работал в этих комнатах, смотрел в эти окна. Интересно, может ли вид из окна повлиять на направление поисков?

Какое-то воздействие должно быть, я это по себе знаю. В Таганроге я любила сидеть на высоком обрыве у маяка. Оттуда хорошо видны и берег, и порт, и море — до горизонта. Ох, уж этот горизонт — сколько у меня было из-за него неприятностей! Однажды я сказала географичке, что без горизонта жилось бы лучше. Она сразу возмутилась. Что за глупости, вскипела она, наша планета имеет форму шара, это научно доказано: когда корабль приближается из-за горизонта, сначала видны только мачты. И так далее. А я ответила, что не хочу сначала видеть только мачты. Мне больше нравится плоская планета, потому что можно будет в хорошую погоду стать у маяка и увидеть самые дальние страны. Мы поспорили, и географичка сказала, что упрямство меня погубит...

Что верно, то верно. Ну зачем я упрямлюсь?

Если бы я знала, что задача не решается, можно было бы отступить. Но никогда не знаешь заранее — решается задача или нет. А отступить просто так... нет, это невозможно.

Придется действовать самой, ничего другого не остается. Надо включить Тумбу, я видела, как это делал Арсен. У двери щит с рубильниками, кнопками и клавишами. Нужно подсоединить кабель, повернуть правый рубильник, затем нажать кнопку «Пуск». Рядом с ней кнопка «Стоп» и три клавиши неизвестного назначения. Арсен их нажимал, я видела. Они похожи на переключатели диапазонов в радиоприемнике. Длинные волны, средние, короткие... Тут, конечно, что-то другое. Икс, игрек, зет...

Сначала рубильник. Затем кнопка «Пуск».

Ну вот, Тумба заиграла, и теперь, когда я одна в комнате, шум кажется громче. Неприятный, зловещий шум.

Клавиша «Икс». Щелчок и... ничего. Минута, две, пять. Хоть бы что-нибудь изменилось... Клавиша «Игрек» — тоже ничего. «Зет» — ничего. «Стоп» — шум быстро стихает.

Тумба может включаться и выключаться — вот все, что я знаю.

Не блестяще.

7

У меня не было ни малейшего желания идти в кино. Какое уж тут кино! Я спустилась вниз, к автобусной остановке, доехала до Павелецкого вокзала, слезла и пошла наугад.

Год назад в «Вопросах психологии» была статья Хелмера, называлась она «Эффективность умственных затрат» или что-то в этом роде. Хелмер подсчитал, что семьдесят процентов открытий и изобретений сделаны на ходу — на кораблях, в самолетах, поездах, автомобилях, омнибусах, каретах, наконец, во время обычных прогулок. Психологически это вполне вероятно. Когда мысль наталкивается на барьер и начинает топтаться на месте, нужен внешний толчок, чтобы выйти на новую ли-

нию мышлення. Я и раньше любила думать иа ходу. Идешь по незнакомой улнце, сворачиваешь наугад, не задумываясь, и вдруг за поворотом открывается что-то неожиданное, и тогда можно остановиться и не спеша рассматривать какой-нибудь удивительный дом, читать пожелтевшие афнши, чудом сохранившиеся с прошлого лета, или заглядывать в старые, мощеные булыжииком дворикн с потемневшими дощатыми сараями и голубятнями. Мысли проплывают в глубнне сознания, как отражения облаков в реке, — не остаиовншь, не поймаешь, — появляются невесть откуда и исчезают бесследно. Но проходит время, и какая-то мысль виезапио возвращается — теперь уже ясиая и иастойчивая.

Так получилось и на зтот раз. Через час, покружив по улицам, я вышла к набережной возле Ново-Спасского моста. Я уже знала, в чем моя ошибка. Элементарио: дана неизвестная машина, необходнмо в ней разобраться, и вот я, психолог, зачем-то пытаюсь действовать как физик илн химик.

Задачу следовало атаковать с другой стороны. Предположим, я оказалась на месте Игоря. Мне иадо условно выбрать новые ценности и в зависимости от зтого выбора организовать исследование. Спрашивается: что выбрать?

Это уже был психологический подход, и я сразу почувствовала себя увереннее.

Три года назад, когда я отстаивала на ученом совете свою тему, меня спросили: «Что это зиачит — выбрать условную ценность? Приведите хотя бы однн пример». Положенне в зтот момент было почти безнадежное. Ко мне все относились очень хорошо и именно поэтому спасали от сумасшедшей темы. Пришлось пойти на маленькую хитрость, ничего другого ие оставалось. Я робко осмотрелась вокруг и, помявшись, сказала, что в качестве условной цеииости можно взять... ну хотя бы разбитое оконное стекло. «Изучение битых стекол и самого процесса битья может привести к новым открытиям...» Мои оппоиенты, коиечно, развеселнлись и принялись наперебой обсуждать, как зто будет выглядеть, какие стекла надо принести в жертву науке и как должна называться днссертация на эту тему... Рядом со мной сидел Павел Николаевич, наш декан, он мне сказал: «Виднте, Кира, что вы иатворили... Нельзя же так иесерьезно...» Я скромненько слушала веселые высказывання, а потом положнла иа стол последний выпуск УФН с сообщением об эффекте Плисова. У Плисова разбилось стекло термометра в нсследовательской установке, и осколки стекла оказалнсь намагниченными. Теоретнчески зто иевозможио было объяснить. В УФН было сообщение Плнсова и комментарии двух известных физиков. Чувствовалось, что физики потрясены открытием... Смех мгновеино прекратился, кто-то сказал: «А ведь тут есть рацнональиое зерно» — и мою тему утверднли. Больше того, мне

представнлн полную свободу действий: не нашлось желающнх быть монм шефом. «Вы разыграли ученый совет, — сказал мне потом Павел Нниколаевнч. — Как по нотам разыграли. Где уж вамн управлять». И я стала кошкой, которая ходит сама по себе. Арсен прав: сейчас эпоха больших научных коллективов. Вот только в психологии эта эпоха еще не наступила...

Я хотела постоять у рекн, но появнлись двое парней с транзистором н начали усиленно со мной знакомнться. Транзистор у них был с изумительно чистым и сочным звуком; в эту коробку кто-то вложнл бездну ума и труда — и вот теперь она тянула сереньккнй-пресереньккнй шлягер. У меня даже настроенне начало портнться. Пройдет сколько-то лет, н какой-ннбудь дурень будет прошвырнваться по улнцам, небрежно помахнвая портативной Тумбой, прнспособленной к своим вкусам... Обндно, когда вещи умнее людей.

Я перешла по мосту на другой берег, там у причала стоял речной трамвайчик. Пассажиров было мало, я удобно устроилась на корме и стала думать дальше.

Предположим, мне встретился волшебник. Здравствуйте, Кнра, сказал волшебник, я, знаете ли, могу построить любую машину. Еслн, конечно, вы объясните, что эта машина должна делать. И помнните: другого такого случая не будет. Вы уж не огорчайте прогрессивное человечество, попросите самую нужную, самую важную машнну...

Волшебннка я представнла себе очень живо, он был похож на Деда Мороза, но голос у него подозрнтельно напомннал голос Павла Николаевнча. Да и очкн былн такие же. Сейчас я скажу что-ннбудь не то, и волшебник огорченно вздохнет: «Вндите, Кнра, что вы натворили... Нельзя же так несерьезно...»

А если серьезно — какая машина нужна прогрессивному человечеству? Что можно считать самым важным и самым нужным?..

На соседней скамейке расположнлнсь двое пожилых речников. Один из них упомянул об АС-эффекте, я насторожнлась, но разговор уже шел о днзелях, о каком-то Степанове с Клязьмннского водохранилнща и о Варьке, которая хоть и махлюет с пнвом, однако по-божески, терпимо. Я не ожндала, что АС-эффект настолько известен, это было прнятно, и некоторое время я еще краем уха прнслушнвалась, однако речники больше не говорилн об АС-эффекте, они дружно ругали Пал Палыча, работавшего в киоске до Варьки и совершенно не нмевшего совести.

Ну и ну! Мир раздвоился: вот трамвайчнк, река, людн на набережной, речникн ругают Пал Палыча, все так реально, а в новом лабораторном корпусе МГУ, в одной из комнат на пятнадцатом этаже, стоит фантастическая машина, и мне обязательно надо понять, что это такое.

Трамвайчик, пыхтя, отошел от причала. В Москве мне не хватает моря, у нас в Таганроге даже в

центре города воздух пахнет морем. Я могла за две минуты добежать от нашего дома до берега моря, настоящего моря, а не какого-нибудь водохранилища. Нелепое слово — «водохранилище», но я все-таки люблю и водохранилища, и озера, и пруды, и реки.

Мне часто снится морской прибой: из темноты возникают упругие бугры волн, поднимаются высоко-высоко и беззвучно разбиваются о желтые скалы. Вершины скал где-то в самом небе, туда не дотянуться — и разбитые волны стекают серыми от пены потоками, уползают в темно-синюю мглу и снова возвращаются. Я стараюсь разглядеть, откуда приходят волны, просыпаюсь и знаю, что в следующий раз упрямые волны опять пойдут на скалы...

На первой же остановке трамвайчик заполнили туристы. Их руководительница громко командовала: «Посмотрите налево... посмотрите направо...» — и они смотрели налево и направо, шумели, им все нравилось, но реку они, кажется, просто не замечали. Только один раз кто-то сказал: «Радуга на воде... от нефти...»

А вообще-то туристы мне нисколько не мешали. Я уже освоилась в раздвоенном мире: слушала, о чем говорят туристы и что рассказывает их руководительница, а мысли о машине шли своим чередом.

Однажды я наяву видела раздвоенный мир. Мне было тогда двенадцать лет, я приехала к тетке в Геленджик. У нас в Таганроге море мутное, когда ныряешь в маске, дальше вытянутой руки ничего не видно. В Геленджике я впервые встретилась с прозрачным морем. Я отплыла от каменной косы, надела маску, нырнула — и попала в сказку. Я испугалась, так это было неожиданно, испугалась и метнулась вверх. Светило солнце, у меня перед глазами была зеленоватая вода, плотная, непрозрачная, привычная. С берега доносились голоса ребят и слышался стук мяча. Теткин пес Пуша, повизгивая, прыгал на камнях, пытаясь поймать свой хвост. А внизу был необыкновенный мир. Ожившая сказка. Я взмахнула ластами, опустила голову — и сказочный мир возник снова.

В синеватой дымке я летела над далеким-далеким дном. На дне лежали камни, покрытые мозаикой желтых, бурых и коричневых водорослей. Между камнями, по песку, бегали крабы. Я могла разглядеть каждую песчинку, каждый выступ на камнях. Вода была прозрачная и легкая, казалось, она не должна, не может держать меня, и сейчас я упаду на дно. Но я летела, не падая, это было похоже на сон... А потом я увидела двух черных бычков, они лежали на плоском камне и внимательно смотрели на меня большими выпуклыми глазами. Наверху, в обычном мире, промчался ветерок, солнечные лучи преломились в морской зыби, и на дне возникли бесчисленные солнечные зайчики, побежали по камням, по

водорослям. Я поплыла туда, где синеватая полумгла сгущалась, становилась темно-фиолетовой и черной. Там начиналась бездна. Я видела, как оттуда, из холодной глубины, покачиваясь, выплыла огромная медуза...

Все лето я ныряла с маской. Море меняется, оно никогда не бывает одним и тем же, но я запомнила море таким, каким увидела его в тот день.

Наука подобна морю: я больше всего ценю в ней возможность видеть другие миры. Я придумываю рискованные эксперименты и не отступаю, потому что в конце концов приходит минута, когда мир раздвигается, соприкасаясь со сказкой. Завтра эта сказка исчезнет, будут выведены точные формулы и найдены исчерпывающие объяснения. Но сегодня я вижу сказку, и сердце замирает от волнения.

У Большого Каменного моста туристы сошли. К этому времени я перебрала десятки вариантов, но нисколько не продвинулась к цели. Существует великое множество всяких машин, попробуй придумать еще одну — самую нужную!.. Звездолет? Машина, способная лечить рак? Синтезатор белка?..

Наступили сумерки, огни еще не зажглись, и в воде отражалось серебристо-серое небо. Трамвайчик скользил по светлой реке мимо темной набережной и темных домов. Сумерки глушили городской шум, постепенно стирали линии и краски, оставляя главное — небо, землю, воду. Я смотрела вокруг, ни о чем не думая, пока совсем не стемнело. Появились звезды, и я вспомнила Уитмена:

Сегодня перед рассветом я взошел на вершину холма и увидел усыпанное звездами небо,
И сказал моей душе: *«Когда мы овладеем всеми этими шарами вселенной, и всеми их усладами, и всеми их знаниями, будет ли с нас довольно?»*

Будет ли с нас довольно...

8

Конечная остановка трамвайчика была возле Киевского вокзала. Я посмотрела на часы и ужаснулась: четверть девятого, а я ничего не придумала, плохи мои дела!

Тумба действительно может оказаться бессмысленным нагромождением частей. Ну зачем я затеяла этот нелепый эксперимент? Все бездарно: идея эксперимента и то, что я выбрала Чуваева, и то, что сейчас пытаюсь отгадать назначение этой дурацкой Тумбы. И вечер бездарный, ни холодно ни жарко... Нет, в самом деле очаровательная картина: идет по площади девчонка и запросто размышляет, чем бы осчастливить человечество...

Бунт на борту, подумала я, элементарный бунт, это не впервые. Разве Мария Кюри была намного старше меня, когда открыла радий? Вообще, открытие радия отлично вписывается в мою теорию: ценностью считался уран, отходы урановой руды никого не интересовали, и вот Мария и Пьер Кюри взялись исследовать эти отходы,

то есть выбрали их в качестве условной ценности.

Главное — не отступать. Мне просто некуда отступать. Вот я и вот надо мною ночное небо с неисчислимыми звездами, мир настолько огромный в пространстве и времени, что в его масштабах моя жизнь какая-то бесконечно малая величина, но если я не отступила, если я не сломлена, нет для меня ничего невозможного в этом мире.

Не представляю, как можно жить иначе.

Не отступать... Я привыкла к обычным представлениям о ценностях, мне мешает инерция мышления. Ладно, я умею гасить инерцию, в теории направленного мышления есть специальные приемы. Хотя бы так: надо представить, что я прибыла с чужой планеты, и посмотреть на все со стороны.

Когда-то я мечтала сыграть Аэлиту, раз десять бегала смотреть фильм, меня злило, что Солнцева играет женщину-вамп, разве это Аэлита...

Что ж, окинем мир свежим марсианским взглядом.

Я останавливаюсь и смотрю на привокзальную площадь. Я смотрю так, словно только что прилетела с Марса. Это совсем нетрудно — стать марсианкой. Отработанный прием, я тренировалась со школьных времен.

Постепенно возникает ощущение отдаленности: все отлично видно и слышно, но что-то — может быть, стекло скафандра или силовое поле — отделяет меня от окружающего мира. С нарастающим волнением я разглядываю странные здания, странные машины и людей в странной одежде. Передо мной огромная светящаяся надпись, справа тоже надпись, она зажигается и гаснет. Я впервые замечаю, как много огней на площади. Воздух пропитан светом, волны света заслоняют небо. Непонятно: разве светящиеся шарики и трубки красивее бесконечного звездного неба?..

— Вам куда ехать, девушка?

Это таксист. Надо же мне было тут остановиться.

— Далеко.

Куда-нибудь очень далеко, подальше от каменных домов и назойливых огней.

— Это куда же?

— К океану.

Конечно, к океану! Невероятному для марсианской физики, сказочному, могучему и прекрасному океану.

— Можно. Подброшу к Казанскому вокзалу, оттуда поездом. А если хотите самолетом, тогда в аэропорт.

Как близок океан! Почему я не подумала об этом раньше? Я могу завтра же взять билет. Денег на билет у меня хватит, а там будет видно. Сутки — и я окажусь на берегу океана, самого настоящего океана...

— Ну как, поедем?

— Нет. У меня своя машина.

Знал бы он, какая у меня машина. Бессмысленное нагромождение частей. Теперь я, кажется, догадываюсь, какой смысл в этом нагромождении.

— Значит, коллеги. Ну, то-

гда счастливого вам пути. К океану.

— Спасибо.

Подумать только, как я напутала с самого начала! Искать надо не условные, а, наоборот, безусловные ценности. В принципе нет разницы между ценностью золота и битого стекла: просто мы условились считать золото ценным. А вот океан, дающий жизнь всей планете, — ценность безусловная. Океан, превращенный в мусорную свалку, отравляемый сточными водами и нефтью. Океан, в котором взрывают бомбы, топят контейнеры с радиоактивными отходами и нервным газом.

Тут я увидела Таганрогский залив, берег неподалеку от нашего дома и мутную воду, становящуюся грязнее с каждым годом. Я увидела наш портовый мол, его шершавые бетонные бока, в которых я с детства знала каждый выступ, каждую трещину, и тяжелую зеленоватую воду с ржавыми полосами маслянистой грязи... Я вспомнила прочитанную недавно книгу Уолферса «Черное небо», вспомнила снимки в «Литгазете»: гигантская, на десятки миль, мусорная свалка под Нью-Йорком, птицы, погибшие в залитом нефтью море, толпа в противогазах на центральной улице Лондона...

И еще я вспомнила одного чудака на прошлогоднем симпозиуме. Он приехал из какого-то небольшого северного города, высокий, тощий, похожий на Паганеля. Выступать этот Паганель совсем не умел. Сначала он долго и нудно пересказывал столетней давности опыт Луи Пастера. Пастер поместил птицу в закрытый ящик, через несколько часов ее жизнедеятельность заметно снизилась, но птица оставалась живой, организм постепенно приспособился к грязному воздуху клетки. Тогда Пастер подсадил в ящик другую птицу, и она сразу погибла. Чудака слушали плохо, потому что опыт Пастера всем был известен. Вот что такое приспособляемость организма, назидательно сказал чудак. Наша клетка (он сделал широкий жест рукой) тоже заражается, и беда в том, что мы привыкаем жить в грязи. Человек выживет в зараженной клетке технической цивилизации, но потеряет человеческий образ жизни. Воздух пахнет бензином, грустно произнес чудак, воздух пахнет бензином...

Никто не принял это всерьез. Чудаку объяснили: загрязнение атмосферы, конечно, неприятная вещь, но скоро появятся электромобили, городской воздух сразу станет чище...

Я иду по привокзальной площади. Воздух пахнет бензином. Электромобили... Ничего они не изменят. Придется построить множество гигантских электростанций, топливо будет сгорать не в автомобильных двигателях, а на станциях, только и всего. Наша цивилизация немыслима без отходов. Все, что она добывает и производит, превращается в отходы — сжигается, ломается, изнашивается... Когда-то была возможность пойти по пути создания безотходной техники, человечество отверг-

ло этот путь, потому что техника, дающая отходы, развивается намиого быстрее и стоит намного дешевле. Что ж, тысячи лет природа исправно убнрала отходы цивилизации. А теперь природа не справляется, оиа просто гнбнет в иарастающей лавиие отходов. Пришло время платить за скорость...

Я подумала, что смогу, пожалуй, вывести формулу существоваиия любой техннческой цивилизации. Это было, коиечио, изрядиое иахальство, ио я ие удержалась от соблазна: психологу иечасто представляется возможность изложить что-то языком математики. Смысл формулы был такой: общая мощность производительной техники ие должна превышать общей мощности техники отходоуничтожеиия.

Формула получилась красивая, с сигмамн, а вот следствня из этой формулы ие очень-то мне нравились. Где-то в глубине души я с самого иачала иадеялась, что Тумба окажется чем-то фантастическим. Ну хотя бы машиной времени. Ведь как хорошо звучнт: машнна времени, генератор темпорального поля, хроиовариатор... Или: машнна для иуль-транспортнровки, подпространственный трансфузор, телекинезатор...

Красивая формула с сигмами вела совсем в ином направлеиии. Человечеству иужен Большой Мусорный Ящик, вот что из нее следовало.

Я пыталась спорить с формулой, искала какие-то возражения — и ие находила. Мне вспомнился фантастический роман Стругацких: двадцать второй век, по улицам ходят симпатичные и иеназойливые роботы, подбирают листочки, обрывки бумаги, всякий мусор. Кибердворники вместо живых дворников. Очень мило. В газетах писали, что японцы делают из мусора строительные блоки. Тоже не фонтан: для переработки отходов нужна энергия, а производство энергии дает иовые отходы.

Можно уменьшнть количество отходов, какая-то их часть вызваиа глупостью, бесхозяйствеиностью, стремлеиием урвать сверхприбыль. Что ж, это задержит, ио не предотвратит грязевой взрыв. Нельзя остаиовить производство, иельзя вернуть его назад, нельзя перестроить иа ходу. Есть только одна возможиость — создать Большой Мусорный Ящик.

Ну вот, окинула мир свежим марсианским взглядом... Сильный прием, иичего ие скажешь.

Ладио, прощайте, машииы времени и подпространственные траисфузоры. Человечеству прежде всего нужеи Большой Мусорный Ящик. Машниа, способиая поглощать вещество. Любое вещество в любом количестве. Даже ие поглощать, а уничтожать, превращать в иичто.

Именно в этом все дело. Никакая переработка отходов не решит проблему. Нужно, чтобы отходы исчезали.

Это был неожидаиный поворот, тут пахло иарушением закона сохранеиия материи, и иастроеиие у меня сразу улучшилось: сума-

сшедшие идеи — моя специальность.

Итак, я беру Вещество, и Тумба спокойно превращает его в ничто. Пожалуй, это нисколько не хуже подпространственного трансфузора.

Я представила себе Вещество, ну нечто вроде рисунка кристаллической решетки в учебнике химии, и стала сжимать эту решетку. Я старалась довести объем Вещества до нуля, это и было бы полным исчезновением. Но ничего у меня не получалось, потому что Вещество уважало закон сохранения материи и не желало исчезать. А превращение в энергию меня никак не устраивало: жарко бы стало на Земле от такого превращения.

Тут опять чувствовался какой-то психологический барьер. Но теперь инерция мышления работала на меня: сжимать — так сжимать, я не отступлю, пока не сожму Вещество.

Я зашла в «Гастроном», не хотелось ужинать в кафе, да и поздно было. В привокзальных магазинах всегда давка, я взяла кефир и пряники, это заняло минут десять. В метро тоже оказалось много народу, у эскалаторов толпились приезжие. Чей-то чемодан больно ударил меня по колену, кто-то дотошно расспрашивал, как проехать в Кузьминки, а потом я помогала растерявшейся старушке нести по переходу сумку с чем-то сверхтяжелым и колючим. И все время я сжимала Вещество, а оно пружинило и упрямо не поддавалось. Но я не унывала, настроение у меня было отличное, и мысли возникали легко и свободно, как движения в быстром танце.

Я стояла у двери с мудрой надписью «Не прислоняться» и думала, что в Веществе полным-полно пустоты, но электроны не хотят прислоняться к ядрам, в этом вся загвоздка. Выбросить бы эти электроны. Или заменить чем-нибудь. Хотя бы отрицательными мю-мезонами. Тяжелый мезон сам приблизится к ядру. Диаметр мезонной оболочки будет в сотни раз меньше, это уже похоже на исчезновение...

О мезоатомах я кое-что слышала. Они возникали при обычной температуре, это имело для меня огромное значение, потому что Тумба явно не была рассчитана на термоядерные реакции. Потрясающая логика, подумала я, вагон тоже не рассчитан на такие реакции, но из этого вовсе не следует, что он предназначен для получения мезоатомов.

И все-таки я ухватилась за эту идею.

Мезоатомы... Образуются при обычной температуре, но распадаются через какую-то долю секунды. Может быть, они окажутся устойчивее, если их будет много? Не отдельные мезоатомы, а мезовещество.

Устойчивое мезовещество.

Завтра я принесу бухгалтеру смету на второй экспериментальный образец Большого Мусорного Ящика. Что вы еще выдумали, возмутится бухгалтер, что за мусорный ящик? А я отвечу: очень

просто, возьмите, например, ваш шикарный компьютер, поставьте на стеклянную плиту Тумбы — и вещество превратится в мезовещество, компьютер практически исчезнет, его объем уменьшится в миллион раз. Это вас слава испортила, скажет бухгалтер, все приличные психологи спокойно работают в своих кабинетах, а вы затеваете эксперименты, в результате которых создаются машины для исчезновения материальных ценностей...

А ведь в самом деле! Блоки ЭДУ укреплены слишком высоко, щитки на металлической гробнице расположены слишком низко. Остается стеклянная плита. Она как поднос. Мы ничего не поставили на нее, поэтому Тумба и не сработала...

9

Мне стало страшно.

Сейчас я вернусь в лабораторию, включу Тумбу — и ничего не получится. Потому что идея о мезовеществе всего лишь цепочка произвольных предположений, не больше. Снежный мост над пропастью.

И так будет всегда. Так будет сегодня, завтра и всю жизнь. Сумасшедшие идеи — моя специальность...

10

Я здраво рассудила, что сначала надо поужинать. Я пила кефир, грызла пряники и без всякого воодушевления рассматривала металлическую гробницу. Уж если меня тянуло ко всяким хроноварнаторам и подпространственным трансфузорам, что говорить об Игоре... Он наверняка выбрал что-нибудь романтичнее Большого Мусорного Ящика.

В сущности, все мои рассуждения ничего не стоили. Вот только стеклянная плита... она и в самом деле напоминала поднос. Это был единственный шанс.

Допив кефир, я вымыла бутылку и поставила ее на стеклянную плиту.

Рубильник, затем кнопка «Пуск». Тумба стучит, жужжит, посвистывает... До чего же неприятный концерт!

Я надавила на клавишу «Икс». Сердце у меня замерло, потому что мне все-таки хотелось, чтобы бутылка исчезла. Вопреки всякой логике была какая-то капелька надежды...

Бутылка медленно качнулась. Я подумала, что она упадет, и тут произошло нечто совершенно неожиданное. Бутылка приподнялась над плитой, замерла на мгновение — и рванулась вверх. Она ударилась о потолок в нескольких сантиметрах от плафона. Я услышала звук бьющегося стекла и инстинктивно закрыла глаза, ожидая, что сейчас посыплются осколки. Но осколки не сыпались. Они держались на потолке и не упали даже после того, как я выключила Тумбу.

— Эй, вы! — громко сказала я, и голос прозвучал как будто со стороны.

Я насчитала одиннадцать крупных осколков, они, покачиваясь,

плавали у потолка. Поток теплого воздуха постепенно относил их к стене. Зрелище было потрясающее, я долго смотрела на эти осколки, ошеломленная происшедшим. Сидела на подоконнике, смотрела и страшно боялась, как бы осколки не исчезли...

Думать я начала потом. Почему Игорь не сказал мне, что Тумба работает? Не мог он меня обманывать, это исключалось.

Стараясь не упустить из виду осколки (я боялась, что они исчезнут), я вышла в другую комнату, к телефону, и позвонила Арсену.

— С ума сошла! — сказал он сердито. — Второй час ночи, ты это понимаешь?

— Арсен, ты ничего не менял в машине?

Он рассвирепел.

— Какая машина? Бессмысленное нагромождение частей, а не машина!

— Хорошо. Пусть нагромождение. Ты менял что-нибудь в этом нагромождении?

— Менял. Исправил волновод в генераторе СВЧ. Я же тебе говорил, он безграмотно сделан.

— Ага. Ну спасибо. Это все, все. Спи.

— Подожди! Что случилось? Ты можешь толком объяснить?

— Нет, Арсен, не могу. Второй час ночи...

Безграмотно сделан волновод. Игорь застрял на чистой технике. Не хватило знаний, опыта. Моя вина: с какого-то момента надо было подключить к работе опытного физика.

...А осколки плавали у потолка, и голова у меня кружилась от восторженного нахальства. В общем-то я славно поработала, я была на шаг от разгадки. Заменять надо не электроны, а ядра атомов. Если в атоме водорода заменить протон позитроном, вес уменьшится в тысячи раз, а другие свойства останутся прежними, они зависят от электронной оболочки. Устойчивое позитронное вещество — вот что может делать Тумба. Игорь, конечно, не думал о Большом Мусорном Ящике. Он шел каким-то иным путем, и этот путь привел его к созданию позитронного вещества. Завтра я притащу мышей и посмотрю, как это выглядит с живыми организмами. Главное, научиться возвращать вес. Две клавиши у меня в резерве. Кто знает, может быть, удастся получить и мезоатомное вещество, ведь не случайно эти идеи пересеклись.

Позитронное вещество, мезоатомное вещество... Предположения, не больше. Может быть, тут действует совсем иной механизм. Осколки бутылки на потолке — это факт, а остальное на уровне догадок. Просто меня гипнотизирует идея управления веществом.

Нет, завтра я не пойду к бухгалтеру. Идти надо с Игорем.

Теперь я составлю смету миллиона на два. А когда бухгалтер спросит: «Что это такое?» — я слегка полетаю по комнате. Надо будет надеть брюки и курточку...

Я потушила свет и устроилась на подоконнике. Мне вдруг отчаянно захотелось спать. Я смот-

рела на звезды, их было много в эту ночь, и думала, что завтра полечу над домами и улицами. С утра надо взяться за мышей, а вечером, когда стемнеет, можно немного полетать. Никто не заметит.

И снова, уже сквозь сон, я вспомнила Уитмена:

Сегодня перед рассветом я взошел на вершину холма и увидел усыпанное звездами небо,
И сказал моей душе: *«Когда мы овладеем всеми этими шарами вселенной, и всеми их усладами, и всеми их знаниями, будет ли с нас довольно?»*

А ведь это путь к звездам. Корабль и экипаж из почти невесомого позитронневого вещества. Там, на чужой планете, совершится обратное превращение: протоны есть везде, незачем возить протонный балласт. Мы полетим к звездам... будет ли с нас довольно?

И моя душа сказала:

«Нет, этого мало для нас, мы пойдем мимо — и дальше».

КИРИЛЛ БУЛЫЧЕВ

Выбор

Было душно, хотелось устроить сквозняк, но все время кто-нибудь закрывал дверь. Я устал. Настолько, что минут пять, прежде чем поднять трубку, старался придумать правдоподобный предлог, который помешает мне увидеть Катрин. А потом, когда набирал номер, я вообразил, что Катрин сейчас скажет, что не сможет со мной встретиться, потому что у нее собрание. Катрин сама сняла трубку и сказала, что я мог бы позвонить и пораньше. Возле стола с телефоном остановился Крогиус, положил на стол сумку с консервами и сахарным песком — он собирался на дачу. Он стоял возле телефона и ждал, пока я отговорю. Он смотрел на меня жалобно. Катрин говорила тихо.

— Что? — спросил я. — Говори громче.

— Через сорок минут, — сказала Катрин. — Где всегда.

— Вот видишь, — сказал я Крогиусу, положив трубку. — Звони.

— Спасибо, — сказал Крогиус. — А то у меня жена с работы уходит.

У входа в лабораторию меня поджидала девочка из библиотеки. Она сказала, что у меня за два года не плачены взносы в Красный Крест и еще, что мне закрыт абонемент, потому что я не возвратил восемь книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере две из них взял у меня Сурен. А Сурен уехал в Армению.

— Вы будете выступать в устном журнале? — спросила меня девочка из библиотеки.

— Нет, — сказал я и улыб-

нулся ей улыбкой Ланового. Или Жана-Поля Бельмондо.

Девочка сказала, что я великий актер, только жалко, что не учусь, и я сказал, что мне не надо учиться, потому что я и так все умею.

— С вами так хорошо, — сказала девочка. — Вы добрый человек.

— Это неправда, — сказал я.— Я притворяюсь.

Девочка не поверила и ушла почти счастливая, хотя я ей не врал. Я притворялся. Было душно. Я пошел до Пушкинской пешком, чтобы убить время. У Зала Чайковского продавали гвоздики в киоске, но гвоздики были вялые, к тому же я подумал, что, если мы пойдем куда-нибудь с Катрин, я буду похож на кавалера. Мной овладело глупое чувство, будто все это уже было. И даже этот осоловелый день. И Катрин так же ждет меня на полукруглой длинной скамье, а у ног Пушкина должны стоять горшки с жухлыми цветами и вылинявший букетик васильков.

Так оно и было. Даже васильки. Но Катрин опаздывала, и я сел на пустой край скамьи. Сюда не доставала тень кустов, и потому никто не садился. В тени жались немецкие туристы с покупками, а дальше вперемежку сидели старички и те, вроде меня, которые ожидали. Один старичок громко говорил соседу:

— Это преступление быть в Москве в такую погоду. Преступление.

Он сердился, будто в этом преступлении кто-то был виноват. Катрин пришла не одна. За ней, вернее рядом, шел большой, широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался обманщиком. На мужчине была белая фуражечка, а если бы было прохладнее, он надел бы замшевый пиджак. Я смотрел на мужчину, потому что на Катрин смотреть не надо было. Я и так ее знал. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей велики, их слишком много, но в том и прелесть.

Катрин отыскала меня, подошла и села. Мужчина тоже сел рядом. Катрин сделала вид, что меня не знает, и я тоже не смотрел в ее сторону.

Мужчина сказал:

— Здесь жарко. Самый солнцепек. Можно схватить солнечный удар.

Катрин смотрела прямо перед собой, и он любовался ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее руки, но он не осмеливался, и его пальцы невзначай повисли над ее кистью. У мужчины был мокрый лоб, и щеки блестели.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя мимо меня, сказала одними губами:

— Превратись в паука. Испугай его до смерти. Только чтобы я не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Я наклонился вперед, чтобы встретиться с ним глазами, и превратился в большого паука. У меня было тело почти в полметра длиной и метровые лапы. Я при-

думал себе жвалы, похожие иа кривые пилы и измазанные смердящнм ядом. А иа спину себе взгромозднл суетливых детенышей. Детеныши тоже шевелили жвалами н источалн яд.

Мужчина не сразу понял, что случилось. Он зажмурнлся, но не убрал руки с локтя Катрин. Тогда я превратил Катрии в паучиху и заставнл его ощутить под пальцами холод и слизь хнтинового панциря. Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди н другой рукой взмахнул перед глазамн.

— Черт возьми, — сказал он. Ему показалось, что он заболел: видно, как многие такне большие мужчины, ои был мнителен. Он заставил себя еще раз взглянуть в мою сторону, и тогда я протянул к нему передние лапы с когтямн. И он убежал. Ему было стыдно убегать, но он ничего не смог поделать со страхом. Немцы схватились за сумки с покупками. Старички смотрели ему вслед.

Катрин засмеялась.

— Спаснбо, — сказала она. — У тебя это здорово получается.

— Он бы не убежал, — сказал я, — если бы я не превратил тебя в паучнху.

— Как тебе не стыдно, — сказала Катрин.

— Куда мы пойдем? — спросил я.

— Куда хочешь, — сказала Катрин.

— Сегодня очень душно, — сказал я. — Где он к тебе прнвязался?

— От кинотеатра шел. Я ему сказала, что меня ждет муж, но потом решнла его наказать, потому что он очеиь самоуверенный. Может быть, пойдем в парк? Будем пить пиво.

— Там много народу, — сказал я.

— Сегодня пятннца. Ты же сам говорнл, что по пятницам все разумные людн уезжают за город.

— Как скажешь.

— Тогда пошлн ловить машину.

На стоянке была большая очередь. Солнце опустилось к крышам, и казалось, что оно слишком прнблизилось к Земле.

— Сделай что-нибудь, — сказала Катрнн.

Я отошел от очереди н пошел ловить частника. Я никогда не делаю этого, только для Катрин. На углу я увидел пустую машину и превратился в Юрня Никулина.

— Куда тебе? — спросил шофер, когда я сунул голову Ннкулина в окошко.

— В Сокольникн.

— Садись, Юра, — сказал шофер.

Я позвал Катрнн, и она спросила меня, когда мы шли к машине:

— Ты кого ему показал?

— Юрня Никулнна, — ответил я.

— Правильно, — сказала Катрнн. — Он будет горд, что возил тебя.

— Ты же знаешь...

— Это шутка, — сказала Катрин.

— Что-то давно тебя в кино, Юра, не видел, — сказал шофер, наслаждаясь доступностью общення со мной.

— Я занят в цирке, — сказал я.

Мне приходилось все время думать о нем, хотя я предпочел бы смотреть на Катрин. Катрин веселилась. Она прикусила нижнюю губу, и кончики острых клыков врезались в розовую кожу. Шофер был говорлив, я дал ему рубль, и он сказал, что сохранит его на память.

Под большими деревьями у входа было прохладно и все места на лавочках заняты. Впереди, за круглым бассейном, поднимался купол, оставленный американцами, когда они устраивали здесь выставку. Теперь тоже была выставка «интер-что-то-71». Я подумал, что если Гуров прочтет наш с Крогиусом доклад к понедельнику, то во вторник придет в лабораторию. Крогиус сам не понимал, что мы натворили. Я понимал.

— Пойдем левее, — сказала Катрин.

В лесу, изрезанном тропинками, у какого-то давно не крашенного забора, Катрин постелила две газеты, и мы сели на траву. Катрин захотела пива, и я достал бутылку из портфеля. Я купил ее по дороге с работы, потому что подумал, что Катрин захочет пива. Открыть бутылку было нечем, и я пошел к забору, чтобы открыть ее о верх штакетника. Перед забором была большая канава, и я подумал, что могу ее перелететь, не перепрыгивать, а перелететь. Но на тропинке показались две женщины с детскими колясками, и я перепрыгнул через канаву.

— Ты хотела бы летать? — спросил я Катрин.

Катрин посмотрела на меня в упор, и я заметил, как ее зрачки уменьшились, когда на них попал солнечный свет.

— Ничего ты не понимаешь, — сказала она. — Ты не умеешь читать мысли.

— Не умею, — сказал я.

Мы пили пиво из горлышка и передавали друг другу бутылку, как трубку мира.

— Очень жарко, — сказала Катрин. — И все потому, что ты не разрешаешь закалывать волосы.

— Я?

— Ты сказал, что тебе больше нравится, когда у меня распущенные волосы.

— Мне ты нравишься в любом виде, — сказал я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Катрин сидела, опершись ладонью о траву, рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин, — сказал я, — выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

— Ты меня не любишь.

— Глупый, — сказала Катрин.

Я наклонился к самой земле и поцеловал по очереди все ее длинные загорелые пальцы. Катрин положила мне на затылок другую ладонь.

— Почему ты не хочешь выйти за меня замуж? — спросил

я. — Хочешь, я буду всегда для тебя краснвым? Как кинозвезда.

— Устанешь, — сказала Катрин.

— А все-таки?

— Я никогда не выйду за тебя замуж, — сказала Катрин. — Ты пришелец из космоса, чужой человек. Опасный.

— Я вырос в детском доме, — сказал я. — Ты знаешь об этом. И я обещаю, что никогда не буду никого гипнотизировать. Тебя тем более.

— А ты мне что-нибудь внушал?

Она убрала ладонь с моего затылка, н я почувствовал, как ее пальцы замерли в воздухе.

— Только если ты просила. Когда у тебя болел зуб. Помнишь? И когда ты так хотела увидеть жирафа иа Комсомольской площади.

— Ты мне внушал, чтобы я тебя любила?

— Не говори глупостей и верни иа место ладошку. Мне так удобнее.

— Ты врешь?

— Я хочу, чтобы ты в самом деле меня любила.

Ладоиь вернулась на место, и Катрин сказала:

— Я тебе ие верю.

Мы допили пиво н поставнли бутылку иа виду, чтобы тот, кому она нужиа, иашел ее и сдал. Мы говорили совсем о ненужных вещах, даже о Татьяниином отчиме, о Вике и о людях, которые проходили мимо н смотрели на нас. Мы вышли из парка, когда стало совсем темно, н долго стояли в очереди на такси, н, когда я проводил ее до подъезда, Катрин не захотела поцеловать меня на прощание, и мы ни о чем не договорились иа будущее.

Я пошел домой пешком, и мне было грустно, и я придумал вечный двигатель, а потом доказал, что он все-таки не будет работать. Доказательство оказалось очень трудиым, и я почти забыл о Катрин, когда дошел до своей улицы. И тут я понял, что, когда я приду домой, зазвонит телефон, и Крогиус скажет, что у нас ничего ие выйдет. Мне не хотелось обходить длинный газон, и я решил перелететь через него. Летать было не просто, потому что я все время терял равновесие, н поэтому я не решился взлететь к себе иа четвертый этаж, хотя окно было раскрыто. Я взошел по лестнице.

Когда я открывал дверь, то понял, что кто-то сидит в темной комнате и ждет меня. Я захлопнул за собой дверь н не спеша закрыл ее на цепочку. Потом зажег свет в прихожей. Человек, который сидел в темной комнате, знал о том, что я чувствую его, но не шевелился. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — ответил человек. — Вас долго не было.

Я вошел в комиату, нажал на кнопку выключателя и сказал:

— Может быть, я поставлю кофе?

— Нет, только для себя. Я не буду.

От человека исходило ощущение респектабельности. Он так и

сочился респектабельностью. Поэтому я тоже напустил на себя респектабельный вид и внушил гостю, что на мне синий галстук в полоску.

Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, ставьте лучше кофе.

Он прошел за мной на кухню, достал из кармана спички и зажег газ, пока я насыпал в турку кофе.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил он.

— Нет.

— Даже сегодня?

— Сегодня чувствую.

— А почему вы до сих пор не женились?

— Меня не любят девушки.

— Может быть, вы привыкли к одиночеству?

— Может быть.

— Но у вас есть друзья?

— У меня много друзей.

— А им до вас и дела нет?

— Неправда. А как вы вошли в квартиру?

— Я прилетел. Окно было открыто.

Он стоял, склонив голову набок, и рассматривал меня, будто ждал, что я выражу изумление. Но я не изумился, потому что сам чуть не сделал то же самое, — только побоялся потерять равновесие и удариться о перила балкона. Человек сокрушенно покачал головой, сказал:

— Никаких сомнений, — и поправил пенсне. Я мог поклясться, что никакого пенсне на нем три минуты назад не было. Я налил кофе в чашку, взял пачку вафель и пригласил гостя в комнату. Я устал от жары и ни к чему не ведущих разговоров.

— Снимите ботинки, — сказал гость, проявляя заботливость. — Пусть ноги отдыхают.

— Вы очень любезны, — сказал я. — Я сначала выпью кофе, а то спать хочется.

Человек прошел по комнате, остановился у стеллажа и провел пальцем по корешкам книг, словно палкой по забору.

— Итак, — сказал он профессиональным голосом. — Вы себе не раз задавали вопрос: почему вы не такой, как все. И ответа на него не нашли. И в то же время что-то удерживало вас от того, чтобы обратиться к врачу.

— Я такой же, как все, — ответил я и подумал, что зря не послушался его. Снял бы ботинки.

— Еще в детском доме вы учились лучше всех своих сверстников. Значительно лучше. Даже удивляли учителей.

— Второй приз на математической олимпиаде, — сказал я. — Но учителей я не удивлял. И медали не получил.

— Вы ее не получили нарочно, — сказал гость. — Вы смущались своих способностей. Вы даже убедили Крогиуса, что он полноправный ваш соавтор. И это неправда. Но в вас заключена могучая сила убеждения. Вы можете внушить любому человеку черт знает что.

— А вам? — спросил я.

— Мне не можете, — ответил мой гость и превратился в неболь-

шой памятник первопечатнику Ивану Федорову.

— Любопытно, — сказал я. — Сейчас вы скажете, что вы — мой родственник и нас объединяют невидимые генетические связи.

— Правильно, — сказал гость. — Если бы это было не так, вы бы не догадались, что я жду вас, вы бы проявили хотя бы удивление, увидев незнакомого человека в запертой квартире. Вы бы удивились моему признанию, что я взлетел на четвертый этаж. Кстати, вы уже умеете летать?

— Не знаю, — сознался я. — Сегодня первый раз попробовал. А что я еще умею делать?

— Вам достаточно взглянуть на страницу, чтобы запомнить ее текст, вы складываете, умножаете, извлекаете корни с такой легкостью и быстротой, что могли бы с успехом выступать на эстраде, вы можете не спать несколько суток, да и не есть тоже.

— Хотя люблю делать и то и другое.

— Привычка, — холодно сказал гость. — Влияние среды. В детском доме следили за тем, чтобы все дети спали по ночам. Вы умеете видеть связь между фактами и явлениями, очевидно между собой не связанными. Вы гений по местным меркам. Хотя далеко не всеми вашими способностями вы умеете распоряжаться и не обо всех подозреваете.

— Например? — спросил я.

Гость тут же растворился в воздухе и возник за моей спиной, в дверном проеме. Потом не спеша вернулся к стеллажу, достал оттуда англо-русский словарь и бросил его. Словарь застыл в воздухе.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это еще не все.

— С меня достаточно.

— Если вы будете учиться. Если вы вернетесь в естественную для вас обстановку. Если вы окажетесь среди себе подобных.

— Так, — сказал я. — Значит, я мутант, генетический урод. И не одинок при этом.

— Не так, — сказал гость. — Вы просто чужой здесь.

— Я здесь родился.

— Нет.

— Я родился в поселке. Мои родители погибли при лесном пожаре. Меня нашли пожарники и привезли в город.

— Нет.

— Тогда скажите.

— Нам следовало найти вас раньше. Но это нелегко. Мы думали, что никого не осталось в живых. Это был разведывательный корабль. Космический корабль. Ваши родители были там. Корабль взорвался. Сгорел. Вас успели выбросить из корабля. И был лесной пожар. В пожаре сгорел поселок леспромхоза. Пожарники, нашедшие вас живым и невредимым, только очень голодным, не знали, что до конца пожара вас окружало силовое поле.

Я слушал его, но меня мучило совсем другое.

— Скажите, — спросил я, — а на самом деле я какой?

— Внешне? Вам это нужно знать?

— Да.

Гость превратился в некую обтекаемую субстанцию, полупрозрачную, текучую, меняющую форму и цвет, но не лишенную определенной грации.

— Это тоже внушение?

— Нет.

— Но ведь я не стараюсь быть человеком. Я человек.

— Без этого вы не выжили бы на Земле. Мы думали, что вы погибли. А вы приспособились.

— Я должен буду улететь с вами? — спросил я.

— Разумеется,— сказал гость.— Вы же мне верите?

— Верю, — сказал я. — Я только позвоню Крогиусу.

— Не надо, — сказал гость. — То, что вы с ним сделали, пока не нужно Земле. Вас не поймут. Над вами стали бы смеяться академики. Я вообще удивлен, что вы смогли внушить Крогиусу веру в эту затею.

— Но ведь она не бред?

— Нет. Лет через сто на Земле до нее додумаются. Наше дело не вмешиваться.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил вас не звонить Крогиусу.

— Хорошо, — ответил я. И набрал номер Катрин.

Гость положил ладонь на рычаг. Он снова принял человеческий облик.

— Это кончилось, — сказал он. — И одиночество. И необходимость жить среди существ, столь уступающих вам. Во всем. Если бы я не нашел вас, вы бы погибли. Я уверен в этом. А теперь мы должны спешить. Корабль ждет. Не так легко добраться сюда, на край Галактики. И не так часто здесь бывают наши корабли. Заприте квартиру. Вас не сразу хватятся.

Когда мы уходили, уже на лестнице, я услышал, как звонит телефон. Я сделал шаг обратно.

— Это Крогиус, — сказал гость. — Он разговаривал с Гуровым. И Гуров не оставил камня на камне от вашей работы. Теперь Крогиус забудет обо всем. Скоро забудет.

— Знаю, — ответил я.

Мы быстро долетели до корабля. Он висел над кустами, небольшой, полупрозрачный и совершенно на вид не приспособленный к дальним странствиям. Он висел над кустами в Сокольниках, и я даже оглянулся, надеясь увидеть пустую пивную бутылку.

— Последний взгляд? — спросил гость.

— Да, — сказал я.

— Попытайтесь побороть охватившую вас печаль, — сказал гость. — Она рождается не от расставания, а от неизвестности, от невозможности заглянуть в будущее. Завтра вы лишь улыбнетесь, вспомнив о маленьких радостях и маленьких неприятностях, окружавших вас здесь. Неприятностей было больше.

— Больше, — согласился я, и меня мягко и тепло окутал воздух корабля. 10

— Стартуем, — сказал гость.— Вы не почувствуете перегрузок.

Приглядитесь ко мне внимательнее. Ваша земная оболочка не хочет покинуть вас.

Гость переливался перламутровыми волнами, играя и повелевая приборами управления.

Я увидел сквозь почти прозрачный пол корабля, как уходит вниз, все быстрее и быстрее, темная зелень парка, сбегаются и мельчают дорожки уличных огней и россыпи окон. И Москва превратилась в светлое пятно на черном теле Земли.

— Вы никогда не пожалеете,— сказал мне гость. — Я включу музыку, и вы поймете, каких вершин может достичь разум, обращенный к прекрасному.

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила нас и устремилась к звездам, и была она совершенна, как совершенно звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в моменты усталости и раздражения.

И я услышал, как вновь зазвенел телефон в покинутой, неприбранной квартире, телефон, ручка которого была замотана синей изоляционной лентой, потому что кто-то из подвыпивших друзей скинул его со стола, чтобы освободить место для шахматной доски.

— Я пошел, — сказал я гостю.

— Нет, — сказал тот. — Возвращаться поздно. Да и бессмысленны возвращения в прошлое. В далекое прошлое.

— До свидания, — сказал я. Я покинул корабль, потому что за этот вечер я научился многому, о чем я и не подозревал раньше.

Земля приближалась, и Москва из небольшого светлого пятна превратилась вновь в бесконечную россыпь огней. И я с трудом разыскал свой пятиэтажный блочный дом.

Голос гостя догонял меня:

— Вы обрекаете себя на жизнь, полную недомолвок, мучений и унижений. Вы будете всю жизнь стремиться к нам, ко мне. Но будет поздно. Одумайтесь. Вам нельзя возвращаться.

Дверь на балкон была распахнута. Телефон уже умолк. Я нащупал его, не зажигая света. Я позвонил Катрин и спросил ее:

— Ты звонила мне, Катюшка?

— Ты с ума сошел, — сказала Катрин. — Уже первый час. Ты всех соседей перебудишь.

— Так ты звонила?

— Это, наверно, твой сумасшедший Крогиус звонил. Он тебя по всему городу разыскивает. У него какие-то неприятности.

— Жалко, — сказал я.

— Крогиуса?

— Нет, жалко, что ты не звонила.

— А зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что согласна выйти за меня замуж.

— Ты с ума сошел. Я же сказала, что никогда не выйду замуж за пришельца из космоса и притом морального урода, который может внушить мне, что он Жан-Поль Бельмондо.

— Никогда?

— Ложись спать, — сказала Катрин. — А то я тебя возненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Тебя не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной,— сказал я строго.

— Ладно, с тобой, — сказала Катрин. — Только лишнего не думай.

— Я сейчас думать почти не в состоянии.

— Я тебя целую, — сказала Катрин. — Позвони Крогиусу. Успокой его. Он с ума сойдет.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом снял ботинки и, уже засыпая, вспомнил, что у меня кончился кофе и завтра надо обязательно зайти на Кировскую, в магазин, и выстоять там сумасшедшую очередь.

Кладезь мудрости

Корнелию Удалову явился во сне пришелец.

— Послушай, Корнелий,— сказал он. — Мы в Галактике знаем, что ты очень расположен к космической дружбе.

— Да, — согласился Корнелий. — Верю в возможность контактов и по мере сил...

— Погоди, — перебил его пришелец. — Времени у меня в обрез.

Пришелец был окружен голубым одеялом, и за сиянием трудно было различить его формы. Корнелий понимал, что встреча происходит во сне, но просыпаться не торопился, любил поговорить с новым человеком.

— Мы в Галактике посоветовались, — продолжал пришелец, подлетая ближе и заключая Удалова в пределы своего сияния. — И решили, что ты нам подходишь. Сам понимаешь.

— Понимаю, — сказал Удалов.

— И вот в благодарность за твои прошлые и будущие заслуги мы тебе даем дар. Космического масштаба. Одновременно, должен тебя предупредить, дар этот — испытание всей планете, всему человечеству. Сможешь подарком распорядиться, — значит, человечество доросло. Нет — придется подождать.

— А почему ваш выбор пал на меня? — спросил Удалов из скромности.

— Я же сказал — за заслуги. И к тому же ты самый что ни на есть средний и обычный человек в Гусляре.

— Я-то? — спросил Удалов с некоторой обидой.

— Неважно, — ответил пришелец. — Спешу я. Энергия на исходе. За то время, пока я с тобой нахожусь в телепатической связи, пришлось на двадцати трех планетах свет выключить. Так что принимай дар и до свидания. В случае, если не справишься, только скажи вслух «игра закончена». И все вернется на свои места.

Не успел Удалов ничего ответить, не успел даже руки протянуть за даром, как сверкнула молния и Удалов проснулся.

Было раннее утро. За окном шел дождь. Рядом спала Ксения и вздыхала во сне. Интересио, подумал Удалов, она наш разговор слышала? Где-то, за тремя стенами, зазвоинл будннльник. Пять тридцать, старик Ложкии встает делать зарядку н кормнть птичек. А может, сон как сон? Может, н не было пришельца?

Удалов выпростал нз-под одеяла руки. Рукн былн пусты. Никакого дара.

— Чепуха, — сказал Удалов и снова заснул.

Вторично он раскрыл глаза в половине восьмого. Сын Максимка собрался в школу. Ксення хлопотала на кухне.

— Уроки выучил? — спросила она сына. — Опять вчера с Сашкой мяч гонял до темноты?

— А нам ничего не задалн, — ответнл Максим Удалов, очень похожий на своего отца курносым носом, цветом пшеничных волос и склонностью к излишнему фантазнрованию.

— Как так не задали? — сердилась Ксения. — Я в дневннк смотрела. По истории про бунт стрельцов кому задавалн?

— Я про бунт знаю, — сказал Максим.

— Господн, если бы я проверить могла, — говорила Ксення. — Я бы тебя по урокам гоняла бы как сидорову козу. Все дела, хозяйство.

— Ксения, разбуднла ты меня, — сказал Удалов. — Нужно же сегодня к одиннадцати в контору. Вчера говорнл.

— Все равно вставай, — ответила Ксения, которая легко перенеснла свое раздражение с одного члена семейства на другого. — Сколько раз проснла — почини замок в прихожей. В один прекрасный день всех нас унесут, ты даже не заметишь. Сын опять уроков не выучнл. Про стрелецкий бунт ничего не знает.

— Ннчего не знаю, да больше вас, — ответнл грубо Максимка. — Вы небось даже не знаете, что Суворов его подавлял.

— Историю я крепко подзабыл, — сознался Удалов.

И тут что-то щелкнуло у него в мозгу. Будто открытая страница учебника возникла перед глазами. Удалов просмотрел страницу и сказал совершенно спокойно:

— Плохо вас учат, сынок, еслн Суворов стрелецкое восстанне подавлял. Особенно если учесть, что за спинами стрельцов стояла царица Софья, старшая сестра Петра Первого, н князь Голицын, ее основной полководец. Суворов, кстати родившийся лишь в 1730 году, никакого участия в этом принимать не мог.

Сказав так, Удалов спустил ноги с постели, нащупал шлепанцы н поднялся во весь рост. Сын Максимка как стоял у двери, так н замер. Ксения выглянула из кухни с крышкой от кастрюли в руке н спросила:

— Ты это сам или заглянул куда?

— Сам, — сказал Удалов. — Память у меня хорошая. Спеши, Максимка, в школу и в будущем не обманывай папу. Скажет тоже, Суворов...

— Иди к столу, — сказала Ксения, подобрев. — Каша остынет.

— Сон я удивительный видел, — сказал Удалов, заливая кашу молоком. — Будто явился ко мне космический пришелец и говорит: «Получай, товарищ Корнелий Удалов, за твои передовые дела необыкновенный подарок».

— Рехнешься ты со своими пришельцами, Корнюша, — пожалела его Ксения. — А подарок какой?

— Вот в том и беда, что не знаю. Проснулся я, а подарка нет.

— То-то и оно. Мне вчера, например, таик присиился. А на нем соседское белье висит. Тоже, наверно, чего-нибудь значит.

— Наверно, — сказал Удалов разочарованно. Ему было жалко такого редкого сна.

— Между прочим, — продолжала Ксения, — вчера нам счета принесли. Опять за электричество два сорок два. Это надо только подумать, сколько энергии холодильник жрет!

— Два сорок три, — автоматически поправил ее Удалов. — А пришельцу для того, чтобы к моему разуму проникнуть, пришлось без света несколько планет оставить.

— Два сорок две, — сказала Ксения. — Я смотрела.

— Ну да, два сорок три.

— Ты что, шутить со мной вздумал? Ведь я, как счет получила, сразу его в шкатулку спрятала. Когда залезть успел?

— Не видел я твоего счета, — искренне обиделся Удалов. — Просто так показалось мне, что два сорок три.

— Ну уж погоди.

Ксения вынула из комода под зеркалом расписную шкатулку федоскинской работы с изображением тачанки, подаренную к свадьбе удаловскими соучениками по школе, раскрыла ее и сверху достала голубой листок — счет за электроэнергию.

— Вот, — сказала она. — Полюбуйся.

Но листок мужу не отдала, потому что увидела, что на нем написано:

«Два рубля сорок три копейки».

— Лазил, — сказала она убежденно.

— Не лазил, а догадался, — ответил Удалов.

— Лазил. Ревнуешь. Проверяешь, где письма храню.

— Нужна ты кому-то, — ответил Удалов.

— Вот-вот, была нужна. Семенихин Коля мне какие предложения делал!

— Так этот Коля тебя двадцать лет как забыл.

— А почему забыл? Потому что я лучшие годы на тебя потратила.

Ксения провела руками по широким бедрам и заплакала.

— Ну-ну, — сказал Удалов, спешно собираясь на службу. — Ну не надо, чего уж там...

Удалов шел на работу не спеша. Пришлось покинуть дом раньше, чем рассчитывал, и он выбрал дальний путь к стройконторе — по набережной, мимо собора, мимо дома купцов Анучиных восем-

надцатого века, через рынок, сентябрьский, разнообразный, веселый.

По пути Удалов думал о событиях, приведших к власти Петра Первого. Раньше ему об этом думать не приходилось, все недосуг. А сейчас он понял, что, к сожалению, знает мало, крайне мало, в объеме школьного учебника. И очень хотелось разобраться в роли боярина Шакловитого, но учебник об этой роли почти ничего не сообщал.

Впереди Удалова спешили в школу дети. Корнелий догнал одну девочку, поглядел на ее тонкий блестящий портфельчик из искусственной кожи и произнес вслух:

— Афта морнинг ти ай гоу ту скул.

Причем произнес с более-менее правильным произношением.

— Что? — спросила девочка, обернувшись. — Вы тоже этот урок проходите?

— Прохожу, — признался Удалов. И покраснел от нечаянной лжи. В школе он учил немецкий, а потом языками не занимался. И странно было не то, что он сказал английскую фразу и знал при том, что она английская. Фразу можно было случайно подслушать и запомнить. Беда заключалась в другом: Удалов знал весь учебник английского языка для пятого класса средней школы. Весь целиком, и мог по первому требованию процитировать любую страницу, включая выходные данные книги, помещенные на последней странице — тираж, имя корректора и дату сдачи учебника в печать.

Потом, думая о событиях, Удалов даже удивлялся, как он не догадался к тому времени, что это и есть космический дар. Но он не догадался. Удивился и пошел дальше.

На скамейке у техникума сидели будущие речники и зубрили тригонометрию. В голову Удалова хлынули тангенсы и прочие функции и тут же перемешались с исчерпывающими сведениями о приготовлении мучных блюд, потому что из соседнего дома вышла толстая женщина с поваренной книгой в руке.

Дела, подумал Удалов. Чего только не взбредет на ум.

У входа на рынок на шатком столике лежала стопка белых книжек. Рядом — мелочь в розовой мыльнице. На белой книжке была изображена древняя царица и имелась надпись «Тайна золотого гроба». Многие люди, выходя с рынка, останавливались у столика и приобретали книжку, надеясь, что она про шпиона. Знакомый Удалову работник местной газеты Миша Стендаль тоже купил книжку про золотой гроб и, поздоровавшись с Корнелием, спросил:

— А вы чего же?

— Я археологией не интересуюсь, — громко ответил Удалов. — Скучновато изложено.

— Граждане! — перебила Удалова продавщица. — Покупайте новый роман о тайнах Египта! Кто убил Нефертити? Загадка старого дома на берегу реки Нил!

— Вот, — сказал поучительно Стендаль. — Мало читаете, Корнелий Иваныч.

— Читаю, сколько могу, — ответил Удалов с достоинством. — Не меньше других. А этот труд имеет специальный характер. Для специалистов.

— Он знать не может, — сказала продавщица. — Мы эту книгу сегодня в ночь получили. Да и стою я здесь всего минут пятнадцать. Бывают же люди, придумывают что угодно, только чтобы настроение испортить.

— Ах так! — возмутился Удалов, теряя контроль над собой. — Откройте вашу тайну на странице... допустим, на странице сто тридцать. Открыли? Начинаю с одиннадцатой строчки сверху.

Стендаль ворошил страницами. Вокруг останавливались любопытные.

«Тут же, на севере столицы, — полуприкрыв глаза, барабанил Удалов, — были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амел-хотпе IV, в большом количестве Семиох-ке-ре, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анес-эм-ийот. Однако вместе с щитками Нефр-эт...»

— Стойте! — вскричал Стендаль. — Вы фокусник?

— Миша, — ответил Удалов укоризненно. — Вы же меня знаете. Меня каждая собака в городе знает.

Удалов обернулся за поддержкой к населению. Многочисленные люди стояли вокруг, держа в руках раскрытые на сто тридцатой странице белые книжки, и шевелили губами, проверяя Удалова.

— А ну-ка, — сказал лысый дядя в гимнастерке. — Ты зачитай нам со страницы сто двадцать. И с самого верха. Может, ты сто тридцатую специально заучил.

— Сколько угодно, — сказал Удалов. — Только дело не в том...

— Читай-читай, — люди принялись искать сто двадцатую страницу.

— Вы бы за книжки платили, а то обложка белая, хватают все, кто потом купит? — говорила продавщица, но ее не слушали.

«Го», — сказал Удалов. — Это перенос со страницы сто девятнадцать. «го для Рэ. Кийа» с добавлением «многолетия жива она!»

— Правильно, так тебя перетак! — пришел в восторг человек в гимнастерке, достал из кармана галифе большое красное яблоко «джонатан» и протянул Удалову. — Ешь, не стесняйся. С твоими талантами учиться надо.

— Спасибо, — сказал Удалов, застеснявшись. Ему вдруг представился собственный вид со стороны. Стоит начальник городской стройконторы у входа на рынок и бормочет про древнюю Объединенную Арабскую Республику. Стало стыдно.

— Корнелий Иваныч, — сказал Стендаль, догоняя кинувшегося наутек Удалова. — Мне с вами надо поговорить.

Вслед несся голос опомнившейся продавщицы:

— Покупайте новый детектив о тайнах саркофагов! Кто убил

Нефертити и ее мужа? Сегодня получено из Москвы!

Стендаль ие успел схватить Удалова за локоть, как новые события отвлекли его вниманиие. По улице, задрав единодушно головы к маковкам церкви Параскевы Пятиицы, шла группа иностраниых туристов, довольно редких в Великом Гусляре. Группа состояла по большей части из пожилых дам с хорошими, завитыми седыми буклями, в шляпках, украшеиных бумажиыми и иейлоиовыми цветами. Мужья этих женщии, заокеанские пеисиоиеры, были увешаиы фотоаппаратами «поляроид» и «кэиои» и имели бодрый вид.

Туристы оживлеиио переговаривались друг с другом. Удалов ел красиое яблоко и ие мог сдвииуться с места, потому что все поиимал. До последнего слова. И даже зиал слово в слово содержание аигло-русских разговориикков, которые вылезали из задиих кармаиов интуристов. Туристы говорили между собой с восклицательиыми зиаками:

— Это же черт зиает, что за порядки!

— Великолепиая варварская архитектура!

— Боже мой, какая сырость в этом городишке!

— Миссис Геири, вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту. Как ои уморителеи! Какая славяиская иепосредственность!

— Черт зиает, что за порядки! Пора завтракать, а переводчица куда-то делась!

— Эта церковь изумительио бы гляделась иа фоие Нотр-Дам де Пари!

— Что за безобразие! Мы платим полиовесную валюту, а переводчица куда-то делась!

— Ах, что вы говорите!

— Вы только посмотрите на этого туземца с яблоком во рту!

Тут Удалов поиял, что туземец — это он. Тогда его охватило негодоваиие. Ои сделал шаг вперед и сказал с приятиым бруклииским акцентом:

— Извииите иеобразоваииого туземца, ио, очевидно, вам следует сейчас повернуть налево и вы выйдете непосредственно к гостиииее «Вологда».

— Ах! — сказала миссис Геири. — Простите, что вы сказали?

— Ои выразился не менее ясио, чем президент Никсон, — сказал ее муж. — Послушаемся его и пойдем иалево. Простите, сэр.

Вся группа туристов послушио повериулась за мужем миссис Генри, и лишь небольшого роста турист с иапомажеииыми курчавыми волосами остался иа месте.

— А вы чего стоите? — спросил его по-английски Удалов. — Ах, да, конечно, вы же пуэрторикаиец и ие все поияли.

Удалов небрежно перешел на испаиский язык и повторил инструкции иа родном языке пуэрториканца.

— О, спасибо, синьор! — воскликиул турист. — Я не всегда поиимаю, когда говорят по-аиглийски так быстро, как вы.

И, взмахиув фалдами длииного

песочного цвета пиджачка, турист бросился догонять спутников.

Миссис Гейри, сворачивая за угол, сказала мужу, в надежде, что Удалов не услышит:

— Здесь прохода нет от агентов ГПУ. По-моему, я видела его около «Националя» в форме генерал-лейтенанта.

Удалов услышал и улыбнулся горькой, снисходительной улыбкой.

Наконец, Стендаль пришел в себя настолько, что смог открыть рот и спросить:

— Корнелий Иванович, почему вы никогда не говорили...

— А что тут говорить, — сказал Удалов. Он махнул рукой и быстро зашагал к конторе, чтобы в пути обдумать события и принять решение. Быстрое воображение уже представило его, Корнелия, главным переводчиком в «Интуристе». Вот он встречает самолет на Шереметьевском аэродроме, и оттуда выходят высокие негры.

— Здравствуйте, — говорит им Удалов на языке суахили.

За неграми следуют жители республики Мальдивских островов.

— Добро пожаловать, — говорит им Удалов на родном языке островов.

Сбегают по трапу японские дети с белыми журавликами в руках.

— С прибытием вас, — говорит им Удалов на языке Страны Восходящего Солнца.

А сзади уже бежит большой начальник из Международного отдела.

— Товарищ Удалов! — кричит он не своим голосом. — Товарищ Удалов. Вот ваш дипломатический паспорт и срочно садитесь на самолет. Вы нужны в Аддис-Абебе. Там найдена надпись на непонятном науке языке. Организация Объединенных Наций настаивает на вашей кандидатуре.

Летит Удалов к Аддис-Абебе. Черная Африка разворачивается под крылом. Слоны, носороги поднимают любопытные взоры и провожают самолет мычанием и дружественными криками. А император Эфиопии лично ждет на аэродроме в сопровождении эфиопских академиков.

— Как долетели? — спрашивают они Корнелия.

— Спасибо, — отвечает он на эфиопском языке.

А там назначение послом или даже советником в одну африканскую страну, национального языка которой не знает никто на свете, кроме Удалова...

«Диметилфталат — восемь граммов, — появилась мысль в мозгу Удалова, — водный раствор аммиака... нет, при чем здесь водный раствор аммиака?»

Удалов поднял глаза и увидел в открытом окне аптеки провизора Савича, писавшего что-то в толстом провизорском блокноте.

— Лекарства изобретаете? — спросил Удалов.

— Да, вспомнил кое-что.

— А водный раствор аммиака, — пошутил Удалов. — Это как по-нашему?

— Нашатырный спирт, — сказал Савич, и глаза его стали круг-

лыми от удивлеиня. — Я что, вслух разговаривал?

— Как сказать, — ответил Удалов и поспешил дальше. К тому времени голова его была полна знаниями, приобретенными походя, за два часа. И Корнелий уже начал понимать, что его личная память здесь совершенио ни при чем. Ситуация складывалась куда более сложиая. По какой-то причине он обрел способиость момеитально впитывать, как губка, любую письменную информацию, возле которой он оказывался. И для этого ему совсем не иадо было раскрывать книгу или заглядывать в чужие блокиоты. Просто следовало оказаться поблизости. Можно было, к примеру, положить возле себя несколько учебников, и через секуиду Удалов зиал, что в них было написаио, до последией запятой.

— Любопытиая чертовщина, — сказал Удалов. — А если голова лопнет?

К счастью, в этот момент Удалов прошел мимо киоска «Союзпечати».

Он вобрал в себя содержаиие всех газет и журналов, даже старых, что лежали иа прилавке и были развешаны по бокам. В том числе и того самого иомера журнала «Здоровье», где говорилось, что нормальный человек использует свой мозг, дай бог, иа один процент. Остальиые клетки лежат без движеиия и дармоедствуют, зря потребляют пищу и витамины.

— Ага, — сказал Удалов и остановился посреди улицы. — Все понятно. Это и есть дар. Зиачит, был не сон, а фантастическая очевидность. Как же я, с моими новыми способностями, до такой очевидной штуки ие додумался? Это стыд и позор.

А если сияющий пришелец сказал правду, то подарком надо уметь распорядиться. Его надо направить на пользу человечеству и способствовать таким образом межзвездной дружбе и взаимопониманию.

Какой следующий шаг должен предприиять разумный человек, который, если захочет, завтра станет академиком или, по крайней мере, члеиом-корреспондентом академии наук? Пойти в библиотеку? Нет, не стоит. Там нечаянио впитаешь столько всякой чепухи, что даже девяносто девять процентов мозга не справятся. Отдать себя в руки медицине? Жалко свободы.

А ноги между тем независимо от мыслей несли и несли Удалова вперед и привели к дверям стройконторы. Руки сами собой открыли дверь, а язык сам по себе поздоровался с присутствующими сотрудниками. А так как голова Удалова была занята посторонними мыслями, то в ответ иа вопрос бухгалтера, закрывать ли ведомости третьему участку, Удалов ответил туманио: «Академии иаук виднее», — и проследовал за перегородку, в кабинет.

Там он опустился иа стул, положил локти в кипу сводок и, все еще ие сознавая, где находится, продолжал размышлять.

Прельщала дипломатическая карьера. Черная машина «Волга»

у подъезда резиденцнн, уважнтельные иностраицы с коктейлями из вискн в холеных пальцах н их секретаршн в платьях-декольте. Хотелось также попробовать себя в космнческой программе. «Только вы, профессор Удалов, можете подсказать нам, стоит ли подключнть к этой ракете третью ступень». А вокруг стоят герои-космонавты н ждут ответа. Ведь от решения Удалова завнснт — лететь им на Марс нли погодить. Или еще можно разгадать тайны древинх цивилизаций н зиать, была лн Атлантида нли только померещилась. Такой путь вел к тихому академическому кабннету и бесплатиым путевкам в дом отдыха для ведущих мыслителей. Ну н, конечно, к междуиародиым конгрессам...

Нет, решил иаконец Удалов. Спешить с опубликованием не будем. Не исключено, что завтра все пройдет н окажешься в дураках. В обеденный перерыв зайду в техникум н впитаю в себя высшую математику. Никогда не помешает. Потом в музей, узиаю, что там есть про Петра Первого. Вот так-то.

— Вы ко мне? — спросил он, поднимая голову.

— Мы уж пятиадцать минут стараемся добнться вашего внимания, Корнелий Иванович, — сказал мужчина с шоколаднымн глазами, боксерским носом и желтым импортным портфелем.

— Даже больше, — поддержал его малеиький старичок. Старнчок был в очках, н линзы очков были такимн толстыми н сильными, что в нпх помещался лишь вдесятеро увеличеный зрачок голубого цвета с прожнлками. Старнчок тоже держал в руках желтый импортиый портфель.

— Ага, явились, — сказал Удалов. И в тот же момент он знал до последней строчкн содержимое толстых портфелей. Там лежали в основном ведомостн, справкн, накладные н чистые бланкн артелн, поставлявшей стройконторе скобянку, замкн, ключн и всякую мелочь.

Гостн уселнсь напротнв Удалова, и мужчина с боксерским носом сказал:

— Деиь сегодня хорошнй, Корнелий Ивановнч.

Деиь был плохой, ветреный, сумрачный, пасмурный. Слава богу, что хоть дождь перестал. Удалов молча согласнлся с гостем н нзучил между тем все бумаги, лежавшне у того в карманах. И понял, что может стать велнчайшим ревнзором современиости, нсключительным ревизором, которого ввиду зиання языков будут прнглашать в комаидировкн в союзные республики, страны социалнстнческого лагеря и, может, даже иа Запад. И на двери его кабинета будет скромиая таблнчка: «Комиссар мнлнцин первого ранга, заведующнй специальным отделом по особо важным ревизиям К. И. Удалов».

— Да, день неплохой, — сказал старичок, н увеличеиные жнлкн под очками заметно покрасиелн. — А вы на нас, говорят, в претеизин. Незаслуженно и обндно.

— Так, — сказал Удалов загадочно н постучал пальцами по столу.

— Нет, Кориелий Иванович, так дальше ие пойдет, — сказал мужчнна с боксерскнм носом н повел шнрокнми плечами. — Артель старается, выполияет и перевыполняет плаи, бесперебойио снабжает вашу коитору высококачественным товаром, а в ответ никакой благодарности. Я дойду до горсовета.

— А хоть до Вологды, — сказал Удалов. Содержаиие одной из бумажек в правом верхием кармане пнджака человека с боксерскнм носом его очень заинтересовало. Подчнстка на накладиой была сделана грубо, невооружеииым глазом видио.

— Зачем так, товарищ Удалов, — сказал старичок. — У иас все докумеиты с собой. Лучшнй металл мы пустили иа те задвижки. Опытиых мастеров прнвлекли. Дней и иочей ие спали. И все, получается, впустую? А квартальная премия?

— Погоди, — прервал его спутиик. — Если чем недоволеи, зачем по официальиым каиалам? Скажи мне, я скажу Порфнрьнчу, Порфнрьнч сделает.

— Сделаю, — сказал старичок. — Всегда полюбовио.

— А задвижки от ветра гнутся, — сказал Удалов. — Замки вилкой вскрыть нетрудно. Строительство дома отдыха сорваио. А товар вы налево пустнли. Разве не так?

— Не так, — убеждеиио сказал Порфирьич.

— А трн тысячи восемьсот нечестных рублей поделили между собой?

— Какие деньги? — возмутнлся старнчок. А у спутника иеожиданио выступил пот иа лбу.

— Сколько? — спроснл ои.

— Три тысячи восемьсот как одиа копеечка. Ведь до сих пор все ваши преступные расчеты в кармане брюк лежат. Караидашом писал. «Порфирьичу выделить семьсот двадцать. Шурову — триста. Удалову, если будет артачиться, сто в зубы». Разве ие правда?

Человек с шоколадными глазамн потерял присутствие духа. Он вскочил со стула, схватился за карман.

— Продали! — сказал ои.

Порфирьич со стула не встал. Порфирьич побледиел. Даже глаза побледнели.

— Три тысячн восемьсот? А мие семьсот двадцать? Так... Не будет тебе, бесчестиый жулик, иикакой пощады от иарода ий иа этом, ни на том свете, — сказал ои тоиким суровым голоском.

— И заявление в милнцию иапишем сейчас же, — сказал Удалов, куя железо, пока горячо.

— Я иичего не знаю, — сказал человек с боксерским носом, пытаясь сжевать вытащеииую из брюк записку. Записка была иа хорошей толстой бумаге и ие жевалась.

— Не поможет, — сказал Удалов. — В правом кармаие пнджака Порфирьича лежнт подчищениая иакладиая иа листовую сталь.

— Лежит, — сказал Порфирьич. — Лучше я сам сяду как не-

винный сообщник, но эту змею укатаю.

— Правильно, — сказал Удалов. — Он вас и раньше за нос водил.

— Фи не шмеете! — прокричал с набитым ртом директор артели. — Я путу шалофатся!

— Жалуйся, жалуйся, — сказал мстительно Порфирьич.

— Некуда ему деваться, — согласился Удалов. — У вас же в портфеле неотразимая бухгалтерия.

И видя, что надо нанести последний удар и повергнуть противника в нокаут, Удалов постарался вспомнить, что говорят в таких случаях следователи в кино. Недавно слышанные слова крутились в голове... «Ваша ставка бита!»... Нет, не то... «Руки вверх»... Нет. Близко, совсем близко. Ага! И Удалов произнес страшным голосом, так что у самого встали дыбом на затылке редкие золотистые волосы:

— Игра закончена! Садитесь и пишите заявление. Чистосердечное покаяние — вот единственное, что может облегчить вашу участь!

Сверкнула молния, запахло озоном, бледный как полотно директор артели опустился на стул, достал шариковую ручку и с помощью Порфирьича стал писать признания.

А Удалов вдруг ощутил страшную пустоту в голове. Первозданную, нелепую пустоту. Он не помнил содержания ни единой из бумажек, лежавших в портфелях у артельщиков. Он забыл английский и испанский языки, он не мог вспомнить ни одной тригонометрической функции. Он даже запамятовал чеканные рифмы поэмы, напечатанной в последнем номере журнала «Огонек».

— Но почему? — воскликнул он. — За что?

Артельщики метнули на него перепуганные взоры и еще быстрее стали писать признание.

— Сами отнесете в милицию,— приказал им Удалов и, более не сознавая ничего, бросился к выходу.

Снова крапал дождик по пожелтевшим листьям. Было тихо и обыкновенно. И с ясностью отдаленного ночного грома прозвучали в ушах Удалова слова пришельца: «В случае, если не справишься, скажи вслух «игра закончена», и все вернется на свои места».

— Я же не хотел! — взмолился, простирая к небу руки, Корнелий Удалов. — Это ошибка. Я могу воспользоваться! Это случайная ошибка!

...Удалов вернулся домой и до вечера не промолвил ни слова. Он отказался говорить с Мишей Стендалем, который поджидал его у ворот, он не стал есть любимого супа с клецками. Он лежал на диване в брюках и переживал свою оплошность, не только закрывшую перед ним путь к дипломатическому будущему, но и лишившему все человечество немедленной дружбы с развитой Галактикой...

И лишь вечером, выпив для успокоения сто граммов перцовки и сказав непонятные домашним

слова: «Может, разберутся, отменят решение», Удалов подошел к столику сына и спросил его:

— Где у тебя учебник истории?

— А что, папа? У нас завтра истории нет. Не задавали.

— Глупый, — ответил отец. — Я просто хочу почитать про Петра Первого. И тригонометрию не прячь... Век живи, век учись... В Галактике с нашей серостью появляться просто стыдно.

СЕРГЕЙ ЖЕМАЙТИС

Артаксеркс

Наша «Черепашка» бойко бежала по бурой равнине, подгоняемая жидким эриданским ветром. Красная пыль висела в воздухе, сглаживая очертания скал причудливой формы, возникавших по пути. Высоко над головой в фиолетовом небе стоял совсем крохотный кружочек солнца. По нашим земным представлениям солнце здесь почти не грело, и все же его могучей силы хватало на то, чтобы вечно будоражить атмосферу планеты, перемещать миллиарды тонн песка, шлифовать скалы и разрушать их, превращая в щебень и мельчайшую пыль.

Перегоняя нас, прокатилось перекати-поле — большой шар из жестких, как проволока, стеблей, колючек и оранжевых коробочек с семенами меньше маковых зерен. Перекати-поле — эриданская посевная машина, способная бесконечно долго высевать семена; если же ей удастся зацепиться своими колючками в овражке или канаве, то через несколько минут из нижних стеблей выйдут желтые корни и станут сверлить песок, добираясь до влажных слоев, через час она зацветет непостижимо прекрасными цветами и опять готова в путь сеять семена жизни...

Антон сказал, проводив взглядом колючий шар:

— Невероятная приспособляемость. Вот еще одно подтверждение неистребимости жизни. Создание ее невероятно трудно, сложно, и потому у нее такой запас прочности. Эти эриданские кактусы выдерживают и космический холод, и непомерную жару! Они не

горят! Готовы хоть сейчас переселиться на другую планету, в другую галактику, куда угодно, или ждать миллионы лет дома, пока ие произойдет чудо и Эридаи сиова оживет. И пожалуй, ждать ие так долго. Мы-то ведь уже здесь! Как жаль, что ие дождались люди...

Я сказал:

— Возможио, оии еще уцелели, только ие зиают о нашем прнбытии.

— Ну нет. Наш прилет ие мог остаться незамеченным при таком уровне цнвилизацин... — Антои помолчал, иаблюдая, как «Черепашка» ловко обходнт столбы из песчаинка, похожие иа колониы, а может быть, это были самые иастоящие колоины? Колонны остались позади. Антон добавил: — Бывшей цнвилизацни. То, что они живут в глубинах плаиеты, — старая сказка. Они могли бы жить и на поверхиости, еслн бы что-то ие случилось...

И мы — в который раз! — задумались над судьбой эридаи. Онн теперь занимали все наши мыслн. Пока здесь, иа экваторе, нам встречаются только развалины городов, нррнгацноиных сооруженнй, высохшне моря, удивительиые памятннки, фаитастнческая утварь, звучащне книги, которые мы ннкогда ие поймем...

В шлемофоне раздался предупредительный сигиал н голос Вашаты:

— Ну как, друзья? Все двигаетесь?

— А ты ие вндишь? — спросил Антон.

— Довольно хорошо в просветы песчаиых туч...

— Скучно на вахте?

— Очень. Зингер заннмается генеральной уборкой. Эта «колючая проволока» проросла у иего в скафандре! Прнказал выбросить скафаидр. Вот к чему прнводит нарушение элементарных инструкций. Так что, прошу вас!

— На этот счет ие беспокойся, — успокоил Антон, — мы живые параграфы космической дисциплины.

— Не втирайте мне очки, как говорнли наши предки, и особеино не задержнвайтесь, ограничьтесь только общим осмотром и съемками, здесь работы иа сто лет. Ну, вот вы и приехали. Счастливо, ребята! Не лезьте под обломки...

«Черепашка» остановнлась: путь преграждали развалины городскнх ворот и стены. Город когда-то иаходился под гнгантской крышей, сейчас оиа обвалилась, осталось всего иесколько арок с частью перекрытия из помутиевшего стекла. Рухнувшие арки погребли под собой целые кварталы здаинй с южиой стороны, иа севере город оставался почтн целым. Архнтектура здесь отличалась, по меткому выражеиию Антона, «печальиой пышностью мавзолеев». Дома в два-три этажа нз лнтого камня разиых оттенков, стены покрыты фресками из цветиой змалн, такой же яркой, как на самаркаидских мечетях; только при вннмательном рассмотреини видио, как оии стары: все в бесчислеииых трещинах и кое-где иачали осыпаться, ио

издали дома кажутся почти новыми.

Без особого труда мы с Антоном одолели барьер из развалин, если можно назвать развалинами упавшее сооружение, совершенно почти целое, только кое-где в трещинах: литой камень необыкновенно прочен. Стены и кровля выстояли бы еще не одно тысячелетие, если бы не вечная работа ветра: ветер «подмыл» стены, и они рухнули, правда, не везде, северная часть еще держалась и выглядела несравненно лучше, чем остатки римских сооружений в Италии или на юге Франции, например в Арле, где в цирке до сих пор идут представления Всемирного концертного объединения.

На мостовой почти не было песка.

— Все дело в тяге, — сказал Антон. — Чувствуешь, как дует в лицо — скафандр гудит?

Действительно, ветер дул очень сильно, но скоро Антон обнаружил, что соседняя улица засыпана песком, хотя там сила ветра была такой же. Мостовую, по которой мы шли, покрывали изразцы цвета эриданской воды, цвет ее, как и у нас на Земле, зависел в сильной степени от цвета неба, а здесь оно почти всегда серо-фиолетовое. По этой дороге было очень легко идти, почти как на Луне.

На «нашей улице» только в дверных нишах держались горки розового песка, мелкого, как пыль. Антон обрушил одну из горок, и она, не коснувшись дороги, умчалась к пределам мертвого города.

Антон, посмотрев на меня удивленно, сказал:

— Странная дорога. Она отталкивает почти все, что падает на нее. Смотри! — Он бросил небольшой камень, который поднял еще у стены, камень, еле прикоснувшись к плите, взвился в небо и улетел через крышу.

Я сказал, что давно почувствовал необычайную легкость, с которой мы движемся по городу.

— И я тоже, — сказал Антон и показал на стену дома: — А на это ты не обратил внимания?

По стене соразмерно со скоростью нашего движения скользил желтый круг. Я тоже давно мельком приметил его, но принял за повторяющуюся деталь фресок, непонятную деталь. Здесь все непонятно, но я не заметил почему-то, что круг движется.

Антон многозначительно сказал:

— И фиолетовая мостовая, и круг связаны между собой. Видишь — мы стали, и он остановился, а сейчас поплыл. Надо бы сказать Вашате, если он не видит. Возможно, ему мешает поле, блокировка.

Вашата тут же сказал:

— Никакой блокировки. Все почти вижу. Вот теперь и круг, и вы действительно бежите, как лунатики. Интересно, что за сигнализация? Неужели?!.

— Вряд ли, — ответил Антон. — Если бы кто уцелел, то зачем эти фокусы? Просто остатки чего-то, какой-то системы оповещения. Таким способом можно было найти нужное здание, особенно ночью.

— Странно слышать подобный лепет, — вмешался Зингер. — Ты великолепно знаешь, как освещались их города в ночное время. Твое объяснение я отношу только за счет изменения силы гравитации.

Я ждал, что снова завяжется словесный турнир, и сам не прочь был принять в нем участие, да Антон ответил необычайно мягко:

— Ну, ну, Альф, у меня нет желания разрушать твою гипотезу. Ты лучше скажи, как твои успехи по борьбе с кактусами? Выловил колючки?

— Все! Как они быстро прорастают, были бы только следы влаги. Я насилу вылез из скафандра. К счастью, они не ядовиты.

Вашата не преминул заметить:

— Ты погоди еще. Хотя, судя по всему, яд им не нужен — живности здесь нет...

Видимо, в этот момент Зингер «пронзил» его взглядом своих колючих глаз, и Вашата добавил:

— По всей видимости...

Между тем светящийся круг остановился в стенной нише, в ней оказалась дверь, она медленно ушла в стену, и перед нами открылся темный проем, в нем смутно виднелись стены, а дальше все терялось во мраке.

Вашата сказал:

— Посветите фонарем.

Антон и я направили рефлекторы в дверной проем, и мгновенно дом осветился.

— Ну, что я говорил? — не преминул заметить Альф Зингер. — Даже сейчас работает их осветительная сеть!

— Нас приглашают, — сказал Антон.

— Что?! Ты видишь его? — не понял Вашата.

— Нет, конечно, но свет и дверь...

— Возможно, хранилище, сработала автоматика, — сказал я.

— Мы пойдем, — сказал Антон.

— Заходите, только очень осторожно, — разрешил Вашата и добавил: — Что-то мне не очень нравится этот желтый кружочек и ваша антигравитационная улица. Заходите и долго не задерживайтесь, сначала ты, Ив. Только для рекогносцировки, завтра займемся основательней...

Должен сказать, что у меня сердце забилось сильней, когда я перешагнул порог этого загадочного дома. В большом вестибюле поражала чистота, будто здесь жили люди. Казалось, что фрески на стенах только что протерли.

Не дожидаясь, когда я позову его, Антон вошел следом за мной.

— Вполне прилично, — сказал он, осматривая стены, потолок, пол. — Я не удивлюсь, если сейчас появятся хозяева, так здесь...

Он осекся, и я видел сквозь стекло шлема, как побледнело его лицо, да и сам я почувствовал, как замерло у меня сердце: где-то в глубине дома послышались шаги. Мы невольно отступили к порогу.

— Что у вас стряслось? — взволнованно спросил Вашата.

Он теперь нас не видел, мы находились под крышей. Мы не успели ответить: вдали, через анфиладу комнат к нам шел эриданин!

Точно он сошел с фрески, такой же высокий, изящный, длиннорукий, с удлиненным лицом и огромными глазами. Он шел скользящей походкой, откинув голову, прижав руки к туловищу.

— Ну что же вы! — крикнул Вашата. — Почему молчите? Что случилось?

— Здесь живут! — прохрипел Антон.

— Эриданин! — сказал я срывающимся голосом.

Вместо ответа Вашата и Зингер часто задышали в микрофон. Вашата сказал:

— Врете, черти. Ну разве можно так...

— Он, вот он! — сказал Антон. — Подходит.

И в микрофоне опять послышалось частое дыхание наших товарищей.

Эриданин остановился посредине вестибюля, в десяти шагах от нас, и мы услышали его певучий голос, красивый и печальный. Лицо его было неподвижным, чуть приоткрывался только маленький тонкогубый рот. Он был лыс. Голова и лицо цвета тусклого золота. На широкую грудь ниспадала роскошная ассирийская борода цвета вороньего крыла, вся в завитках. Нос, тонкий, длинный, с тупым кончиком, без ноздрей. Ушных раковин не было. Костюм тоже как на фресках — такие фигуры обыкновенно изображаются на заднем плане — облегающий серый с желтыми полосами. Ступни ног длинные. На ногах красные туфли или что-то в этом роде. В первые мгновения я еще обратил внимание на кисти рук — сухие, с четырьмя пальцами.

Мы раскланялись, насколько позволяли жесткие скафандры. Антон сказал через рупор в шлеме:

— Мы, люди Земли, приветствуем вас!

Вашата прошептал:

— Скажи: братья по разуму!

Антон повторил:

— Братья по разуму...

В ответ эриданин пропел короткую фразу и повел рукой в сторону комнат.

— Нас приглашают! — громко, уже оправившись от потрясения, сказал Антон.

— Идите! — разрешил Вашата. — И прибавьте звук: плохо вас слышим.

Эриданин отступил в сторону, уступая нам дорогу, затем быстро перегнал и пошел впереди, не оглядываясь.

— У него третий глаз! — прошептал Антон. — Смотри, на затылке.

За нами внимательно наблюдал этот глаз.

В дверях одной из комнат стоял еще один эриданин, очень похожий на первого, но в костюме темно-палевого цвета и в желтых туфлях. Цвет бороды — бордовый. Когда мы с ним поравнялись, он пропел ту же приветственную фразу, что и чернобородый, и поднял левую руку, в правой он держал прибор, похожий на лучевой пистолет.

Пробормотав приветствие, мы невольно подались к противоположной стене.

И еще третий эрданин попался нам на пути, тоже с «лучевым пистолетом», он водил им в разные стороны, и стены комнаты на глазах светлели. Этот был приземистей и без бороды.

— Пылесос! — сказал Антон.

Да и я подумал то же. Пылесос, действующий на каком-то непонятном принципе.

— Уборка. В нашу честь! — опять изрек Антон и спросил: — Ты не находишь, что это роботы?

У меня давно мелькала такая мысль и гасла под наплывом необычных впечатлений, да мне и не хотелось расставаться с иллюзией, что мы встретили живых людей. Выдавала их скованность движений. Кроме того, я вспомнил, что в разных городах мы не раз находили «мертвых» человекоподобных роботов. Наши хозяева, видимо, принадлежали к высшему разряду. На фресках по внешнему виду такого рода механические существа ничем не отличались от людей, кроме костюма, да еще почти всегда изображались за каким-нибудь занятием. Подлинные эрдане не отягощали себя физическим трудом, по крайней мере, их изобразительное искусство не отражало этого рода их деятельности. Цивилизация, следы которой мы застали, отличалась предельным насыщением жизни всевозможными техническими приспособлениями, все изготовляли гигантские комплексы машин, многочисленные механизмы с программным устройством различных назначений. Человекоподобные роботы занимали особое положение.

Антон сказал:

— Роботы говорят. А может, это киборги? И они помогут нам найти ключ к языку эрдан.

Вашата тревожно спросил:

— Что вы там шепчетесь? Что случилось?

— Ничего особенного, это, видно, не настоящие эрдане, а их роботы или киборги.

— Говорящие?

— Да. Поют. Разве не слышал?

— Слышал, но не поверил. Принял за вой ветра, а вас уже хотел взгреть за фиглярничанье. Вы все идете?

— Идем. Большие комнаты. Очень чисто. Роботы смахивают пыль. Это не жилище эрдан, а какое-то их учреждение, судя по всему, научное: непонятное оборудование, какие-то хранилища, вроде сейфов. Вошли в залу. Посредине большой цилиндр из блестящего черного материала. Вдоль стен такая же черная панель с множеством приборов, как в первом разрушенном городе. Робот предлагает нам сесть...

— Садитесь! — разрешил Вашата и спросил: — Что еще в вашем зале?

— Ничего. Даже стены без росписи, однотонные, с множеством закрытых дверей, одна стена — желтоватая, напоминает экран...

Мы сели в большие мягкие кресла, они появились, как из-под пола, а может быть, стояли возле черного куба, да мы их не заметили, хотя трудно было их не заметить: они оранжевые.

Тогда мы просто не раздумыва-

ли о таких мелочах: перед нами былн копин подлиииых эридаи! В залу вошли еще восемь роботов н стали в разных местах у паиели. Первый робот, видимо главиый, находился возле нас, стоя лицом к экраиу. Мы так же стали глядеть на экран, и опять я почувствовал нервный холодок на спине. Антон с силой выдохнул воздух.

Зингер нетерпеливо спросил:

— Ну что там у вас?

Антон ответил:

— Сейчас, по-видимому, начнется киносеанс. Все верио! На экраие — пейзаж Эридаиа с высоты. Внизу каналы, водоемы, плотииы. Вот город — вернее, огромный, сверкающий на солице купол. К нему ведет канал и несколько дорог, обсаженных бурым кустарником. По каналам движутся суда, те, что мы видели на фресках, на дорогах только пешеходы, здесь не было наземных транспортных машин, только аэролеты различных конструкций...

Аитон иеторопливо пояснял Вашате и Зингеру главное, что мы видели на гигантском экране. Тогда солнце светило ярче. Нам показали солице — ослепительный желтый круг, когда по нему чиркиул спутник. Неожиданио кресла подиялись, и мы, ухватившись за подлокотники, поплыли над экваториальиой равниной, вероятно, в пору наивысшего благоденствия эридан. Судя по солнцу, мы летели параллельио экватору.

Антон сказал:

— Похоже на Египет.

Я согласнлся с ним, что сеть каналов, поля между ними напоминают египетские, к западу от Каира, за Асуаиской плотиной, ио только при беглом взгляде: здесь не было земной теплоты в пейзаже, не тот рисунок оросительиой сети, иные краски полей, иные города, поселки, все не то. Ведь мы на Эридане!

Робот-гид исчез. Иногда сбоку повисала авиетка, и на нас из-за ее прозрачных стенок смотрели большеглазые существа, все казались одного возраста, не было совершеино детей. Не заметили мы их и на суше, на улицах городов. Словом, иллюзия полета и встреч с эриданами была полной. Вначале путешествие протекало в полной тишиие, затем хлынули звуки: певучий говор, шум воды на плотинах, свист ветра. Мы забыли про Вашату н Зиигера. Но скоро они напомннли о себе, появившись рядом в таких же оранжевых креслах.

Вашата сказал:

— Полиая фантасмагория! Непоиятио, как они это делают?

Зингер молчал, глядя вииз: мы летели над водохранилищем, и иа голубовато-фиолетовой воде виделось множество судов с необыкиовенио высокими мачтами и разиоцветиыми, непомерно большими парусами, конечно, по нашим земным масштабам.

— Гонки! — сказал Вашата. — Все-таки, как они это...

Я не услышал коица фразы. Мы опять очутились в зале возле черного цилиндра, в креслах перед гигаитскнм пустым экраном. Вашата н Зингер исчезли. Робот сказал по-русскн:

— Сеанс прекратим. После еще. Более важное.

— Уже научился! — сказал Антон. — Способный парень.

Робот ответил:

— Научился немного. Говорите, думайте больше, быстро — научусь мгновенно.

Антон аж подпрыгнул в кресле и обратился к роботу:

— Извините, друг, мы вам не представились, мы люди Земли.

Антон остановился, пораженный: на экране возник необыкновенно четкий снимок нашей планеты, голубой, теплой, в мантии облаков, между которыми проглядывала синь океанов и контуры Африки.

Эрнданин (после всего происшедшего я не могу называть роботом это необыкновенное существо) сказал:

— Мы знаем. Мы ждали. Долго. Очень...

В шлеме загудел взволнованный голос Вашаты:

— Ив, Антон!.. Кто с вами сейчас разговаривает?

— Все в порядке, Костя, — ответил Антон. — Это наш друг эриданин. Как видишь, начал говорить по-русски. Потрясающая встреча! Здесь ключ ко всему!

У нашего гида оказалось длинное певучее имя:

— Рожденный в день великой красной бури, в мгновение умирающей надежды.

Он представился нам вечером, когда у него возрос словарный запас, но мы тут же стали звать его Артаксерксом, а для краткости — Артом, — на большее у нас не хватило фантазии, и действительно в нем было что-то царственное, и борода напоминала этого ассирийца.

В этот день, а вернее уже в ночь, сеанс длился несколько часов, больше не было никаких потрясений. Арт проводил нас до дверей, попросив называть все, что мы видим.

Только сейчас мы заметили, что в коридоре, ведущем к выходу, в стене находились еще четыре выдвижные двери. Да, я еще не сказал о температуре в помещении: как зафиксировал термометр на шлеме, там было на сто пятьдесят градусов ниже, чем в городе, где в полдень термометр показывал плюс восемь.

Поскрипывая, закрылась последняя дверь. Мы очутились на улице в абсолютной темноте. Ветер стих. Странно было видеть в этом чужом мире знакомые земные созвездия.

На дверях опять появилось желтое светящееся пятно, и поплыло, указывая путь к «черепашке».

Теперь, когда мы вышли из-под крыши, Вашата с Зингером хорошо видели нас на экране в ходовой рубке.

Вашата сказал:

— Быстрее, ребята! Мы сейчас соорудим такой ужин! Жаль, что нельзя позвать этого парня.

Арт появился в корабле во время ужина. Стоял в углу столовой, закрывая собой дверь в продуктовый склад, или буфет, как мы его называли.

Вашата гостеприимным жестом пригласил его к столу. Какое-то

подобие улыбки мелькнуло в уголках его губ.

— Нет. Я здесь, чтобы слушать. Запоминать. Мне надо много понятий. Важная миссия, — сказал Артаксеркс и, мгновение помедлив, добавил: — Обратная связь.

Мы только что спорили, пытаясь объяснить все происходящее, и часто поминали «обратную связь».

— Так это не он, — первым догадался Антон, — это его копия. — Он протянул руку, и она прошла сквозь иллюзорного Артаксеркса.

— Копия,— подтвердил гость.— Больше говорите. Думайте.

Вашата выключил телесвязь, и Артаксеркс исчез.

— Действительно — обратная связь, — сказал Вашата и снова включил радиоканал.

И он снова появился, но на этот раз в другом конце столовой, возле плиты.

Вашата извинился.

Артаксеркс сказал:

— Нельзя прерывать обратную связь. Нарушение контактов.

Зингер принес съемочную камеру и навел на изображение Артаксеркса.

Вашата сказал:

— Какие мы олухи! Ведь у нас есть специальные словари, которые разработали наши космологи в расчете на встречу с представителями высшего разума.

До поздней ночи мы сначала по очереди, а затем, когда он попросил, все сразу стали напичкивать его словарной премудростью.

Когда прочитали первый словарь, он спросил:

— Есть еще словари?

— Да, есть два, — ответил Зингер.

— Давай сюда! — приказал Арт.

Теперь мы вразнобой читали вчетвером, а он быстро листал словарь, читая сразу две страницы.

— Черт возьми! — воскликнул пораженный Вашата.

Не переставая переворачивать страницы, Арт изрек:

— Возглас «черт возьми!» не имеет прямого смысла. Выражение эмоциональное, служит для снятия нервного напряжения.

Мы только переглянулись, помедлив долю секунды, и услышали:

— Давай, давай!

Он запоминал все, анализировал, сопоставлял в своем гигантском уме и только несколько раз переспросил, вернее, поправил Антона, когда тот неправильно ставил ударение или глотал буквы.

Наконец, перевернув последнюю страницу, Арт сказал:

— Вы утомлены. До завтра. Прощайте!

И хотя мы запротестовали, изображение Артаксеркса растаяло.

Во время моей вахты, когда я по инструкции включил сторожевые локаторы, он появился вновь, и я, подгоняемый его молчаливой сосредоточенностью, читал ему и демонстрировал иллюстрации через микропроектор.

Вахту у меня принял Антон, а с нею и тень Артаксеркса.

За завтраком Антон сказал:

— На прощанье Арт пригласил нас к себе в двенадцать пополудни

по местному времени. Мы с ним совершенно свободно беседовали о довольно абстрактных понятиях. Он смыслит и в любви и дружбе. Вероятнее всего, это киборг. Совершеннейшее создание. Он сказал, что находился в анабиозе в течение девятисот тысяч лет, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Как только мы прилетели сюда, автоматы подняли температуру до минус ста шестидесяти или около этого. Роботы исправили наружные антенны и стали вести за нами наблюдения. Они ждали нас в своем холодильнике.

— Но мы могли и не заглянуть в этот город, — сказал Зингер.

— Исключено. Арт посетил бы нас сегодня или завтра.

Вашата спросил:

— Ты не узнал, что у него за миссия?

— Спрашивал.

— Ну?

— Говорит, что мы увидим сами. Ему приказано показывать, а не рассказывать.

— Что показывать? И кто приказал?

— Увидим завтра, а приказали последние из Вечно идущих. Так он, по крайней мере, сказал. Я спросил: может, вечно живущих? Он ответил: «Жить — идти вперед».

— Непостижимо! — сказал Зингер.

— Пойдете опять вы с Ивом, — сказал Вашата. — Проклятая инструкция не дает мне права пускаться в «рискованные предприятия». Хотя — какой риск?

— Риск есть, — сказал Зингер.

— Вот поэтому ты и останешься со мной, как лицо, хранящее всю информацию.

Зингер только вздохнул.

Снова ушла в стену тяжелая дверь. Так же церемонно встретил нас Арт — теперь с целой свитой роботов. И они уже хорошо говорили по-русски, по крайней мере, краснобородый сказал, дотронувшись до моего рукава:

— У вас, товарищ, прекрасная защита. Белковые гуманоиды не смогли бы существовать, лишенные таких покрытий. — И еще спросил: — Вы так же долгожители, как Вечно идущие?

— Да, мы живем вечно, — солгал я, хотя при общении с инопланетчиками строжайше запрещалось лгать. Просто я испугался, и мне захотелось показать, что мы неуязвимы против любых козней.

Я без стыда не могу вспомнить, как робот проронил:

— Не соответствует действительности...

Мы уже входили в большую залу с черным цилиндром.

Антон крякнул, прошептав:

— Олух. Они читают наши мысли, а ты...

Арт мгновенно подтвердил эту мысль, сказав:

— Очень легко и много быстрей передавать информацию без слов, — и спросил: — Что такое «олух»? Существо, дающее ложную информацию? Какова цель?

— Вот именно! — проговорил Антон. — Никакой цели не было.

Отсутствие контроля над действиями.

— Была причина, — возразил Арт. — Патологический эмоциональный сдвиг.

Меня прошиб пот.

Арт сжалился, предложив нам сесть.

— Действительно, олух, — услышал я голос Вашаты и саркастические покашливания Зингера.

Хранитель информации сохранит этот жуткий диалог, навечно законсервирует мой позор.

После того как я пришел в себя и даже улыбнулся, найдя комические стороны в своем поведении, Арт сказал:

— Сейчас вы встретитесь с Вечно идущими, последними из них. Узнаете причину их временной смерти и путь к их возрождению.

Я встретил эти необычайные слова без волнения. Антон, а также Вашата и Зингер, теперь видевшие все, что происходит здесь, тоже впоследствии говорили, что не испытали ничего, кроме любопытства. Вероятно, Арт воздействовал на нас своей могучей волей, подготовил нас к восприятию необычного и действиям, ради которых ждал нас девятьсот тысяч лет!

Мы просмотрели очень много «объемных» записей, раскрывающих жизнь эридан; они окружали себя изысканной роскошью в быту, но комната, в которой мы мгновенно очутились, поражала строгостью. Совершенно пустая, только ковер на полу, да на стене портрет ребенка, играющего в песочек на краю бассейна. Портрет «живой», ребенок строил башни, стряпал пирожки, наконец, все разломал и принялся снова за работу.

Раздались тяжелые шаги. Стали входить люди. Ребенок на портрете перестал играть в песочек, он застыл, сыпля красный песок из совочка.

Последним вошел Арт и остановился посредине.

Я насчитал более ста эридан. Это были очень старые люди, не по внешности, нет, лица без морщин, косметика скрывала подлинный цвет голых черепов и кожи лица, особенно у женщин: под сенью высоких пышных причесок самых удивительных форм и расцветок черты их были мягче, привлекательней, но глаза, эти огромные глаза, у всех, на кого я смотрел, выражали непомерную усталость, тоску.

К Арту подошел синебородый эриданин с фиолетовыми глазами. Он стал говорить, вперив в нас жуткий взгляд. Арт переводил:

— Мы знали, что вы придете Семена жизни, посеянные во вселенной, не должны умереть. Не должны умереть вместе с нами заблуждения. Познав радость жизни, мы стали стремиться к бессмертию, забыв, что вечно живет целое, вид, а не отдельная особь. Жизнь — это смерть и беспрестанное возрождение. И вы не забывайте об этом.

Последнее явно относилось к нам.

Он умолк.

Стали говорить и другие эрида-

не, их речь пояснялась живыми иллюстрациями.

Перед нами раскрывались причины гибели такой могучей цивилизации. Беда надвигалась двумя путями. Стремясь удовлетворить свои непомерно возросшие потребности, эридане изготовляли невероятное количество вещей, по существу им ненужных, неэкономно расходуя ограниченные запасы недр, нарушая экологическое равновесие в природе. И мы видели, как, убыстряясь, менялся лик планеты, как плодородные долины превращались в пустыни, высыхали каналы, разрушались плотины, и моря поглощал песок. Так кажущееся благополучие вело к катастрофе. Все еще можно было поправить, если бы другим путем не надвигалась более страшная опасность: люди обрели кажущееся бессмертие! Непомерно удлинили срок жизни, «забыв, что вечно живет целое, вид, а не отдельная особь», как сказал синебородый. Почему-то эта очевидная истина была забыта или игнорировалась эгоистическим обществом. Стремясь бесконечно продлить жизнь, они что-то нарушили в своем генетическом коде. Сократилось, а затем и совсем прекратилось деторождение. Появление ребенка стало редчайшим атавистическим явлением. И все-таки люди умирали или уходили сами, устав от жизни, не оставляя никого взамен.

Перед нами находились последние эридане, которые искали средства вернуть былое величие и планете, и эриданскому роду. Они кропотливо собирали опыт миллионолетней цивилизации, находили способы консервирования знаиий и передачи их потомкам не только с помощью звучащих книг, а и зримо, в образах.

Мы увидели работу лабораторий, где биологи восстанавливали утраченные звенья в генетическом коде у редчайших человеческих эмбрионов и погружали их в анабиоз. Наконец, несколько сот колб, опущенных в жидкий воздух, покоились в шахте под черным цилиндром. Там хранились также миллиарды отдельных клеток, мужских и женских, — материал для воссоздания человечества.

Составлены точнейшие инструкции, как вернуть их к жизни. Изготовлены точнейшие приборы. Хранится пища.

Вашата спросил Арта:

— Почему же они сами не занялись всем этим? Почему ждали нас?

— Было много попыток. Вновь рожденные не могли жить в изменившихся условиях планеты. Последние из Вечно идущих находились в помещениях, изолированных от внешней среды. Воздух для их дыхания получали машины. И машин осталось мало, как и жилищ. Из людей выжили только те, что были перед вами в комнате с последним ребенком. Все они устали. Их хватило только на это. Остальное сделаете вы!

Антон спросил:

— Почему так долго ждали? Могла произойти новая катастрофа — все могла уничтожить случайность, хотя бы метеорит!

— Исключено, поля отклоняют их полет. Ты еще хочешь спросить, почему мы, роботы, ждали вас? Отвечу: мы не в состоянии. В нас нет программы необходимых творческих эмоций. В изменившихся условиях процессы могут пойти непредусмотренным путем. Да. Я в состоянии решить их, — опять Арт прочитал мысль Антона, — при условии, если мне поставят задачу. Прежде ее ставили Вечно идущие, теперь будете ставить вы.

Я подумал, что не так трудно было прокрутить на простой вычислительной машине хотя бы, дав задание Арту, все возможные варианты условий возрождения жизни на планете и возможность любых осложнений при выращивании эридан, а также создать массовое производство роботов для реставрации планеты. Создать роботов, особенно ботаников, бактериологов и других узких специалистов, необходимых для восстановления обитаемой среды.

Арт ответил, не дав мне раскрыть рта:

— Вечно идущие обоснованно опасались возникновения механической жизни. Боялись совершить еще одну ошибку.

— Можно согласиться с ними, — сказал Вашата.

Опять мы очутились в первой комнате с портретом ребенка, играющего в песочек. Перед нами стояли те же эридане.

Синебородый произнес певучую фразу. Арт перевел:

— Мы шлем вам привет! Думаем о вас! Благодарим вас! Надеемся! Вечный страж остается!

Эридане подняли согнутую левую руку, затем исчезли.

Арт помедлил секунду, этот «огромный» отрезок времени, видно, показался ему вполне достаточным для того, чтобы мы смогли осмыслить все происшедшее, затем сказал:

— Вы это сделаете. Пройдет не более тысячи лет — малый срок жизни Вечно идущего.

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ

Душа напрокат

Игорь Павлович Тетерин, модный и преуспевающий литератор, подошел к окну и задернул плотные синие шторы. В кабинете сразу стало уютнее.

Тетерин приоткрыл дверь в коридор и крикнул:

— Наденька! Я работаю. Пусть не мешают.

— Хорошо! — раздался женский голос. — Чаю тебе подать?

— Пожалуйста, и покрепче!

Он взял из рук жены термос и запер дверь на ключ.

Часы, когда Тетерин работал, считались священными. Тогда все в доме ходили на цыпочках, разговаривали шепотом, а телефон убирался на кухню. Никто не имел права тревожить его в это время. Исключение делалось только для красавицы колли. Тетерин любил, работая, ощущать на себе преданный взгляд собачьих глаз.

Он сел к столу и начал просматривать незаконченную главу. По мере того как он читал, на его лице все явственней проступала брезгливая усмешка. Типичное не то! Литературщина. Скоропись. Плоские диалоги. Нет, эту главу нужно писать совсем по-иному. Но как?

Тетерин вставил в машинку чистый лист и задумался. Хотелось чего-то свежего, своего, а на ум шла все та же пошлятина, многократно перелицованная и отутюженная такими же кустарями, как он сам. Он иногда позволял себе роскошь быть вполне откровенным с собою. Конечно, он не гений, хотя критики единодушно признают у него литературное дарова-

ние. Но если разобраться, то на что это дарование растрачивается? Десять книг. Среди них нет ни одной сколько-нибудь значительной. Бабочки-однодневки. Вечно не хватает времени. Всегда подпирают сроки сдачи рукописи. Хорошо было бы уехать куда-нибудь к черту на рога, подальше от всяких издательств и договоров. Лежа на травке, думать, думать, пока мысли не станут ясными и прозрачными, как вода в горном ключе! («Вот видишь, дорогой, — прервал он себя, — и тут не можешь обойтись без штампов».) Вечно приходится думать чужими словами. А где же их взять, эти свои слова? Он скомкал недописанную главу и в сердцах кинул в корзину.

Собака, почувствовав, видимо, что хозяин не в духе, подошла и положила голову ему на колени.

— Вот так, Диана, — сказал он, поглаживая ее за ухом. — Все не легко дается, и эта квартира, и ковер, на котором ты спишь, и вкусные куриные косточки. За все нужно чем-то расплачиваться.

Он хотел сказать еще что-то очень значительное, но тут раздался стук в дверь.

— Ну что там такое?! — раздраженно спросил Тетерин. — Я же предупреждал, чтобы меня не беспокоили!

— Прости, Игорек, — сказала жена. — Но тут к тебе пришли. Я говорила, что ты занят, а он...

— О дьявол! — Тетерин встал и направился в переднюю.

Непрошеный гость уже снимал пальто. Он обернулся на звук шагов, степенно закончил разоблачаться, пригладил седые волосы и шаркнул ножкой.

— Простите, Игорь Павлович, — произнес он, слегка грассируя. — Прошу меня не судить строго за столь бесцеремонное вторжение, но я взял на себя смелость явиться к вам без предупреждения, так как дело мое не терпит отлагательств. Моя фамилия Лангбард. Лука Евсеевич Лангбард, в прошлом преподаватель химии, а ныне пенсионер. Однажды я уже имел честь быть вам представленным.

Тетерин удивленно на него взглянул. Лука Евсеевич Лангбард. Имел честь быть представленным. Все под стать внешнему облику. Одет незнакомец был тщательно, даже изысканно, если исходить из представлений конца XIX века. На нем были полосатые брюки, черный двубортный сюртук тончайшего сукна, впрочем несколько порыжевший в швах, стоячий крахмальный воротничок и ботинки с замшевым верхом и множеством мелких пуговиц. В руке — кожаный саквояжик, столь же древний, как и все облачение его владельца.

Вдобавок ко всему в передней стоял какой-то удивительный запах, не то старинных духов, не то ладана.

Впрочем, и экзотическая внешность гостя, и особенно этот запах показались Тетерину удивительно знакомыми.

— Прошу! — сказал он, пропуская Лангбарда вперед.

Тут в дверях кабинета произошло событие, хотя и незначительное, но все же удивившее Тетерина. Диана, обычно равнодушная ко всем посторонним, бросилась навстречу Лангбарду и начала его обнюхивать, с каким-то самозабвением тычась носом в брюки и сюртук.

— Диана, на место! — прикрикнул Тетерин, но это не произвело на собаку никакого впечатления. — Я кому говорю, на место?! — Он ее слегка шлепнул.

Она еще несколько раз судорожно июхнула, а затем, притворно зевнув, улеглась на ковер, все еще не спуская глаз с Лангбарда.

— Простите! — сказал Тетерин. — Она никогда себе таких вещей не позволяет. Просто не могу понять...

— Запах, — перебил Лангбард, усаживаясь в кресло. — Ничего удивительного нет, просто запах. Животные его любят. Итак, вы меня не помните. — Это звучало как утверждение, а не вопрос.

— Минуточку... — Тетерин закрыл глаза ладонью. Ему хотелось вспомнить, где он видел эту нелепую фигуру в сюртуке, лицо с остреньким носиком, жидкие седые волосы и бескровные руки с длинными пальцами. Кроме того, запах... Он вдохнул слабый аромат ладана — и вдруг все удивительным образом прояснилось.

...Это был один из сумбурных вечеров у него дома, кажется по поводу выхода какой-то книги. Много пили, обсуждали литературные сплетни, перемывали косточки отсутствующим, кого-то по привычке ругали, кого-то по традиции хвалили. К двенадцати часам ночи в столовой стало трудно дышать от запаха лука, пролитой водки, распаренных тел и табачного дыма. Открыли окно, но и это не помогло. Липкий туман, насыщенный бензиновыми парами, был не лучше. Тетерин зажег свечи, чтобы хоть как-то освежить прокуренный воздух. Начались обычные разговоры о том, что современная цивилизация лишает нас истинных радостей жизни, что к чему все достижения материальной культуры, когда скоро уже будет нечем дышать, что, если бы сюда посадить первобытного человека, он бы и часу не прожил, и так далее.

Тогда уже сильно подвыпивший Тетерин наперекор всему, что говорилось, заявил, что он никогда не променяет автомобиль на право бегать голым по лесу и что вообще еще неизвестно, чем там пахло в этих самых первобытных лесах. Может, даже похуже, чем у нас в городе.

И тут поднялся этот старичок в сюртуке. Неизвестно, кто его привел. Весь вечер сидел молча, ковыряя вилкой в тарелке, а тут вдруг возвысил голос:

— Вы хотите знать, чем пахло в этих лесах? Пожалуйста! — Он вынул из кармана янтарный мундштук и поднес к свече.

И то ли потому, что запах горящей смолы так непохож был на все эти запахи вульгарной попойки, то ли потому, что люди почувствовали в нем невообразимую дистанцию в миллионы лет, но все

как-то притихли и вскоре молча разошлись.

— Вспомнил! — сказал Тетерин. — Вы жгли у меня янтарь. И этот запах...

— Верно! — подтвердил Лангбард. — Именно запах. Я нарочно к нему прибег, а то бы никогда не вспомнили. Итак, Игорь Павлович, я пришел к вам по очень важному и, надеюсь, интересному для нас обоих делу. К вам, потому что вы — писатель, к тому же достаточно известный.

Тетерин поклонился.

— Однако, — продолжал Лангбард, — писатель, откровенно говоря, талантом не блещущий.

— Такие вещи в глаза не говорят, — криво усмехнулся Тетерин. — Мой совет: остерегайтесь говорить женщине, что она некрасива, и автору, что он плохо пишет. Подобную откровенность никогда не прощают. Кроме того, и у некрасивой женщины всегда находятся поклонники, а у любого писателя — читатели. Я все же льщу себя надеждой, что ваше суждение, высказанное в столь категоричной форме, разделяется не всеми. Далеко не всеми. — Он открыл ящик стола. — Вот одна из папок с читательскими письмами, из которых вы смогли бы заключить...

— Помилосердствуйте! — поморщился Лангбард. — К чему вся эта амбиция? Вы же сами про себя знаете, что не гений, а что касается писем, то пишут их обычно дураки. Нет, уважаемый Игорь Павлович, нам с вами предстоит говорить о предмете тончайшем и неуловимом, который порой и мыслью трудно объять. Так давайте уж без ложной аффектации, а самолюбие на время спрячем в карман. Поверьте, так будет лучше.

— О чем же вы хотите со мной говорить?

— О душе.

— О моей душе?

— Вообще о душе, в более широком смысле, ну, а в частности, и о вашей.

Это становилось забавным.

— Вы мне предлагаете сделку? — спросил, улыбаясь, Тетерин.

— Отчасти так, — кивнул Лангбард. — Можете считать это сделкой.

Тетерин встал и прошелся по кабинету.

— Дорогой Лука?..

— Евсеевич.

— Так вот, дорогой Лука Евсеевич. Не скрою, что готов продать душу за тот самый талант, который вы во мне не усматриваете. Однако, к сожалению, этот товар ныне не котируется. Да и вам, извините, мало подходит роль Мефистофеля. Так что благодарю за остроумную шутку, и если у вас ко мне нет других дел, то...

— Сядьте! — спокойно сказал Лангбард. — Мне всегда трудно сосредоточиться, когда кто-нибудь мельтешит перед глазами. Вы меня неправильно поняли. Я говорю о душе не в теологическом плане, а чисто литературном. Ведь вы, как литератор, занимаетесь именно этим предметом. Вас ин-

тересуют души ваших героев, не так ли?

— Я предпочитаю слово «характеры». Да, литературу не зря именуют человековедением. Но тут я вам могу открыть профессиональный секрет. Если вы, задумав писать роман, соберете коллекцию живых характеров, ну, скажем, людей вам хорошо знакомых, то все в один голос будут говорить, что характеры примитивны, шаблонны, что таких людей на свете не бывает, и все такое. Если же вы все высосете из пальца, то характеры объявят яркими, типичными и еще бог знает какими. Глупо, но такова специфика нашей работы.

— Закономерно! — Лангбард радостно потер руки. — Вполне закономерно! А ведь все дело в том, что истинный художник создает душу героя, а вы и вам подобные пробавляетесь характерами.

— Не вижу разницы, — сухо сказал Тетерин. — Душа, характер, разве дело в терминах?

— Отнюдь! — возразил Лангбард. — Характер — это то, что проявляется в человеке повседневно, а душа... Кто знает, что творится в бездне этой самой души? Какие страсти, пороки и неиспользованные резервы скрываются за ложным фасадом так называемого характера? Почему человек напористый, рубаха-парень трусливо бежит с поля боя, а робкий, застенчивый меланхолик закрывает своим телом амбразуру дота? Где до этого в их характерах таились эти черты, проявляющиеся только в исключительных обстоятельствах? Характеры! Тогда уж проще прибегать к древнейшим определениям. Напишите, что, мол, Иван Петрович — сангвиник, а Петр Иванович — холерик. Глупее ничего не придумаешь! Ведь таким образом нельзя даже собак классифицировать. Поверьте, что вот у этой вашей Дианы в душе больше неизведанного, чем у многих литературных героев. Ей наверняка свойственны и самопожертвование, и лукавство, и ревность, и многое другое, чего вы порой и в людях-то не видите.

Тетерин начал приходить в раздражение. Ему казалось, что Лангбард все время намеренно пытается его унизить.

— Боюсь, что мы с вами забираемся в дебри, из которых не выбраться, — сказал он. — Если у вас ко мне дело, прошу его изложить, а все эти разговоры в общем-то бесцельны. Так можно действительно и до собачьей души договориться или, чего доброго, и до бессмертия душ.

— Конечно! — улыбнулся Лангбард. — Ведь я к этому и клоню. Разве, скажем, созданные гением Шекспира души Отелло, Гамлета, короля Лира, Шейлока не бессмертны?

— Ну, это другое дело.

— Почему другое? Ведь для того, чтобы создать душу Гамлета, кстати заметьте, что выражение «характер Гамлета» кажется совсем неуместным, так вот, чтобы создать душу Гамлета, Шекспиру пришлось на время самому стать Гамлетом, заставить

звучать в своей душе струны, которые, может быть, до этого молчали. Человек с душой Шейлока не смог бы написать Гамлета. И так — каждый раз. Полная перестройка. Удивительная гимнастика души. Так разве все, что создано Шекспиром, не представляет собой душу художника, раскрытую во всех ее возможностях? Вот вам и бессмертие души.

Тетерин демонстративно посмотрел на часы.

— Все это — избитые истины, — сказал он, зевая. — К сожалению, Шекспиры рождаются не каждый день, а нам, грешным, подобная перестройка не по силам.

— По силам! — убежденно произнес Лангбард. — Каждому по силам. Ведь в этом и заключается суть моего изобретения.

— Что?! — Тетерину показалось, что он ослышался. — Что вы сказали? Какого изобретения?

— Того, что у меня в чемодане.

— Нет, это уже просто становится невыносимым! — Тетерин сломал несколько спичек, прежде чем закурить. — Вы у меня уже отняли уйму времени, и вот, пожалуйста, сюрприз! Изобретатель-одиночка! Тут не патентное бюро. Предупреждаю, я в технике ничего не смыслю и, что бы вы мне ни рассказывали о вашем изобретении, все равно не пойму. Кроме того, я занят, у меня работа. Крайне сожалею, но...

— А вот курить придется бросить, — сказал Лангбард. — Запах табачного дыма будет мешать.

— Чему, черт побери, будет мешать?! — заорал взбешенный Тетерин. — Что вы тут мне еще за мораль читаете?! Я сам знаю, что мне делать, а чего не делать!

— Нашему опыту будет мешать, — как ни в чем не бывало продолжал Лангбард. — Табак и алкоголь придется исключить.

— Уф! — Тетерин откинулся в кресле и вытер платком лоб.

— У вас тут чай? — спросил Лангбард, указывая на термос.

— Чай.

— Выпейте, это помогает.

Он подождал, пока Тетерин налил стакан чаю.

— Так вот, Игорь Павлович. Хотите вы или не хотите, но выслушать меня вам придется, хотя бы потому, что вся ваша будущность как литератора поставлена на карту. Прикажете продолжать?

Тетерин устало махнул рукой.

— Вот мы с вами говорили о перестройке души писателя — вернее, об использовании ее скрытых резервов. Играть на тайных струнах души. Как это верно сказано! К сожалению, не каждому дано. Иногда нужны внешние факторы. Разве вы не замечали, что иногда какая-нибудь мелодия рождает в вашей душе дремавшие ранее чувства?

— Не знаю. Я вообще плохо воспринимаю музыку.

— Тем лучше! Значит, у вас это в большей степени, чем у людей музыкальных, компенсировано повышенным восприятием запахов.

— Ну и что?

— Дело в том, что запахи обладают тем же психологическим

воздействием, что и музыка. Запахн способибы вызывать грусть, радость, веселье, а в определеиных сочетанняx и более сложные эмоции. Это было хорошо известио жрецам Древнего Египта. Они владели секретом благовоиий религиозного экстаза, страха, жертвенного порыва и других. Я проаиализировал душевный настрой осиовиых литературиых героев н составнл смеси ароматнческих веществ, способиых создать соответствующий комплекс эмоцнй. Вот, полюбуйтесь! — Лангбард открыл саквояжнк н извлек оттуда несколько аптечных пузырьков. — Вот мы с вами говорилн о Шекспнре. Благоволите обратить вннмание иа зтнкетки. Король Лир, Гамлет, Отелло н другие. Пожалуйста, понюхайте, н вы придете в душевное состояние одного из зтнх героев. Ловко?

— Чепуха! — сказал Тетерин. — Даже если б это было так, в чем я, по правде сказать, сомневаюсь, то ведь все это уже сделаио постфактум. Не стану же я заново писать «Отелло». А еслн бы и захотел, то мне пришлось бы июхать то флакон с Яго, то с Дездемоной, то еще бог знает с кем. А еслн диалог? Что ж, июхать все попеременио? Нет, ваша идея иепрактичиа, да н неиова. Всегда иаходились людн, прнбегавшне в процессе творчества к наркотикам, и коичалось зто обычно плохо. Вот, иапример...

— Подождите! — перебил Лангбард. — Будем остерегаться поспешных сужденнй. Всякая идея проверяется практикой. Не так ли?

— Допустнм.

— Вот отрывок из вашей повестн. — Он вынул из кармана несколько листов, напнсанных иа машиике. — Вы помиите, сцена объясиения Рубцова с женой. Там, где оиа говорнт ему, что уходит к другому. Снтуация, прямо скажем, не блещущая новнзиой.

Тетерни нахмурился.

— Вы все время пытаетесь меня уколоть. Ну хорошо, я ие геннй. А известио лн вам, что вашего любимого Шекспира, после которого, как утверждают, ие осталось нн одиой неиспользованной темы, тоже упрекали в заимствованин чужих сюжетов? Что же поделаешь, если любовный треугольиик во все времена был главенствующим конфликтом в лнтературе? Такова сама жнзнь. А то, что не каждому удается напнсать «Аину Карениину»...

— Вздор! — перебил Лангбард. — Тема, сюжет, все зто — средства, а не цель. Я говорю не о том, что вы иевольно использовали сюжет «Аины Каренниной», а о том, что ие смоглн создать равноценную душу своей героинн.

— Ну не смог, н что?

— А то, что вам нужио было взять ее напрокат.

— И иапнсать новую «Аину Кареннну»?

— Ни в коем случае! Смотрнте, что я сделал с вашей повестью. Я столкнул в зтом конфликте две душн или, выражаясь вашим языком, два характера: Анны Карениной и Ивана Карамазова.

— Короче, создалн гибрид Толстого с Достоевскнм?

— Нет, создал иового Тетерина. Нн Толстому, ни Достоевскому это было бы не под снлу. Слишком разные оин людн. А я взял вашу пнсаиину, сначала привел себя в душевное состояние Анны, выправил часть текста, а затем проделал то же, но уже как Карамазов.

— Н-да... — сказал Тетерии.— С таким видом плагиата мне еще не приходнлось сталкиваться. Вы или сумасшедший, илн...

— Воздержитесь от суждеиий, пока не прочтете. Что же касается плагиата, то это — благороднейшая его разновидность. Во всяком случае, при этом вы создаете совершенно новое произведение, к тому же высокохудожественное.

— Интересно! — Тетерин взял рукопись и открыл ее на первой страиице.

— Нет, нет! — вскричал Лаигбард. — Прочтете наедиие. Может быть, сиачала трудио будет свыкнуться, прндется читать несколько раз. Я все оставляю — н бутылочки, и рукопнсь. Тут, в углу, записаи мой телефои. Позвоните мие, н мы снова встретимся. А пока, — он встал и снова шаркнул ножкой, — желаю вам плодотворных творческнх раздумнй!

Виачале Тетернну все это показалось галнматьей. С какнм-то злобным удовольствием он подчеркивал красиым карандашом стилнстические огрехи. Одиако по мере того, как он вчитывался в стремительно несущиеся фразы, лицо его стаиовилось все более озабоченным. Оборванные монологи, миогократно повторяющиеся слова, спотыкающаяся речь, неслн в себе удивительную снлу чувств. Так писать мог только иастоящий мастер. Вновь и вновь перелнстывал он страницы и каждый раз обнаруживал что-то новое, ускользнувшее в предыдущем чтении. До чего же все это было непохоже на его собствениую прнлизанную прозу!

Весь вечер ходил он растерянный по комнате, то беря один нз пузырьков с твердым намереиием тотчас же испробовать действие этого дьявольского зелья, то в каком-то суеверном страхе ставя его опять на место.

Под конец, совершенио измученный, ои лег спать в кабннете, решнв оставнть все иа завтра.

Смерть Тетериыа вызвала много неправдоподобных слухов.

По данным следствия он был найден утром на диване с перекушенным горлом. У изголовья лежала его любнмая собака, облизывавшая окровавленные лапы. Рядом с ней на полу, в лужнце остро пахнущей жидкости, валялся треснувший пузырек с надпнсью: «Ледн Макбет».

ЛИДИЯ ОБУХОВА

Диалог с лунным человеком

Человек проснулся в тени айсберга.

Айсберг, похожий на закрученную раковину, весь в синих и черно-лиловых трещинах теней, поднимался высоко. Густая опояска тьмы шла по его вершине; солнце осталось позади.

Человек продрог и в некоторой растерянности провел рукой по твердому сахарному насту. Несколько секунд глаза его бессмысленно блуждали по сторонам: вокруг было бело и пустынно.

Наконец взгляд наткнулся на горлышко бутылки, и Кеша Торицын вспомнил все.

Он не был полярным жителем, о нет! Его собственный дом находился далеко отсюда в уютном, утопающем в сиренях районном центре, где Кеша занимал должность счетовода в местной заготконторе. Быстродействующие электронные машины еще не дошли до районного центра; подспорьем Кеши по-прежнему служили чернильница-невыливайка и счеты с пластмассовыми костяшками. А между тем Кеша желал идти в ногу с веком! Он низко стриг волосы и носил пиджак без бортов. По вечерам, возвращаясь с танцплощадки, он любил разглагольствовать посреди стайки примолкших горожанок о пользе и необходимости туризма для современного человека.

Но путевки, которые приходили в районный центр, не устраивали его. Это были слишком банальные поездки по цивилизованным местам, а Кеше хотелось чего-нибудь необжитого, первозданно-

го, достойного мужчины, черт возьми!

Поэтому, когда районный совет по туризму добыл каким-то чудом одну-единственную путевку по Чукотскому побережью, где передвижение предполагалось на оленях и собачьих упряжках, путевку эту торжественно вручили Кеше. Все равно других желающих не нашлось.

Стояла жаркая весна, и сирени бушевали в каждом палисаднике. Кеша Торнцын, которому начальство предоставило отпуск, мрачно готовился в путь. Сосед-плотник ссудил ему ватные стеганые штаны, а мать достала из нафталина валенки. Охотничья тужурка на собачьем меху и дедовская роскошная папаха из серых смушек довершили снаряжение.

Так, обливаясь потом, Кеша сел в самолет ТУ-580 и полетел на Чукотку, теребя по дороге веточку лиловой персидской сирени: последний привет родины.

Чукотка встретила его снегом и морозами. Но в гостинице были горячая вода и телевизор; умелый парикмахер подравнял Кешину шевелюру и освежил его импортным одеколоном, а ресторан предоставил богатый выбор напитков. Кеша стал надеяться уже на благополучный исход путешествия, как вдруг по радио объявили, что на рассвете следующего дня туристской группе надлежит погрузиться на специально зафрахтованные аэросани и следовать по маршруту...

Начиналось неведомое.

Не будем описывать, как бледный, а затем и несколько обожженный полярным солнцем Торнцын мчался на оленях, держась за каюра, и как ездовые собаки неистово лаяли на его охотничью тужурку.

Повествование наше начинается с той минуты, когда туристская группа расположилась на отдых в пушной фактории, и в то время, как смелые путники совершали вдоль берега океана лыжные прогулки, Кеша, ссылаясь на то, что он родом южанин и лыж в глаза не видывал, — что было абсолютной неправдой, ибо видеть-то он их видел! — проводил время в задней каморке сторожа, играя в «дурака».

Сторож оказался симпатичным мужчиной средних лет, переменившим так много мест работы, что за это последнее держался крепко. И, помня строгий запрет, ни под каким видом не желал продать Кеше спиртное, припрятанное у него с прошлой навигации.

Не то чтобы Торицын был пьянчугой, но он нуждался в некоем самоутверждении. А самоутверждение рисовалось ему лишь в виде возможности переступить черту дозволенного.

К исходу дня, когда полярное солнце все так же высоко стояло на небосклоне, сторож, однако, сдался и со многими предосторожностями вручил Торицыну белую головку с непременным напутствием «употребить» ее вне ограды фактории. А так как тотчас за оградой начинался берег океана, то Кеша и пошел туда, огибая заструги и торосы.

Он расположился за ледяной

стеной айсберга, который удачно заслонял его от факторин. Однако то, что айсберг никак не может располагаться на суше и, следовательно, Кеша вступил на ледяной панцирь океана, как-то не пришло ему в голову. Подшитые кожей валенки одинаково бодро ступали и по заснеженному берегу, и по твердой спине морской пучины.

А между тем Кеша выбрал не самое лучшее время для столь рискованной экспедиции: шла весенняя передвижка ледяных полей Арктики. И пока он уютно посиживал на снежной подушке, благожелательно обводя взглядом великое полярное пространство — такое безобидно-дремотное и неизменяющееся! — берег, скрытый от Кеши искрящимися гранями ледяной цитадели, начал медленно и бесшумно отдаляться...

Фантасмагорическое зрелище не суждено было наблюдать Торицыну. Он осушил бутылку и задремал, полный приятных мыслей о своем героическом возвращении в райцентр.

Когда он очнулся, в воздухе разливались какие-то странные сумерки, хотя красное светило не покидало неба. Оно двигалось медленно; диск претерпевал ежеминутные изменения: то его бороздили складки, то исчезала макушка, то появлялись рога или вся поверхность шла пятнами.

— Да куда я попал?! — воскликнул Кеша, силясь проснуться.

Он смутно припомнил что-то о кривизне вселенной, и его зазнобило. Относительность времени и пространства, так же как и прочие штучки физиков, развлекают только тогда, когда не имеют лично к нам ни малейшего отношения. Гораздо прочнее, чем любопытство к новому, в человеке держится привязанность к собственным предрассудкам, ибо мы хотим жить на плоской земле!

Кеша Торицын не составлял исключения среди остальных братьев по человечеству, хотя прилежно выписывал в течение двух лет журнал «Земля и вселенная», будучи подкован для такого чтения школьным курсом астрономии. Вначале он, читатель-новичок, вступил лишь в обширную переднюю этого глубокомысленного издания, где его ожидала короткая и занимательная информация, например, о том, можно ли взвесить метеорный рой? Оказывается, можно. Взвешивая пылинки одинаковой плотности при помощи крошечных золотых капелек-гирь, ученым удалось установить, что Гриады тяжелее Гиад. Узнав об этом, Кеша с довольной усмешкой покрутил головой, чувствуя себя причастным к тонкому эксперименту.

Освоив подобные первоначальные сведения, попривыкнув несколько к языку авторов журнала и пополнив свой словарный запас космическими терминами, Кеша мог бы отважиться на дальнейший шаг: не только изумляться всему, что ему расскажут, но вырабатывать в себе начатки критического подхода к узнанному. Однако именно тогда его с головой захлестнула волна фантастической литературы.

Ах, как далеко летали уже все мы на гравитолетах и мыслелетах! Как привыкли к тому, что авторы фантастических романов (каюсь, и я в том числе) свободно перешагивали целые технические эры, чтобы утолить, наконец, жажду в гармоничной цивилизации, созданной пока лишь усилиями пера! А право, и это не простой и не самый легкий труд...

Но каждая медаль имеет две стороны. Расцвет фантастической литературы можно оценить и оптимистически, как порыв современников к энергичному раскрытию тайн природы, и, напротив, как леность мысли, своеобразный душевный наркотик! Почему бы не почитать о будущем, которое оказывается таким удобным и простым: включил аппарат межгалактического перевода — и все тебе друзья; нажал кнопку аннигиляционных двигателей — и миллион лет как корова языком слизала, а ты по-прежнему свеж и молод!

Боюсь, что именно вторая сторона стала ближе и желаннее Кешиной натуре.

Впрочем, не будем поспешны. Ибо всемогущий случай подготовил проснувшемуся Кеше удивительный сюрприз, и еще неизвестно, как он его воспримет.

Если в самом деле мир набит возможностями, а хаос пляшущих в луче солнца пылинок по теории вероятностей может совершенно случайно «выписать» любую математическую формулу или дивное стихотворение; вселенная же перенасыщена планетными системами, где постоянно возникает и развивается жизнь, — если всему этому поверить, то и происшествие с Кешей Торицыным не покажется чересчур фантастичным.

Когда Кеша обошел айсберг и убедился, что за ледяной горой вовсе не скрывается длинное бревенчатое здание фактории, где его ожидает ужин, а, напротив, он со всех сторон окружен открытой водой, первым его ощущением был не страх, а безмерное удивление.

Он видел море, которое на береговой отмели становилось желтым, как пиво. Позволяя ветру слизывать пену, оно без устали вышибало днища у все новых и новых бочонков. Волны в самом деле катились наподобие бочонков по наклонному настилу от самого горизонта. Шуршание днищ и кованых обручей сливалось в протяжный заунывный гул.

Кеша стоял раскрыв рот, осмысливая этот образ, но уже через минуту море показалось ему похожим на огромную лиловую книгу, где ветер перелистывал волны, будто страницы. Иногда острие солнечного карандаша касалось гребня — и на морской странице возникал яркий зигзаг: знак неудовольствия или восторга.

— Во дает! — прошептал Кеша, еще нимало не отдавая себе отчета в опасности положения.

А море на его глазах переживало новые метаморфозы. Теперь оно уже казалось многоцветным витражом. Желтый, зеленый, голубой, алый и лиловый цвета, будто матовые стекла, защищали земной шар от прямого потока солнечных корпускул. Эти круглые

океана Земли, ее сплошные водяные стены, упругие и колышущиеся, наверно, поставили бы в тупик обитателя иных миров, если б он озирал нашу планету с ближней орбиты. «Кто хозяин сего дивного храма?» — подумал бы далекий гость, ловя телескопом игру света на воде, суше и облаках и совершенно не уделяя внимания беспорядочной толкотне неких инфузорий вокруг муравьиных кучек городов. Боясь потревожить совершенную выпуклость водяных линз и ровный ворс тайги, пришелец наверняка направил бы газовое жало ракеты на один из таких муравейников, ибо тот нарушал геометрию зеленого и голубого мира, так неожиданно расцветшего посреди глухого космоса.

Конечно, Кеша никак не мог предположить, что его беглой мысли о космическом пришельце в самые ближайшие секунды будет дано отчасти подтверждение, а отчасти опровержение. Во-первых, внеземное существо опустилось все-таки в океане. А во-вторых, Земля не показалась ему столь заманчиво многоцветной. Уже первые космонавты убедились, что Земля на расстоянии отнюдь не похожа на школьный глобус: краски ее размыты, лесистые берега почти незаметно вливаются в густой аквамарин океанов, снежные равнины неотличимы от толстого пластыря облаков. Лишь безжизненные пустыни бледно-желто светятся из космоса...

Главное же в том, что внеземное существо и не могло увидеть Землю такою, какой ее видят люди, ибо такой Земли... не существует!

«Как?! — воскликнул бы тут Кеша Торицын, подобно любому из нас. — Бросьте эти штучки! Мы поверили, что Земля круглая и вертится. Поверили, между прочим, не вам, ученые мужи и теоретики, а в конечном счете глазам Магеллана и Юрия Гагарина. Пусть так! Круглая. Вертится. Но как вы смеете утверждать, будто нашей зеленой планеты и вовсе нет, если мы все живем на ней, и каждый миг ощущаем ее запахи, трогаем ее вещи, видим ее краски, слышим ее звуки?..»

И все-таки такой Земли не существует. Есть гигантское сборище атомов, сцепление молекул, кристаллическая решетка веществ, сбитая в единый ком центростремительными и центробежными силами. Есть планета, разогретая изнутри энергией чудовищных реакций и окутанная защитным полем магнитных токов. Такою она появилась из космической купели, из того пылевого обломочного облака, которое было всего лишь мусором избыточных электронов при создании Солнца!.. — и такой пребудет после того, когда прикроет глаза последнее теплокровное, последняя муха с ее соцветием зрачков, потому что и муха создает для себя чувственный, а не физический облик мира! Богатство красок и контуров, разноголосица шумов не более чем измышление нервных волокон. Существо с иным диапазоном восприятия увидит мир совсем дру-

гим. «А куда же денется наш мир?» — мог бы взмолиться загнанный в тупик Кеша Торицын. Увы, туда же, где и поныне находятся еще не увиденные глазами человека Марс и Венера. Они существуют — и не существуют. Такова странная диалектика вселенной.

Да разве мало еще чудес в запасе у природы! Можем ли мы, к примеру, постигнуть, что такое время? Ведь это не мистическое движение вовне нас, не прорезающая вся и всех с одинаковым равнодушием «стрела времени». Всякий раз оно конкретно представлено человеком, или звездой, или камнем. Все они — человек, камень, звезда — являются и результатом прошлого, и фундаментом будущего. Время не живет иначе, чем воплотившись в сущем.

Но является ли настоящее гегемоном? Отметает ли оно прошедшее и будущее? Короче — настоящее ли оно? Все дело в системе отсчета.

На Земле, на которой сегодня стоит наш дом, некогда бродили трагантириевы слоны, предки мамонтов, а затем трубили в рога ловчие Московской Руси. От наложения друг на друга этих несхожих, но существовавших и породивших нас реальностей возникнут впоследствии города-шары в тридцать два миллиона жителей. Мы им предшествовали, они — наш результат.

А нельзя ли предположить, что все это сосуществует одновременно? На первый взгляд, — конечно, нет! После некоторого размышления: возможно, что да.

Возьмем три произвольные системы отсчета: жизнь частицы мю, протяженность пищеварения теплокровных и эпоху горообразования. Все они протекают одновременно, как бы вкладываясь друг в друга, громоздясь друг над другом, составляя друг друга.

И возьмем величайшую трагедию личности: смерть. С точки зрения людей смерть индивидуума обозначается довольно четко: такой-то час, такое-то число, такого-то года.

Для частицы мю это же событие растягивается до бесконечности: в секунду умещается сто поколений первоначальной частицы. Когда же умер человек? А никогда! Его умирание продолжает нависать над вновь появившимися частицами, как каменный свод, — это нечто вечное, неколебимое. И теряется сам смысл понятия «смерть», ибо ее уже нет.

Если же взять за мерило горообразование, где наименьшая единица времени — тысячелетие, то можно ли говорить не только о смерти, но и о самом рождении человека? Племена приходят и уходят в небытие, прежде чем нарастет камень в один сантиметр. Следовательно, с точки зрения горных кряжей время, применительно к людям, вообще не движется!

Если б можно было логически осмыслить и овладеть той единой ИСТИНОЙ, которая не подгоняет под общую марку все сосуществующие одновременно вселен-

ные — потому что это иевозможно, — ио как бы парнт над нимн, способна охватнть их во всем разнообразии оком математики нлн фнлософии (коиек образа или конек цифры однναково пригодны), то зто н было бы решением проблемы движения во времени: то есть движение по конкретностям, которые есть одиовременно будущее, настоящее и прошлое.

Однако пора вериуться на плывущий айсберг. Кеша Торнцын, вдоволь налюбовавшнсь океаном, стал обходнть свое владеиие. Он еще иикогда не воображал себя Робиизоиом Крузо. Теперь ему представилась такая возможиость.

И все-такн, нзбалованный опекающнм комфортом н относнтельной безопасностью современной жизии, он медлил пугаться по-настоящему. Вообразить себя одниоким, а следовательио н беспомощным н погнбающим, он просто не мог, будучи глубоко убежденным, что всякая человеческая жизнь представляет неизмеримую ценность для мнра н мнр уж позаботится, чтоб не дать ей пропасть!

Огибая айсберг, Кеша обратнл внимаиие, что низкое красное солнце поднялось повыше и потеряло зловещне оттенки: наступнло обыкновенное веселое утро.

И так, похрустывая снегом н ощущая смутное желаиие позавтракать, Кеша вышел на ровную поверхность кочующего ледяиого поля, когда внезапно, в десяти шагах от себя, увндел странный предмет, не нмевший никаких аналогий с тем, что он встречал в своей прежней жнзни нлн о чем писал почтенный журнал «Земля н вселеиная».

Перед Кешей находилось, ростом с пятилетнего ребенка, иесомненно подвижное НЕЧТО. Ажурная теиь от его члеиов — нлн конструкций? — косо ложнлась на снег.

— Что за штуковина? — адресуясь к себе, пронзнес вслух Кеша. — Радноаппарат? Опозиавательный зоид? А может, лунный человек, не замечеииый космоиавтамн?

Он старательно рассматривал необыкиовенное явлеиие.

— Существо предо мною нлн вещество? — прострекотало странное устройство, разговарнвая также само с собой.

Оио нспускало звуковые волны порядка трех ангстрем, н Кеша, разумеется, ничего не услышал. В свою очередь, н его голос не дошел до слуховых органов лунного человека.

«Какой он чериый на ровном белом снегу. И мельтешнт, как блоха», — подумал Кеша.

«Жалко, что я не могу разглядеть эту крупную амебу почетче. У здешней звезды такой ограннченный спектр! — посетовал пришелец. — Тело, по-моему, состоит нз пустот. Ужасно расточительная планета: везде вода н вода. Даже живые существа готовы пролиться. Кстати, а почему он ие пролнвается?»

«Странно, — снова подумал Кеша, — в какой абсолютиой тншине он опустнлся. Еслн б ие его дурацкнй внд, я бы подумал,

что это привидение. Хотя привидений не существует».

«В таком нестерпимом грохоте могло безмятежно спать только самое низкоорганизованное существо. Интересно, есть ли у него хотя бы зачатки нервной системы? И где она может помещаться?» — размышлял пришелец.

Они продолжали внимательнейшим образом, с чувством превосходства рассматривать друг друга. И оба были не правы.

Если б мы знали этапы движения от нуля к единице, то могли бы говорить о поступательном развитии. Но ни нуля, ни единицы не существует в действительности; мы проводим воображаемую прямую от несуществующего к несуществующему. Поскольку неизвестно в масштабе вселенной, что такое регресс, то и понятие «прогресс» теряет всякий смысл.

Ни Кеше, ни лунному человечку (назовем его для простоты именно так) абсолютно нечем было гордиться друг перед другом.

Отдадим, однако, должное интуиции; с первого мгновения оба безошибочно ощутили, что имеют дело с представителем живой и организованной материи. Но было бы преждевременным утверждать, будто они понравились друг другу. По крайней мере, Кеша не ощутил прилива братской приязни.

Живое и разумное мыслится нами лишь в одной-единственной штампованной форме человеческого варианта. Признавая множественность миров, мы, однако, — чисто психологически — едва ли готовы воспринять их посланцев, коль скоро те будут проявлять себя иначе, чем мы этого ожидаем.

Человеческий эгоизм не вышел пока из стадии первобытного любования самим собой. Наши руки и ноги, наши глаза, посаженные на параллельной прямой под лобным куполом, — вот она бесспорная вершина эволюции и мироздания!

И разумная деятельность представляется нам только в форме подчинения своим нуждам окружающей природы. Раз мы готовы топтать ее тело, ломать руки деревьям, иссушать прохладную кровь рек, как же можно вообразить, будто существует другой путь, когда, скажем, организмы сами станут изменяться, вписываясь в планету и гибко следуя ее бурным метаморфозам?

Нам досталось умиротворенное, благожелательное небесное тело; на нем нетрудно ужиться. А если воздух жжет, подобно сухому пламени, и давление большее, чем в самых мрачных глубинах земного океана?! Неужели существа, обосновавшиеся там, не разумны только потому, что они более нетерпеливы, чем мы, и предпочли существование саламандры долгому дреманию в первичных зародышах прасуществ, безвольно и покорно, в виде комочка слизи, дожидавшихся наступления более удобных эр на Земле?!. Впрочем, ничего подобного Кеша в ту минуту не думал. Ход его размышлений был предельно прост.

«Экая сопля! — сплюнул он. —

Одним пальцем можно перешнбить пополам».

Кеша хоть и был ленив, ио горднлся своимн бнцепсами. Сейчас вошла в моду статнческая гимнастика: вытянул руку н стой. Мускулы нарастают сами собою. Кеша поиграл нмн н снисходительно поглядел на диковинное существо.

«Так, — деловнто подумало, в свою очередь, это последиее. — Частота альфа-ритмов бнотоков его мозга около семи герц. Достаточио издать ннфразвук с такой частотой н — каюк! Или, проще простого, остаиовить пульсирующий в нем эиергетический комочек».

«А впрочем, почему мне желать ему зла? — добродушно подумал Кеша. — Жнвн, козявка!»

«Зачем вмешнваться в эволюцню, даже уродливую? Но как, одиако, далеко зашла зитропия на зтом сфероиде, — с сожалением продолжал иесколько смягчившийся пришелец. — Так называемая кнслородная жнзнь — зто же полиое вырождение материи!»

«А почему не представнть, что такими фитюлькамн населен гденибудь целый мнр? — раздумывал, в свою очередь, Кеша. — Вот разиесчастная планетка! У этого типа и мозгов-то, навериo, иет».

— Слушай, парень, — сказал ои вслух. — Ты что, с Луны свалнлся? Илн, может, с Сатурна?

Кеша говорил очень громко н раздельно, как с глухим.

«Днапазои в одну тысячиую звучащей волны, — отметнл прншелец. — Но можно ли назвать зто осмысленной речью? Едва лн. Попробую спросить его о чемнибудь примитивном».

И с наивозможнейшей четкостью пронзнес:

— Является ли магнитное поле постоянным на данном сфероиде?

Кеша не столько услыхал, сколько отгадал стрекотанье собеседника, но ответнть, естествеиио, ничего не смог.

Некоторое время они беспомощно стояли друг перед другом.

— Ась? Ты что? — пробормотал Кеша.

— Нет, все-таки так нельзя! — вскричал наконец он, делая решнтельный шаг вперед. — Разумные мы существа нлн нет? Я должен найтн с ним контакт! Ииаче меня в райцентре засмеют.

Но тут пронзошло незиачительное пронсшествне.

Кеша ступил на круглое оконце голого льда, его подошва заскользила, и он растянулся во весь рост.

В тот же самый момент лунный человек, который сделал естественное н вполне земиое движение ему на помощь, тоже угодил на ледяное блюдце. Его подпоркн, возможно даже металлондные, подобно остро отточенному коньку проехались по скользкой поверхности, увлекая на снег.

Поза каждого прн паденнн была весьма забавна. Кеша первым громко расхохотался.

Но н лунный человечек оказался не лншенным юмора. Так они

сидели в снегу друг против друга и сотрясались от смеха.

— Ты знаешь на кого сейчас похож? — со стоном выдавил Кеша. — На рассыпанный коробок спичек, ей-право! Того гляди самовозгоришься.

— Говорящая протоплазма! — стрекотал в ответ лунный человек. — Так и разлилась, так и разлилась по поверхности! Тебе же самого себя не собрать, растечешься!

И оба опять зашлись в хохоте.

— А ты ничего парень. Стоящий, — похвалил Кеша, отирая глаза.

— Низшие формы, зато сколько эмоций! — оправдал сам себя лунный человек; он чувствовал, что какая-то преграда рухнула, и его безукоризненный мозг посетили неведомые ощущения.

«Баланс удовольствий интеллекта, видимо, более разнообразен, чем я знал до сих пор», — с некоторой приятной растерянностью подумал он.

Они уже готовы были сделать последний шаг друг к другу — и неизвестно, как бы тогда сложилась вся последующая история земного шара, если б в это время механический звук мотора не раздался с пустого неба.

Кеша быстро вскинул голову, а лунный человек чуть-чуть изменил наклон локаторно-анализирующего устройства.

Вертолет кружил подобно хищной стрекозе, высматривая среди льдов добычу.

Кеша вскочил и, сорвав с головы папаху, неистово завертел ею в воздухе.

— Здесь, здесь я! — вопил он, блаженно глядя вверх.

«Ну, вот и выполнена моя миссия, — подумал между тем лунный человек, деловито ощупывая вертолет анализаторами и запечатлевая его на микроскопических памятных кристаллах. — Принцип коммуникационной связи на этом сфероиде предельно примитивен. Здесь пока неизвестен закон единого поля и материи. Завязывать связи было бы преждевременно. Итак, удаляюсь».

Короткое потепление, которое было коснулось его существа, так же незаметно испарилось. Может быть, лишь затем, чтобы воскреснуть в памяти в самый неподходящий момент? Как знать. Будущее неизвестно.

Он прощально обволок прыгающего по льдине Кешу токами манипуляторов, походя зарегистрировал изменение химической формулы Кешиной крови, что, возможно, отражало радостное возбуждение, и, немного помедлив, включил в самом себе мощнейший распылитель материальных частиц.

Все произошло бесшумно и невидимо. Через долю секунды он в виде сгустка космической энергии уже пересекал галактику по диагонали.

Когда вертолетчики спустились на льдину, они нашли Кешу в совершенной растерянности.

— Только что он стоял тут, — твердил наш робинзон, озираясь по сторонам.

И приходил в отчаяние, видя, что его решительно не понимают.

— Ну говорят же вам, — сердился он, — это мой приятель. Лунный человечек или что-то в этом роде. Не могу я без него улетать, как вы не понимаете! Он маленький, железный на вид. Фигурой похож на пирамидку из спичек. Он ведь мог провалиться между льдинами. Надо искать!

Спасатели потоптались для проформы на девственно гладком снегу, не обратив ни малейшего внимания на отпечаток, как им показалось, птичьих лап. Находят только тогда, когда знают, что ищут!

Неведомое бродит вокруг нас с протянутой рукой, но мы обречены еще долго не коснуться этой руки. Человеческое рукопожатие подобно мельничному жернову: оно раздавит как хрупкие раковинки то, что грядущее могло бы положить нам на ладонь уже сегодня...

Расстроенного Кешу с трудом усадили в вертолет.

ЮРИЙ ТУПИЦЫН

На восходе солнца

Тинка приехала в лагерь с опозданием на целую неделю. Она провожала отца, который в составе большой комплексной экспедиции улетал на Плутон. Приехала Тинка на рассвете и пошла в лагерь пешком по самому берегу моря. Идти было недалеко, лагерь начинался сразу же за скалистым мысом, что горбился в полутора километрах от причала.

С моря дул прохладный ветер, напоенный влагой и запахом водорослей. Маленькие волны набегали на берег и с сердитым шипением таяли на светлеющем песке.

Над самой головой носились чайки. Они кричали нестройно и тоскливо, точно вели между собой какой-то давний спор, хотя было совсем непонятно, о чем можно спорить в такое чудесное утро.

Повернув за мыс, Тинка увидела мальчишку лет тринадцати-четырнадцати, своего ровесника, сидевшего на большом камне возле самой воды. Тинка было приостановилась, а потом, бесшумно, осторожно ступая, подошла ближе. Мальчишка смотрел прямо на солнце, которое неторопливо поднималось все выше, сбрасывая туманные покровы и обретая привычную яркость и блеск. Тинка недоуменно выпятила губу: откуда взялся этот чудак в такой ранний час, когда все ребята еще спят?

И громко сказала:

— Здравствуй!

Мальчишка не вздрогнул, не испугался, как она ожидала, а просто обернулся, без улыбки взгля-

нул на нее, поднялся на ноги н очень вежливо ответил:

— Здравствуйте.

Тинка засмеялась н подошла ближе. Ей понравилось, что мальчишка ответил ей, как взрослой. Он был высок, на полголовы выше ее, лицо покрывал темный загар.

— Ты откуда взялся? — непрннуждеиио спросила Тинка.

Что-то похожее на тревогу мелькнуло в глазах мальчишки, мелькиуло и пропало.

— Я живу здесь, — спокойно ответнл он и пояснил после небольшой паузы: — В лагере.

Что-то необычное чудилось Тинке в глубнне его светлых, виимательных глаз. Будь Тника постарше, оиа сразу бы догадалась, в чем тут дело, — у мальчишкн был твердый, совсем не ребячий взгляд. А так она ничего не поняла, рассердилась на себя н спросила, хмуря бровн:

— Ты из какого отряда?

— Из старшего.

— И я из старшего. — Тиика невольио улыбнулась. — Ты что, удрал?

Мальчишка смотрел на нее, словно не поинмая вопроса.

— Да, — он чуть улыбиулся н, поколебавшись, добавил: — Я хотел посмотреть, как всходнт солице.

Тннка обернулась и посмотрела на солнце. Оно уже искрилось, гладило кожу и кололо глаза. Тинка засмеялась, протянула к солнцу руку, точно хотела погладить его, сощурила глаза и отвернулась. Мальчишка серьезно смотрел на нее. Тинка фыркнула и трялиула волосами.

— Ты почему на меня так смотришь?

Мальчишка чуть смутился.

— А это нельзя?

Тинка звонко рассмеялась н сообщила:

— Ты очень смешной. Пойдем, а то тебе попадет.

Он пошел рядом с ней по тропинке, которая, набирая крутизну, тянулась вверх, к лагерю. Тннке понравилось, что он сразу ее послушался. Она спросила:

— Как тебя зовут?

Он помолчал, прежде чем ответить. Тинка уже заметила, что у него такая манера — помолчать, подумать, а потом уже отвечать.

— Александр.

Тннка покоснлась на него, фыркнула н убежденно сказала:

— Этого не может быть. Потому, что язык сломаешь, пока выговоришь. Вот у меня полное имя Тннатнн. Но все зовут Тинкой, поннмаешь? Тинка — и все! А тебя как?

Он пожал плечами.

— Кто как — Сашей, Саней, даже Аликом.

Тннка звонко рассмеялась.

— Ну, на Алика ты совсем не похож!

Ои посмотрел на нее так, словно хотел спросить — почему, но вслух так ничего не сказал.

Они добрались до площадки, откуда к лагерю вела широкая удобная лестница, и остановнлись, переводя дух, — подъем был довольно крутоват; встретившись взглядами, они невольно улыбну-

лись друг другу, и мальчишка сказал:

— А еще меня звали Алешкой.

Он вдруг погрустнел и отвернулся от Тинки, глядя на разгорающееся солнце и туманную морскую даль. И Тинка тоже посмотрела в эту даль, но ничего не увидела, кроме неясных контуров далеких облаков, не то рождавшихся, не то таявших у самого горизонта.

И осторожно спросила:

— А кто тебя так звал?

Тень отчуждения легла на лицо Алеши. Он хотел что-то сказать, но вдруг круто повернулся и, перепрыгивая сразу через две ступени, побежал вверх по лестнице, к лагерю. Тинка недоуменно смотрела ему вслед.

Как это и водится, с утра до обеда день у Тинки прошел колесом. После обеда они уединились в беседке с давней подружкой Таней, и та принялась рассказывать лагерные новости. Их оказалось ужасно много, но о самой главной Таня вспомнила в последнюю очередь.

— Ой! — прервала она себя на полуслове. — Самое главное забыла!

И, придвинувшись к Тинке поближе, шепнула:

— У нас в лагере — робот!

— Ну и что?

— Да, необыкновенный робот, замаскированный!

— Как это — замаскированный? — не поняла Тинка.

— А вот так! Ты лучше не перебивай, а слушай. Этот робот — совсем как настоящий мальчишка. Ну совсем-совсем! Ты вот будешь с ним целый день и ни за что не догадаешься, что это робот.

— А как же ты догадалась? — Тинка смотрела на подружку недоверчиво.

— И я не догадалась! Никто не догадался. Это все Володя.

Тинка тряхнула головой и презрительно фыркнула:

— Воображала твой Володя, вот что!..

Все это случилось на логико-математической викторине. Володя, один из лучших математиков в лагере, случайно оказался рядом с этим мальчишкой. Ребятам было задано три логико-математические задачи. Володя корпел над ними не меньше часа, исписал выкладками три листа бумаги, а когда поставил точку и поднял голову — понял, что он первый. Повсюду виднелись склоненные головы и сосредоточенные лица. Только сосед его, какой-то незнакомый мальчишка, смотрел в окно, но лист бумаги, лежавший перед ним, был совсем чистым.

— Неужели ни одной задачи не сделал? — сочувственно спросил Володя.

Мальчишка некоторое время смотрел на него, будто не понимал, а потом чуть улыбнулся:

— Я сделал все.

И перевернул лежащий перед ним лист бумаги. На нем были аккуратно выписаны ответы на эти три задачи. Володя некоторое время недоуменно посматривал то на

бумагу, то на своего соседа, а потом спросил:

— А где же расчеты?

— Я сделал их в уме, — спокойно ответил мальчик.

— В уме? — ошарашенно переспросил Володя и, забыв о викторине, азартно предложил: — А ну, сверимся!

К изумлению Володи, ответы у них оказались абсолютно одинаковы. В тот самый момент, когда он собрался как следует допросить мальчишку о том, как тот сделал задачи, их обоих за разговоры сняли с викторины. Володя так переживал свой позор, что поначалу совсем забыл об удивительном соседе. Но потом, конечно, вспомнил обо всем и сообразил, что этот мальчишка — робот. Только роботы могут решать в уме задачи такой сложности!

Тинке все это было ужасно интересно, но она и виду не подала, а, наоборот, скептически пожала плечами:

— А может быть, у него способности? Ты знаешь, какие бывают математики? Почище вычислительных машин!

— Знаю, — с вызовом ответила Таня, — да разве только в математике дело? На викторине Володя только заподозрил, что мальчишка этот робот. Стал за ним наблюдать и насобирал целую кучу фактов. И эти факты неумолимо свидетельствуют в пользу его предположения.

Тинка фыркнула, потому что подружка говорила явно с чужих слов, Володькиным языком, но Таня уже увлеклась и не обратила внимания на обидную реакцию подруги.

— Этот мальчишка, — торопясь и проглатывая окончания слов, сообщила она, — никогда не смеется. Только улыбается и то редко. Ни в какие игры играть не умеет, даже в волейбол. Старается, а толку никакого — то в аут, то в сетку, то вообще не поймешь куда. Плавать не умеет — представляешь! Бегает как бегемот, девчонки его обгоняют, а сильный — ужас! Всех мальчишек переборол. И ты знаешь что? В темноте видит! Майка стандартный приемничек потеряла, ну, который в перстень вделан. А темнота, только звезды светят, и фонарика ни у кого нет. Володя решил сделать последнюю проверку. Сбегал за этим мальчишкой и говорит: «Помоги приемник найти». А тот — «Пожалуйста». Вообще, ужасно вежливый, как взрослый, просто жалко, что он робот. Ну вот, пришел он, поискал какую-то минутку — и пожалуйста, нашел! Тут уж абсолютно ясно стало — робот!

Таня вдруг нахмурила брови и сделала строгое лицо.

— Ты учти, об этом никто-никто не знает. Только я, Володька да Мишель. И ты теперь знаешь. Смотри, — она погрозила Тинке пальцем, — ни-ко-му! Володька говорит, что он и сам не знает, что он робот, а то бы ни за что не делал таких промахов.

Таня вдруг ахнула тихонько, схватила Тинку за руку и зашептала:

— Смотри-смотри, вот он идет! Только виду не подавай!

Тиика обернулась и не поверила глазам — оиа увидела того самого мальчишку, которого встретила иа восходе солица на берегу моря. В ее памяти всплыли и зацепились друг за друга все страиности его поведения. Неужели и правда это робот?

Оиа выглянула из беседки н приветливо окликнула:

— Алеша!

Мальчик вздрогиул н обернулся так резко, что Тинка нспугалась. Он смотрел на нее ие то удивленно, не то разочарованно, а потом будто через силу улыбнулся.

— Я не узиал тебя, Тинка. Извнни.

— Это ничего, — растеряино успокоила его Тиика.

Алеша кивнул ей головой и медлеино пошел дальше. А к Тиике с горящими глазами подскочила Таия.

— Ой, ты знаешь его, да? Ои ие робот, да? А кто он? Тинка, кто ои?

Тиика покачала головой, поглядела Алеше вслед:

— Не зиаю. Правда, не зиаю, Таня.

Коридор имел овальное сеченне и изгибался дугой. На матовых голубых стеиах не было никаких украшений, углов и выступов, все так зализано н заглажеио, что не ухватишься рукой, только кое-где видиелись двери, врезаииые в неглубокие ниши. По всей ширине пола тяиулся зеленый ворсистый ковер, заметио пружиинивший под ногами и полностью гасивший звуки шагов, поэтому Алеша шагал легко н бесшумио, как теиь. Но в коридоре вовсе ие царила мертвая тишина: крохотные иевидимые глазу дииамики, впаяниые в стены, иаполияли воздух любимым звуковым фоиом Алеши — шорохом дождя н плеском маленьких волн.

В святая святых корабля — ходовой рубке — перед обзориым экраиом стояло боевое капитанское кресло. Алеша подошел к нему, погладил отполнрованиые подлокотники и лишь потом сел за пульт управлення. Пробежав взглядом по многочисленным приборам, киопкам н рычагам управления, Алеша устронлся поудобнее, ведь кресло было ему великовато, и принялся за работу.

Это был стаидартный контрольиый комплекс: проверка корабельных систем и двигателя, выборочный детальный контроль отдельных агрегатов, обсервация с определением места корабля н коррекция траектории. С коррекцией была куча хлопот. Еще при отце отказал блок автокоррекции. Оии бились над его ремонтом иесколько месяцев, но безуспешио. Поэтому после обсервации Алеше приходилось подолгу сндеть за компьютером, производя пространственно-временные вычисления высшей степени сложиости. Работа была для него привычной — пальцы так и летали по клавишам компьютера, заставляя столбцы субдифференциальиых управлений давать ясиые н четкие ответы, —

но однообразной и утомнтельной. Через сорок минут, дважды пройдя программу вычнслений н получив тождественные ответы, Алеша ввел данные в ходовой блок и иажал исполинтельную киопку. Корабль качнулся, словио его кто-то потянул в стороиу могучей н властной рукой, — это сработал ходовой двигатель, компенсируя иакопившиеся ошибки н направляя вектор скорости корабля иа самую яркую звезду черного небосвода — иа Солице.

В корабельиом ангаре царнлн тишииа и ндеальиый порядок. Золотистая сигара двухместного старбота стояла, чуть приподняв иос, точио ей ие терпелось сорваться с места и помчаться по направляющим рельсам вперед. Алеша иатянул легкнй скафаидр, подошел к старботу и с улыбкой похлопал его по упругому борту — предстояла прогулка в космос, самое нитересиое нз всего, что есть на свете. Откннув фонарь, такой прозрачиый, что коитуры его угадывались не без труда, Алеша заиял водительское место, загерметнзировался, проверил работу всех снстем и нажал стартовую киопку. Старбот послушно тронулся с места, легкая перегрузка прижала Алешу к спинке кресла. Мелькалн близкне стены: свет, темнота, свет, темиота, негромкий щелчок — и старбот иырнул острым носом в звездиый океан.

Звезды, только звезды вокруг. Звезды да серебристый дым Млечного Пути, который сплошным кольцом опоясывал этот мнр, сотканный нз мрака и света. Только сзади, за кормой старбота парило огромное, двухсотметровое тело корабля, тускло поблескивая бронированным корпусом. Алеша выжал ходовую педаль и иа несколько секунд придержал ее, чувствуя, как под шмелиное пение двигателя старбот набирает скорость. Он нмению чувствовал это, а не видел, потому что в окружающем его мире никаких изменений не пронзошло: точкн, искры и пылинки звезд по-прежнему былн недвижимы и равиодушны; лишь оглядываясь назад, можио было заметить, как худеет громада корабля, точио оиа резиновая н нз иее выпускают воздух. Скоро корабль стал совсем игрушечиым, превратился в тусклый штрих, а потом и вовсе растаял, затерявшись среди огнеиной пылн звезд.

Алеша троиул штурвал, и небо послушио — наискосок, через плечо н спииу — стало опрокидываться, открывая глазам светописные картины одну чудесиее другой. Развернувшись по локатору на иевидимый корабль, Алеша импульсом тяги погасил набраиную скорость, заставнв старбот зависнуть неподвижно, откинул фонарь и, чуть-чуть оттолкнувшись руками от бортов, всплыл из кабины к звездам. Свободио раскинувшнсь в иевесомой пустоте, Алеша глубоко, полной грудью вздохнул н тихонько засмеялся. Это был его мир! Мир, в котором ои с самого раннего детства чувствовал себя вольным и счастливым.

Как и всегда, оставшись наедине с этим миром вечиой ночи, Алеша нспытал удивительное чув-

ство. Он зримо ощутил, как его взгляд, цепляясь за яркие звезды, летит в этот сияющий мир без конца и края, летит и безвозвратно тонет в нем.

Сердце билось у Алеши от сознания безмерной шири и необъятности вселенной! Он немного повернул голову, и ослепительная желтая искра ужалила его в глаза и заставила зажмуриться. Солнце! Теплый желтый свет, льющийся из холодной серебряной бездны. Он вздохнул и совсем тихо поплыл в серебристой пустоте к старботу, который, повинуясь его запросу, послушно замигал бортовыми огнями.

В оранжерее было тепло, влажно и солнечно. Пахло зеленью и тленом. Шипели и звенели струйки фонтанчиков, рассыпавшиеся на радужные брызги и водяную пыль. Клубилась, струилась зеленая листва, украшенная разноцветными пятнами плодов. Алеша собирал их, подрезая попутно лишние побеги, и сортировал: самую меньшую часть оставил себе в свежем виде на обед и ужин, побольше положил в консерватор, а самую большую загрузил в трансформатор, который по кодовому заказу мог приготовить из них кучу разных синтетических блюд. Его неторопливую работу прервал низкий, густой, привычный и всегда тем не менее пугающий сигнал тревоги. Алеша пулей выскочил из оранжереи в коридор.

Корабль мотнуло так, что Алеша не удержался на ногах и упал на колени. В маневре корабля не было ничего опасного: просто сработал ходовой двигатель, уводя его от столкновения с каким-то небесным телом, против которого оказались бессильными пушки метеорной защиты. Алеша хорошо знал это.

Но откуда-то упал и навалился на него нежданный, необъяснимый страх.

— Папка! — закричал Алеша.

Он знал и то, что ему никто не ответит, и все-таки закричал. Корабль мотнуло еще сильнее, Алешу бросило на стену, а потом на пол. Он вскочил и побежал по коридору.

— Папка!

И, не умея сдержать себя, изо всей силы забарабанил кулаками в дверь каюты отца.

— Папка, открой! Открой же, я прошу тебя!!

Снова корабль шарахнулся в сторону, и Алешу швырнуло на мягкую губчатую стену с такой силой, что помутилось в голове.

Он судорожно вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Тишина и мрак, сонное дыхание ребят — соседей по комнате — и постепенно тающий страх.

— Папка! — машинально позвал Алеша шепотом.

Ему никто не ответил. Алеша запрокинул голову назад и через открытое окно увидел кусочек звездного неба. Звезды здесь были не такими чистыми и безмятежными, как в космосе, они мерцали, меняя свой цвет и выбрасывая во все стороны колючие, похожие на щупальца лучики, но

все-таки это были звезды. Алеша поправил подушку так, чтобы видеть этот родной свободный мир, полежал, стараясь вспомнить, что ему такое снилось, а потом заснул.

Неслышно ступая, Тинка подобралась к окну и осторожно заглянула. Начальник лагеря Виктор Михайлович с сосредоточенным лицом что-то печатал на машинке одной рукой, а другой перелистывал лежащий перед ним журнал.

— Здравствуйте, — тихонько сказала Тинка, уловив паузу в его работе.

— Здравствуй, здравствуй, — рассеянно ответил Виктор Михайлович, не поворачивая головы. — Приехала?

— Приехала, — согласилась Тинка.

Виктор Михайлович вынул из машинки лист, аккуратно уложил его на стопку других, уже напечатанных, и поднял на Тинку глаза.

— Приехала, и теперь покоя от тебя не будет, — он засмеялся, и уже серьезно сказал: — Ты приходи завтра, Тинка. Сегодня я занят.

— Ладно, — великодушно сказала Тинка, — я приду завтра. Вы только скажите, Алеша робот или нет?

Виктор Михайлович нахмурился.

— Какой Алеша?

— Высокий, вежливый, загорелый, а глаза — как ледышки! — отчеканила Тинка.

Виктор Михайлович нахмурился еще больше. Тинка спокойно смотрела на него своими большущими глазами.

— А ну, — строго сказал Виктор Михайлович, — лезь сюда и рассказывай. Все рассказывай!

Тинка влезла, ей было не впервой, села на стул рядом с Виктором Михайловичем и рассказала ему все, что знала, от начала до конца.

Виктор Михайлович хмыкнул, усмехнулся.

— Робот, надо же придумать! Выпороть бы этого Володьку по стародавнему обычаю.

— Воображала, — охотно согласилась Тинка и осторожно спросила. — Так Алеша не робот? Он болен, да?

Виктор Михайлович покосился на Тинку.

— Нет, не болен, — он неопределенно пожал плечами. — Просто ему трудно, непривычно. Помочь ему нужно, Тинка.

— Я помогу, — уверенно сказала девочка. — А как?

Виктор Михайлович засмеялся, глядя в эти хорошо знакомые, совсем мамины глаза Тинки, в глубине которых даже сейчас теплился лукавый огонек. И вздохнул.

— Если бы я знал как, — грустно сказал он. — Это ты уж сама придумывай — как.

— Я придумаю, — убежденно сказала Тинка, — вы только расскажите.

— Что тебе рассказать?

— Про Алешу.

Разглядывая девочку, Виктор Михайлович задумчиво спросил:

— В кого ты такая уродилась?

— В маму, — сейчас же ответила Тинка, — будто не знаете!

Виктор Михайлович засмеялся и потрепал ее по волосам. Тинка недовольно дернула головой — она не любила нежностей.

— Ладно, — решил Виктор Михайлович, — я расскажу тебе про Алешу. Только учти, это большая и серьезная тайна. Не проболтаешься?

Тинка презрительио фыркнула, но Виктор Михайлович не удовлетворился этой демонстрацией и серьезно спросил:

— Слово?

— Слово!

— Понимаешь, Тинка, — Виктор Михайлович поискал нужные слова, не нашел их, отвел взгляд от требовательных глаз девочки и только спросил хмуро: — Ты Нину, ну, свою маму, ждала?

Тинка молчала, глядя на него своими большущими, широко открытыми глазами.

— Вот и он ждет, Тинка, — тихо сказал Виктор Михайлович, глядя в темное окно, — только не маму, а отца.

Мир был невелик — звезды, корабль, отец и он сам, Алеша. Еще Алеша помнил мать, но больше по рассказам отца, чем по собственным впечатлениям. И если говорить честно, то большая стереофотография, висевшая в каюте, мало что говорила. Откуда-то из глубин памяти всплывали и таяли забытые ощущения: запах ее волос, ловкие руки, мягкие губы и эти вот самые смеющиеся глаза. Долго раздумывать об этом было и некогда и страшно.

У Алеши была интересная, но очень тяжелая жизнь. Он все время учился, сколько помнил себя. Учился каждый день, по многу часов, учился всему, что знал и умел отец: готовить пищу, ремонтировать вышедшие из строя механизмы, убирать помещения, водить старбот и пользоваться скафандром, ухаживать за оранжереей, выполнять космогационные наблюдения и расчеты, управлять ходом огромного звездного корабля. Добрая половина этих работ была насквозь пронизана математикой. Отец вводил его в царство этой науки постепенно, осторожно применяясь к его детскому, незрелому уму, но настойчиво, упрямо и даже фанатично. Добрый отец становился жестоким тираном, когда дело шло о решении основных задач космогации. И сколько слез было пролито Алешей тайком!

Отец старался, как только мог, скрасить трудную, недетскую Алешкину жизнь. Они вместе читали книги, смотрели фильмы, слушали музыку, в перерывах между уроками занимались акробатикой и борьбой. Каждый день по меньшей мере час проводили в космосе, то совершая дальние прогулки на старботе, то затевая игры возле самого корабля, то просто отдыхая в безмолвии звездного океана. Это были лучшие часы в жизни Алеши!

Отец часто рассказывал ему удивительные вещи. Правда, о них можно было прочитать и в книгах, но одно дело книги, ведь бывают

и книги-сказки, а другое дело отец. Показывая Алеше на самую яркую звезду небосвода, отец говорил:

— Запоминай, Алеша. Через полтора года, когда тебе исполнится тринадцать лет, эта звезда превратится в самое настоящее солнце. А солнце — это чудо, Алеша! Это такой радостный свет, что глазам больно. Глянешь и отвернешься сразу.

— Как при термоядерной реакции? — уточнял Алеша.

Отец смеялся и кружил его вокруг себя.

— Малыш! Солнце и есть термоядерная реакция в космическом масштабе.

— Что же тут хорошего, — недоумевал Алеша, — глазам больно! И ходить при этом солнце, наверное, надо в скафандре, чтобы не заболеть лучевой болезнью.

Отец как-то непонятно смотрел на него и вздыхал.

— Нет, Алеша. Скафандр тебе не понадобится. Солнце ласковое, нежное, как струи теплого душа.

Алеша хмурил брови, стараясь представить себе ласковый и нежный огненный шар с температурой во многие миллионы градусов, но у него ничего не получалось.

— Лучше всего на свете, — рассказывал отец, — это сидеть утром на берегу и смотреть, как солнце медленно всплывает из моря. Смотреть, слушать шорох волн и крики птиц.

— Это как в кинофильмах? — жадно спрашивал Алеша.

— Да, сынок.

— А это правда? Это не сказка? Разве бывает так много воздуха и воды сразу?

— Правда.

— И что небо голубое — правда? И на нем ни одной, ни единой звездочки?

— Все правда, Алеша.

— Небо и без звезд, — недоумевал мальчик, — разве это красиво?

Отец вздыхал и грустно улыбался, а почему грустно — Алеша никак не мог понять. Ведь это был такой интересный разговор!

Привычная, интересная и трудная жизнь сломалась незадолго до конца долгого пути среди звезд, вечером, когда они играли в шахматы. Раздался низкий густой сигнал тревоги, и вслед за тем безликий голос недремлющего компьютера сказал:

— Авария в отсеке ходового двигателя. Необходимы срочные меры экипажа. Повторяю, авария в отсеке ходового двигателя!

Отец вскочил, опрокинул шахматную доску, коротко бросил:

— Сиди! И ни шагу отсюда!

И выскочил из каюты.

Алеша остался с рассыпавшимися фигурами и безликим, равнодушным голосом, твердившим одно и то же. А потом этот голос умолк, наступила привычная тишина, и, честное слово, будь отец рядом, Алеша решил, что все происшедшее ему приснилось. Но отца не было. Сжавшись в комочек в самом углу дивана, Алеша с удивлением и испугом прислушивался к громкому стуку своего сердца. До этого он никогда не слышал его, разве что в те тихие

минуты, когда, уже засыпая, крепко-крепко прижимался ухом к подушке.

Отец вернулся спокойным, но каким-то рассеянным, углубленным в самого себя.

На немой вопрос Алеши он успокоительно ответил:

— Все в порядке. Но опоздай я на пять минут, мы бы остались без топлива.

Но понемногу Алеша понял, что на корабле далеко не все в порядке. И самое главное — отец стал каким-то другим. Он еще больше увеличил нагрузку занятий, а потом, вовсе устранившись от управления кораблем, заставил Алешу целую неделю вести его самостоятельно. Зато в короткие часы отдыха отец был необыкновенно ласков. Разглядывая как-то измученное, осунувшееся лицо сына, он тихо, словно извиняясь, сказал:

— Что поделаешь, Алеша. У нас нет с тобой другого выхода.

У него был при этом такой убитый вид, что Алеша по какому-то наитию с недетской проницательностью понял, что кроется за этими словами отца.

— Папка, — спросил он серьезно, — ты собираешься заснуть, а я останусь один?

Отец взглянул на него, отвел глаза и ничего не ответил.

— Ты скажи мне, папка, — попросил Алеша, — я ведь уже почти взрослый. Мне двенадцать лет.

— Двенадцать лет, — повторил отец, засмеялся как-то странно и положил руку на плечо Алеши.

— Пойдем, сынок.

Центральным коридором они прошли в кормовой отсек, где Алеша никогда еще не бывал. Туда вела бронированная дверь, запертая на шифр-замок, а ключ к этому замку знал только отец. Шагнув за порог этой двери, Алеша почувствовал знакомое бодрящее состояние невесомости. Коридор здесь был заметно уже центрального и освещался не привычным рассеянным светом, а отдельными плафонами. Коридор был круглого сечения, и по всей его поверхности в шахматном порядке были расположены небольшие двери, больше похожие на люки. Их было около десятка.

— Это корабельные трюмы, Алеша, — пояснил отец.

Он обнял его за плечи и, легонько оттолкнувшись, поплыл по самой середине коридора.

— Здесь хранится все, что мы собрали на других планетах, — негромко рассказывал он, — семена удивительных растений, зародыши животных, необыкновенные минералы и не прочитанные пока еще книги погибшей цивилизации, — кто знает, какие тайны они хранят в себе. Здесь хранится все то, Алеша, ради чего с Земли и был отправлен этот корабль. В приложении к вахтенному журналу ты найдешь подробную опись всего груза. Скоро ты останешься один. Совсем один. Корабль и ты — больше никого. Ты не боишься?

Алеша улыбнулся.

— Нет, чего же бояться в космосе? Это ведь не планета, где

полным-полио всяких страшных зверей, случаются ураганы н штормы. Но мне будет скучно, папка.

— Что же делать, Алеша. Когда приходнт час, людн засыпают, и с этим ннчего уж не поделаешь. Ты уж потерпи, поскучай. До Земли ведь осталось меньше года. Потерпи, н что бы ни случнлось, что бы ни произошло — веди корабль на Землю, ты теперь умеешь это делать, я знаю. Веди! Иначе все наши труды и жертвы теряют смысл. И еще помни — только на Земле, где голубое небо и много-много воды, воздуха, можно разбуднть меня.

— Я доведу корабль, — негромко сказал он, хмуря бровн, — доведу, что бы ни случилось. Мне ведь очень хочется, чтобы ты проснулся.

Тяжелая отцовская рука взлохматила ему волосы.

— Дай бог, Алешка, — чудно и непонятно сказал он, глядя куда-то вдаль поверх головы сына, — дай бог...

Большущне глаза Тинкн смотрели на Внктора Мнхайловнча со страхом и восторгом.

— И он довел корабль?

— Довел, Тиника.

— Однн?

— Один. Кто же мог помочь ему?

Тиника порывнсто вздохнула н прнжала ладонн к раскрасневшнмся щекам.

— А когда разбудят отца? Скоро Алеша его увндит?

В глазах Виктора Михайловича мелькнуло нзумленне.

— Тинка, — он даже запнулся на первом слоге, — ты разве не поняла?

Румянец сполз с лнца девочки.

— Тнnка, — увещевающе проговорил Виктор Мнхайлович, — ты ведь уже большая. Алеша нннкогда не видел смерти, вот отец и прндумал все это, чтобы ему было легче, чтобы он не чувствовал себя таким однноким.

Тннка затрясла головой:

— Это неправда! Это неправда!

Виктор Михайловнч ие выдержал ее взгляда и отвернулся к окну.

— Это неправда! — закрнчала Тинка ему в затылок, но она уже знала, что это правда.

— Лнквиднруя аварню, отец Алешн получнл тяжелое лучевое поражение, — не оборачнваясь, сказал Виктор Михайловнч, — он мог прожнть месяца два, но как бы воспрннял его смерть Алеша? И, окончательно подготовив сына к самостоятельному полету, он сам закрыл за собой дверь в одни нз трюмов.

Он помолчал н пожал плечамн.

— Кто знает? Тела погнбших хранятся в жндком гелни. Может быть, со временем ученые н сумеют некоторым нз них вернуть жнзнь. Но когда это будет — кто знает?

Внктор Мнхайлович помолчал, потер ладонью лоб.

— Что ты молчишь, Тннка?

Не получив ответа, он обернулся. Но Тннкн в комнате уже не было.

Едва забрезжил рассвет, а Тинка уже со всех ног бежала по лестнице к морю. Стволы деревьев, листва, цветы и песок — все казалось одннаково серым и тусклым в блеклом рассветном свете. Только над самой гладью воды наливалась ясными красками алая заря.

Тинка не ошиблась — Алеша сидел на том же самом камне, что и вчера. Он еще издали заметил девочку, но промолчал и не повернул головы.

— Я тебе не помешаю? — спроснла Тиика, остаиавлнваясь в несколькнх шагах.

— Нет, — ответил Алеша.

Тннка подошла блнже и села прямо на сыпучий прохладный песок.

— Ты ждешь отца?

Мальчик обернулся.

— Откуда ты знаешь?

Тинка вздохнула.

— Знаю.

Обхватила руками коленки и добавила:

— Я ведь тоже ждала маму. Долго ждала, целых два года.

Тинка помолчала и грустно поясннла:

— Она была на Юпнтере. Была, была — и вдруг пропала связь. Туда летали, на Юпитер. И сказали мне — твоя мама больше к тебе не придет. Никогда...

И резко обернулась к Алеше.

— А я не верю. Не верю — и все! Кому от этого хорошо, что она никогда не придет? Скажи, кому? И зачем, зачем такая несправедливость? И я думаю: а вдруг оии ошнблнсь, вдруг оиа все-таки придет? Понимаешь, возьмет и всем им назло прндет!

Она замолчала, закуснв губу. Алеша молчал, лнцо его было сурово и сосредоточенно. Потом он осторожно коснулся рукн девочкн.

— Смотри, Тинка, сейчас взойдет солнце. А мой папка, — у него сорвался было голос, но он упрямо повторил, — а мой папка говорил, что нет ничего красивее восхода солнца над морем.

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

Зачем жил человек?

1

Владнмир Чесиоков заглядывал то в одну, то в другую дверь, ие зиая, к кому обратиться, и не решаясь задать вопрос. Сотрудинки молодежиой газеты «Утреииие зори» деловито сиовали по коридору, не обращая иа иего внимаиия, — мало ли постороннего народу приходит в редакцию. К обеду его фнгура уже примелькалась, и ответственый секретарь броснл на ходу:

— Хлесткий заголовок для статьи о пионерлагерях. А?

— У меня стихотворение, — ответил Чесноков.

— Чтоб не стандартио и в самую суть? А? — остановился секретарь.

— Стихотвореиие... вот... — Чесноков бережно вытащил из виутреннего кармана пиджака лист бумаги и иачал разворачивать его.

— А, — досадливо сморщился секретарь. — Стихи, стихи! Прозы сейчас пишут мало. — И он неопределенно махнул рукой кудато в конец коридора.

Чесиоков потоптался еще иемного и уже собрался плюиуть на все и уйти, ио в это время в коридоре сиова появился секретарь.

— Ну что у вас с вашим стихотвореннем? Что Пиоиов сказал?

— Ничего.

— Он всегда так. Не уиывайте.

— Я его даже и не вндел еще.

— Правильно. Ои сейчас в комаидировке. Вся поззия в командировках. Большое стихотворение?

Чесноков не успел ответить. Ответственный секретарь взял его под руку, подвел к дверям с надписью «Редактор» и, втолкнув в комнату, крикнул:

— Тимофей Федорович, это мой знакомый! Борис!

Чесноков оказался посреди комнаты. Смущение его достигло предела. Тимофей Федорович, сорокалетний мужчина, уже страдающий одышкой и давным-давно забывший, чем интересуется юность, сидел за столом и писал заявление о переводе на другую работу. Он уже давно чувствовал, что перестал понимать молодых сотрудников своей газеты, ходивших с модными бородками и в ярких свитерах даже в самую жару. Да и его, он это знал, не всегда понимали.

— Ну что там у вас, Борис? — спросил он.

— Стихотворение... Владимир я.

— Отлично. Покажите.

Чесноков протянул ему дрожащей рукой лист бумаги. Редактор на несколько секунд углубился в чтение, а потом спросил:

— Что вы этим хотели сказать?

— ?..

— Ну, в чем идея, мысль стихотворения?

— Шел молодой человек, — начал Чесноков, стараясь говорить бодро и непринужденно, — по улице... увидел девушку. И ему стало очень хорошо.

— А что было потом?

— Не знаю... Просто ему стало хорошо.

— Они так и не поженились?

— Нет. Он ее больше не встретил никогда.

— Откуда вы знаете?

— Я видел это собственными глазами.

— Хорошо. Просто прекрасно... И что же вы хотите? Опубликовать в нашей газете?

— Я просто пришел. Кому-то все равно надо показать.

— А вы что, намерены этим заняться серьезно? Посвятить всю свою жизнь? Или просто так?

— Я бы хотел серьезно, — отважно ответил Чесноков.

— Молодец! — Редактор даже вышел из-за стола и похлопал начинающего поэта по плечу. — Если бы вы написали это просто так, мы бы напечатали недельки через две-три. А если вы серьезно, то придется еще поработать. Серьезно всегда труднее, чем просто так.

Через двадцать минут Чесноков вышел из редакции радостный и улыбающийся. Стихотворение, конечно, не приняли, но сколько он услышал полезного, сколько интересных тем подсказал ему редактор! А в будущем, если его стихи окажутся свежими и оригинальными, то даже напечатают. Честное слово, напечатают!

Чесноков прибежал к себе в квартиру на пятом этаже, с шумом распахнул дверь, поцеловал Анечку, свою жену, бросился на диван, крикнул:

— Работать и еще раз работать! — и начал все подробно рассказывать.

Аиечка присела на край дивана, шнроко раскрыла свон голубые глаза и, охая и ахая, в особенно страшных местах повествования прижимала кулачки к груди. Так внимательно н не перебнвая выслушала она Володеньку. А когда он закончнл свой рассказ, сказала:

— Володька, а ведь ты в душе и так поэт. Я это знаю.

Владнмнр смутнлся н начал было возражать, но Аня перебнла его:

— Неужели ты станешь настоящнм, общепрнзнанным поэтом?

Чесноков вздохнул и сурово произнес:

— Все завнснт только от нас.

Анечка утвердительно кивнула головой.

2

Чесноков работал старшим ннженером на раднозаводе. Анечка готовнла торты на кондитерской фабрнке. Оба онн любнли стихи и разбнрались в поэзни. Оба любнли литературу вообще н значнтельную часть деиег тратнли на прнобретенне кннг, чем вызывали недоуменне, а иногда н смех у соседа по лестннчной площадке Веннамина Кондратюка, весь бюджет которого был подчннен одной цели — прнобретенню мотороллера — мотоцикла — мотоцикла с коляской — «Запорожца» — «Москвнча» н т. д.

Чесноков на трн месяца был освобожден от мытья полов в квартнре. Пнсать так пнсать!

Онн приходнлн с работы почти одновременно, разогревалн вчерашний борщ или суп с лапшой, наскоро перекусывали. Владимир выкладывал на стол лист чистой бумаги, шариковую авторучку н начннал расхаживать нз угла в угол. Анечка занималась домашнимн делами, которые никогда не переделаешь, сколько нн старайся.

Начало каждого такого вечера пропадало для Чеснокова зря. Он ничего не мог иаписать. В голову лезла всякая ерунда, которая отлнчно рифмовалась, но в ней не было нн крупицы чувства, правды, полета фантазни. Плоское; ремесленное, как по заказу для ширпотреба.

— Вовка, перестань мучиться, — говорнла обычно Анечка, вытнрая мокрые руки передииком н бросая свою работу. Она брала его за шею своими маленькнми крепкнмн руками н заглядывала ему в глаза. И ее глаза были крохотным, но интересным, ласковым миром. Маленькой вселенной.

— Ну, отпустн меня, — говорнла она.

— Подождн, — отвечал он. — Я еще не все прочнтал.

— Что там можно прочесть?

— Все. Там все мон стихн.

Она прнжималась к его груди н слушала, как бьется там сердце, восторженное и одержнмое.

Потом они саднлись на днваи нли прямо на пол, н оиа о чемнибудь его спрашнвала, а ои отвечал. Или он спрашивал, а она отвечала. Они вспомнnали — «а

помнишь?», мечтали — «вот будет здорово!», спорили — «Володька, ты не прав», решали тысячи проблем и создавали тысячи новых. В голове у Чеснокова рождались музыка и стихи. Стихи у него всегда были связаны с музыкой. Она замолкала, чувствуя, что с ним происходит что-то странное. Может быть, это состояние странности она и любила в нем больше всего. Он и сейчас был таким же, как и в день их знакомства. И она хотела, чтобы он был таким всегда — близким, родным и странным.

— Прочти, — просила она шепотом.

Он начинал говорить. И она переносилась в странный, необычный и в то же время удивительно знакомый мир.

В нем были их друзья, знакомые, старый сибирский городок, ветер морей, россыпи звезд, молоденькие деревца и крики ребятишек за окном. Все было так, как она привыкла видеть каждый день, и только какой-то сдвиг его настроения делал все свежим, удивительно неожиданным. Мир раскрывался под каким-то новым углом зрения. Может быть, это было вдохновение? Или талант? В его мире плакали и смеялись, радовались и печалились, любили и ненавидели. Но все там было честным, странным и необыкновенным. И если в его стихи иногда врывался крик боли и отчаяния при виде уродства человеческих отношений, то он звучал диссонансом. Очень странным диссонансом, без которого вся музыка поэзии превращалась в изящную пошлость.

Перо и бумага ненужными валялись на столе.

— Кажется, началась сплошная ерунда, — говорил он, и они шли гулять в Университетскую рощу или Лагерный сад, если погода была хорошая, или, раскрыв дверь на балкон, слушали шум дождя. И молчали.

Сколько можно сказать друг другу таким молчанием!

Иногда он сам записывал стихи, иногда это делала Аня.

Случалось, что у него «заклинивало» и стихи не писались. Тогда они заходили в ближайший магазин, покупали большую бутылку вина и шли к кому-нибудь в гости или приглашали к себе.

3

Сосед по площадке купил мотороллер. Чесноков помогал грузить его на машину, втаскивать в гараж и вместе с женой был приглашен на «обмыв» покупки.

Собралось человек восемь, все заядлые мотоциклисты и автомобилисты. Разговор, естественно, вертелся вокруг автомобильной темы. Кондратюка поздравляли, пили за колеса, за руль, за запчасти. Советы сыпались со всех сторон. Вениамин Кондратюк сиял. Его жена незаметно сновала из комнаты в кухню, таская тарелки и стаканы.

Вначале Чесноков чувствовал себя очень неуютно, но потом постепенно освоился. Кондратюк то

и дело бегал в гараж посмотреть, не сперли ли его мотороллер. Мотороллер никто не спер. Кондратюк показывал всем ключ зажигания и старательно окунал его в стакан с водкой.

— А почему бы и вам не купить мотороллер? — спросил он Чеснокова.

— Действительно, почему? — зашумели вокруг. — Красота! В лес, на базар, за картошкой. Быстро.

— Мы как-то не думали об этом, — сказал Чесноков.

— Да у нас и денег-то нет, — сказала Анечка.

— Ага! Денег у вас нет! На книги, на барахло есть. А на мотороллер нет!

— Книги не барахло, — сказал Чесноков.

— Ну зачем вам столько книг?

— А зачем тебе мотороллер?

— Да хотя бы в лес съездить. В автобусе не надо толкаться. Захотел — съездил. В любой момент.

— Так же и книги. Захотел — взял с полки и прочитал.

— Ну прочитал раз, и хватит. Да и в библиотеке можно взять.

— Можно ездить на такси. К чему мотороллер?

Кондратюк даже опешил:

— На мотороллере я буду ездить. Он окупается. А у вас эта макулатура стоит без пользы. Зачем?

— Это не макулатура. Это люди, друзья. Верные — и на всю жизнь.

— Врете вы! Интеллектуалами хотите казаться! Чтобы зашли к вам в квартиру и первым делом увидели полки с книгами. Вот, дескать, умные люди живут. Сервант с посудой в угол, значит, а книжки на видное место... Знайте все, что мы выше соседа! Он мотороллер купил, а книг не покупает! Писаки гонорары задарма получают. Землю бы всех копать заставить!

— Это ты переборщил, — начали успокаивать Кондратюка.

— Подумаешь! — орал хозяин. — Я тоже книжный шкаф заведу!

— Кур заводят, — сказал Чесноков.

— Вот мотоцикл куплю, а потом книг полный шкаф наставлю, чтобы все знали, что я тоже не дурак.

— Пойдем домой, Володя, — сказала Анечка.

— Ну нет! — заорал Чесноков и даже ударил кулаком по столу. — Я тебе не дам книги покупать. Не позволю! Там люди, мысли. И чтобы их в твой шкаф, гроб? Они там зачахнут, с ума сойдут, умрут. Не позволю!

Анечка тянула Чеснокова за рукав. Кондратюка держали за пиджак, а он все порывался броситься врукопашную.

Чесноков проснулся на другой день с пакостным привкусом во рту. Голова хоть, слава богу, не болела. Анечка только сказала:

— Как ты мог затеять с ним этот разговор?

— Разве я начал? — оправдывался Чесноков.

На площадке он встретился с

Кондратюком. Было как-то неловко за вчерашнее, и он спросил:

— Э-э, Вениамин, как у тебя мотороллер?

— Спасибо, ничего, — ответил Кондратюк. Он тоже не совсем уверенно чувствовал себя после вчерашнего разговора. — А ты, Владимир, дал бы мне что-нибудь почитать. А? Чтоб за душу взяло!

— Такого у меня нет, да и вряд ли где найдется, — ответил Чесноков, но Кондратюк не понял иронии.

— Ну что-нибудь там современное. Что в этом году на соискание Государственной премии выдвинуто?

Они прикурили от одной спички и вместе вышли из подъезда.

Работали они на одном заводе, в одном отделе.

С неделю Чесноков просил Анечку даже и не упоминать о стихах и литературе вообще.

Потом отошел.

4

Через три месяца было готово около трех десятков стихотворений. Чесноков отдал их перепечатать машинистке, работавшей на дому. При этом он страшно волновался, назвался чужим именем, конфузился. И когда наконец все было отпечатано, облегченно вздохнул. Однажды в пятницу после работы он надел белоснежную рубашку, черный костюм, нацепил синтетический галстук, поцеловал Анечку в губы и направился в редакцию.

Особенно не размышляя, он вошел прямо в кабинет к редактору. Но редактор был не в духе. Его никак не освобождали от работы в молодежной газете. Про единственный визит Чеснокова он, конечно, забыл и теперь взвинченно и недружелюбно попросил его выйти вон. Чесноков, ничего толком не понимая, — ведь его просили прийти через три месяца! — выскочил в коридор и, собравшись с мыслями, решил бросить все и идти домой. Редактору, который в общем-то был хорошим и добрым человеком, стало стыдно оттого, что он ни с того ни с сего наорал на незнакомого человека. И через несколько секунд он тоже был в коридоре. Чесноков еще не ушел. Редактор облегченно вздохнул.

— Молодой человек, что, собственно, у вас?

Чесноков вкратце напомнил о своем первом визите и, смущаясь, достал пачку листов. Редактор повел его в отдел поэзии, к Пионову. Там они мирно побеседовали. Чесноков оставил свои стихи, Пионов мельком взглянул на них и сказал:

— А тут что-то есть... — и записал телефон и адрес Чеснокова, обещая позвонить на будущей неделе.

Прошло четыре дня, и Пионов действительно позвонил. Он просил Чеснокова немедленно прийти в редакцию. Дело очень важное и срочное.

Чесноков отпросился с работы и кинулся в редакцию. Если они решили отказать, то незачем было

бы и вызывать его, думал он. Наверное, напечатают.

Из проходной завода он выскочил радостный и чуть ли не пел во весь голос, но, подходя к редакции, сник и начал волноваться.

Пионов встретил его довольно дружелюбно, усадил в кресло, предложил сигарету и несколько минут молча рассматривал Чеснокова, делая вид, что роется в бумагах на столе.

Молчал и Чесноков.

— Я прочел ваши стихи, — сказал наконец Пионов. — И нисколько не преувеличу, если скажу, что написаны они здорово.

У Чеснокова почему-то упало сердце.

— Я сам поэт, — продолжал Пионов. — Скоро в западносибирском издательстве выйдет мой сборничек. Я знаю, что говорю. Написано у вас талантливо. Когда вы их написали?

— С июня по август, — внутренне холодея, ответил Чесноков. Что-то в голосе Пионова говорило ему, что дело со стихами дрянь. Не напечатают. Ни при каких условиях не напечатают. — Три месяца. Недели две как закончил.

— А как бы вы назвали весь цикл, если бы это понадобилось?

В небольшой комнате клубами висел дым. Кто-то пытался знаками выманить Пионова в коридор, но тот только крикнул: «Закройте двери! Занят я, не видите, что ли?»

— Я назвал бы его «Удивление».

— Странно, — прошептал Пионов. — Очень странно...

— А что случилось? — спросил Чесноков.

— Вы никому не показывали свои стихи? — не отвечая на вопрос, в свою очередь, спросил Пионов. — Друзьям? Знакомым?

— Нет. Мне и в голову не приходило.

— Странно. А слышать или видеть их раньше у кого-нибудь... Впрочем, расскажу все. Меня, как я уже говорил, взволновали ваши стихи. Я сделал подборку. У нас есть такая рубрика — «Молодые голоса». Тимофей Федорович тоже одобрил. И тут к нам зашел Серегин. Знаете такого поэта? Нашего, сибирского?

— Знаю, — кивнул головой Чесноков. — Читал.

— Он у нас бывает часто. Читает все, что мы готовим в набор. Правит иногда. Он прочел ваши стихи и сказал... что это его стихи... Вот так.

— Как его? — одними губами спросил Чесноков.

— Он будет здесь с минуты на минуту. Я пригласил его. Понимаете, редакция должна разобраться. Мы не имеем права попадать в глупое положение.

— Это мои стихи, — прошептал Чесноков.

— И поэт-то он так себе, бездарность, — словно не слыша Чеснокова, сказал Пионов. — А вот поди ж ты, выпустил уже четыре книжки. Все серость невероятная. А тут сразу такой фейерверк мыслей... Он уже отослал рукопись в издательство. И там ее приняли. И название то же —

«Удивление». Понимаете, какая петрушка получается?

Пионов встал из-за стола и принялся расхаживать по комнате, постукивая кулаком в раскрытую ладонь и что-то рассеянно напевая.

— Насколько я понимаю, — сказал вдруг осевшим голосом Чесноков, — меня обвиняют в воровстве...

— Что вы, что вы! — заволновался Пионов. — Я никого не обвиняю. Редакция просто должна разобраться. И кроме того... Серегин уже признанный поэт. У него летом, по его словам, был приступ вдохновения.

— Это мои стихи, — твердо сказал Чесноков.

Дверь отворилась, и в комнату уверенно, как в собственную квартиру, вошел человек средних лет, с портфелем.

— Привет, Гриша, — привычно приветствовал он Пионова. — Сергей Серегин, — протянул он руку Чеснокову.

Тот неуклюже поднялся, держась одной рукой за спинку кресла:

— Чесноков.

— Вот как! Лю-бо-пыт-но!

На протяжении последующих пятнадцати минут Чесноков молчал. Говорил Серегин. Он бросил на стол кипу листов, исписанных чернилами и отпечатанных на машинке, и начал подробно рассказывать о том, как на него после полугодового перерыва снизошло вдохновение, как им овладела радость поэтических открытий, уверенность, что он оставит важную веху в поэзии.

— Вот, все тут. Адский труд, бессонные ночи, тонны бумаги. На каждом листе дата. Можно проследить, как рождались эти стихи. К счастью, я не уничтожаю черновиков. Вот доказательства, что это все мое. В издательстве почти приняли. Скоро договор... И в Союз писателей не сегодня-завтра примут. А у вас, у вас есть черновики с датами?

— Черновики у Анечки, — сказал Чесноков.

— У Анечкина? — насторожился Серегин. — Не знаю такого.

— У Анечки! — заорал Чесноков. — У моей жены! В голове! Понимаете?

— Так, так, так. Понимаю, — радостно проговорил Серегин. — Значит, черновиков нет? И что же вас заставило...

— Во всяком случае, не веха...

— Какая веха?

— Важная веха в поэзии. Вы же сами это сказали. Я писал, потому что не мог не писать.

В комнату вошел редактор и скромненько устроился в углу на трехногом стуле.

— Что же делать? — с нескрываемым отчаянием в голосе спросил Пионов.

— Во всяком случае, в газете ничего не помещать, — подсказал Серегин.

— Это и так ясно, — буркнул Пионов. — Дальше что?

— Плагиат! Я этого так не оставлю. Я судиться буду!

— А вы будете отстаивать

свои права? — спросил Пнонов у Чеснокова.

— Суднться, что ли? — ответнл Чесноков. — Вряд ли. Ведь у меня нет черновиков.

«Эх, бедняга! — подумал редактор. — Не в черновиках дело. В человеке».

— Я вам заявляю со всей ответственностью! — неизвестно к кому обращаясь, кричал Серегин.

Чесноков неуклюже встал, пробормотал: «До свнданья!» И пошел к выходу.

— Вы уходнте? — крнкнул ему Пнонов. — Приноснте еще чтонибудь. Можно и по одному стихотворенню.

— Я застолбнл этот участок поэзин н ннкому не позволю! — все еще крнчал Серегнн.

«О-хо-хо! — подумал главный редактор. — Не в поэзнн, а под солнышком, чтоб теплее н сытнее, ты хочешь застолбить участок. И не попрешь тебя. По судам затаскаешь!»

— Вы заходите, Владнмнр! — еще раз крикнул Пнонов.

Чесноков осторожно прикрыл дверь и, сгорбившись, вышел на улицу.

5

Моросил дождь. Сентябрь. Сырость. Пакостно на душе.

Чесноков побродил в Университетской роще, стараясь ни о чем не думать. Небо вскоре прояснилось. В сентябре дожди еще не ндут неделями.

Когда он открыл дверь квартиры, Анечка была уже дома. И как он ни старался казаться спокойным, она сразу же заметила, что пронзошло что-то нехорошее. Она умоляюще взглянула на него, но он только покачал головой, н тогда она не стала его ни о чем спрашнвать. Он сам подошел к ней, погладил волосы, приподнял ее голову за подбородок, грустно улыбнулся и все рассказал. Она нн разу не перебила его вопросом, только глаза ее то расширялнсь, то сужались.

— Но ведь ты же не думаешь, что он какнм-то образом прнсвонл твон стнхн? — спроснла она, когда он закончил. И голос ее был чуть-чуть испуганным.

— Конечно, нет, Анечка, — ответнл он. — Это просто нелепое совпадение. Грустно...

И тогда она заплакала, а он не проснл ее успокоиться — знал, что этого нельзя делать.

В дверь позвонили. Это оказался сосед Кондратюк.

— Мне бы рублишко разменять, — сказал он.

— Проходи, — предложнл Чесноков.

Кондратюк прошел в комнату, увидел заплаканное лицо Ани и спроснл:

— Что тут у вас пронсходит? Похороны, что лн?

Чесноков не умел лгать и в двух словах рассказал соседу о случившемся.

— О, да ты, оказывается, в поэты метишь!

— Никуда я не мечу, — ответил Чесноков.

— Не скромничай, не скромничай. Прн, если возможность есть.

Там платят здорово. Вот поэтому туда все и лезут.

— Не все.

— Все, все. А вакаисий мало. Вот и тащат друг у друга, кто стнхн, а кто и роман. И у тебя сперли. Судись, мой тебе совет. Может, что и возьмешь. А лучше купи мотороллер. Колеса, оии, знаешь, всегда себя оправдают. Я уже рублей на двести малины, смородины и прочей дребеденн иавозил.

— Продаешь, что ли?

— Не-ет! Возин много. Увидят свои сотруднички со стакаиом иа базаре, засмеют. Я люблю, чтоб все было спокойно, тнхо. Жеиа иа зиму варит. С братом мы: ои — сахар, а я — ягоду. Колеса — это вещь. Бери зимой в кредит. За лето оправдаешь. Дело надежное.

— Веииамин, у тебя, кажется, мотороллер спереть кто-то хочет. Слышишь, заводят.

Кондратюк прислушался, вытянув шею, и опрометью бросился к двери, забыв разменять рубль.

— Володя, ты хочешь есть? — спросила Аия.

— Как зверь, — ответил Чесиоков. — Сто лет не ел. — И засмеялся.

Аия подозрительио посмотрела на иего и тоже засмеялась.

— Тогда садись.

Она загремела тарелками. В дверь сиова позвонили. Это опять оказался Кондратюк.

— Целый, — сказал ои, ухмыляясь, — у меия ие сопрут. У меня запоры знаешь какие!

Он вдруг иедоумеино пожал плечами и спросил:

— У вас что, свадьба уже или имеиины? Чего смеетесь?

— Есть хочу, Веииамин, — сказал Чесноков. — Ты знаешь, так есть хочу, терпенья иет.

— А-а-а! — недоверчиво протяиул Кондратюк. — Тогда понятно. Ну так как с рублишком-то?

Коидратюк ушел довольный. Рубль разменял. Мотороллер цел. Что еще надо?

— Володя, — сказала Аня, когда оии ложились спать, — я ведь зиаю, ты еще много иапишешь.

— Много, очеиь миого, — ответил ои.

И все же после этого случая Чесноков как-то сник. Все-таки было очеиь неприятио. Дело даже ие в том, что скоро выйдет его сборник под чужой фамилией, и уж, конечно, не в том, что кто-то другой получит за него гонорар. Просто Серегин ие мог написать такие стихи. Чесноков это чувствовал. Одно дело писать стихи, чтобы глаза любимой жеищины превращались в р а д о с т н о е у д и в л е н и е, другое — чтобы застолбить и оставить веху.

Совпадеиие? Коиечно. Не украл же их Серегин! Но почему имеино ои? Чесиокову было бы легче, если бы это был кто-иибудь другой. Пусть Пиоиов или сам редактор газеты. Правда, редактор стихов ие писал.

Чесиоков прииялся за домашние работы. Нужно было отремонтировать квартиру. Ои работал с каким-то остервенеиием, с грохо-

том обдирал полуобвалившуюся штукатурку с потолка, вырывал «с мясом» гвозди из рассохшегося пола, выпивал за вечер по три литра кваса и орал во все горло арии из популярных оперетт.

— Вовка, — говорила Аня, — учти, что на самом деле ты не такой. Ну что ты напускаешь на себя?

— Я такой, я сякой, — речитативом тянул Чесноков. — Я всякий.

— Неправда. У тебя сейчас в душе злость. На кого? Зачем?

Чесноков, не отвечая, с одного удара вгонял гвоздь в доску по самую шляпку.

Однажды он, отчаянно фальшивя, запел: «Здоров ли, князь? Что призадумался?»

Аня в слезах вбежала в комнату и закричала:

— Струсил! Расписался! Никакое это не совпадение. Ты думаешь, что он у тебя украл стихи! Поэтому и бесишься!

— Нет. Я этого не думаю. А вообще, конечно, и противно на душе, и обидно. Скоро перегорит и забудется. Хочешь новые стихи? Прямо из печки! Хочешь?

— Хочу, — сказала Аня и вытерла глаза грязными ладонями.

Всего восемь строк, грубо вырубленных из твердого камня.

Аня поняла, что Вовка отошел, ожил.

А через две недели он встретил эти стихи в «Литературной газете». Подписал стихи какой-то неизвестный Чеснокову поэт.

Чесноков даже не удивился, не стал разыгрывать из себя обиженного и тяжело переживающего удары судьбы человека. Он перестал записывать свои стихи, не старался их запомнить, а просто длинными зимними вечерами импровизировал перед единственной своей слушательницей — Анечкой. Он был неважным чтецом. Со сцены его, быть может, никто и не стал бы слушать. А зря... Нужно было только поверить ему, понять, что мир, рождающийся в его стихах, реален, несмотря на всю его фантастичность.

Анечка верила ему и понимала его.

Если бы Кондратюк присутствовал на этих вечерних чтениях, он наверняка удивился бы и сказал:

— Вот прет из тебя, Чесноков! Прямо стихами прет! Только записывай и переводи в валюту. Мотороллер ку...

Но Кондратюк никогда не слышал стихов Чеснокова — ведь это не окупалось, а значит, не имело смысла. Да и в его присутствии стихи Чеснокова рассыпались бы ворохом беззащитных слов, робких, неуклюжих, смешных.

Анечка тайком записывала те строки, которые успевала запомнить, а память у нее была отличная. Пачка листов пухла из месяца в месяц. Чесноков знал, что жена пытается «сохранить для потомков» его творения, но ему не приходило в голову запретить ей это. Никогда он не просил у нее прочитать их. Зачем читать черновики? Он мог встретить все свои стихи в газетах, журналах, сборниках. Правда, всегда под чу-

жими и разными фамилиями... Ну и что же?

Несколько раз Чеснокову на работу звонил Пионов и просил принести что-нибудь новенькое. Но Чесноков отказывался под разными предлогами. В первый раз он сказал, что бросил писать. Пионов ему не поверил:

— Это теперь от тебя не зависит: бросить или не бросить. Они будут сами рождаться в твоей голове. И ты тут уж ничего не поделаешь.

В следующий раз Чесноков ответил, что нет ничего значительного. Еще раз — что у него нет времени. И это было правдой, потому что группа, где работал Владимир, как раз заканчивала тему. И в последний раз Чесноков сказал только одну фразу:

— Повторяется все та же история, — и повесил трубку.

Пионов позвонил еще раз и попросил разрешения прийти к Чеснокову домой. У Чеснокова не было причин отказывать, и он назначил время, но совершенно неожиданно уехал в командировку.

А Пионов все-таки пришел. Анечка была дома. Пионов представился, а узнав, что Чесноков уехал, даже обрадовался.

С полчаса они говорили о поэзии, выяснили, что им нравятся одни и те же поэты. Как бы невзначай Пионов спросил, продолжает ли Чесноков писать стихи. Анечка молча показала ему пачку листов и рассказала, что она записывает это тайком от Владимира.

— Все это уже было в газетах и журналах, — сказала Анечка. — Просто ужас какой-то!

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Пионов. — Вы разрешите мне это посмотреть?

Анечка разрешила. Пионов наскоро перелистал страницы, заполненные четким почерком.

— Я это тоже уже читал, — сказал он наконец.

— Ну вот видите, — грустно сказала Анечка. — Вся трагедия в том, что он не может не писать, даже если захочет этого. Будет молчать днем, ночью во сне выговорится.

— Да, да, да! А вы не могли бы дать мне эти стихи на несколько дней?

— Пожалуйста. Возьмите. Только я бы не хотела, чтобы узнал Володя.

— И напрасно. Надо показать ему это. Я сам покажу, а вы уж не отказывайтесь, что записывали. Может быть, ему так будет лучше.

Аня напоила Пионова чаем с медом, а он поставил ей на газовую плиту бак со стиркой. Ей этого уже нельзя было делать самой. Аня ждала ребенка. Перед уходом Пионов заволновался — как же она снимет бак, и не успокоился до тех пор, пока не договорился с соседом, что тот поможет. Это оказался Кондратюк. Он был так рад познакомиться с представителем прессы! Как же, он знает, знает, что и Чесноков причастен к литературе. Нет, нет, не читал, но еще надеется когда-нибудь прочесть. Вот если бы было лето, он

отвез бы товарища представителя прессы домой на мотороллере.

Добрая и отзывчивая душа был этот Кондратюк.

6

Когда Чесноков вернулся из командировки, Анечка все ему рассказала.

— Ерунда это, — сказал Чесноков. — Записывать тут нечего. Слушай уж ты мои стихи одна. Гордись хотя бы тем, что раньше всех можешь познакомиться с ними.

Но Пионова, видимо, здорово заинтересовала эта история. Вскоре он снова пришел к Чесноковым и притащил с собой стареющего редактора молодежной газеты Тимофея Федоровича. Услышав шум, прибежал и Вениамин Кондратюк. Пионову не хотелось выкладывать свои соображения, причем совершенно фантастические, при посторонних, но Кондратюк отрекомендовался редактору лучшим другом семьи Чесноковых, к тому же соседом. И Пионову пришлось терпеть.

Разговор долгое время вертелся вокруг да около. Редактор уже был вынужден согласиться, что «Паннония» для дорог Сибири барахло по сравнению с «Уралом». Чесноков был вообще не особенно рад этому посещению.

Наконец Тимофей Федорович отодвинул чашку и сказал:

— Все! Спасибо! Не могу больше!

Пионов тоже облегченно вздохнул, потянулся за своим объемистым портфелем, раскрыл его и вытащил толстую пачку листов, газетных вырезок и небольших книжечек. Кондратюк поспешно сгреб посуду на край стола, а Анечка унесла ее на кухню. Все расселись вокруг стола, серьезные и сосредоточенные, как на важном заседании.

— Владимир, — начал Пионов. — Может быть, то, что ты сейчас услышишь, для тебя будет немного неприятно.

Чесноков махнул рукой: «Валяйте».

— Тот случай с Сергеем Серегиным все никак не выходил у меня из головы, — продолжал Пионов. — Я тщательно просмотрел то, что он написал раньше и после этого. Я еще тогда говорил, что последний сборник Серегина отличается от всего, что он написал, как небо от земли. Это же действительно явление в поэзии. Этот сборничек отличается вообще от любых стихов. Никто так не писал раньше. Вспомните Маяковского. Ведь ни до, ни после него никто так не пишет.

— Писали, Григорий, как же! Только не получалось, — вставил редактор.

— Вот именно. Ничего толкового не получалось. А у Маяковского получалось.

— Ну и что? — страшным шепотом спросил Кондратюк.

— А то, что бездари и кустари все похожи друг на друга, а талант не похож ни на кого.

— Талант! — холодея перед какой-то страшной тайной, прошептал Кондратюк.

— Сборник под названием «Удивление», который выпустил Серегин, — это Грин в поэзии. Не успел он выйти в свет, как о нем уже заговорили. Вы бы отличили рассказы Александра Грина от рассказов других авторов? — спросил Пионов, обращаясь к Кондратюку.

Кондратюк смутился. Некогда было ему читать Грина. То мотороллер, то грибной сезон, то ягодный. Зимой и то передохнуть некогда.

— Ну да ладно, — вздохнул Пионов. — Не в этом дело. Вот три стихотворения из «Юности», одиннадцатый номер за прошлый год. — Пионов нашел журнал в куче бумаг и прихлопнул его ладонью. — Читали?

Чесноков потянулся за папиросами.

— Понимаю, — сказал Пионов. — Неприятно. Я видел эти стихи в черновиках, которые записывает ваша жена Аня. Стиль, образ мышления, способность видеть мир не так, чуть-чуть не так, как все... Удивление, это все то же удивление! Мир потихоньку разучивается удивляться. Чем можно удивить человека? Полетом на Марс? Африкой? Узенькой полоской зари на восходе солнца? Или, быть может, музыкой, детской улыбкой? Чем?

— Вот это правильно! — восторженно произнес Кондратюк.

— Нет, неправильно. Все это еще удивляет, но как-то вяло, однобоко. Удивляет обычно. Представляете себе — обычное удивление? Обычное удивление! Разве удивление может быть обычным? На то оно и удивление, чтобы быть необычным.

Чесноков сидел с таким видом, словно все это его не касалось.

— А в стихах все иначе, чем у других.

— Он и на самом деле такой, — сказала Анечка и смутилась. — Какой в жизни, такой и в стихах.

«Господи, — подумал редактор, — что за счастливая женщина!»

— А стихи подписываются чужими фамилиями. Я их все собрал. Вот посмотрите. Это твои стихи, Владимир?

— Я знаю, — тихо сказал Чесноков. — Я их все читал.

— Я сначала собрал их все вместе, и лишь потом пришел к вам, в надежде, что увижу здесь хотя бы черновики. Я не ошибся. Они все здесь.

— Не все, — сказал Чесноков. — Последние я не читал даже Анечке.

— Вот эти?

— Да.

— И вот стихийно возникло общество поэтов, которые написали «ваши» стихи. Они как-то нашли, отыскали друг друга. Их человек десять. А Серегина они избрали своим председателем.

— Я все это знаю, — спокойно и с расстановкой произнес Чесноков. — Ничем вам полезным быть не могу.

— У меня предположение, — сказал Пионов. — Совершенно фантастическое. Может быть, это действительно не вы пишете. — Пионов машинально перешел на

«вы». — Может быть, пишут действительно другие? А ваш мозг так точно и определенно настроен на определенное настроение, что мгновенно воспринимает их. И никак нельзя доказать, что они возникают у вас первого.

Анечка закусила губу.

— Телепатия! — покрываясь холодным потом, выдавил из себя Кондратюк.

— Да, да. Нет! При чем тут телепатия? Не в этом дело.

— Ну что ж! — сказал Чесноков. — Спасибо вам за хлопоты. Все-таки участие.

— В том-то и дело, — пожалуй, впервые за все это время открыл рот редактор молодежной газеты, — что все это ерунда.

— Нет никакой телепатии, — облегченно вздохнул Кондратюк. — Я слышал.

— Почему для всех этих поэтов, — редактор дотронулся кончиками пальцев до кипы бумаг, — именно эти стихи являются исключением из их творчества?

— Да, да, — поддержал его Пионов. — Напишет одно, два, три стихотворения или, как Серегин, целый сборник, а ни до, ни после этого ничего похожего больше нет. Зато появляется у другого. И снова как явное исключение. А у тебя ведь это система. Ничего нельзя спутать. Так, может быть, это они каким-то чудом, непосредственно из мозга в мозг воспринимают твои стихи? И эти стихи действительно твои?! Понимаешь, это твои стихи! — Пионов, довольный, откинулся на спинку стула и оглядел всех торжествующим взглядом.

— Но это никаким образом невозможно доказать, — сказал Тимофей Федорович. — К сожалению.

— А зачем доказывать? — спросил Чесноков.

— Нет, можно, — возразил Пионов. — Трудно, но можно. Теоретически можно, если знать, у кого они возникнут в голове. Какая-то разница во времени должна быть. Предположим, у него, у этого человека, вечером чернила кончились или бумага. Нечем записывать. А утром дела наваливаются, не передохнешь. Вот тебе и разница во времени. Ты-то успел записать. Причем разница всегда должна быть в твою пользу.

— Что же мне, всегда пузырек с чернилами открытым держать по этому поводу? — усмехнулся Чесноков.

— Это действительно смешно, — сказала Аня.

— Надо общественность на ноги поставить, — посоветовал Кондратюк. — Общественность, она все может.

— Тут хоть на голову всю общественность ставь, — вздохнул Тимофей Федорович.

— В таком случае надо писать в «Технику — молодежи», — снова подсказал Кондратюк. — Там и не такое еще пишут.

— Нет, нет, — сказал редактор. — Тут даже сдвиг по времени не поможет. Что такое день, два? А если попадется такой человек, как Серегин? Кроме всего

прочего, у него амбиция, голос хорошо поставлен, а зрудит какой по охране прав автора! Попробовать, конечно, можно. Мы, собственно, решили напечатать несколько ваших стихотворений, а там будь что будет. Все ближе к чему-то определенному.

— Да, да, Владимир, подборка стихов за тобой.

— Уговорили все-таки, — обрадовался Кондратюк. Эта история разжалобила его. У него даже появилось желание помочь соседу. Чего он бьется впустую! Но как?

— «Уговорили» тут ни при чем, — отрезал редактор. — Просто это наше решение.

— Я не отказываюсь, — устало сказал Чесноков. Он был явно расстроен.

Жена незаметно взяла его руку и погладила — осторожно, чуть-чуть.

— Мы искренне верим, что это ваши стихи. И должны они печататься под вашей фамилией, — твердо сказал Тимофей Федорович.

— Теперь я не уверен в этом.

Гости разошлись поздно. Кондратюк недоумевал. Счастье само лезет человеку в руки, а он отказывается. В то, что Чесноков пишет здорово, Кондратюк поверил. Не зря же к нему приходят такие люди! При расставании Пионов поклялся, что напишет статью. Он еще не знает куда, но напишет. А Тимофей Федорович по обыкновению ничего не сказал, лишь подумал про Чесноковых: «Ведь трудно людям. Но почему в их квартире ощущение счастья?»

7

Чесноков ничего не дал в газету. А Пионов все-таки написал толковую статью, в которой подробно изложил все факты, касающиеся загадочного явления и судьбы никому не известного талантливого поэта. Статья была отправлена в «Литературную Россию». Через несколько месяцев пришел ответ, в котором сообщалось, что газета очень редко печатает научную фантастику и в настоящее время не находит возможным опубликовать рассказ. Пионов страшно расстроился, написал в газету резкое письмо, но ответа не получил. И все же он надеялся когда-нибудь доказать свою правоту и восстановить в правах Чеснокова.

Раза два-три в год он заходил к Чесноковым в гости, но все реже и реже просил Владимира дать что-нибудь в газету. А потом его перевели на работу в Москву, в одну из центральных газет.

У Чеснокова родился сын, потом сын и дочка. Хлопот с малышами было очень много. К этому времени у Чеснокова набралось бы десятка два сборников стихов, если бы их удалось собрать вместе.

Свой первый рассказ Чесноков написал, когда старшему, тогда еще единственному, сыну исполнилось три месяца. И с этого времени писал стихи все реже и реже. И все больше его тянуло к прозе. Сначала небольшие, гру-

стные, но с тонким юмором рассказы. Потом большие, серьезные. А однажды он рискнул написать повесть. И снова он встречал их в журналах и сборниках под чужими фамилиями. Стихийно возникшее общество поэтов «Удивление» постепенно распалось, потому что все реже и реже стали появляться в печати стихи соответствующего стиля и содержания.

Так кто же все-таки писал эти стихи и рассказы? Пионов так ничего и не мог доказать. Он был уверен, что все это принадлежит Чеснокову, но требовались точные доказательства. А сам Чесноков? Конечно, ему было грустно сознавать, что кто-то мгновенно воспринимает его творения и выдает за свои, нисколько в этом не сомневаясь. Но еще хуже было бы, окажись, что сам Чесноков просто-напросто способен мгновенно воспринимать стихи и рассказы разных авторов, созвучные его настроению. Он много думал об этом, особенно после памятного разговора с Пионовым и Тимофеем Федоровичем. Пришел ли он к какому-нибудь выводу? Пришел. Он был твердо уверен, что пишет именно он. Но это еще не давало ему оснований посылать рукописи в издательства и редакции.

Время шло своим чередом. Чесноков уже руководил небольшой лабораторией, а Кондратюк стал начальником крупного отдела. Оба они не привыкли относиться к работе спустя рукава, а это означало, что нередко им приходилось технические проблемы своих разработок решать в нерабочее время.

Кондратюк проникся к Чеснокову каким-то странным уважением. Лезет человек на отвесную стену, выбивается из сил, падает, снова лезет. А зачем? Ведь на вершине горы все равно ничего нет. Нет ни золотых россыпей, ни красивого цветочка, даже панораму гор и долин оттуда не увидишь, потому что сама вершина вечно скрыта в тумане. И все-таки человек продолжает восхождение. И это непонятное упорство невольно вызывает уважение и страх. А если бы это был он, Кондратюк? Хорошо, что это не он!

Вениамин Кондратюк даже взял нечто вроде шефства над Чесноковыми. В летние воскресные дни предлагал свой автомобиль, чтобы выехать на лоно природы, приглашал на дачу.

Иногда Чесноковы принимали приглашения. Кондратюк был искренне рад. Людям приятно, значит и автомобиль и дача оправдывают себя. Не зря деньги вбиты в это дело.

Но чаще Чесноковы отказывались. Впятером шли они по проселкам и тропинкам пригородных лесов Усть-Маиска. Старший сын уже мог тащить небольшой рюкзак, а младшие в основном ехали на не очень широких папиных плечах, пока впереди не показывался пустынный берег ручья или речушки. Они уходили недалеко от города, но видели очень многое. Странный талант Чеснокова помогал им видеть все не так, как обычно. И от этого становилось

странно иа душе, и хотелось летать, и плакать оттого, что летать ие можешь.

Может быть, Чесноков и броснл бы пнсать, еслн бы хоть раз Анечка, слушая его, прикрыла скучный зевок леннвой ладонью. Но этого ие случилось. Ей было ннтересно. И так же, как десять лет назад, с замнрающнм сердцем слушала оиа о том, какой странный, удивительный, радостный и грустный, счастлнвый и горькнй мнр окружает нх. Он всегда был разиый. А разве можно скучать, когда тебя все время окружает разное и иовое? Зевают от скукн, когда все уже давным-давно известно н ничего нового в будущем не предвндится.

Он пнсал, потому что и ему и его жеие Анечке, теперь уже Аине, это было интересио.

Одиажды Чесиоков иеопровержнмо доказал, что пишет нмеино ои. Еще раньше Пиоиов обращал винмаиие на то, что необычные стихи выпадают из творчества некоторых поэтов, а для Чеснокова онн являются системой. Нужно было только доказать, у кого онн появляются раньше.

Чесиоков начал иовую повесть из жизни ннженеров. Она была задумана в внде трех рассказов, от лнца главиых действующнх лнц. Повесть пнсалась легко. Чесноков вообще писал легко. Была уже закоичена первая н начата вторая часть. Как обычно, просматривая в библнотеке новые поступления, Владнмнр встретнл первую часть этой повести в одном журнале. Это было настолько привычным, что ие удивило ин его, ни Аниу.

В тот год была ранняя весиа. Днем сиег таял, а утром подморажнвало. Чесиоков шел на работу, поскользнулся и сломал руку. Бывает же такое невезеиие! Его положили в больннцу, но кнсть руки долго не срасталась. Вдобавок ко всему обиаружилось повреждение позвоночннка. Короче говоря, Чесноков проболтался в больннце месяца три. Пнсать ои не мог, но зато читать сколько угодно. Как-то на глаза ему попался журнал с первой частью повести, и ои обратил винманне на сообщение редакции о том, что в следующем иомере будет напечатана вторая часть. Это его заинтересовало. Ведь он так н не успел иаписать вторую часть! Чесиоков разыскал следующий иомер. Продолжения в ием ие оказалось. И в третьем номере ои не нашел ничего. Зато в журиале появилось редакцнонное сообщение: по ие зависящнм от редакции причинам публикацня повести откладывалась на иеопределенное время.

И тогда Чесноков послал автору телеграмму, в которой советовал нлн расторгнуть договор с издательством, нли нзменить срокн публикацнн, потому что он, Чесиоков, в иастоящее время не может заияться этой повестью.

Автор телеграмму получнл, хотел ответнть Чеснокову чем-иибудь ядовито-ехидиым, но передумал. Мало лн у любого пнсателя недоброжелателей! Со всеми не будешь вестн перепнску. А по-

весть у него действительно застопорилась. Ни слова. В голову лезла всякая ерунда, но только не то, что нужно. Он уже несколько раз ходил на завод, чтобы посмотреть, как работают инженеры. Сам он никогда инженером не был. И все равно ничего не получалось. И редакция уже надоела своими звонками. Ну где он возьмет продолжение, если вдохновение пропало!

А Чесноков неожиданно для самого себя написал автору письмо, в котором просил его сообщить сроки, когда он начал и закончил вторую и третью части. К этому времени Чесноков уже вышел из больницы и за две недели закончил вторую часть.

И на автора повести вдруг нашло вдохновение, да причем такое, что он закончил вторую часть точно за две недели. На радостях он написал Чеснокову пространное письмо о том, когда и как он написал вторую часть повести. Благожелательным читателям надо иногда отвечать.

Теперь Чесноков твердо знал, что пишет все-таки он сам. У него даже возникло желание подшутить над автором повести и совсем не писать третью часть. Но, немного поразмыслив, он решил, что незачем издеваться над человеком — ведь он в общем-то ни в чем не виноват.

Судя по критическим статьям, рецензиям и заметкам, Чесноков был талантливым писателем. От Кондратюка, как от старого друга семьи, у Чесноковых не было тайн. И Кондратюк был чрезвычайно обрадован, когда узнал, что сосед доказал свое первенство. Теперь, если его начнут печатать под настоящей фамилией, Чесноков пойдет в гору не просто так, потому что интересно, а потому что там что-то сияет, не то жар-птица, не то еще что-то. Материальное благополучие, добытое честным трудом, Кондратюк ценил выше всего.

У Чеснокова не было никаких связей в литературных кругах, да и времени, чтобы обивать пороги, у него не было. Иногда он встречал Тимофея Федоровича. Тот все еще продолжал работать редактором молодежной газеты и по-прежнему убедительно доказывал, что надо бы его перевести на другую работу. Но эти встречи были случайными и короткими.

И Чесноков продолжал писать, пожалуй, даже с большим желанием, чем раньше. Не ставят его фамилию на обложке романа? Черт с ними! И не поставят никогда? Уже привык к этому. Главное, что его повести и романы нравились. Люди в них находили то, что тщетно искали в произведениях других авторов. И еще — его романы были все так же чуточку чудными, необычными, в них все еще сквозило удивление. Чесноков не переставал удивляться миру и людям.

8

Поведение Чеснокова начало раздражать Кондратюка. Не воруй, не обманывай, живи честно! Все это правильно. Кондратюк ни-

когда в жизни ие совершил ин одного иехорошего поступка. Не крал, не обмаиывал. Своими руками, своим собственным горбом ои приобрел и автомобиль, и дачу, н кооперативную квартиру одному из сыновей. Гнул шею, если этого требовали обстоятельства, н в выходные днн, и в отпуск. Будучн уже иачальннком отдела, все еще «ездил на калым», брал работу иа дом. Но ведь это приносило пользу, окупалось, было иеобходимым. Если бы кто-нибудь попытался отнять у иего выходной костюм илн сломать изгородь на даче, разве бы ои не впился своими руками в горло обидчику, разве не бил бы его смертным боем?! Мое! Не трожь! Заработай сам!

А Чесиоков отдавал все добровольио. И Черное море, и яхты, и поездки за граинцу, н деиьги, и славу. Кому? А кто подверится. Чесиокову все равио. А ведь все, все прннадлежало Чеснокову. По закону, по праву.

Кондратюк чувствовал, как рушится его спокойный, понятиый, обычный мир. Оба его сына пропадали целыми вечерами у Чесноковых. И для иих не было большего авторитета, чем дядя Володя. Непорядок! И его жена, тнхая, иезаметиая женщииа, ннкогда ие решавшаяся высказать свое миеиие вслух, вдруг зачастила к соседям, перестала смотреть в пол, подияла голову, хотя по-прежиему иикогда не протнворечнла мужу. Да и сам Коидратюк был частым гостем у Чесноковых. Там теперь всегда было шумно. Людям почему-то нравнлось бывать в этой иебольшой стаидартиой квартирке, сплошь заставленной книгами.

А разговоры... Что это были за разговоры! Каждое слово в отдельности было понятио Кондратюку. Но смысл фраз?! Что это? Зачем? Почему жена его ворочается по иочам и ие спит, лежит с открытыми мокрымн глазами и улыбается? Старая ведьма! Сорок с лншиим лет — и улыбается. Почему старшнй сын ушел из дому? Почему тошно смотреть на сверкающнй лаком автомобиль? Почему вокруг пустота?

А все потому, что Чесноков пишет. Зачем пишет?

— Зачем ты пишешь?

— Интересно.

— Какая польза тебе от этого?

Чесноков взял с полки кннгу в нарядиом переплете.

— Хочу, чтобы такое читалн меньше.

— Я читал. Книга иитересная.

— Ложь тоже бывает интересиая.

А время шло. Дети выросли и разъехались. Аииа, теперь уже Аниа Ивановна, располнела, ио смеялась все так же заразнтельно весело и все так же любнла своего Володьку, теперь уже Владимира Петровича, худого, сутулого н поседевшего.

И все так же весело было в квартире. Даже когда Чесноков оставался одии, а Кондратюк приходил к нему, чтобы покурить и помолчать, даже тогда в квартире было что-то удивнтельиое. Кондратюк как бы видел и Аину Иваиовну, и свою жену, детей Чесноковых, и своих знакомых, и иезнакомых

людей. Все они хорошо понимали друг друга, спорили и часто не приходили к единому мнению и все равно стремились сюда. Как они могли здесь очутиться? Ведь все они были далеко. Они хорошо знали друг друга, и только его, Кондратюка, никто не замечал. И, докурив папироску, он молча уходил, чтобы выпить стакан водки и лечь спать. Кругом было тихо и пусто, как в гробу.

9

Чеснокову было уже за сорок пять, когда он встретил в последний раз Тимофея Федоровича. Тот так и вышел на пенсию редактором молодежной газеты. Много мыслей и фактов накопилось в его памяти за шестьдесят пять лет. И Тимофей Федорович писал книгу — итог своей долгой жизни.

Сначала они поговорили о погоде. Потом Тимофей Федорович посетовал на постоянные боли в пояснице, а Чесноков пожаловался на боли в сердце. Вспомнили Пионова. Он к этому времени уже был главным редактором толстого журнала.

— Все по-прежнему? — спросил Тимофей Федорович.

— Да, — ответил Чесноков. — Но работать становится все труднее и труднее. Напишу еще один роман, если успею, и все.

— Я тоже заканчиваю шедевр. А что за роман у вас? — полюбопытствовал Тимофей Федорович.

— Хочу назвать его «Зачем жил человек?», — ответил Чесноков.

Тимофей Федорович вдруг оступился на ровном месте и тяжело задышал.

— А у вас? — спросил Чесноков.

— Да так, ерунда в общем-то. Пустяки.

— Ну, Тимофей Федорович, у вас не могут получиться пустяки. Я вас хорошо знаю.

— Да, да. Конечно. — И Тимофей Федорович перевел разговор на другую тему.

Они еще часик побродили по Университетской роще, поговорили и разошлись.

«Вот и моя очередь пришла, — подумал Тимофей Федорович. — Остается только уничтожить рукопись». Он тоже писал роман под названием «Зачем жил человек?».

Удивительный талант Чеснокова коснулся и его.

Больше они не встречались.

Чесноков умер в конце осени, когда шли затяжные, нудные дожди и на улице была непролазная слякоть. Он умер сразу, никого не обременив ни болезнями, ни страданиями.

Чесноков умер.

Кондратюк даже не предполагал, что у Чеснокова столько друзей. Прилетели его дети и даже дети самого Кондратюка, не появлявшиеся дома годами. Прилетел Пионов, вызванный Тимофеем Федоровичем. Люди шли длинной печальной вереницей в квартиру,

Несколько часов длилось это прощание.

— Господи, — повторяла Анечка сквозь слезы. — Он совсем не страшный. Он все такой же. Он все такой же.

На лице Чеснокова застыло вечное удивление. Он словно хотел сказать: «Смерть... Так вот ты, оказывается, какая... странная...»

Кондратюк стоял у изголовья гроба. Его покачивало от усталости и выпитой водки. Глаза слезились, руки мелко вздрагивали. Но ему не было жаль Чеснокова. Сейчас он ненавидел его лютой ненавистью. Это он, Чесноков, сделал бессмысленной всю его жизнь, свел на нет все его нечеловеческие усилия. Он, проживший такую бессмысленную жизнь, перетянул на свою сторону столько людей. Плачут! И дети — его, Кондратюка, дети — плачут! И тихая, незаметная женщина плачет! А когда он, Кондратюк, умрет, будут они плакать? Чуть-чуть, потому что так положено?

— Зачем жил человек?! — закричал Кондратюк. — Какая от него была польза? Какая?!

Сыновья молча взяли его под руки и увели в свою квартиру.

— Зачем жил человек?! — продолжал кричать Кондратюк. — Лжете вы все! Зря! Зря жил!

— Ты!.. Гад! — закричала его жена, тихая, незаметная женщина. Она всегда была тихая, и мать у нее была тихая, и бабка. — Как ты смеешь! Тебе этого никогда не понять!

Неужели это его жена? Откуда она слова-то такие знает?

— Ненавижу! Ненавижу! — кричала тихая женщина.

И дети не заступились за отца.

Все перевернулось и рассыпалось в голове Кондратюка. Может быть, впервые в жизни он подумал: а зачем живет он сам? Как он живет? Не крал, не обманывал! Брал только то, что положено по закону. Неужели этого мало?! Что нужно еще? Что?..

Когда все возвращались с кладбища, Кондратюк бросился с моста в ледяную воду Маны. Его выловили и откачали. Кондратюк остался жить.

Тимофей Федорович уговорил Пионова задержаться в Усть-Манске на недельку. Они вместе разобрали архив Чеснокова. Страшно волнуясь, Тимофей Федорович начал читать последний роман Чеснокова, роман, который писал и он сам. Он предполагал встретить абсолютное сходство. Но это был совершенно другой роман. Тимофей Федорович напрасно волновался.

Пионов взял с собой рукопись романа с твердым намерением опубликовать его под фамилией Чеснокова. Он было хотел взять и рукопись Тимофея Федоровича. Ну что особенного, если у двух разных романов окажется одинаковое название?

— Нет, Гриша, — сказал Тимофей Федорович. — На вопрос «Зачем жил человек?» можно дать только один ответ. Так пускай уж на него ответит сам Чесноков.

Город мой

С высоты птичьего полета город был похож на прилавок огромного обувного магазина с расставленными на нем в строгой симметрии серыми стандартными коробками. По вечерам, когда на него опускались пыльные сумерки и улицы пустели, казалось, что люди укладывают себя в бетонные упаковки, а блестящие линии уличных фонарей напоминали бесконечный шпагат, во множестве мест туго завязанный на узлы мигающими перекрестками. Утром призрачные светящиеся нити улиц постепенно размывались и исчезали, и крупнопанельные упаковки, словно облегченно вздохнув, выпускали из-под своих крыш тысячи красиво причесанных и гладко выбритых горожан, спешащих на работу, озабоченных домохозяек с авоськами и молочными бидонами, тучи вечно взъерошенных ребятишек и косяки стройных девчонок.

В эти нежаркие утренние часы, особенно если ночью шел освежающий дождь, город словно приподнимался на цыпочках, протягивая к солнцу зеленые ветви своих молодых скверов, бульваров и парков. И тогда пропадало ощущение размеренной серости и нелепости существования города, и город улыбался. Иногда в этой улыбке сквозил восторг, словно он видел себя сильным, красивым и нравящимся людям.

Но скоро трубы фабрик, заводов и электростанций заволакивали голубое небо белесой дымкой и пылью, поднимаемой с улиц тысячами спешащих автомобилей, и город понуро наклонял голову к асфальту, опуская вниз запыленные худые руки, распадался на бесконечный ряд не связанных никакой мыслью серых бетонных упаковок, стыдясь своей безликости и недоумевая, что заставляет людей плодить штампованные унылые кварталы.

Город знал, что он некрасив и бесформен. Но он был удобен. В квартирах газ и вода, в соседнем доме магазин, через два квартала кинотеатр, в двадцати минутах езды драматический театр или филармония, в пятнадцати километрах тайга, теперь уже просто лес с жестянками, битым стеклом, порезами на деревьях, киосками «Пиво-воды» и прокатными пунктами, но зато и с цветами, лохматыми лапами кедров и капризно изогнутыми ветвями берез.

Город мучился сознанием собственного несовершенства и неполноценности, но в какой-то мере его успокаивало то, что он все же нужен людям.

...Виталий Перепелкин покидал Марград. Он поссорился с ним. Они не поняли друг друга. Виталий Перепелкин обиделся на город.

— Да я отсюда ползком уползу, с закрытыми глазами, — в какой уж раз говорил он своей жене. — И не расстраивайся ты, Зоя. Усть-Манск ничем не хуже Марграда. Даже в сто раз лучше. Построю там «Падающую волну».

А потом еще и еще. Представляешь, какая будет красота?!

— Уж я-то представляю, — односложно ответила Зоя.

— Да! Надо же посндеть молча перед дорогой, — вспомнил Внталий и устронлся на краешке стула. — Ну что ж. Пора идти. Через месяц получу квартиру и тогда приеду за вамн.

Из спальной комнаты вышел карапузик двух лет от роду и сказал:

— Папа в комаидниловку е-едет...

Вниталий схватил сыиа в охапку, повертел его в воздухе, поставил на пол, поцеловал жеиу куда-то в ухо, бодро сказал: «Ну, я пошел», потоптался еще в коридоре, подхватил чемодан, решительно открыл дверь и перешагнул порог.

Пролет в десять ступенек, всего девяносто ступенек, обшарпаиная входная дверь с имеиами, выведенными неровиым детским почерком, куча ребятишек, прокладывающнх автотрассу в груде песка, стук домино, «классики» на сером асфальте, завыванне саксофоиа на втором этаже, старушки, серьезно обсуждающне проблему внучат, веревкн с белыми простыиямн, аккуратно политые березки в палец толщиной.

Перепелкин дошел до угла здания н остановился. Не мешало бы купить сигарет, в вокзальном буфете всегда столько иароду. Он обогнул дом, выкрашенный зеленой краской, которую наполовину смыло дождями, так что виднелся серый бетои, н повернул по тротуару со стороны улнцы в противоположную сторону от вокзала. Здесь в соседнем доме был расположеи «Гастроиом».

Обрадовавшись тому, что не встретнл никого нз знакомых н не пришлось объяснять, почему в руках чемодан, он вышел из магазина и не спеша двннулся к вокзалу. До отхода поезда было еще почти час времени. Ему надо было пройти трн квартала по улнце Шпалопропиточной и свернуть направо к привокзальной площади.

Он шел, стараясь не думать о городе и расстраиваясь только тем, как жена проведет этот месяц с сыном. Поскорее бы уж осесть в Усть-Манске.

Приглядевшаяся моиотонная улнца с однинаковыми домамн, однообразие которых только усиливала разноцветная окраска домов, ие привлекала его виимания. Только пивной киоск иа углу улицы разнообразил архитектуру улнцы. Поравнявшись с ним, он свернул направо, иа проспект Рационализаторов, прошел еще метров пятьдесят н почувствовал что-то непонятное. Привокзальиой площадн не было. Вместо иее перед ннм стоял дом с «Гастрономом», откуда он только что, семь мииут иазад, вышел. А впереди тяиулась улнца Шпалопропиточная с его домом, другими домами и пивиым киоском через три квартала.

— Вот так задумался, — иегромко сказал он вслух, взглянул иа часы и успокоился. Времени еще было достаточно. — Такой круг дать! Подумать только!

Он снова пошел вперед, но теперь, удивленный тем, что мог так задуматься, он с интересом рассматривал свою тысячу раз виденную улицу. С нее все и началось, когда он проектировал ее и вместо стандартного пятиэтажного дома № 33 вписал в улицу дом типа «Открытая ладонь». Еще в строительном институте начал он эту «Открытую ладонь», а тут не утерпел и вставил в проект. Проект вернули с шумом и выговором, хотя «Открытую ладонь» можно было сделать из стандартных блоков.

Сейчас, представив на месте дома № 93 свой дом, он признал, что «Открытая ладонь» выглядела бы нелепо среди этих пятиэтажек. И все же он был не совсем не прав.

Тогда он еще не знал, что это первые шаги к сегодняшнему пути на вокзал.

Около пивного киоска он закурил сигарету, повернул за угол, поднял голову и увидел «Гастроном». С городом творилось что-то неладное. Теперь-то уж Перепелкин точно знал, что не сделал никакого круга. Он несколько минут постоял, растерянно оглядываясь, и повернул назад.

За углом «Гастронома» была улица Шпалопропиточная, а через три квартала виднелся и сам «Гастроном»... Какой-то чертов круг! Куда ни пойди, везде улица Шпалопропиточная. Перепелкин решил, что назад идти нет смысла, и повернул около пивного ларька направо. Перед ним был «Гастроном», улица Шпалопропиточная, а через три квартала виднелась кучка людей у пивного киоска.

До отхода поезда оставалось минут сорок. Возле магазина было довольно многолюдно, и Перепелкин вдруг чуть не налетел на инженера Сидорова из своей группы проектировщиков. Сидоров был лет на пять старше Виталия и спроектировал не одну улицу в Марграде. Они поздоровались, Перепелкин испуганно, а Сидоров растерянно, потому что только что вышел из квартиры Виталия. Он не знал, что тот сегодня уезжает, и приходил уговаривать его вернуться в управление главного архитектора.

— Так-таки и уезжаешь? — наконец вымолвил Сидоров.

— Уезжаю! — с вызовом ответил Перепелкин. — Надоела эта канитель. Не хочет — не надо...

— Кто не хочет?

— Кто, кто! Город! Не хочет стать красивым, пусть таким и остается.

— Город-то хочет. Только главному архитектору и в горисполкоме надо доказать.

— Так ведь пять лет уже доказываем! — сказал Перепелкин и, спохватившись, что сказал не то слово, поправился: — Доказывали то есть.

— Нет, не доказывали! — вспылил Сидоров. — Доказываем! Доказываем и докажем! И Марград станет красивым!

Перепелкин ничего не ответил и переложил чемодан из одной руки в другую.

— Значит, уезжаешь? — снова спросил Сидоров. — А я ведь у

тебя сейчас был. Не знал, что ты так скоро.

— Я вот сегодня подумал, — сказал Перепелкин, — в жилом доме типа «Кленовый лист» у нас планировка двенадцатого этажа все никак не получалась изящной. Надо бы еще на пять сантиметров поднять потолок и поставить «летающие перегородки».

— Так ведь кто-то предлагал уже...

— Кто-то? Ты и предлагал! Все так и надо сделать, и тогда «Кленовый лист» вырвется на простор.

— Тебе-то что до этого?

— Ах, да. Ты извини меня. Опаздываю я.

— Не вернешься?

— Ни за что на свете! — Но в его голосе не было железной уверенности. — Пусть Марград таким и остается, если ему это нравится.

— Вернешься, я тебя к себе на работу не возьму. Учти, — предупредил Сидоров своего бывшего начальника и ушел, не попрощавшись.

Перепелкин снова переложил чемодан из одной руки в другую, но не успел сделать и десяти шагов, как из магазина слегка навеселе вышел двоюродный брат его — Сметанников.

— А, Виталька, черт! — заорал он. — Давай-ка по стаканчику!

— Понимаешь, Петя, — ответил Перепелкин, — мне на вокзал надо. Времени уже осталось мало.

Оба стояли, не зная, что еще сказать друг другу. Потом Перепелкину вдруг пришла в голову мысль.

— Послушай-ка, Петя, может, ты меня проводишь до вокзала? А?

Сметанников на секунду задумался, достал из кармана мелочь, пересчитал ее и твердо произнес:

— Провожу.

Перепелкин уже начинал понимать, что одному ему за этот злополучный угол не повернуть. И он решил, как только они подойдут к нему, вцепиться в локоть своего двоюродного брата, закрыть глаза и таким образом прорваться наконец к вокзалу. Сметанников что-то начал рассказывать Перепелкину, но тот слушал его очень невнимательно, лишь иногда невпопад вставляя слова: «Да, да. Угу».

...Сколько ночей они просидели всей группой, реконструируя на бумаге Марград и застраивая его новые кварталы. Прекрасный город получался у них. В Москве даже удивлялись. И в самом Марграде вроде бы одобряли. Но дальше этого не шло. Каждая квартира в доме типа «Открытая ладонь», «Кленовый лист», «Падающая волна», «Голубая свеча», «Планирующая плоскость» и других стоила на пять процентов дороже обычной, стандартной. А где их взять, эти пять процентов?

В Марграде строился новый дизельный завод, и нужны были тысячи квартир. Срочно, немедленно. Тут уж было не до «Кленового листа». Всегда так. Сначала хоть что-нибудь, а потом уже получше, но снося это самое «что-

нибудь». Перепелкин доказывал, что через десять лет все равно придется сносить эти серые уродины, и тогда уж государство пятью процентами не обойдется. С ним соглашались, но говорили, что это ведь будет все-таки через десять лет, а не сейчас. А квартиры нужны сейчас. А пять тысяч семей, живущих в старом Маргграде в подвалах и полуподвалах? Им сейчас не до «Планирующей плоскости».

Пять лет Перепелкин бился и доказывал, а теперь вот уезжал в Усть-Манск, потому что в Усть-Манске решили строить новый жилой район из домов типа «Башня» и «Нож». Это, конечно, не «Кленовый лист», но все же близко. И потом, может быть, со временем удастся построить и «Открытую ладонь».

Перепелкин устал убеждать и теперь уезжал из Маргграда, как уходят в гневе и обиде от близкого человека, не понимающего тебя, чтобы через мгновение одуматься и с болью признать, что возвращение уже невозможно.

До пивного киоска оставалось шагов тридцать. Перепелкин вцепился в своего двоюродного брата железной хваткой. Тот что-то напевал, попутно давая пояснения. До поворота оставалось двадцать шагов, пятнадцать. И в это время Сметанников увидел свою жену. И Перепелкин увидел ее. И она увидела их обоих, причем значительно раньше, потому что стояла в позе полководца, широко расставив ноги и уперев двухкилограммовые кулаки в бедра.

Сметанников только присвистнул, вырвался от Перепелкина и опрометью бросился в обратную сторону. Его жена тоже взяла с места в карьер. Свирепый ветер чуть не опрокинул Виталия на асфальт. Осторожно, как в полусне, дошел он до поворота. За углом снова были «Гастроном» и улица Шпалопропиточная.

Перепелкин стиснул зубы. До отхода поезда оставалось двадцать минут. Мимо него, как пуля и пушечное ядро, пронеслись Сметанников и его жена. С одного взгляда можно было понять, что он не продержится в лидерах и двадцати секунд.

Перепелкин увидел свободное такси и выбежал на дорогу.

— На вокзал, опаздываю! — взмолился он.

— Садись, — открыл дверцу таксист.

Машина лихо развернулась, Перепелкин отдышался. Теперь-то уж его не задержит этот перекресток. Такси все-таки. Каким образом такси может ему помочь, он не понимал, но был уверен, что на сей раз все кончится благополучно. Таксист включил правый поворот. Перепелкин зажмурил глаза. Резко завизжали тормозные колодки, таксист выругался. Виталий со страхом открыл глаза. Такси стояло, уткнувшись капотом в бордюр рядом с «Гастрономом».

— Не получилось, — прошептал Виталий.

— Что за чертовщина! — выругался шофер. — Ведь трезвый я.

— Попытайтесь еще раз, — попросил Перепелкин.

Такси вывернуло на проезжую часть и снова понеслось к перекрестку. Перед поворотом таксист сбавил скорость.

Снова визг тормозов. Такси стояло возле «Гастронома».

— Вы что-нибудь понимаете? — испуганно спросил шофер.

— Понимаю, — ответил Перепелкин. — Теперь я все понимаю. — Он расплатился с таксистом и вылез из машины.

Шофер сидел с побледневшим лицом и тут же отказался везти кого-то в аэропорт.

Теперь Перепелкин все понял. Город не хотел отпускать его. Но с какой стати? Он столько лет пытался сделать город красивым, а получал только выговоры и нахлобучки. Перепелкин снова пошел вперед. Он еще вполне мог успеть на поезд, надо было только поторопиться.

Он шел и думал, что город напрасно старается его задержать. Он устал, ему все надоело, а в Усть-Манске он сможет осуществить хоть маленький кусочек своей мечты о прекрасном бело-голубом городе. Отпусти! Остались ведь еще Сидоров и вся их группа. Пусть теперь они обивают пороги и доказывают. Отпусти! Ему все равно нельзя возвращаться после того, как он с треском уволился из управления главного архитектора. Теперь, если он и останется, то ничего не сможет даже предпринять. Ну кем теперь его могут взять на работу? Техником? Инженером? А он и руководителем отдела ничего не смог добиться.

Отпусти!

Чуть не со слезами на глазах Перепелкин завернул за угол. На привокзальной площади толкался народ. По проспекту Рационализаторов трезвонили трамваи, старушки продавали пышные букеты цветов. Встречающие и провожающие тащили чемоданы, корзины с овощами и фруктами. Стоял шум и гвалт.

У Перепелкина захлестнуло сердце. Путь был свободен. Очереди перед вагоном уже не было. Он отдал кондуктору билет, вынул из кармана сигарету и закурил.

— Товарищ, проходите, — сказала кондуктор. — Сейчас трогаться будем.

Он кивнул головой.

— Заходите, а то подножку подниму.

— Поднимайте, — сказал он. — Я, наверное, не поеду.

— Раньше надо было думать, — осуждающе сказала женщина. — Билет-то возьмете или как?

Но он уже махнул рукой и шел к выходу.

Он успокаивал себя тем, что уедет завтра, ведь надо еще сказать Сидорову, что в «Кленовом листе» необходимо поставить «летающие перегородки», иначе получается не совсем красиво и изящно.

Он уже забыл, что говорил об этом Сидорову, и теперь думал о том, что надо хоть на полпроцента снизить стоимость здания. А это

значит снова бессонные ночи, снова безумная идея, которая неделями будет смутно ворочаться в гудящей голове, пока не ляжет на ватман четкими линиями. Потом он подумал, что придется ездить в министерство, доказывать свою правоту на конференциях, строить макеты, получать выговоры за расходование рабочего времени не по назначению. Придется снова сколачивать группу, потому что старая уже начала разваливаться. Только Сидоров держится молодцом.

И еще, что асфальт надо в городе сделать не серым, а коричневым, с разными оттенками, утопить дома в зелени и не в обычной — хилой и редкой, а густой и могучей. А для ребятишек сделать гектары тайги прямо возле домов, с буреломом, колючими кустами, крапивой, ягодами и цветами, которые можно рвать и приносить домой маме. А для взрослых — тихие, уютные ресторанчики, куда бы не рвались с вечера любители выпить. Разрешить пешеходам спокойно ходить по улицам, не оглядываясь по сторонам на перекрестках, убрать дымящие трубы. И чтобы из каждого окна открывался вид на бескрайнее море зелени, чтобы город был напоен солнцем и чистым воздухом и можно было в любой час бродить по тихим приветливым бульварам и проспектам.

Пусть будет проспект Света, переулок Ромашек, бульвар Роз.

Он подошел к своему дому. Уже стемнело. Громкие голоса мам звали ребятишек домой. По столу все еще стучали костяшками домино, хотя уже ничего нельзя было рассмотреть. Старушки прощались и все никак не могли проститься.

Обшарпанная дверь, девяносто ступенек вверх.

Перепелкин открыл дверь своим ключом и переступил порог. В коридор вышла жена и сказала:

— Я поджарила тебе колбасы. Огурцов нарезать?

Он не успел ничего ответить, потому что она обняла его за шею и тихо-тихо рассмеялась счастливым смехом. Уж она-то знала, что он никуда из Марграда не уедет.

...В домах гасли огни. Город засыпал, только блестящие линии, образованные уличными светильниками, как будто бесконечный шпагат во множестве мест завязывали его тугими узелками перекрестков.

Город погружался в ночь, тихо вздрагивая в полусне, вздыхая, что-то шепча на ухо, тихо улыбаясь и ожидая рассвет.

А под утро по улицам Марграда прошел тихий ласковый дождь.

МИХАИЛ ПУХОВ

Пропажа

— В конце концов, у меня отпуск, — сказал Эо.

Он метался по помещению, не глядя на министра внешней безопасности, спокойно наблюдавшего за ним из-за широкого письменного стола. Эо был зол. Он всегда был зол, когда его от чего-нибудь отрывали и приводили в чужой кабинет.

— У меня отпуск, — повторил Эо. — Но вы все-таки разыскиваете меня на реке, высылаете вертолет и возвращаете меня в город. Зачем? Только для того, чтобы рассказать о происшествии, пусть интересном, но лишенном деталей, за которые можно было бы ухватиться.

— О чем вы говорите?

— Вы сами прекрасно знаете, — сказал Эо. — Вы думаете, что, отдыхая в глуши, я не беру с собой телевизора? Вы думаете, я не знаю, что вчера ваш дозорный крейсер встретил чужой звездолет? И что это случилось всего в световой неделе от Марнона?

— Не вчера, а больше недели назад, — поправил министр. — Вчера мы только узнали об этом. Скорость света, к сожалению, ограничена.

— Все равно, — сказал Эо. — Наш труд — сопоставление фактов. Один факт — очень мало. Два факта можно связать одним-единственным способом. Работа детектива начинается с трех фактов, которые можно объединить в три принципиально различные цепочки. А в вашем деле нет этих трех фактов. Да что я говорю?

Там нет даже проблемы! Для Марнона есть, а для детектива нет.

— Успокойтесь, — сказал министр внешней безопасности. — Почему вы думаете, что я вызвал вас из-за этого корабля?

— А зачем же еще? — сказал Эо. — Опасность. Безопасность. Внешняя угроза. Я не думаю, что вы составляете исключение. Тем более что у вас такая специальность.

— Отчасти вы правы, — сказал министр. — Появление чужого звездолета нас огорчило. Но пока вам действительно нет места в этом деле.

— Зачем же вы меня вызвали? — спросил Эо. Он медленно остывал.

— Есть еще одно происшествие, — сказал министр внешней безопасности. — Уже по вашей части. В институте прикладной физики пропала «машина времени».

— Что? Опять аппарат Росса?

Министр слабо улыбнулся.

— Нет, аппарат Росса находится под охраной. Они разработали свою собственную модель, на совершенно другом принципе.

— Ну и что? — спросил Эо. — Ее украли?

— Нет, — сказал министр внешней безопасности. — Вчера состоялись ее первые испытания, и она исчезла. Вместе с водителем.

— Если предел вашей модели — неделя, то она никак не могла затеряться в далеком прошлом. — Эо сделал паузу. — Но почему тогда вы не подняли тревогу в момент предполагаемого финиша, восемь дней назад?

Светило института прикладной физики Крамп нервно потер ладони. Он был сутулый, бородатый, неопределенного возраста. В лаборатории стояла жара, и по лицу Крампа струился пот. Его глаза были спрятаны за тяжелыми квадратными очками. Рядом с ним на лабораторном столе дымился паяльник. Крамп походил на обыкновенного радиолюбителя.

— Вообще-то вы правы, — сказал он. — Но точное время переноса было установлено в самый последний момент. Нас очень торопили. Ничего не поделаешь, конец квартала.

— Ясно, — сказал Эо. — Непонятно только, как вам удалось избежать парадокса?

— Что вы имеете в виду?

— Очень просто, — сказал Эо. — Своим появлением в прошлом вы его изменяете. Поэтому и настоящее должно изменяться. Раньше из этого делали вывод, что «машина времени» невозможна. Вы построили ее, но парадокс остался. Вы показали, как он решается в рамках вашей работы?

Крамп снял очки и провел ладонью по глазам. Глаза у него были слегка воспаленные. Он пожал плечами.

— Нет, никто у нас этим не занимался. У нас не хватает людей.

— Но о парадоксе вы знаете?

— Знаю. Нам все уши им прожужжали. Но действующие модели построены.

— Понятно, — сказал Эо. — Значит, вы опровергли все возражения зксперимеитом. А теорией вы занимались?

— Конечно, — сказал Крамп. Он достал из кармана платок и вытер пот со лба. — Наши модели уходили в прошлое очень иедалеко. Для того чтобы зарегнстрировать перенос, потребовалась уннкальная аппаратура. Прн ее разработке нам прншлось решнть ряд совершеиио новых проблем.

— Я имел в виду другое, — сказал Эо. — Но пойдем дальше. Вы сказали, что модели перемещалнсь в прошлое иа небольшие промежутки времени. Какие имеино промежуткн?

— Единицы наиосекуид.

— Так мало? С чем зто было связано?

Крамп снова вытер пот.

— С потреблеиием знергни. Машнны расходуют массу электрнчества, хотя и малы.

Порывшись в ящике стола, Крамп извлек оттуда блестящий параллелепипед, похожий на зажигалку.

— Вот одна такая модель. Увеличение раз в десять.

— Спасибо, — сказал Эо. Ои повертел параллелепипед в руках и положил на стол. — И как же вы выкрутились?

— Мы кое-что улучшилн, — сказал Крамп. — Перешли на другие материалы. Это позволило прн тех же затратах послать на иеделю в прошлое пилотируемую капсулу.

— Сразу с человеком?

Крамп помолчал.

— У нас не было выхода. Дистанционное управление на таких больших интервалах времени практическн невозможно. Кнберсистемы очеиь тяжелы...

— Что представляла собой ваша машина?

Крамп достал из ящика прозрачиую стекляиную снгару.

— Вот. В масштабе однн к ста.

— А как вы попадете внутрь?

— Через специальный герметичный люк.

— Почему герметичный?

— Мы знаем, что капсула отправляется в прошлое. Но оиа не сможет фнннишировать там же, где стартовала. Ведь в момент финиша место старта занято.

— Подождите, — сказал Эо. — Ага, понял. Оиа там уже стоит. Продолжайте.

— Если капсула сместится иа несколько километров вверх, человек задохнется.

— Почему вверх?

— Капсула может сместиться в любую сторону. В том числе и вверх. Лишь бы на свободное место.

— А почему вы говорите о километрах?

— В опытах с моделями расстояние между стартом и фниишем достигало двух с половиной метров. На основе анализа размерностей можно сделать вывод, что смещеиие примерно пропорциональио размерам объекта.

— Подождnте, — сказал Эо. — Ага, понятио. Звучит разумио, но мне хотелось бы ознакомиться с результатами испытанний.

Крамп подвинул к нему толстый том.

— Наш последний отчет. Здесь есть все, начиная с самой первой работы.

— Спасибо, — сказал Эо. Он с некоторым трудом затолкал книгу к себе в портфель. — Модели я тоже возьму, если не возражаете. До свидания.

Он взял в правую руку отяжелевший портфель и вышел из лаборатории.

Вид с террасы, примыкавшей к рабочему кабинету Эо, открывался великолепный. Прямо внизу, под обрывом, текла река, повторяя движения берегов. Дальше, на той стороне, на несколько километров тянулись луга, покрытые изумрудно-зеленой, очень высокой травой. Еще дальше — ближе к горизонту — из травы поднимались приземистые деревья с горизонтальными кронами. Еще дальше земля смыкалась с небом, которое было голубым и безоблачным. Министр внешней безопасности повернулся к Эо.

— Насколько я понял, ваше дело тоже не прояснилось.

— Ошибаетесь, — сказал Эо. — Остались пустяки. Теперь я должен сесть и немного поработать. Думаю, все будет в порядке.

Министр внешней безопасности оттолкнулся ногой от пола террасы. Кресло закачалось.

— У вас есть основания так считать?

— Да, — сказал Эо. — Оказывается, у них масса существенных недоделок. Особенно это касается парадокса.

— Ну да. Вы наверняка где-нибудь читали, что «машина времени» невозможна, потому что она позволяет вам влиять на прошлое, а тем самым и на настоящее, тогда как в действительности и то и другое неизменно. В этом и заключается парадокс. Всякий, кто взялся за конструирование «машины времени», должен серьезно подумать, как его решить.

— А он разрешим?

— В принципе да. Например, если, перенесясь в прошлое, вы будете невидимы, неощутимы и лишены возможности вмешиваться в то, что там происходит, парадокс исчезнет. Пример — аппарат Росса.

— Ладно, объясняете вы хорошо, — сказал министр. — Так вы считаете, что пропавший водитель сейчас где-то поблизости невидимый и неощутимый?

— Не обязательно, — сказал Эо. — Я привел просто одно из возможных решений парадокса. Если оно не противоречит тому, что мы знаем, то скорее всего потому, что мы не знаем ничего.

— Понятно, — сказал министр. — А какое решение предлагают они?

— Они? Никакого.

— Но вы только что сами сказали, что каждый, кто конструирует «машину времени», должен серьезно над этим парадоксом задуматься!

— Мало ли что я сказал! Они этим не занимались. Они считают,

что раз у них есть действующие модели, то...

Эо задумался.

— Раз у них есть модели, — сказал министр, — то что? По-моему, вы не закончили свою мысль.

— Подождите, — сказал Эо. — Извините, пожалуйста, но мне срочно нужно в машинный зал. Я быстро.

Через несколько часов, когда Эо вернулся, терраса была пуста. Эо прошел через дом к взлетной площадке и набрал адрес на киберпилоте.

— Проходите сюда, пожалуйста.

— Спасибо. — Эо приоткрыл дверь в комнату. — Извините.

— Это вы, инспектор? — сказал министр. — Заходите, присаживайтесь.

В помещении было звездно. Телевизор здесь был во всю стену, и сейчас, когда на экране дрожали крупные звезды, комната больше всего напоминала рубку космического корабля.

— Дозорный крейсер с телепередатчиком подходит к чужому звездолету, — сказал министр. — Начинается самая опасная фаза.

— Возможно, — сказал Эо. — А для того парня она уже кончилась.

— Он погиб?

— Нет, — сказал Эо. — Но... Сейчас я все объясню.

Изображение на стене отдалилось, и стала уже видна вся рубка управления с космонавтами около пультов. Один из них крутнул рукоятку, и звезды начали расходиться, как будто картина звездного неба стремительно надвигалась.

— Помните, что мы говорили о парадоксе? — спросил Эо. — Парадокс невозможен — вот от чего я отталкивался. Мне удалось найти его истинное решение.

— Теоретически?

— Как всегда, — сказал Эо. — Но я уже получил экспериментальное подтверждение.

— Так быстро?

— Ну экспериментов я не проводил, — сказал Эо. — Я не экспериментатор. Они проделали их сами, но дали неверное истолкование. На самом деле все просто. Вы уходите в прошлое, но что может вам помешать влиять оттуда на настоящее?

Министр подумал.

— Я знаю одно — я все пойму, когда вы мне все объясните.

— Объясняю, — сказал Эо. — Вам помешает расстояние. Ведь «машина времени» передвигается и в пространстве.

— Разве? — сказал министр. Он глядел в прозрачную стену.

Звезды там оставались безразмерными точками, несмотря на то, что расстояния между ними увеличивались. Постепенно они уходили за край экрана.

— Посмотрите на звезды, — сказал Эо. — Звезды находятся от нас так далеко, что мы видим их такими, какими они были многие годы назад. Если бы что-нибудь произошло на одной из них вчера или даже в прошлом году, мы бы об этом не знали. Ведь такое прош-

лое причинно не связано с нашнм настоящнм.

Миннстр промолчал. В центре экраиа осталась только одиа звезда, остальиые ушлн за его пределы. Оиа медленно разбухала. Эо открыл портфель.

— Вот график, — сказал ои. — До вчерашнего опыта оии запустили в прошлое несколько десятков моделей. По вертикальной оси здесь отложено расстояиие, по горизоитальиой — промежуток времени между стартом и финишем. Чем, по-вашему, замечателен этот график?

Министр не ответил. Звезда в цеитре экраиа превратилась в цилиидр с четкими очертаниями.

— Сейчас я все объясию, — Эо достал из портфеля кипу нсписаиных листов. — Время между стартом и финишем оказывается равиым соответствующему расстояиию, деленному на скорость света. Путешествуя во времеии, тело проделывает в простраистве путь, равиый скорости света, умиожениой иа время, пройденное в прошлое. И парадокс исчезает.

— Почему?

— Потому, — сказал Эо. — Ведь, говоря о парадоксе «машииы времеии», иеявно подразумевают, что переиос в прошлое происходнт в фиксированиой точке пространства. Например, мы с вами смотрим телевизор, а потом иекто с «машиной времени» переносится иа час назад н ломает его. Поиимаете, где здесь парадокс?

— Да, — сказал миинстр. — Это вы мие уже объяснили.

— А что произойдет на самом деле? — сказал Эо. — Что произойдет в действительности согласио элементарному соображеиию, что парадокс иевозможеи, н вот этому экспериментальному графику? В действительности иекто с «машииой времени» окажется от иас иа расстояиии одного светового часа. Чтобы вывестн нз строя наш телевизор, ему придется лететь сюда самому или посылать сигнал по радио своим едииомышленииикам, а даже радиоволиа доберется до иас ие раньше чем в тот момеит, когда он отправляется в прошлое, и парадокса не возиикает. Теперь поиимаете?

— Кажется, да, — сказал миинстр. — Но какое отиошеиие это имеет к нашему происшествию?

— Прямое, — сказал Эо. — «Машииа времеии» отправилась в прошлое иа семь суток. По причииам, которые я вам только что изложнл, в результате она очутилась от нас очень далеко, на расстояиии световой иедели. Поиимаете?

Эо повериулся к телевизору н иекоторое время смотрел иа предмет на экраие. Потом извлек нз портфеля маленький стекляииый цилиндр.

— Полюбуйтесь на макет «вражеского разведчика», — сказал Эо. — В масштабе одии к ста.

Зазвоиил видеофон. Экраи заполиило большое лицо миииистра.

— Извините, ннспектор. К вам можио?

Эо пошарил рукой в поисках выключателя.

— Добрый вечер.

— Я по делу, — сказал министр. — Как у вас темно.

Эо оторвал глаза от зкрана и посмотрел вперед сквозь ветровое стекло. Небо было еще светлое, но солице уже зашло. Оно село за левым берегом, за высоким лесом, тяиувшимся вдоль рекн, и небо в той стороне хранило отпечаток зари. А над головой осталась только блеклая сииь, и вода впереди была гладкая и серая, потому что в ней отражалось иебо, уже начавшее темнеть, а ветра н вовсе не было, ои прекратнлся сразу же после захода, и лишь изредка вдоль реки расходнлись круги от кормящейся рыбы.

Прямо впереди, почти иа горизоите, две сигиальные мачты слнвались в одиу, отчетливо выступая иа фоие светлого неба.

— Я слушаю, — сказал Эо. — Но, радн бога, ие присылайте вертолета.

— У меия дело другого рода. Инспектор, я должен вас поздравить.

— Поздравить? — удивнлся Эо.

Ои смотрел вперед. Небо там было еще светлое, и вода рядом с лодкой была гладкая н светлая, ио иемного дальше, где на нее падали теии и отражения от берегов, она была такая темиая, что сливалась с сушей.

— Вы зиаете, что я люблю ясность, — сказал мииистр. — Говоря короче, вы и Крамп представляетесь к Плаиетной премии по физике за зтот год.

— Я и Крамп? — удивился Эо. — И Планетная премия? Неужели за «машину времени»? Но я-то здесь при чем?

— Не говорите глупостей, — усмехнулся министр. — Кто же будет давать Планетную премию за «машииу времеии», которая забрасывает вас неизвестно куда!

— Тогда я совсем ничего ие поиимаю, — сказал Эо.

Створный знак сместился с далекого горизонта и был теперь совсем близко, и сигнальные мачты расползались в разные стороиы, потому что Эо выруливал параллельио берегу, чтобы ие врезаться в груду камня.

— Сейчас объясию, — сказал миинстр. — Я повторяю — что это за «машина времени»? Это уже ие «машина времеии», а космический корабль.

— Космический корабль?

— Да, — сказал миииструю. — Вы помнните, сколько времени это устройство добиралось до фиииша? Минус одну неделю. А сколько его будут везти сюда? Гораздо больше, только с обратным знаком. Вдумайтесь в эти цифры. Вы сразу поймете, что речь идет об идеальном звездолете, всю теоретическую и зкспериментальную базу под который подвели вы. Мы будем путешествовать во времеии, чтобы передвигаться в простраистве.

— Подождите, — сказал Эо. — Дайте сообразить. Ага, иачииаю понимать.

— Вот видите, — сказал министр внешней безопасиости. — Я тоже ие так плохо объясияю.

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Прямое доказательство

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР О ВСТРЕЧНОМ ВРЕМЕНИ

С памятью происходит иногда что-то странное. Как будто начинает проявляться старый негатив. Снова вдруг видишь костры, на которых мальчишки жгут осенние листья, и отчетливо слышишь забытые голоса, а закроешь глаза — снова тепло застывшим рукам.

...На песчаных осыпях мы подбирали желтые камни и разбивали их — там прятались прозрачные кристаллы. Мы искали железо, золото, алмазы. И находили. Позже мы говорили о ракетах, о звездах и о планетах, о «машине времени», даже не подозревая, что мы сами — путешественники во времени.

Время похоже на пассажирский состав: за окном проплывают деревья, дома, люди... Постукивая колесами, посвистывая, везет нас поезд вперед, вперед, вперед...

Но почему мы не забываем о начале пути? Почему воспоминания порой не только не гаснут, но, наоборот, становятся словно четче, сильнее? Словно есть другой поезд, мчащийся навстречу, в какой-то миг поравнявшийся с нами и ушедший в наше прошлое, в старое время. И как будто есть в этом поезде кто-то похожий на нас, очень похожий, наше второе «я», и с ним мы связаны тонкой нитью мысли.

...Еще года два назад я подтрунивал над Сафоновым, потому что мир с единым временем казался мне незыблемым.

В один из вечеров я впервые задумался о встречном времени.

Мысль о мире, невидимо пронизывающем наш мир так, что у каждой травинки, каждой песчинки есть двойник, живущий наоборот, неожиданно показалась мне поэтичной и немного странной.

В тот памятный вечер мы сидели у раскрытого окна. Уличные фонари уже погасли, и на светлом пепельном небе зажглась голубая звезда. Разговор выдохся. Мы молча смотрели, как из-за соседнего дома выползала круглая белая луна. Листья тополей тихо позванивали, и теплые волны воздуха доносили до самого окна этот зеленый шум.

— Значит, можно встретиться с будущим? — спросил я.

— Да, можно. Но только раз.

— Как два встречных поезда?

— Да, как два поезда.

Не будь Валька моим другом, я, может быть, повернул бы ему гораздо раньше. Но ведь когда-то мы бегали с ним вместе на лекции и за одним столом вычисляли криволинейные интегралы, поэтому я отнесся к его идее как к своей собственной — скептически. Мало ли мыслей бродит в голове каждого из нас? А тут, собственно, и идеи никакой не было.

Теперь-то я понимаю, что идея все-таки была: доказать экспериментально существование такого мира. Можно мысленно проследить свой путь во времени, встреча с двойником должна состояться в середине пути. В этот короткий миг обозначатся прошлое и будущее, но удастся ли поймать его, почувствовать, осознать?

— Ты ошибаешься, Влах, — сказал я, — встречное время — это легенда, не больше. Если и существует такой мир, то он навсегда останется для нас невидимым и неощутимым.

Он молчал. Мне стало жаль мечту, которую он не мог защитить. Захотелось повернуть в нее... изобрести что-нибудь, наконец.

— Ты смог бы, — спросил я, — представить мелодию в обратной записи? Мне кажется, «музыка наоборот» — это какофония.

— То же самое сказали бы те, из другого мира, если бы... понимаешь?.. А это мысль! — Он оживился. — Обратная запись — мысль! Нужно только немного переделать магнитную головку, тогда можно все воспроизвести. У тебя ведь был магнитофон?

Я достал магнитофон и посмотрел на часы. Было без четверти час. Хотелось спать. Я понял, что его так взбудоражило. Мы ведь не зря спорили о симметрии и квантовом обмене. Ему хотелось поймать радиосигналы наших двойников. Но что такое их голоса или музыка? Бессмысленный шум, все звуки следуют в обратном порядке. И потом искажения, неизбежные пропуски, замирания сигналов — кто сможет учесть это? Если только эти сигналы можно услышать вообще.

Но на магнитофоне можно все-таки попытаться записать сигналы и пустить затем ленту обратным ходом. И если удастся услышать хоть одну музыкальную фразу, хоть обрывок разговора на русском, английском, турецком, япон-

ском... Только бы услышать! Вот что я вдруг прочел в его глазах.

Он верил и не верил. У него было очень серьезное лицо, волосы упали на лоб, и на правой руке вздулась и дрожала синяя жилка. Удивительно, что эта простая мысль никому раньше, по-видимому, не приходила в голову. Он снял крышку магнитофона, щелкнул клавишами, настроил приемник на какой-то вибрирующий звук. В черном квадрате окна плавали красные и синие огни, потом окно качнулось, деревья загородили звезды. Я почувствовал под головой подушку. Он обернулся ко мне и что-то сказал.

— Да, да, оставайся, Влах, — ответил я наугад, — свет мне не помешает.

Во сне мыслят образами. Прошлое — это мой Снегорск и солнце в зеленой траве. Будущее — как далекое облако у горизонта. Наше будущее — это чье-то прошлое. Все ясно и просто.

Валька сидел иочь напролет, в комнате горел свет, и потому-то, наверное, иочь превратилась в летний вечер, когда ветер подинмает с дороги облачка пыли и они бегут до самого дома, а там ждет мать, которая, оказывается, вовсе не умерла давным-давно, а жива и здорова. Вот уже хлопотливо собирается чай на старом деревянном столе, а у окна стоит и улыбается большеротая длинноногая девчонка.

Еще один вечер, но совсем другой. Сентябрь. Далекие звонкие голоса. Гудки. На столе — письмо. Пытаюсь угадать, чье письмо, и не могу. Стараюсь припомнить... Догадаться... Или забыть?

Кто-то теребит за плечо:

— Вставай, вставай, старая дохлятина, кое-что расскажу.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Сейчас увидишь. Вставай — опоздаешь на работу.

Он поставил самую удачную ленту. Минуты две магинтофон шипел, свистел, щелкал, наконец лента пошла, и я услышал шумную смесь ударника, трубы и тромбона.

— Это не то. Это прямая запись. Это Роуз, современная пьеска для джаз-оркестра. Дальше, слушай дальше.

Звук был очень слабый. Что-то сказала женщина — совсем тихо, голос почти растворился в тишине. Я замер. Но пошла опять какая-то мешанина. Шум, свист, гром...

ТАК УБИВАЮТ МЕЧТУ

В то утро, когда мы впервые услышали обратные радиосигналы, мы договорились о четкой «программе исследований». Впрочем, это было бесполезно. Второй вечер был похож на первый. Сафонов накурил так, что я едва видел его руки, и кольца магнитной ленты, и горку кассет, и он говорил, говорил, а я не то помогал, не то мешал ему. Много записей было пустых — шум в прямом и обратном направлении. Мы стирали все с таких лент и записывали снова. А потом слушали. Два-три осмысленных слова, по-моему, еще не означали, что мы слышим наших двойннков. Из случайного набора звуков тоже иногда

рождается слово или мелодия. Правда, очень редко. Но во что легче поверить — в существование мира со встречным временем или в то, что из шума случайно составилась подходящая комбинация звуков?

Мы не поймали больше ни звука. Эфир молчал. Может быть, мой радиоприемник был слаб, а может быть, самые обычные шумы и передачи радиостанций совсем заглушали сигналы — этого мы не знали. Да и где был этот встречный мир — далеко или рядом?

Несколько дней Влах работал до утра. Он приходил, включал приемник, и начинались настоящие поиски, напоминающие радиоигру «Охота на лис».

В конце концов мы запутались в записях и потеряли ту самую первую ленту с одним-единственным обрывком фразы.

Влах отнес мой приемник в институт и что-то с ним сделал. Теперь хорошо различались все шумы, даже шум электронов в лампах, похожий на стук сухих горошин.

В тихие погожие ночи мы вслушивались в ставшие такими привычными звуки. Но это были мертвые звуки.

А утром на работе я ставил локти на стол, подпирал голову руками и — буду честен — дремал так до тех пор, пока локти не разъезжались в разные стороны.

— С добрым утром, — сказала мне однажды после этого шустрая Верочка, которая вообще обращалась со мной так, как будто я был ее однокашником, а не руководителем темы.

Почему-то я рассказал ей все.

— Странная история, — сказала она. — Двое молодых бездельников, из коих один мог бы уже защитить диссертацию, или жениться, или сделать что-нибудь полезное, бьют баклуши и занимаются ерундой. Впрочем, нет. История, пожалуй, не такая уж странная. Скорее обычная.

Она даже не спросила, что же за сигналы мы поймали в тот вечер. И это была она — а что бы сказал на ее месте кто-нибудь другой!

Как разгадать эту многочисленную породу людей, которые знают точно, как следует и как не следует жить? И даже — какие книги читать?

А она могла все понять. Она, оказывается, знала даже о чуде Джинса. Если в печь поставить сосуд с водой и вода замерзнет, вместо того чтобы закипеть, — тогда и произойдет это самое чудо. Джинс первый вычислил вероятность того, что молекулы воды смогут — из-за простой игры случая — потерять свою энергию, а печь, наоборот, еще сильнее нагреться.

Я прекрасно понимал, что вероятность «чуда» не совсем равна нулю, но зато описывается таким количеством нулей после запятой, что ни один нормальный человек никогда не станет принимать ее в расчет.

— А ты готов поверить даже в чудо Джинса, — говорила Верочка. — Хочешь, я подсчитаю веро-

ятность того, что из случайного шума возиикли одно или два законченных слова?

— Во-первых, шум всегда случаен, выражайся точнее, — ответил я ей. — Во-вторых, подсчитаешь не ты, а машнна, ты только составишь алгоритм и программу, и то по тем формулам, которые напишу я. В-третьих, это не так все просто. Это ведь ие чудо Джинса. Ты что ж, всерьез думаешь, что это не случайность? Тогда что? Сигиал? Но ты и это отрицаешь. Что же остается?

— Ничего. Где вы взяли ленту? Ах, Влах достал! А вы проверили ее перед тем, как записать сигнал?

— По-моему, нет, — ие очень уверенно сказал я, удивленный той легкостью, с какой мне давался урок по «основам».

— Вот и разгадка, — продолжала она. — Уж если чему-то верить, то скорее всего тому, что на леите осталась какая-то старая запись. Точнее, маленький ее кусочек. Забарахлило стирающее устройство или остановилн магнитофон... да мало ли причин.

Я задумался. Она была права. Самое простое приходит в голову последним. Как будто прояснилось. Практичная Верочка поставнла нас иа место. А ведь когда-то я помогал ей писать диплом, за что она позволяла иногда приглашать ее в кино — до тех пор, пока она не вышла замуж за Толю.

Я взглянул на нее и поймал в ее глазах выраженне, которое красноречивей всяких слов свидетельствовало о том, что она отлично понимает примерный ход моих мыслей.

Вскоре после этого я попросил Сафонова уйти. Мне надоел сумасшедший дом по иочам. В огромном ворохе катушек я разыскал (чудо Джинса возможно!) ту ленту с одиой-единственной фразой и отдал ему приемник и магнитофон. Потому что его собственный приемник давио уже не работал.

— Возьми приборы, — сказал я, — работай, если хочешь. Когда запишешь настоящие сигналы, я подарю их тебе.

Он понял. Дело было, конечно, ие в том, что я не высыпался. Я перестал верить, вот что это означало. Верил ли я раньше? Наверное, да. По крайней мере, тогда, когда была сделана первая запись. Первая и последияя?..

Алгоритм Верочка все-таки составила. Случайное слово не получилось, у машины не хватило памяти.

ДВА ПИСЬМА

Между двумя письмами, о которых я теперь должен рассказать, есть какая-то едва уловимая связь. Это мне стало ясно потом, много позже, как стала ясна и причинная связь событий, следовавших друг за другом словно времена года.

О первом письме я, кажется, упоминал выше. Оно пришло из Снегорска в один из сентябрьских дней. Письмо было от Ольги, простое письмо в десять фраз. Я ничего не забыл, я ие ответил ей тогда. Потому что ие знал, что писать. И еще потому, что голова была занята другим. А через год я не на-

писал потому, что было уже неловко писать после такого долгого перерыва. Еще позже, через два года, я вспоминал о ней, но писать уже не мог. Я пробовал это сделать, но получалось довольно глупо.

Я порвал неотправленные письма одно за другим и успокоился. Когда это было? Может быть, четыре, а может быть, шесть лет назад.

Ждала ли она, хотела ли, чтобы я написал ей? Через два, три, четыре года? Я не знал этого, скорее всего, как мне казалось тогда, нет. Потом я понял, что это было ошибкой. Письмо никогда не поздно написать при условии, что оно будет хорошим и искренним.

Второе письмо было от Вальки, я получил его месяца через полтора после событий, о которых я рассказывал выше. В нем было несколько типичио Валькиных строк:

«Внезапный порыв сорвал меня с места. Причалил в Батуми. Отпуск. Веду махровую жизнь в джунглях, близ дома отдыха «Буревестник». Остолбенел от тепла. А на днях случилась оказия: на катамаран с острова Хонсю сиганул здоровенный парень, прозванный в местных кругах Болваном. Ну, сам понимаешь, ко дну пошла вся эта эскадра...

Постановили: за невыдержанность и поспешность сбросить Болвана с Высокой скалы — 3 метра — в море.

Вчера вечером впервые в жизни увидел, как в ночное небо врезался крупнейший болид — зрелище феноменальное. Подробности телеграммой. Будешь ли ты в Москве 14-го? Есть важные новости.

Жму копыто.

Росинант, он же Влах».

Почему он послал это письмо? Думаю, что он хотел, если можно так выразиться, подготовить меня. Фразу «Есть важные новости» я не без оснований связывал с тем, чем мы так долго и безуспешно занимались. Но неужели он и в доме отдыха возился с магнитофоном?

Он вернулся в Москву четырнадцатого.

— Там идеально прозрачная ионосфера, — уверял он меня. — Где ты найдешь место лучше, чем под Батуми? И масса свободного времени. Я мог работать целый месяц, и мне никто не мешал.

— Может, мир со встречным временем ближе к Батуми, чем к Москве? — предположил я. — Или Черное море служит огромным рефлектором для радиоволн?

— Смеешься? Вот послушай.

Он привычно щелкнул клавишами, и мой магнитофон (до чего же он теперь жалко выглядел) подмигнул мне зеленым глазом настройки. Запись была действительно необычная. Вот она:

«Валя... Слышишь меня? Я из Снегорска... Скоро приедем. Да, с Ольгой. Спасибо...»

— Ну, так ты собираешься в Снегорск? — спросил он меня.

— Нет. Все давно прошло.

Я знал, почему он спросил меня об этом. Нетрудно узнать мой голос на этой записи. Мне же казалось, что произошло недоразумение: в Снегорске не было радиотелефона, значит, мой голос не попал бы оттуда в эфир и радиоприемник не смог бы его поймать.

— Не было, так будет, — настаивал он.

— Вряд ли. Там всего десять тысяч населения.

— Да пойми ты — это же телефонный разговор из нашего будущего! А для них оно прошлое и настоящее.

Я понимал. Но, честное слово, я не собрался в Снегорск: сотни километров — ради чего? Да, я хорошо помню его улицы, кончавшиеся оврагами, лощинами и перелесками. Его деревянные дома и нечаянную любовь. А потом — Москву и университет. И все, что было до Москвы, стало для меня другим континентом.

Мы запутались в гипотезах.

Вскоре появились новые заботы. Влах на три месяца застрял в командировке. Я серьезно заболел. В больнице я встретил синюю, прозрачную весну.

Но я помнил о Снегорске. Помнил так, как будто видел...

...Летом в лощинах подинмались высокие травы. В озерах, оставленных половодьем, шуршал тростник. Мы делали из него копья. На холмах трава росла покороче, зато одуванчиков было больше, попадались васильки, и мышиный горошек, и цикорий. Склон казался местами голубым, местами желтым. И какая теплая была там земля! Можно было лечь на бок, и тогда лицо щекотали былинки, шевелившиеся из-за беготни кузнечиков, мух и жуков. Скат холма казался ровным, плоским, и нельзя было понять, где вершина и где подножье. Сквозь зеленые нитки травы виднелся лес и светилось над лесом небо; то сероватое, то розовое от солнца — какое захочешь. И можно было заставить землю тихо поворачиваться, совсем как корабль.

ВЕСЕННЯЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Ко мне в палату однажды пожаловала Верочка. Говорили о каких-то пустяках, о работе. Я поймал себя на том, что отношусь к ней без предубеждения. Здесь, в больнице, с помощью старых книг и личных наблюдений я вывел формулу обычного человека. И в этой формуле было все — любовь и мечта, расчет и глупость, порыв и терпение. Все — во всех, хотя и в разных пропорциях. Или, может быть, такова жизнь, что заставляет проявлять то одно, то другое свойство?

— А как со встречным временем? — спросила она напоследок.

— Не знаю.

— Жаль. Мне это очень понравилось.

— А мне очень скучно. Особенно с тех пор, как я попал сюда. Принеси мне книги из моего стола — Слокама, Колдуэлла, Фосетта, Мелвилла, Лондона — всех принеси. За это я расскажу тебе потом о времени. Нет, постой.

Я сейчас скажу. Время — это громадный кашалот, который закусывает вселенной н выплевывает косточки.

Я дал ей телефон Валькн (в больнице телефон почему-то не работал), н он явнлся на следующнй день.

— Надолго? — спроснл он.

— На месяц. Где был?

— На Волге. В полях-лесах антенны ставил.

— Радары?

— Нет, раднотелескопы, представь себе.

— Ты отощал, как серый волк. Тебя бы на мое место. Жизнь спокойная. Лежи и думай. А хочешь — просто лежн. Только вот что, Влах: обалдел я слегка, понимаешь? Валяешься с утра до утра — н мнмо саннтарки снуют несносно. Пртнеси мне брюкн н свнтер.

— Зачем тебе... — начал было он.

— Штаны и свнтер, — отрезал я. — У меня же здесь все отобрали. Вот ключ от квартнры.

Я смотрел ему вслед н думал. Что ж, может быть, н для него прндет Время открытнй. Поеду ли я в Синегорск? Я чувствовал, что он прав. И эта правота не нуждалась в моем решенни, не зависела от него.

В зтн несколько недель, пока я лежал на больннчной койке, странные мыслн приходнли в голову. По вечерам я видел кусок черного звездного неба между занавесками, и мнр казался мне просто пустым ящиком, который я мог наполнять раскрашенньмн кубнкамн с надписаннымн на них словамн: «время», «жнзнь», «грусть», «счастье», «человек» — всемн словами, какие я знал.

И в каком бы порядке я ни укладывал этн кубикн, в ящике еще оставалось очень много пустого места — он был просто бездонным.

Наконец, мне надоедало смотреть на звезды и размышлять о сознанин, творящем мнр. Я окунался в книги, которые мне принесла Верочка. Это былн кннги, многне нз которых я н раньше чнтал. Они до поры до временн валялнсь в моем рабочем столе, словно поджидали удобного случая, чтобы снова рассказать мне сказки о Полннезии, Галапагосских островах и обонх полюсах — Северном и Южном. Я понял, что все онн — Нансены, Магелланы, Колумбы, Лазаревы, Амундсены, — даже еслн онн шли среди заснеженных торосов, в конце концов надеялнсь открыть волшебную страну, отгороженную от остального мнра ледяной стеной.

Книгн тоже надоедали.

Ветки багульника, которые принеслн моему соседу по палате, то пропадавшему в корндоре, то напропалую нгравшему в шашки, напомннали о весне. Еще больше хотелось на воздух, н Сафонов, наконец принес одежду.

Так я оказался на улице — вполне прнлично одетым. Я проводнл Вальку до самых ворот. Холода, по-моему, уже совсем не чувствовалось, а земля казалась летней... Я словно плыл в синем от голых веток воздухе. Теплый желтый луч, упавшнй с неба, сог-

рел мою ладонь. Странное чувство возникло у меня — возникло и пропало: не встретился ли я с двойником, не пройдена ли половина пути? Но нет, мне не открылось будущее — должно быть, не пришло еще время.

Но мне вдруг снова показалось это возможным: два мира несутся во времени навстречу друг другу, но для каждого человека, каждого дерева нли травннки, для всего сущего в них рано илн поздно наступает Совпаденне — для каждого в свое время.

Совпадение длится один миг, но оно является полным: два объекта нз взаимио вывернутых пространств сливаются в один. И потом стремительно расходятся, чтобы никогда больше не встретиться. Вот тогда, наверное, и можно успеть заглянуть в будущее, если только всегда быть готовым к этому.

Так не хотелось возвращаться! Ворота выходили на шоссе. Я повернул иазад и, обойдя больницу, перелез через забор, отгоражнвавший ее от парка.

Здесь, прыгая с кочкн иа кочку, я буквально столкнулся с двумя мальчишками. Они колдовали у тонкой березы. Маленьким и плохим иожом один из иих ковырнул дерево, и сок пошел.

Навериое, я глотнул слишком миого воздуха сразу, меня закачало, как на самолете при посадке, и деревья стали медленно противно кружиться. Через миниуту, когда я смог стоять, ие держась за березу, что-то нзменилось. Может быть, просто стемнело, но парк изменился. С паутинкн, прилнпшей к сучку, слетел солнечный луч, ветви стали серыми, и воздух погас.

Пахло давнишией сыростью. Мои ботинки были совсем мокрыми, к ним прозаическн лнплн коричиевые иглы н вообще какая-то прошлогодняя дрянь.

Мое бегство не прошло даром: я простудился, н меня задержали в больнице.

В один нз последних дней пришла знакомая девушка, нмени которой я не буду называть. Она тоже что-то принесла мне н что-то говорила. У нее был хороший голос и милое лицо, и было приятно слушать ее, хотя все, что она говорила, было неправдой.

Глядя на знакомую звезду в чериой щелн между занавесками, я спрашивал себя в эти последние дни: поеду ли я в Снегорск?

* * *

Одиажды мие захотелось добраться до истоков человеческой мысли о пространстве и времени. Что думали об этом тысячи лет иазад пророки, передавшие в мифах свое ви́деиие мира?

Почему вселенная заново созидается Брамой через каждые восемь с половиной миллиардов лет? Где истоки этого до странности смелого представления о бесконечных циклах созидания и разрушеиия? На подобные вопросы ответить совсем ие просто.

...Было одно лишь пространство — говорит скандинавская са-

га — ие было ни песка, ни моря, ин волн холодных, нн неба над ними. В северной частн пространства располагался вечный источинк холода — туманная страна Нифельгейм. Волны Урда, теплого ключа, расположеиного на юге, встречались с холоднымн потоками Ннфельгейма. И этому смешению обязана своим возникновенеем первоначальная матерня. От нее произошел мир.

Материя — нз пустого простраиства. Таков смысл сагн, словно предвосхитившей результаты современных исследований. Еще Клиффорд н Эйнштейн мечталн создать теорню, которая вкратце сводилась к следующему: в мире нет иичего, кроме пустого искрнвленного пространства. Частнцы вещества — это такие участки пространства, в которых оно искривлено больше, чем везде. А перемещение частнц подобно двнжеиию волн на поверхностн озера.

Волны Урда н Нифельгейма постепенно сталн математнческой реальностью.

А время? Может ли быть такое, что о встречном временн догадывались еще во времена халдеев и древних египтян?

Я попытался представить эпизод, описанный в одной старой книге, которая какнм-то чудом попалась мне на глаза как раз в те дни.

Фараон Хеопс спросил мастера небесных тайн (звание столь же высокое, как и звание начальника телохранителей):

— Правда лн, что ты можешь заставить отрубленную голову снова прирасти к плечам?

— Да, повелитель, еслн это будет угодио богам, — ответил мастер.

Он был однмм из тех, кто составлял план Великой пирамиды, рассчитав вход в нее так, что из самой его глубины можно увидеть священную звезду.

— Пусть приведут раба, — сказал Хеопс верховному писцу.

— О повелитель, — возразил мастер, — великое строительство еще не коичилось, и пусть жизнь даже одного-единственного раба не завнсит от моего искусства.

Хеопс удивленно взглянул на мастера.

— Что же ты предлагаешь?

— Пусть принесут гуся или пеликана, но я должен сам выбрать его, дабы согласовать с волей богов.

— Тебе всегда удается своевременно узнавать волю богов? — спросил Хеопс, и едва заметная улыбка тронула его губы.

Мастер молчал. Он хорошо знал, что равных ему не было во всей долине Нила н далеко за ее пределами. Едва касаясь пальцами, легкими, как струны, он мог открыть душу вещей и животных, он мог читать мысли н помнил древние слова, пришедшие согласно легенде со священной звезды.

— Хорошо, — сказал фараон, не дождавшись ответа, — я согласен, но если ты ошибешься, то вторым, после птицы, будешь ты сам.

Гусь был обезглавлен, и тело

его оставлено в одном конце комнаты, а голова — в другом.

— Можешь начинать, — сказал Хеопс.

Тело и голова птицы быстро поползли навстречу друг другу и соединились, причем пятна крови на перьях исчезли, как будто их не было вовсе. Гусь поднялся на задние лапы и тревожно загоготал.

Самым интересным в этой истории было объяснение, данное фараону астрологом.

По его словам, согласно древнему замыслу богов, никакие усилия смертных не смогут нарушить всеобщей гармонии и равновесия: любое их действие повторяется небом в обратном порядке и общий результат тем самым сводится на нет. Так, вместо птицы с отсеченной головой там появляется целая птица, которую, с согласия богов, можно иногда обменять на убитую.

— Ерунда, — сказал Валька, когда я рассказал ему об этом. — Выбрать гуся, которому пришло время встретиться с двойником? И потом, как ты выражаешься, обменять? Нет, к нам это отношения не имеет.

— К нам?.. Учти, Влах, они в голове умещали всю премудрость тысячелетий, ныне частично утраченную, частично искаженную и лишь в малой части ставшую основой современной цивилизации.

— Если хочешь учиться у астрологов узнавать волю богов, тебе нужно родиться снова — в более подходящее для таких упражнений время.

— Боги! Да они не верили в них! Боги для многих из них — словесная формула, не более. Или древние, освященные временем предания. По крайней мере, для самых умных из них.

— Слишком оптимистично.

— Да нет же. Вспомни, даже много позже, в просвещенной Элладе, Аристотель был обвинен в богохульстве и присужден ареопагом к смерти, но успел спастись, убежав на Эвбею. Диагор, отрицавший существование богов, также удалился в изгнание после того, как его приговорили к смерти. Сочинения Протагора публично сожжены, а сам он изгнан. Продик, утверждавший, что боги лишь олицетворение сил природы, казнен... Ну? Кто же осмелился бы открыто отрицать? Разумеется, из тех, кто хотел бы сохранить себе жизнь?

Валька неопределенно махнул рукой.

— Ладно. Меня это не очень волнует. Скажи лучше: ты в Синегорск поедешь?

— Этого я пока не знаю.

СИНЕГОРСК

Прошел год с небольшим — и все переменилось. Осенним вечером, когда солнце катилось по крышам дальних домов, а на темно-серой ленте реки дрожали длинные тени, я вспомнил о Синегорске. Но совсем не так, как раньше. Здесь, на осенней набережной, я уже, кажется, не сомневался.

Слева от меня, на пригорке, деревья позванивали сентябрьскими

листьямн. Над горнзонтом виселн желтые края облаков, и небо там было жарким н плотным, но иад головой уже рассыпался голубой пепел. На реке, начннавшейся где-то в розовом закате, гаслн и тоиули золотые огни. Здесь, иа грани осеннего дня, мир показался мне широким и светлым, а листья н травы вспыхнулн вдруг чнстым и яркнм пламеием.

Я не сразу догадался, откуда этот необъяснимый свет.

От уходящего солнца остался красный полумесяц. Оно почтн скрылось там, где за лесамн, за реками был Синегорск. Кто знает, может быть, его-то лучн н пробили маленькнй канал между прошлым и будущим? Верили же мы в то, что каждый из нас должен раио нли поздно встретнться с другнм миром...

И в то, что поток фотонов мог облегчить квантовый обмеи. И мы уже зналн, что мнр вокруг иас совсем не такой простой, каким ои кажется тем, кто привык к нему. Ложиая память, по-моему, так это называется. Я словно снова пережил то, что уже было когда-то давио.

Я подиял руки вверх — они как будто коснулись прохладного неба. Мне хотелось удержать солнце, еще н еще видеть и слышать, как дышит зелеиая земля. Но можио ли это сделать? Странная минута...

Наверное, меия давио тянуло в Синегорск, просто я ие призиавался себе в зтом. Нужно спешить, думал я, можно собраться очень быстро. Разве мало трех дней? Уехать от всего, что надоело, от бесполезиой и нудиой толкотии. А там видно будет... Влах был прав, коиечно, я позвоню ему оттуда.

В зтот момент я действительно зиал нли, может быть, чувствовал все, что случилось потом, словио встретились настоящее, прошлое и будущее. Я зиал, что скажу Ольге. Зиал, иа каком поезде поеду, н в ушах уже раздавался стук колес. Зиал все о встрече и о первом глотке воздуха, когда я спрыгну на почтн пустую платформу. О старых вещих соснах, все еще рассказывавших, наверное, ту самую историю, начало которой я слышал в детстве. Я представил все зто так, как потом и оказалось на самом деле.

Ясно прозвучал гудок, протяжный, как севериая песня.

Я шел сиачала медлённо, потом все быстрее и быстрее. И мне казалось — я представил себе, что кто-то другой, похожий иа меня, шагал навстречу горячему восходящему солнцу и протягивал к нему руки.

АНДРЕЙ ДМИТРУК

Самсон-двенадцать

Года четыре назад, в мае я зашел в букинистический магазин на Кузнецком мосту. У прилавка стоял Валерий Ровный, раскрыв огромную черную книгу. К моему великому удивлению, книга оказалась библией с гравюрами Гюстава Доре.

Валерий неподвижно и глубокомысленно рассматривал иллюстрации к Ветхому завету. Картинка изображала момент гибели Самсона: знаменитый силач валил непомерно большие колонны храма.

— Три тысячи филистимлян, — сказал вместо приветствия Валерий. — И тогда, ослиной челюстью, тысячу. Вот это показатели!

— Берете? — наверное, не в первый раз осведомилась продавщица.

— Брать или не брать? — спросил у меня Валерий. — Это мой двухнедельный бюджет.

Я назвал его дураком, взял под руку и вывел из магазина. Жил Валерий далеко, на Кронштадтском бульваре. В метро он сообщил мне, что работает над квазибелковым костюмом. Это искусственная мускулатура: она выращивается в особом термостате и приживляется к настоящим мышцам человека. Условное название костюма «Самсон».

Прошло несколько месяцев. Ударил холодами ноябрь. Ночью ко мне явился Валерий Ровный. От него пахло водкой, во взгляде и движениях чувствовался бешеный восторг. Я начал было ругаться, но Валерий швырнул мне мои брюки и молча снял с вешал-

ки пальто. Видимо, у него был серьезиый повод так поступать. Мы выбежали во двор: холодиый, дождливый воздух подействовал иа меия, как крепкий кофе, остатки сна были смыты ледяиым туманом. Валерий впихнул меия в машину — я до сих пор ие зиаю, где ои взял эту машиину, — н мы помчалнсь куда глаза глядят. Сидя за рулем, ои пел иа разиые мотивы, что меия ждет иевиданиый сюрприз.

— Сюрприз, сюрприз, па-рам-пам-пам-пам-па!

Худой Валерий казался мие страиио поплотневшим. Просторный плащ сидел на ием туго, как майка: рукава прямо-такн обтягивали бицепсы, руки утоиули в громадных кожаиых перчатках.

В общем, к коицу пути я приблизнтельио догадался, что меия ждет. Он привел машиину иа один нз строительиых пустырей Юго-Запада. Я посмотрел в окио и не захотел выходить. Валерий вышел и, увязая в глиие, бросился к подъемиому краиу. Высоко иа краие горел фоиарь. А потом раздался тяжелый скрежет, и фоиарь сдвииулся с места. Краи ехал по рельсам. Через миiуту в свете фар показался совершеиио мокрый Валерий. Ои иес железобетонную паиель. Валерий подпрыгиул, паиель пролетела иад автомобилем н ухиула, как сиаряд, посреди пустыря. Так была испытаиа квазибелковая мускульиая система «Самсои», модель первая.

Шло время. По вечерам на квартире моего друга собирались серьезные люди обоего пола — молодые и старые, в очках и без очков. Пили чай, курили до звоиа в ушах, писали, чертили, малопоиятио спорили. На столе у Валерия лежали стопки книг с иазваииями типа: «Перемеииая Кольерса и ее использоваиие в целях определеиия характеристик активности искусствеииых аминокислот». Результатом всего этого был сенсациоииый случай иа новых леииградских верфях. Вы, конечио, видели цветиое фото в журиале «Огонек»: аспираит Валерий Ровиый остаиавливает плечом сходящий со стапелей траиспорт «Вариа» Болгарской Народной Республики, водоизмещеиие тридцать тысяч тоии. На голом, очеиь толстом и коричиевом плече Валерия стоит белый штамп: «НИИ ИБС. Самсон-2».

Буквально за иеделю до этого мой друг позиакомился с Зоей Чериецкой. Зоя была девушка хрупкая, ио видиая, с короткими пышиыми волосами оттеика иедозрелого лимоиа — в другие цвета оиа почти иикогда не красится. Недавио мы отпраздиовали годовщиIу Зоииого диплома: тогда же оиа училась иа втором курсе филфака. Их зиакомство иельзя назвать оригииальиым: Валерий заговорил с девушкой в автобусе. Они мгновеиио поиравились друг другу, стали встречаться каждый деиь и уже к коицу первой иедели зиакомства ссорились по пустякам, как иастоящие влюблеииые. Зоя восхищалась опытами Валерия, чистила щеткой с мылом

его новую гладкую коричневую кожу.

Как-то она примерила мускульный костюм. Валерий пришел в ужас, увидев изящиую Зонну головку на корнчневой бычьей шее с жнламн толщиной в каиат. Больше Зоя к «Самсону» ие подходила.

Скоро настало лето. Мы часто гуляли втроем, езднлн за город. В нюле Валерий иачал бреднть левнтацией. Он чнтал нам отрывкн из беляевского «Арнэля» и гриновского «Блнстающего мнра». Он тщательно пытался разобраться, были лн Дедал н Икар левитантами, нли же хитрый критскнй архитектор прндумал компактные двнгателн.

Я ждал поразнтельных событий, и ждал нх весьма недолго.

Девятого октября родился «Самсон-3». Теперь Валерий уже не снимал костюма, да и не смог бы снять его прн всем желанин. Мы выходилн среди ночи, тесно обнималнсь, город уходил вниз, над головой горели небесные звезды, под ногами горелн частые огнн бессонной столицы, пахло озоном, кровь колола в кончикн пальцев, и я крепче обнимал тройные лопатки Валерня, стнснув другой рукой нежную, крепкую руку Зои.

Часто он взлетал один н возвращался через две-трн ночи. Рассказывал, где побывал и что видел. Одиажды над Японней за ннм погналнсь реактнвные истребнтелн. Валерня спасла только скорость...

Надо сказать, что я по своей натуре — ндеальный «третнй». Я очень нравлюсь жеиам и постоянным девушкам своих прнятелей. Каждая из них говорнт мне, что любит меня почтн так же, как своего жениха или мужа. Приятели ревнуют своих подруг к кому угодно, только не ко мне. Иногда это непрнятио. Неужели они не счнтают меня способным даже на элементарную подлость? Илн, что еще обнднее, совершенно не верят, что я могу понравиться женщнне?

Зоя не составляла нсключения. Часто она бывала со миой куда откровеннее, чем с Валернем, нбо его характер ннсколько не соответствовал фамнлнн. Но я вндел, насколько неизлечимо она его любнт, любит зтот стовосьмндесятнкнлограммовый человеко-самолет с грудью, рукамн и ногамн, закованнымн в темный камень сннтетнческих мышц.

Я помню, как Зоя неожиданно зашла ко мие на работу. Маленькая, прямо-таки портативиая девушка с круглыми, блнзко посаженными глазамн. Тревожное, мнлое лицо. Синнй плащ, черные чулки и туфли, в руках пакет картофельных крекеров. Она стояла возле кабннета старшего референта н нервио ела хрустящие кусочкн.

Я отпросился у шефа. Зоя взяла меия под руку, и мы долго гулялн по холодной солнечной Стромынке. Болталн на разные нейтральные темы: мие хотелось,

чтобы она сама начала интересующий ее разговор.

— Извини меня, — сказала вдруг Зоя, прервав мою отлично построенную саркастическую тираду в адрес недавно дублированного боевика производства «Метро-Голдвин-Майер». — Извини, пожалуйста. Мне страшно за Валерия. Очень страшно... Мы оба любим его, но Валерий становится чужим. Молчи. Он ласков со мной, он целует меня, он смотрит на меня как на икону. Нам так хорошо, что я боюсь.

— Чего же бояться, если хорошо?

— Я всегда боюсь, когда хорошо, — быстро сказала она. — Лампочка ярко вспыхивает перед тем, как перегореть. Можешь назвать меня дурой, бабой, но... Он уже наполовину не человек. Он весь прошит искусственными нервами и сосудами. Его сердце питается радиоактивными элементами...

— А что это меняет? Если любишь по-настоящему...

Она остановилась и сказала, нажав на слово «Я»:

— Я-то буду его любить. Я — буду.

Вечером наша троица сидела в кафе «Космос». Валерий ел мороженое и распространялся об усложненных нейронах, приставках к мозгу, автономном управлении с вечным запасом энергии. Голос у него стал гулкий и мощный. Глаза, руки, чудовищные плечи, обтянутые пестрым свитером, — все говорило о спокойствии уверенной, отдыхающей силы. Этот человек мог раздробить кулаками бетонный дзот. Он неуклюже держал в лапах ложечку и ел «комету», политую приторным сиропом.

Декабрь был взорван рождением «Самсона-4». «Правда» посвятила ему двести строк на первой странице. Американцы рассказывали по радио о своей мускульно-летательной системе «Бенбайр-Снарк», но кажется, радиопередачей дело и кончилось. Интервью с Валерием Ровным транслировалось по Всемирному кольцу телевизионных спутников.

После этого «Самсоны» стали рождаться один за другим с промежутком в два-три месяца.

Мы видели Валерия только по телевизору. Сначала он стал шарообразным, с какими-то гибкими отростками на плечах. Потом превратился в сложное сплетение деталей, имевшее общий вид двояковыпуклого диска. Потом уже совсем во что-то невообразимое.

Зоя плакала у меня на плече, заглушая очередное сообщение ТАСС. Одиннадцатая модель «Самсона» могла летать со скоростью света, могла питаться любым видом энергии. Сознание Валерия было переписано на новые, усовершенствованные клетки нового, усовершенствованного мозга. Теперь тот, кто был раньше Валерием Ровным, видел в инфракрасном и ультрафиолетовом свете, принимал и изучал радиоволны, намагничивал железо, прикосновением пальца пускал в ход

электромоторы и ускорял рост деревьев, светился в темноте ярче солнца, производил десять миллионов операций в секунду — будь то сочинение стихов или решение математической задачи, — носил в памяти буквально все, что было написано во всех книгах Земли, и никогда ничего не забывал.

В один прекрасный день я узнал из газет (а не узнать было трудно, потому что, если вы помните, все касающееся экспериментов Ровного излагалось особым шрифтом под самым названием газеты, начиная от всесоюзных и кончая заводскими многотиражками), узнал, что герой-экспериментатор Валерий Ровный готовится к дальнему полету.

Цель — звездная семья Центавра.

Позже позвонила Зоя и срывающимся голосом заявила, что добьется свидания. Не знаю, как и с чьей помощью, но она встретилась с Валерием за десять часов до его отлета.

Встреча произошла в саду нового здания Комитета по космическим исследованиям. Зоя стояла на сумеречной аллее, разгребая носком сапожка слежавшийся снег. Мартовские липы с обрубленными ветками были черны и монолитно неподвижны. На обледенелую дорожку тихо, как пустой парашют, слетел кибернетический бог, обросший сверкающими чудесами, «Самсон-одиннадцатый». Он весь пульсировал, то сжимаясь в шар, то растягиваясь в колонну, выбрасывал хрустальные усы-антенны, серебряные воронки-ушн, водил вокруг Зои огненные хороводы глаз...

И девушка крикнула отчаянно, так, что эхо ее звонкого голоса прокатилось по всему парку:

— Валера! Валерочка!..

«Самсон» ответил ровным, бархатным громом:

— Внимание! В целях дальнейшего совершенствования я освобождаюсь от ненужной мне детали, дублирующей некоторые мои системы.

Зоя видела, как бегут со всех сторон, пробираются сквозь кусты люди, люди в защитных костюмах и масках. «Самсон» вдруг развернулся, как гигантский прозрачный лотос, стоящий на одном из лепестков, и взлетел в небо, а на дорожке осталась голая, лежащая ничком фигура. Кто-то взял девушку за локоть, подвел поближе. Человек приподнялся на худых руках, оторвал грудь от снега и позвал, щурясь навстречу прожекторам:

— Зоя, иди сюда... Экая сволочь «Самсон»! Меня, отца родного, — дублирующей деталью...

Вот, собственно, и все. Сегодня все мы встречаемся в восемь вечера на станции метро «Дзержинская». Походим по улице Горького, придумаем, что делать...

А «Самсон-одиннадцать», между прочим, полетел. И передал на Землю, что придумал новую схему универсального мыслящего существа, где роль клеток будут вы-

полнять ячейки перестроенного пространства. «Самсон» обещал создать своего преемника, когда долетит до места. Я так и слышу голос, от звука которого начинает мигать альфа Центавра. И голос этот заявляет, что нужно избавляться от ненужных, устаревших систем, и одиннадцатый номер с лязгом и грохотом шлепается на пустую планету, а новый, двенадцатый, сияющий или невидимый, расправляет крылья и несется к другим галактикам...

КЛУБ
ФАНТАСТОВ

ГЕНРИХ АЛЬТОВ

Краски для фантазии

1

Читатели, нитересующиеся фантастической литературой, вероятио, заметили, что за последние годы фантастика стала с особым вниманием присматриваться к самой себе. С 1967 года только в журиалах н сборииках опубликоваио свыше шестидесяти статей, в той или нной мере затрагивающих теоретнческие проблемы фаитастикн как литературиого жаира. Вышли из печати кииги Георгия Гуревнча «Карта страиы Фаитазии» н Бориса Ляпуиова «В мире мечты» — своего рода путеводители по научио-фаитастнческой литературе. В ежегодниках «Фаитастика», выпускаемых нздательством «Молодая гвардия», печатается составленная Алексаидром Евдокимовым обстоятельиая и точиая библиографня советской фаитастики с 1917 года. Появилась и тут же исчезла с прилавков киижных магазннов содержательиая монография Аиатолия Бритикова «Русский советский иаучио-фаитастическнй роман».

Постепенно складывается теория фантастнки. И как это бывает со всеми складывающимися теориями, дело начинается с описи нзучаемых объектов. Возннкающая иа иаших глазах теория фаитастики еще ие задает вопроса: «Почему?» — пока оиа ограиичивается фактографией, хронологией.

В 1895 году опублнковаиа «Машина времеин» Уэллса. Полвека спустя появнлись «Хроиоклазм» Уиидема н «Коиец Вечиости» Азимова. Это из областн хронологии.

А вот фактография: упомянутые произведения Уиндема и Азимова используют непосредственно вытекающую из книги Уэллса идею хроноклазмов — парадоксов, вызванных вмешательством в предшествующую историю.

Почему «Хроноклазм» и «Конец Вечности» принадлежат Уиндему и Азимову, а не Уэллсу? Возможность возникновения хроноклазмов — прямое следствие уэллсовской концепции путешествий по времени. В одном месте своего рассказа уэллсовский Путешественник вплотную приближается к проблеме хроноклазмов... и почему-то уходит в сторону.

Допустим, в «Машине времени» Уэллсу не нужна была путаница с хроноклазмами. Но после «Машины времени» Уэллс работал в фантастике еще четыре десятилетия. Он продолжал думать о фантастических ситуациях, связанных с управлением временем, и в 1903 году опубликовал рассказ «Новейший ускоритель». Однако ускоритель и другие идеи о времени намного слабее очень плодотворной по литературным возможностям ситуации с хроноклазмами. Не случайно в современной фантастике известны лишь два-три подражания «Новейшему ускорителю», зато хроноклазмы используются весьма широко. Вряд ли Уэллс отказался бы от идей, легших в основу таких вещей, как «Хроноклазм» Уиндема, «И грянул гром» Брэдбери, «Бесконечная ночь» Буля, «Конец Вечности» Азимова... Тут, видимо, был какой-то психологический барьер.

Какой?

И почему его трудно было преодолеть?

Как вообще возникают новые фантастические идеи?

Нет ли каких-то объективных закономерностей в их появлении?

А если такие закономерности есть, нельзя ли, используя их, найти новые, никому еще не известные фантастические идеи?..

Теория фантастической литературы подобна только что открытому континенту: на карты нанесена лишь узкая береговая полоса, а за ней в загадочной дымке лежат огромные неисследованные пространства, полные удивительных и нераскрытых тайн. Я хочу рассказать об одном путешествии, предпринятом в глубь этой таинственной и прекрасной страны. Это был всего лишь разведывательный рейд, и, как всякая разведка, он дал сведения частичные и в какой-то мере предположительные. Пройдет время, и армия исследователей многое уточнит и исправит. Но разве не интересно сегодня хотя бы краем глаза взглянуть на то, что будет открыто завтра?..

2

Руал Амундсен пишет в своей автобиографии, что путешествия подобны айсбергу: девять десятых, приходящихся на подготовку, не видны, на поверхности остается лишь одна десятая часть — собственно путешествие. Так получилось и на этот раз. Чтобы изучить механизм фантастики, нужно было

прежде всего собрать идеи, разбросанные в тысячах произведений. Собрать, ввести классификацию, составить «Регистр фантастических идей». Эта работа велась на протяжении многих лет. Сейчас в «Регистре» записано около трех тысяч идей, разделенных на классы, подклассы, группы и подгруппы.

До этого еще никто не собирал и не систематизировал фантастических идей, фантастику изучали на библиографическом уровне. «Регистр» сыграл роль исследовательского прибора, позволившего рассмотреть тонкий и порой причудливый процесс возникновения фантастических идей.

Оказалось, что в развитии любой фантастической темы (космические путешествия, связь с внеземными цивилизациями и т. д.) существуют четыре резко отличающиеся категории идей:

— один объект, дающий некий фантастический результат;

— много объектов, дающих в совокупности уже совсем иной результат;

— те же результаты, но достигаемые без объекта;

— условия, при которых отпадает необходимость в результатах.

По каждой теме постепенно воздвигаются четыре этажа фантастических идей. Они качественно отличаются друг от друга, эти этажи. Если мы возьмем такую тему, как «Связь с внеземными цивилизациями», то в первом этаже будут идеи о связи с одной цивилизацией. Есть ряд произведений, использующих такого типа идеи. На втором этаже (связь со многими внеземными цивилизациями) — выдвинутая И. Ефремовым идея Великого Кольца. Точно так же отличается идея одной «машины времени» у Уэллса от азимовской Службы Вечности, основанной на одновременных контактах со многими эпохами.

Два уточнения.

Верхние этажи нисколько не лучше нижних. Речь идет о внутренней логике развития идей — и только. Литературные возможности идеи определяются отнюдь не номером этажа, к которому она принадлежит.

Далее. Наличие четырех этажей вовсе не означает, что по каждой теме возможны всего четыре идеи. На любом этаже может разместиться неограниченное число отличающихся друг от друга «изотопов», «изоэтажных» идей, объединенных лишь тем, что все они соответствуют общей формуле этажа.

Рассмотрим одно из самых приметных четырехэтажных зданий — «Способы и средства межзвездных перелетов».

Особенность таких перелетов в том, что необходимо преодолевать огромные (даже по сравнению с межпланетными) расстояния. Корабль должен лететь на субсветовой скорости, а при такой скорости время замедляется. Космонавты вернутся, когда на Земле пройдут десятки, сотни, быть может, тысячи лет. На этом и основаны литературные коллизии.

Первый этаж — идея полета одного корабля. Изюминка здесь

в том, что летят впервые, н писатель концитрирует внимание на трудностях полета, иа раскрытии характеров людей, впервые идущих сквозь звездную бездиу. Таков, например, роман С. Лема «Магелланово облако».

Второй этаж — «много звездолетов». Мир с развитой системой межзвездиых трасс. На этом этаже фантасты ставят иные цели, используют иные средства, решают нные проблемы. Не утратят ли единства потоки цивилизацин, расходящиеся в разные стороны? Не пойдут лн колониии, отделеные друг от друга сотнямн световых лет, по иезависимым путям эволюции? Такова проблематика рассказа В. Журавлевой «Второй путь». В рамках первого этажа эти проблемы просто не могут возникиуть.

Третий этаж — «тот же результат, но без объектов». Например, межзвездные путешествия без звездолетов. Одна нз первых ндей этого этажа выдвиута И. Ефремовым в повести «Звездные кораблн». Предположнм, десятки миллнонов лет назад чья-то звезда с планетиой системы приблнзилась к Солнцу. Тогда межзвездные перелеты были бы возможны н иа обычных плаиетолетах.

Другая ндея этого же этажа нспользована Г. Гуревичем в рассказе «Иифра Дракона»: а вдруг совсем недалеко от солнечной снстемы находятся иевидимые нифразвезды? В этом случае межзвездный полет опять-такн свелся бы к полету межпланетному или почти межплаиетному.

Иитересная ндея выдвинута н К. Саймаком. Пусть полет продлится очень долго. Полетнт не субсветовой звездолет, а обычный «тихоходный» планетолет. Полет растяиется на сотии лет, иа корабле будут сменяться поколения. Последиее поколеине долетит до иамеченной цели (рассказ «Поколение, достигшее цели»).

Посмотрнте, как отчетливо выявляется внутренняя логика возиикиовения иовых фантастических идей. Нужио преодолевать межзвездные расстояиия, но без субсветовых звездолетов. Писатель, следовательно, может оперировать только двумя величинами — расстоянием между звездами н срокамн жизни экипажа. Расстояния иужно уменьшить, не вступая в конфликт с фактами, то есть с тем, что мы видим. Пусть теперь мы видим большие межзвездные расстояния, но ведь когда-то оии могли быть меиьше: отсюда идея И. Ефремова. Пусть иепреодолимо расстояние до видимых звезд, ио могут быть близкие невидимые звезды: так возникает ндея Г. Гуревича.

Дальиость полета можио увеличнть н за счет «долголетия» экипажа. Тут две возможности: послать в полет фаитастического «сверхдолгожнтеля» нли же рассчитывать на смену поколеиий. И Саймак обыгрывает обе этн возможности в рассказах «Отец-осиователь» и «Поколеине, достигшее цели».

Третий этаж еще далеко не застроеи. Возьмем, например, идею И. Ефремова о том, что в прошлом две звезды со своими планетами

могли сблизиться на «перелетаемые» расстояния. Поскольку тогда на Земле не было людей, уменьшаются литературные возможности идеи: нет встречи двух цивилизаций. Так почему бы не использовать более выигрышную ситуацию, допустив, что сближение произойдет в будущем?..

Наконец, четвертый этаж — «условия, при которых результат не нужен», то есть условия, вообще исключающие необходимость в межзвездных перелетах. Идея такого типа использована в моем рассказе «Порт Каменных Бурь». Развитые цивилизации объединяют свои солнечные системы в шаровое скопление, чтобы раз и навсегда (причем для всех, а не только для отдельных космонавтов) преодолеть межзвездные расстояния и войти в постоянный контакт с тысячами других цивилизаций.

3

По каждой теме можно возвести четырехэтажное здание фантастических идей. Но современная фантастика по преимуществу одноэтажна и двухэтажна. Как и подобает быстро развивающемуся жанру, фантастика сегодня — в строительных лесах.

Застройка идет не только вверх, но и вширь: на каждом этаже может поместиться множество «изоэтажных» блоков. Вообще простора для развития фантастики вполне достаточно. Тем досаднее наблюдать толчею на отдельных истоптанных пятачках. Бесконечно варьируются незамысловатые сюжеты с космическими пришельцами, свихнувшимися роботами, дерущимися друг с другом двойниками-биокопиями.

На пути к новым фантастическим идеям возникают психологические барьеры. Умение преодолевать их во многом определяет творческое мастерство писателя-фантаста. «Четырехэтажная» схема, проясняя структуру фантастики, облегчает преодоление психологических барьеров.

Посмотрим на конкретном примере, как идет процесс создания новой фантастической идеи, если используется «четырехэтажная» схема. Возьмем скромное одноэтажное здание «Космический скафандр» и попытаемся его достроить.

На первом этаже — «один скафандр». Есть несколько неплохих произведений, обыгрывающих идею изоляции человека от непригодных для жизни космических условий. Можно вспомнить, например, рассказ Р. Шекли «Земля, воздух, огонь и вода». Второго этажа («много скафандров») пока нет. И это понятно: переход от одного скафандра к массовому их применению не открывает сколько-нибудь интересных литературных возможностей.

Здесь мы сталкиваемся с интереснейшим явлением: зачастую бесперспективный второй этаж отбивает желание подниматься выше. Между тем над «нежилым» вторым этажом можно вполне продолжать строительство.

Третий этаж: «тот же результат (изоляция от непригодных для жиз-

ни условий), но без скафандра». Фантастика куда позже добралась до этого этажа, чем научиая гипотеза (увы, так бывает нередко). Я имею в виду идею киборгизации человека, выдвинутую Манфредом Клайнсом и Натаиом Клайни: оргаиизм перестраивается так, чтобы человек мог находиться в открытом космосе без скафаидра. Впрочем, этаж просторный. Тут хватит места для многих «изоэтажных» идей.

Четвертый этаж: «условия, при которых иет иеобходимости в результате». То есть условия, исключающие необходнмость в изоляции. Человек находится в открытом космическом пространстве — без скафандра и без перестройки организма. На первый взгляд это невероятно. Но ветер невероятиости — лишь прнзнак того, что приоткрывается дверь в фаитастику.

Чтобы человек мог находиться в космосе без скафандра, нужна космическая атмосфера. Безвоздушное пространство должно перестать быть безвоздушным...

Не правда ли, ощущение невероятности усиливается? Что ж, чем круче барьер, тем интереснее расположенная за нним фантастическая идея.

Итак, мы пришли к мысли об измененни условий в космическом пространстве. Есть проект Дайсона: «распылить» Юпитер н построить сферическую оболочку вокруг Солнца. К сожаленню, Дайсон не учел, что такая оболочка не сможет существовать: только в экваториальном ее поясе снла солиечиого притяжения будет уравновешена центробежной силой вращеиня. В связи с этим профессор Г. Покровский предложил строить раковину-оболочку, состоящую из отдельиых поясов, каждый из которых движется со своей скоростью.

Сфера Дайсона или раковнна Покровского нужиы, чтобы «поймать» все нзлученне Солнца и расширнть «жилплощадь» цивнлнзации. Обе идеи выдвинуты учеными, ио, увы, не могут претеидовать даже иа званне научно-фантастических. Взрыв Юпнтера и распыление его вещества — уже на грани фантастнки. Но перенос распыленной материи ближе к Солнцу и «лепка» из иее оболочки диаметром с земную орбиту — задача, лежащая где-то за фантастикой. Когда на рисуиках Г. Покровского ракетиые корабли буксируют кусочки раковииы, это выглядит слишком уж наивно.

А если распылнть Юпнтер и предоставить распыленное вещество самому себе? Оно соберется в гигантский диск шириной от орбиты Меркурня (более близкие частицы будут падать на Солнце) и до орбиты Плутона (более далекие частицы будут рассеиваться).

Отсутствие плотной среды — вот из-за чего требовалась изоляция человека в космосе. Такой средой может стать наклонеиный под некоторым углом к плоскости планетиых орбит Межпланетиый Атмосфериый Диск.

Атмосферный?

Даже если распыленное вещество будет нметь достаточную

плотиость, нм нельзя будет дышать.

Еще один психологический барьер...

Пусть Диск будет некнслородным! Важио, что вместо пустоты за бортом корабля будут неограниченные количества вещества: из иего можио «отсеять» кислород нли переработать это вещество иа кислород. К тому же вещество Диска может быть использовано в качестве топлива... и как опора для крыльев.

Отбросим теперь идею о дыхании в Межпланетиом Атмосферном Диске, это сущая безделица по сравнению с тем, что Днск дает опору крыльям!

Пустая космнческая бездиа разделяла планеты: прн любой — самой совершенной — техиике полетов плаиеты былн разрозненны, перелеты доступны ничтожиой части населеиня. Межпланетный Атмосферный Днск превратнт планеты в порты иа берегу общего океана. Принципиально упростится техиика полетов, иеизмернмо возрастут количество н разнообразие кораблей. Космос стаиет живым, общедоступным — как сейчас моря и океаны.

По проектам Дайсона и Покровского нужно было создать вокруг Солнца тоикие оболочки. Моитаж таких оболочек лежит за граиью фаитастики. Между тем Диск должен сам собой образоваться из распылеииого вещества. Более того, подобиый Диск уже был на самом деле! Именно он предшествовал возиикновению плаиет по теорин О. Ю. Шмидта. К услугам фантаста работы О. Ю. Шмидта, содержащие массу сведенний о первичиом пылевом облаке, его структуре, устойчивости, условиях в нем н т. д.

Впрочем, дело совсем не в научно-технической достоверностн. Как ндея фантастическая, Диск вполне правдоподобен, н для иас неизмернмо важнее литературиый потеициал этой ндеи.

Напнсаио великое миожество произведеиий, так нлн иначе связанных с космическимн полетами. И всегда за бортом корабля были черная пустота и безмолвие, нарушаемое лншь стандартным постукиваиием метеоритов. Теперь мы получаем возможиость показать живой космос! В Диск могут быть перенесены все земиые атмосфериые явлеиня, увеличеииые в мнллиоиы раз, ставшие космнческими по масштабам — и потому совершенно иовыми. Представьте себе бурю в Днске. Или радугу. Или бескоиечную игру света...

4

В статьях о фантастнке до сих пор бытует предельно упрощеииая «теорня», согласио которой фантастические идеи вовсе не обязательиы для создания доброкачественных пронзведеиий. Доказывается такая «теория» очень просто. Сиачала термнн «фаитастические идеи» подменяется термином «иаучио-техиические ндеи». Затем следует напоминаиие, что художествеииая литература является прежде всего человековедеиием. И сразу же делается категориче-

ский вывод: «Или техницизм, или человековедение. Приходится выбирать» *.

Любопытно оценить с этих позиций «20 тысяч лье под водой» Жюля Верна. Получается, что капитан Немо — это «человековедение», а «Наутилус» — «техницизм». Профессор Аронакс — тоже «человековедение», а подводные пейзажи, в которые он жадно всматривается, конечно же, «техницизм»... Но разве можно представить себе капитана Немо без «Наутилуса»? Или профессора Аронакса без тех чувств и мыслей, которые вызывает в нем океан?..

Во многих современных произведениях, и в этом их беда, бродят «капитаны Немо», неспособные придумать «Наутилус», и «Аронаксы», в глаза не видавшие океан. Вот, например, рассказ В. Михайлова «День, вечер, ночь, утро». Героине рассказа, архитектору, предстоит решить, переселяться ли в будущее, сможет ли она там продолжать любимую работу. Типично «человековедческая» ситуация. Героиня спрашивает человека, прибывшего к ней из будущего, об архитектуре. «Он стал рассказывать, рисуя в воздухе руками, и один раз даже остановился, чтобы нацарапать на песке контуры. Все было новым, кое с чем Кира не согласилась бы, многого просто не понимала; было ясно лишь, что это архитектура совсем других материалов и техники, задач и потребностей и эстетические критерии тоже, очевидно, подверглись определенным изменениям» *. Попробуйте на основе такого описания представить себе, какая она, архитектура будущего! Автору не хватило «техницизмов», а диалектика фантастики такова, что «человековедение» без «техницизмов» превращается в фикцию. Решение героини рассказа («Я не смогу там работать!..») лишено художественной мотивировки и, естественно, не вызывает у читателя никаких эмоций.

Фантастические идеи (в том числе и «техницизмы») играют роль красок на палитре писателя-фантаста. И если палитра бедна красками, нарисованная картина неизбежно окажется серой и невыразительной.

Идея Большого Диска — типичный «техницизм». Краска, ждущая художника... Но без красок не было бы живописи.

5

Исследователю, изучающему технологию писательского труда, приходится выслушивать возражения двоякого рода. «Помилуйте, — говорят одни оппоненты, — кому это интересно? К чему разбираться в этой... технологии? Ведь все ясно: хороший писатель пишет хорошо, плохой пишет плохо...» По этой логике хорошие булки произрастают на хороших деревьях, а плохие — на плохих. Чисто

---

* В. Ревич, Реализм фантастики. Сб. «Фантастика-68», изд-во «Молодая гвардия», 1969, стр. 279.

* «Искатель» № 4, 1968, стр. 28.

потребительская мудрость. И оспаривать ее бесполезно, потому что потребитель не способен задуматься над природой вещей. Литература для него только продукт.

Другие оппоненты выдвигают соображения, на первый взгляд более основательные. «Вы хотите, — говорят они, — раскрыть механизм творчества. Не приведет ли это к тому, что все будут мыслить и писать одинаково?»

Что ж, «четырехэтажная схема» действительно кажется общедоступной. Бери любую уже известную идею, преобразуй ее по формулам этажей и получай новые фантастические идеи, ситуации, сюжеты... На самом деле общедоступность эта обманчива. «Четырехэтажная схема» нисколько не унифицирует мышление писателя. Напротив, она помогает уйти от бесконечных повторов, от толкучки на пятачке избитых тем и сюжетов. Индивидуальность писателя от этого нисколько не страдает. Разве погибла живопись после того, как были открыты и стали сознательно применяться законы перспективы?

6

Я далек от мысли, что «четырехэтажная схема» главная или даже единственная линия развития фантастических идей. Вероятно, есть несколько таких логических линий. Должны существовать и определенные приемы получения «изоэтажных» идей. Должен быть какой-то (он пока только угадывается) тонкий механизм взаимодействия «техницизмов» с «человековедением». Все это еще предстоит исследовать.

Шестидесятые годы — время бурного развития советской научно-фантастической литературы. Количество постоянных читателей фантастики увеличилось в десятки раз. На первых порах новые читатели охотно принимали любую фантастику. Десятикласснику, впервые прочитавшему «Гриаду» А. Колпакова или что-нибудь в этом роде, казалось, что авторы открывают ему волшебные звездные миры. Но, повзрослев на несколько десятков книг, тот же десятиклассник обнаруживал, что ему лишь пересказали, притом с чудовищными потерями, то, что уже было у Алексея Толстого, Ефремова, Азимова, Саймака, Шекли... Фантастику чаще всего читают беспорядочно, но много, и через какое-то время это «много» срабатывает, помогая приобрести правильное представление об истинных и мнимых ценностях фантастической литературы. И вот тогда читатель начинает замечать, что современная фантастика слишком уж задержалась на вчерашних сюжетах, ситуациях, идеях. Космические пришельцы, бунтующие роботы, дерущиеся между собой двойники-биокопии, незамысловатые казусы из-за петель времени — вся эта вчерашняя экзотика уже не удовлетворяет повзрослевшего читателя. Не случайно анкетный опрос, организованный Комиссией по научно-фантастической литературе Союза писателей Азербайджана, показал, что основ-

ную слабость фантастики читатели видят в дефиците новых фантастических идей.

Подобно фотону, не имеющему массы покоя, фантастика может существовать только в движении, в развитии. В семидесятые годы фантастическая литература должна выйти на новые рубежи. Предстоит нелегкий переход к новым проблемам, новым героям и новым художественным приемам. И многое, очень многое зависит от развития теории фантастики.

ВСЕВОЛОД РЕВИЧ

Не быль, но и не выдумка

Заметки о русской дореволюционной фантастике.

Если бы в этом подзаголовке был обозначен любой другой вид литературной «продукции» — например, «исторический роман», «стихотворная сказка», «сатира», то вряд ли пришлось бы оправдывать появление такой статьи. Каждому ясно, что история литературы входит полноправной частью в сегодняшний литературный процесс, что ее развитие невозможно без установления преемственности, без выяснения традиций. Но с русской фантастикой дело обстоит несколько сложнее. Существовало (а может быть, и сейчас существует) мнение, что в нашей стране, за редкими и нетипичными исключениями, фантастики не существовало вообще. Такое мнение выразил в свое время Е. Замятин в книге «Герберт Уэллс»: «...Образцов социальной и научной фантастики почти нет; едва ли не единственным представителем этого жанра окажутся рассказ «Жидкое Солнце» Куприна и роман «Красная Звезда» Богданова, имеющие скорее публицистическое, чем художественное значение».

Категоричность этого заявления — результат неосведомленности, из книг русской дореволюционной фантастики можно составить довольно приличную библиотеку. Но серьезной и непрерывающейся традиции в русской литературе действительно не существовало. Своих Жюлей Вернов и Уэллсов у нас и вправду не было. (Так же, как не было более или менее «серьезной» приключенческой, в частности детективной, литературы.) Можно высказать не-

сколько предположений, почему так произошло, почему остались «белые пятна» на карте русской литературы, которая во всех остальных отношениях выдвинулась на ведущие позиции в мире. Боюсь, однако, что такие предположения можно многословно доказывать и довольно кратко опровергать. Самое неубедительное, с моей точки зрения, соображение: Россия в XIX веке не числилась в лидерах мирового научно-технического прогресса. Едва ли стоит тревожить имена Менделеева, Лобачевского, Лебедева или Павлова, чтобы доказать, что его опорные пункты располагались и на территории России. Был и интерес читающей публики. Произведения Эдгара По, Жюля Верна, Герберта Уэллса пользовались в России популярностью, вероятно превышающей популярность этих писателей на их родине. Но большой своей фантастики все же не было. Видимо, действовал целый комплекс причин, из которых не последнее место надо отвести подавляющему влиянию таких гигантов, как Лев Толстой, Достоевский, Чехов, утвердивших главной темой русской литературы нравственные искания мятущейся души. Были, наверное, и трудно учитываемые случайности литературного процесса, и это лучше всего доказывается тем, что после Октября 1917 года буквально за несколько лет родилась мощная и своеобразная школа фантастики. Пробел был заштрихован.

В свете всего сказанного есть ли смысл ворошить сейчас прах двух-трех десятков прочно и — чаще всего — заслуженно забытых книг? Смысл, мне кажется, все же есть. При нынешнем всеобщем увлечении фантастикой интересно же узнать, что в данной области совершили предшественники, что они сумели и что не сумели предвосхитить.

Невозможно, разумеется, писать об отдельных произведениях, вырывая их из «контекста» состояния литературы и публицистики данного периода, но и, понятно, невозможно в столь специализированной статье давать каждый раз развернутые характеристики. Остается надеяться, что общее представление о русской литературе XVIII—XIX веков читатель имеет, а я не претендую ни на что большее, чем на беглую сводку.

* * *

ПОСЛЕ ТАКОГО ВСТУПЛЕНИЯ ПОПРОБУЕМ ВЗЯТЬ СРАЗУ БЫКА за рога и отыскать в русской литературе самое первое произведение, которое хотя бы отчасти подходило под современные признаки фантастического жанра. Сосредоточив наши поиски на середине XVIII века, начале новой русской литературы, мы довольно быстро, хотя и с некоторым удивлением, обнаружим, что она и начиналась как литература фантастическая или, точнее, утопическая.

По жанру своему первые самостоятельные образцы профессиональной русской беллетристики

были философско-нравоучительными. Для такого содержания утопическая форма подходила как нельзя лучше. При этом, понятно, никакого значения не имело, происходит ли действие на неизвестном острове, либо в какой-нибудь когда-то и впрямь существовавшей стране, вроде Древнего Рима. Совершенно ясно, что автор не ставил себе целью воспроизводить хоть в какой-нибудь степени историю, и Рим в данном случае всего лишь псевдоним острова Утопия. М. Херасков так характеризовал свою повесть «Нума, или Процветающий Рим»: «Сия повесть не есть точная историческая истина — она украшена многими вымыслами, которые, не уменьшая важности Нуминых дел, цветы на ней рассыпают, — Нума здесь представляется, каков он был и каков мог быть».

Таких романов, повестей и драм начиная с шестидесятых годов XVIII века было написано немало. Однако историю русской фантастики мне хотелось бы начать не с них, а с произведения, стоящего несколько особняком, но, с сегодняшней точки зрения, значительно более занимательного. Я имею в виду повесть Ф. Дмитриева-Мамонова «Дворянин-Философ, аллегория», которая вышла из печати в 1769 году.

Кратко изложу ее содержание, перемежая его цитатами, чтобы дать почувствовать прелесть русского языка, коим пользовались литераторы того времени, в иных случаях сохраняя и старинную орфографию.

Итак, некий «дворянин-философ имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на пространном месте своего селения. Он всегда почитал систему Коперника сходною с делом, и для того предприниял тем планом подражать его системе». Поясню теперь современным языком, что именно затеял наш «философ» от нечего делать. Он начертил в своем поместье орбиты, разместил на них острова-планеты и звезды и населил их живыми существами, стараясь строго соблюдать масштаб в размерах как «планет», так и их обитателей. На Земле, например, у него живут муравьи, на Сатурне — лебеди, а на Сириусе — страусы (строфокамилы). Правда, желание не отступать от научной точности сразу же привело хозяина поместья к затруднениям. Так, по его расчетам получалось, что орбиту Сатурна пришлось бы отнести на 120 верст, а «...как располагал он сей план для единого своего увеселения, то какое было бы увеселение искать Сатурн в такой отдаленности?». Пришлось поступиться принципиальными соображениями.

Но это еще не фантастика, фантастика начинается тогда, когда в один прекрасный день у философа собрались гости и получили волшебную возможность не только обозреть сию модель вселенной, но и услышать разговоры разных «планетян». Для начала выяснилось, что муравьи — жители Земли — разделились на черных и се-

рых: расу господ и расу рабов. Черные держат серых в подчинении с помощью демагогических речей и ссылок на извечно существующий закон Верховного Муравья. Суть закона, разумеется, в том, чтобы сносить черным «10-ю долю вашего имения». Когда же один серый мудрец осмелился возразить, то — увы! — невежественные одноцветники не поддержали пророка в своем отечестве. В результате еретика ждал было костер, но люди спасли его и даже дали возможность побывать на других планетах. Журавли на Юпитере или лебеди на Сатурне высмеяли эту невзрачную букашечку. И даже мудрые жители Сириуса расхохотались над жителем Земли, хотя и остерегались, «чтоб не задавить его копытом, чтоб не утопить его в пыли и чтоб дыханием и движением крыльев не забросить его из виду».

Нетрудно заметить сходство этой повести с вольтеровским «Микромегасом». Это как бы «Микромегас» наоборот: не жители иных планет приходят к нам в гости, а земляне направляются к ним. Автор подчеркивает ничтожество человека, мнящего, что он перл создания; привлекает, однако, резкое осуждение «черных» угнетателей, которых автор объявляет мошенниками и обманщиками.

Таково первое произведение русской философско-сатирической фантастики. Первая же наша утопия была опубликована годом раньше. Это уже упомянутый «Нума, или Процветающий Рим» Михаила Хераскова. Впоследствии Херасков написал еще две книги в том же духе: «Кадм и Гармония, древнее повествование» (1786 г.) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794 г.).

Как и все утописты, Херасков пытался в своих книгах изобразить «благополучное» состояние общества, благо, дела в крепостнической России весьма способствовали сочинениям на подобные темы. Правда, сам Херасков грустно сознает, что книга вряд ли окажет серьезное воздействие на умы. Но, успокаивает он себя, «ежели нет благополучных обществ на Земле, то пусть они хотя в книгах находятся и утешают наши мысли тем, что и мы со временем можем учиниться щастливыми».

Нума — простой землепашец, которого граждане за его мудрость и справедливость решают пригласить на римский трон. Сначала он отказывался, но нимфа Егера проинструктировала его, как нужно управлять государством, чтобы сделать подданных счастливыми. Эта ситуация позволяет Хераскову высказать ряд сентенций-советов царям. Например, истинная слава правителя «не всегда оружием приобретается, победоносные лавры часто кровью верных сынов оплачены бывают, торжественные восклицания победителей нередко 10
воплем вдов и сирот провожаются». Царь, по мнению автора, «слуга отечества», «отец своих подданных». Правда, если подданные не доросли до понимания пользы законов, то «надлежит принудить их

быть щастливыми, хотя они и не предвидят сего». Это уже более опасная рекомендация, ибо, как известно, понимание счастья у царей и их подданных может и не совпадать.

В херасковском «Нуме» отразились идеи просвещенного абсолютизма и надежды либерального дворянства в начале царствования Екатерины II.

Кадм — это еще более идеализированный образ мудрого правителя. Но есть и разница между первым и вторым романами. «Кадм» создавался уже после Французской революции, поэтому смелости у Хераскова поубавилось. Появились формулировки типа: «безобразное чудовище, вольностью именуемое». В «Полидоре» Херасков даже вывел отрицательный образ мятежника-республиканца Рувада.

Советы царям давал не только Херасков, но и другие писатели: например, Федор Эмин в своей книге «Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры; постоянная жизнь и жестокость Фортуны его гонящей» или Павел Львов во второй части «Российской Памелы». Конечно, это были достаточно благонамеренные советы. Сама Екатерина, которая, как известно, тоже баловалась пером и даже издавала журнал «Всякая всячина», была не прочь пофилософствовать на тему о просвещенном государе. Однако порой в книгах прорывались и симпатии к угнетенному крестьянству, и протесты против социального неравенства, хотя им и было еще далеко до радищевского набата. «Там нет богачей и нищих, нет огорченных и обиженных» — так формулирует основной принцип «золотого века» П. Львов.

Утопия — один из истоков современной фантастики — была, пожалуй, самым популярным жанром у пишущей и читающей публики того времени. Немало выходило и переводных сочинений, в числе их был Томас Мор. Исследователи общественных взглядов второй половины XVIII века обычно среди отечественных произведений подобного рода выделяют «Путешествие в землю Офирскую» князя Михаила Щербатова, написанное примерно в 1773—1774 годах. Это действительно во многих отношениях любопытный документ; переоценивать его значение, однако, не стоит, потому что князь не решился его опубликовать и даже не закончил его, и «Путешествие» увидело свет в самом конце XIX века, когда представляло только исторический интерес. Однако незаурядность этого крупного политика и публициста, который, по оценке Плеханова, «был во второй половине XVIII века едва ли не самым замечательным идеологом русского дворянства», привлекает внимание и к его утопии.

«Путешествие в царство Офирское» имеет все внешние признаки классических утопий и, несомненно, написано не без их воздействия. Но есть и принципиальная разница: большинство западноевро-

пейских утопий были по духу своему коммунистическими, призывали к равенству, а сочинение князя Щербатова — это довольно редкий вид реакционной утопии, призывающей сохранить существующие порядки. Конечно, с необходимыми исправлениями. Словом, автор рисует нам, какой бы он хотел видеть идеальную Российскую монархию.

«Швецкий» дворянин С., который служил в Ост-Индии и там выучился санскриту, возвращаясь на родину, попал около мыса Доброй Надежды в бурю, корабль сильно отнесло к югу, там мореплаватели встретили неведомую землю, где им была оказана помощь. Уже названия городов и рек Офирии свидетельствуют о том, что автор и не думает маскировать свои намерения. Путешественники попали в Перегаб на реке Невии, бывшую столицу государства. Однако теперь престол перенесен обратно в древнюю столицу Квамо (в этой анаграмме не хватает лишь буквы «с», есть еще в «Путешествии» река Голва, город Евки и т. д.). Так Щербатов осудил петровское начинание и выразил свои старорусские вожделения. Он вообще считает города источником повреждения нравов и всячески их поносит. Архитектурные сооружения, например, именуются «кучами камней». Часть городов пришлось снова обращать в деревни, к удовольствию жителей.

Говорят офирцы, как вы догадываетесь, на санскрите, недаром же С. изучал его в Индии. Для чего Щербатову понадобился именно санскрит, сказать трудно, потому что больше никакой ориенталистики он не допускает. Конечно, офирцы предельно добродетельны. Вино считается ядом, художества не достигли особого развития, так как царит культ пользы, скромности и простоты. Вот любопытный пример скромности и умеренности. Описывается званый обед у начальника порта: «Скатерть была простая. Сервиз был жестяной, и хотя все с великой чистотой, но и великой простотой было. Кушанья было очень мало. Хотя нас было десять человек за столом, но обед состоял из большой чашки похлебки, с курицею и травами свареной, из блюда говядины с земляными яблоками (то есть с картофелем. — **В. Р.**), из блюда рыбы вареной, затем жареной дичи и, наконец, из пирожного, сделанного с медом, на молоке и яйцах. Пили мы в зеленых стеклянных больших сосудах воду, а потом мы потчеваемы были разными напитками: водою из сосновых шишек с медом, водою из черной смородины и одним густым питьем из проса, наподобие нашего пива».

«По-видимому, — прокомментировал это место литературовед В. Святловский, — вельможе-автору показалось, что он перехватил в скудости питания, потому что после обеда из пяти блюд Щербатов ведет приглашенных в гостиную, где их еще угощают свежею земляникою, клубникою, черникою и морошкою».

Щербатов выступает против неограниченного абсолютизма, благоденствие народа обеспечивается

мудрыми советниками монарха из знати. Разумеется, нет никакого отрицания частной собственности, никаких отголосков идей равенства. Идеал Щербатова — полицейское государство, «в коем власть государственная соображается с пользою народною». Словом, «Путешествие» представляет странную смесь из весьма прогрессивных для России тех времен призывов, вроде ограничения произвола, и самых реакционных предложений — например, создать военные поселения, примерно такие, какие впоследствии создали Аракчеев и Клейнмихель.

Перейдем теперь к значительно более забавному «Новейшему путешествию, сочиненному в городе Белеве» Василием Левшиным (1784 г.). Правда, в художественном отношении произведение Левшина особой ценности не представляет, но зато перед нами первое в русской литературе путешествие на Луну.

Среди 160 книг Левшина о домоводстве, садоводстве, огородничестве, охоте, содержании певчих птиц, крашении тканей, ветеринарии, постройке мельниц, цветоводстве, кулинарии есть и художественные произведения. Приведу целиком первый абзац «Новейшего путешествия», чтобы убедить вас, что это н вправду подступы к научной фантастике:

«Нарсим, размышляя о свойстве воздуха, никак не сумневался, чтоб нельзя было изобрести удобной машины к плаванию по оному жидкому веществу; он видел, как перо от малейшего ветра поднимается на сию стихию. Разве не то же самое служило к изобретению водоходных судов? — воображал он. Конечно много веков прошло доколь найдено средство плавать по морям: н без сумнения все видали, что счепка дерева не может погрязнуть в воду. Не то ли самое с пером и воздухом? От счепки произошли военные корабли: а перо доставит нам способ сделать орудие, удобное возносить нас выше нашей атмосферы...»

Раздумывая над этими и прочими загадками мироздания, изобретатель задремал, и во сие ему привиделось, что аппарат с крыльями уже изобретен, в нем Нарсиму удалось подняться так высоко, что он оторвался от притяжения Земли и приблизился к Луне. Тут его охватил такой «ентусїазм», что он чуть-чуть не разбился, так как перестал махать. «Посмотрим, говорит он сам себе, для наших ли тварей создан кружок сей, и нет ли в нем животных равномерно мыслящих, что земля наша есть их месяц?..»

Чтобы герой не погиб без воздуха, автору приходится ввести и подробно обосновать научно-фантастическую гипотезу о том, что воздух заполняет все пространство между небесными телами и что благодаря именно этому они не падают друг на друга. Несмотря на всю наивность объяснения, трогает то, что автор подумал об этом препятствии, немало фантастов XIX и даже XX века ничтоже сумняшеся отправляли своих героев путешествовать по космосу в воздухоплавательных аппаратах.

Естественно, Луна оказалась населена, стоило бы туда летать в противном случае.

Каковы же были первые «русские» селениты? Конечно, добродетельные, конечно, скромные и трудолюбивые; государств и государей на Луне нет, законов тоже, но мораль находится под надзором родовой организации, во главе которой стоит мудрый старец. Науки не в почете, ибо патриархальность активно обороняет себя от всяких новомодных веяний. «Кто пустится в разные выдумки, тому мы не даем есть, и голод всегда заставляет его образумиться». Дома на Луне сооружаются из драгоценных камней, а крыши из золота. Вид этих строений вызывает в сыне Земли весьма трезвую мысль: местным жителям очень повезло, что земные колумбы еще не добрались до них со своими конкистадорами.

Нарсим уже, наверно, устал восторгаться нравами л у н а т и с т о в, очень похожих на щербатовских офирцев, как вдруг появился новый герой из «местных» — Квалбоко, который совершил подобное же путешествие на Землю, и оттертому в сторону Нарсиму остается только комментировать его рассказы. Историю человечества, начиная с Адама и Евы, Квалбоко излагает не самым лестным для нас образом. «Зависть, злоба, честолюбие, гордость, зверство, суть наследственные побуждения, кои провождаются все их деяния». Нарсим пытается вступиться за попранную людскую честь, но получает резкий отпор от Квалбоко. И совершенно понапрасну, потому что, как вскоре выясняется, золотое царство на Земле все же есть, а именно... Россия, управляемая Екатериной. До этого места перед нами была фантастическая сатира, и вдруг тон повествования резко изменился и стал медоточивым. И все-то там благоденствуют, захлебывается от восторга Квалбоко, все трудятся, все счастливы, следов войны нет и в помине, здесь не знают о казнях и религиозных притеснениях, так как на престоле «самая премудрость», и т. д. и т. п. «Ее царствие есть образец, с коего долженствует копировать себя владетелям» — таким панегириком Екатерине заканчивается эта странная повесть. Замечу, кстати, что она была напечатана в журнале «Собеседник любителей российского слова», скромным редактором которого была сама императрица (и княгиня Е. Дашкова). В. Левшин, как пишет о нем «Литературная энциклопедия», совершил эволюцию от вольтерьянства и социального утопизма к верноподданническому национализму. Любопытно, что этот поворот как бы смоделирован в рамках одной повести.

На этом мы покончим с XVIII веком. Фантастико-утопические элементы встречались еще у многих литераторов того времени. Писатели охотно рисовали образы хороших, образцовых царей и еще более охотно нападали на придворных, льстивых и корыстолюбивых вельмож, которые «отгораживают царей от народа». Конечно, сейчас все эти произведения представля-

ются нам занятными историческими раритетами. Стоит, однако, обратить внимание, что с первых своих шагов фантастика понадобилась для воплощения философско-политических взглядов.

* * *

ПОЛИТИЧЕСКИ XIX ВЕК НАЧИНАЕТСЯ С ВОССТАНИЯ декабристов. Продолжая поиски ранней русской фантастики, мы найдем маленькое произведение «Земля Безглавцев», опубликованное в 1824 году в альманахе «Мнемозина». Оно принадлежало перу замечательного поэта и человека, активного участника декабрьского восстания Вильгельма Кюхельбекера. В «Земле Безглавцев» мы снова отправляемся на Луну. Автор не мудрствует лукаво и не придумывает никаких объяснений. Увидел в Париже воздушный шар, и так как никто не решался принять любезного приглашения его владельца, то «я вспомнил наше родное н е б о с ь, поручил себя богу и отправился со своим спутником искать похождений и счастья». И заносит их на Луну, в страну Акефалию (то есть безголовую) в столицу многочисленного народа безглавцев Акардион (то есть бессердечный), который весь был «выстроен из ископаемого леденца, — его омывали река Лимонад, изливающаяся в Шербетное озеро».

Однако автор вовсе не собирается «хохмить», как бы мы сейчас сказали. Он пишет недвусмысленную, резкую, как пощечина, сатиру на окружающую его российскую действительность. Вот, например: «Большая часть жителей сей страны без голов: более половины без сердца. Зажиточные родители к новорожденным младенцам приставляют наемников, которые до двадцатилетнего их возраста подпиливают им шею и стараются вытравить им сердце: они в Акефалии называются воспитателями. Редкая шея может устоять против их усилий; редкое сердце вооружено на них довольно крепкой грудью.

Я вспомнил о своем отечестве и с гордостью поднялся на цыпочки, думая о преимуществе нашего воспитания перед акефалийским. Мы вверяем своих детей благочестивым умным иностранцам, которые хотя ни малейшего не имеют понятия ни об нашем языке, ни об нашей святой вере, ни об прародительских обыкновениях земли нашей, но всячески стараются вселить в наших юношей привязанность ко всему русскому».

Достается и российской словесности: тамошние поэты доказывают, что дважды два — пять, в то время как «наши русские поэты выбрали предмет, который не в пример богаче: с семнадцати лет у нас начинают рассказывать про свою отцветшую молодость». Вывод рассказа: «Безглавцы омерзели мне по своему притворству: они беспрестанно твердят о головах, которых не имеют, о доброте своих сердец, которыми гнушаются...».

От декабриста Кюхельбекера мы переместимся на противоположный политико-литературный полюс и

заглянем в собрание сочинений Фаддея Булгарина. Едва ли в истории русской журналистики и литературы есть имя более презираемое, чем это (Катков еще, быть может). Его и помним-то мы главным образом по убийственным пушкинским эпиграммам. Верноподданнический писатель, осведомитель III отделения, травивший в своих газетах и журналах передовую, реалистическую литературу, он тоже питал влечение к жанру утопии. Несколько неожиданно, не правда ли? Что поделать, очередное хронологически произведение, попадающее в рамки нашего обзора, принадлежит именно ему. В 1824 году в «Литературных листках» появились «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в двадцать девятом веке». Необходимо, кстати, отметить, что то был краткий период в жизни Булгарина, когда он занимает двойственную позицию, даже сотрудничает в рылеевской «Полярной звезде» и дружит с Грибоедовым. А в самом произведении нет ничего сверхреакционного, оно, так сказать, умеренно консервативно.

Три момента в повестушке Булгарина могут привлечь наше внимание. Прежде всего: это первое у нас путешествие по времени. Научных оправданий, правда, этому не приводится никаких. Попал наш рассказчик в будущее до крайности просто. Плавая с постоянным своим литературным собеседником Архипом Фаддеевичем в лодке, он заводит с ним актуальный философский спор: способно ли человечество к совершенствованию и, в частности, превзошли мы эллинов или нет? Тут рассказчик произносит такую, очень современно звучащую фразу: «Правда, что в физических науках мы гораздо выше древних, и если открытия будут продолжаться беспрестанно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет».

И чтобы тут же дать возможность рассказчику проверить свои предположения, поднимается ветер, ялик опрокидывается, герой теряет сознание и приходит в себя ровно через тысячу лет в комнате, стены которой были из фарфора с золотой филигранью (до чего ж осторожно надо было ходить в такой комнате), ставни из слоновой кости, а мебель из серебра (представляете, сколько она весила!). Так как золота и серебра много, то они ничего не стоят. «Только то мило, что редко и дорого». Что же редко и дорого в той стране? Внимание: тамошние монеты чеканятся из «дубового, соснового и березового дерева». Вот второй момент в повести Булгарина, звучащий злободневно. Профессор, играющий штатную в подобных произведениях роль экскурсовода, говорит: «От того-то, что наши предки без всякой предусмотрительности истребляли леса и не радели о воспитании и сохранении дерев, они наконец сделались редкостью и драгоценностью». Вспомним, что это писалось почти 150 лет назад!

Но иа констатации этого факта автор не остаиавливается, он предлагает и выход нз создавшегося положеиня, тоже очеиь актуальный. «Все, что вы здесь видите иа столе... есть произведеиие моря. По чрезвычайиому народоиаселеиию на земиом шаре н по истреблеиии лесов, все почти животные и птнцы, которые прежде в таком миожестве употреблялнсь в пищу, перевелись. Но за то море представляет нам иеисчерпаемый магазин для продовольствия. После нзобретеиия подводиых судов и усовершеиствованя водолазиого искусства дно морское есть плодоносная нива, посеянная иесчетиым множеством питательных растенй, а воды снабжают нас в нзобилни рыбами, водоземиымн животными и раковинами». Более чем за сто лет до француза Кусто иаш Фаддей Булгарин мог бы взять патеит на нзобретеиие акваланга. Судите сами: «Они (пловцы. — **В. Р.**) были одеты в ткаии, непроиицаемые для воды, на лице имели прозрачные роговые маскн с колпаком... По обоим концам висели два кожаные мешка, иаполиеииые воздухом, для дышаиия под водой посредством трубы».

В повестн есть еще воздушные дилижаисы, парашютиые десанты, есть машииы для делаиня стихов и прозы, но от их употребления давно отказались. Социального прогресса почти иикакого: короли, принцы, купцы; подводные фермы и хутора приналежат богатым помещикам. Чуть ли не едннственный признак демократизма: дети богатых н бедиых обучаются совместно.

Годом позже в разделе «Нравы» «Севериого архива» Ф. Булгарин опубликовал «Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли». Эта повесть полемически заостреиа против литературиых противников автора.

Как видно из ее названия, осиовиые фантастнческие маршруты ие являются детнщем иовейшего времеин. Повесть опять-таки начинается философским разговором с Архнпом Фаддеевичем: «Как вы думаете, Архип Фаддеевнч, неужели наша Земля обитаема только иа ее поверхности?» — «Почем знать! — отвечает тот. — Наши Ученые обыкиовеиио занимаются более отвлечениостями, стараются заглянуть за пределы Сириуса и ие смотрят себе под ноги».

Незамедлнтельио — чтобы пристыдить нерадивых ученых — обнаруживается рукопись, приобретенная у московского «разносщика» за семь грнвен, которая и сообщается читателям, ибо «я, — говорит автор, — прнвык разделять с нимн все мои умствеиные наслаждения».

Автор этой новой рукописи, опять-таки после кораблекрушения, вместе с матросом Джоном попадает на Новой земле в огромную воронику, куда они долго — целые сутки — съезжают по мягкому песку. «Приехав», оии обнаруживают там, в центре Земли, обитателей и последовательио посещают трн страны. Первая — Игнорация (то есть Невежественная); жители ее, пребывающие в

темноте, похожи на пауков с «большими брюхами» и «весьма малою головою». Они не признают никаких «умственных наслаждений», «кроме умения есть, пить, спать и беседовать о вчерашнем и завтрашнем, о погоде, женщинах и нарядах».

Жители второй страны, Скотинии, живут в полутьме и уже больше похожи на людей. Точнее, напоминают орангутангов. Они считают себя «самыми умными, учеными и образованными из всех обитателей земного шара»; на самом же деле они нелепые зазнайки и полузнайки. Рядом намеков автор дает понять, что под скотиниотами подразумевает любомудров — литературно-философский кружок, с которым он враждовал.

Есть, разумеется, и страна, где царствует истинное просвещение — Светония, а ее главный город называется... Утопией. Светонцы благонамеренны, добры, скромны, честны, умны — словом, обладают всем набором ходячих добродетелей. Особое внимание в каждой стране автор уделяет женщинам, довольно плоские издевки по их адресу были одной из любимых тем фельетонистов того времени. В Светонии женщины — это, разумеется, совершенство, они даже с трудом воспринимают рассказы путешественника о тех диких обычаях, которые бытуют на поверхности планеты, например, ему долго пришлось втолковывать, что такое мода: «Мода есть обычай переменять как можно чаще цвет и покрой платья, вид прически, фасон шляпки, форму экипажа и домашних приборов, даже образ жизни, занятий, увеселений... Мы меняем покойное на беспокойное, твердое и крепкое на слабое, красивое на безобразное потому только, что так велит м о д а».

Рядом с именем Булгарина у литературного столба позора, как правило, ставятся еще две фигуры — Греч и Сенковский. Греч нас сейчас совсем не интересует, а вот что касается Осипа Сенковского... В подробном литературном портрете «Барон Брамбеус» В. Каверин нарисовал хотя и противоречивую, но в общем скорее положительную, чем отрицательную фигуру талантливого журналиста, создателя знаменитой «Библиотеки для чтения», образованнейшего человека своего времени, одного из первых научных популяризаторов, одного из первых русских востоковедов. В то же время... Впрочем, здесь не место для углубления в литературную позицию О. Сенковского. Займемся его произведениями, имеющими непосредственное отношение к избранной теме. Я имею в виду «Фантастические путешествия барона Брамбеуса», которые вышли в тридцатых-сороковых годах несколькими изданиями. Из трех путешествий, собранных в этой книге, довольно толстой, к фантастике, собственно, имеют отношение второе и третье, а из них наибольший интерес представляет второе — «Ученое путешествие на Медвежий остров». Честно говоря, из всего до сих пор перечисленного это первое произведение, ко-

торое сохранило непосредственную прелесть и для сегодняшнего читателя.

Повествование, как и в других произведениях Сенковского, ведется от имени вымышленного персонажа — барона Брамбеуса. Этот персонаж получил собственное лицо и собственную биографию. Литературное ухо при слове «барон» срочно вспоминает другого барона — Мюнхгаузена. И хотя это далеко не одно и то же, сходство действительно есть. Брамбеус тоже дорого не возьмет, чтобы выдать за истину самую что ни на есть небылицу. Правда, Сенковский использовал своего литературного товарища и для сведения личных счетов; до этого, как известно, добродушный и правдивый Мюнхгаузен никогда не опускался.

«Ученое путешествие» по смыслу своему — пародия. Научная фантастика, а именно к этому современному понятию ближе всего подходит повесть Сенковского, еще не успев как следует родиться на свет, уже стала высмеивать саму себя. Завязка повести очень напоминает многие современные произведения: в заброшенной пещере обнаруживаются таинственные письмена, которые запечатлели историю гибели давно исчезнувшей цивилизации.

Надеюсь, что в тех цитатах, которые я приведу, почувствуется остроумный стиль этого произведения. На иронический лад читателя настраивает уже эпиграф: «Итак, я доказал, что люди, жившие до потопа, были гораздо умнее нынешних: как жаль, что они утонули».

Барон Брамбеус, который долго путешествовал по Египту и, «быв в Париже, имел честь принадлежать к числу усердных учеников Шампольона-младшего», отправляется в путешествие по Сибири вместе с доктором философии Шпурцманном, «личным приятелем природы, получающим от короля Ганноверского деньги на поддержание своих связей с нею». До почтенных путешественников доходят слухи о таинственной «писаной комнате» на острове Медвежьем в устье Лены.

Они добираются на этот остров и, проникнув в пещеру, с изумлением видят каменные стены, покрытые высеченными на них иероглифами. Конечно, египетскими, недаром же Брамбеус был учеником Шампольона. Правда, сперва их несколько смутило «то, каким непостижимым случаем Египетские иероглифы забрались на Медвежий остров, посреди Ледовитого Океана... Не белые ли медведи сочинили эту надпись?» Но отважным землепроходцам тут же удается найти объяснение, тоже вполне в духе нынешней научной фантастики: «Это только новое доказательство того, что так называемые Египетские иероглифы не суть Египетские, а были переданы жрецам того края гораздо древнейшим народом, без сомнения людьми, уцелевшими от последнего потопа».

На то, чтобы скопировать эти надписи, у путников нет времени, его только-только хватает, чтобы

нх прочнтать. И вот ученнк Шампольона начннает, не затрудняясь, шпарить по-пнсаному; вместо глав в повестн ндут стены: Стена I, Стена II н т. д. Развертывается в том же пародийном ключе история допотопной страны, которая погнбла от удара кометы, о чем н поведал на камне последний оставшийся в жнвых жнтель столнчного города Хухуруя (весьма напомннающего Санкт-Петербург). Шпурцманн слушает чтенне Брамбеуса, разинув рот, и лишь иногда делает глубокомысленные замечания. Напрнмер, немец не выдерживает, когда чтец вставляет в свой рассказ слово «кокетка». Возннкает научная днскуссня:

«— Я не думаю, — говорит Шпурцманн, — что кокеткн былн нзвестны еще до потопа... Тогда водились мамонты, мегалосауры, плезиосауры, палеотерионы и разные драконы и гндры: но кокеткн — это произведение новейших времен.

— Извнннте, любезный Доктор... Вот нероглиф, лнсица без сердца, это по грамматике Шампольона-младшего должно означать кокетку...»

Сцена, в которой высекавший нероглнфы н его возлюбленная Саяна подвергаются нападению плезнозавра, весьма напомннает кинофнльм «1 000 000 лет до нашей эры».

Однако главное спрятано на последней страннце. Когда чтенне закончено, выясняется, что ннкаких нероглнфов не было, а былн лишь естественные узоры, которые под действием снльного холода образовалнсь на поверхности гнгантского сталагмита. Немец в ярости, но Брамбеус спокойно парирует: «Не моя ж вина, ежели природа играет так, что нз ее глупых шуток выходит по грамматнке Шампольона очень порядочный смысл!»

Я думаю, что комментарии здесь могут только повреднть.

Пароднйно н следующее происшествне с бароном Брамбеусом, случившиеся во время «Сентиментального путешествня на гору Этну». За невинный, с его точкн зрення, флирт с нтальянкой ревнивый швед столкнул несчастного барона в кратер «волкана». Земля внутрн оказалась опять-таки пустотелой, с собственным мирком, в котором все ходят головамн к центру Землн, а ногамн по внутренней поверхностн шара.

Мнр, в котором очутнлся барон, — это мнр навыворот, так сказать, антнмир. Там танцуют на похоронах, денег никто не платнт, дуракн счнтаются умнее умных, семейное счастье заключается в том, что супругн целый день ссорятся. Правда, оказалось, что н к этому мнру можно привыкнуть. Герой нзбрал себе жену навыворот, устронл себе хозяйство вверх дном, а прн блнжайшем удобном случае был выброшен обратно на поверхность Землн через жерло Везувня.

* * *

САМЫМ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ФАНТАСТИЧЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ ТОГО временн обыч-

но считается неоконченная повесть Владимира Федоровича Одоевского «4338-й год». Ни до каких левых «крайностей» ни в своем творчестве, ни в своем мировоззрении В. Одоевский не доходил, тем не менее он был по-своему человеком передовым. Но, надо сказать, это была личность весьма противоречивая: с одной стороны, царский чиновник, сенатор, с другой — помогал петрашевцам и сотрудничал в «Искре» *. Он и сам осознавал свою раздвоенность: «Псевдолибералы называют меня царедворцем, монархистом и проч., а остальные считают меня в числе красных». Может быть, этому способствовали обстоятельства его рождения. По отцу он был князь, Рюрикович, а мать его была бывшей крепостной крестьянкой. Обе эти стороны Одоевского — и княжеская, и демократическая — отразились в его неоконченном «4338-м годе».

Тогдашние утописты чаще всего оперировали именно такими гигантскими временными промежутками, как одно, два, три тысячелетия. Срок этот не представлялся им особенно большим, темпы жизни были так медленны, что интервал в одно-два столетия казался им слишком незначительным, чтобы за этот срок произошли хоть сколько-нибудь серьезные изменения в жизни человеческой вообще и в жизни русского общества в частности. Подобным же образом назвал свою книгу современник Одоевского А. Вельтман «MMMCDXLVIII год». Правда, к нашей теме его сочинение прямого отношения не имеет, это приключенческая мешанина из жизни королей и пиратов. Все же дата показательна. Через тысячелетие происходит действие «Неправдоподобных небылиц» Булгарина. Но чем ближе мы подходим к сегодняшнему дню, тем, как правило, короче расстояния до будущего.

Вернемся, однако, к Одоевскому. Как писатель он более всего известен своими романтическими повестями, зачастую с мистическим оттенком, и детскими сказками (кто не знает его прекрасного «Городка в табакерке), но появление научно-технической утопии в его творчестве не должно казаться удивительным. Писатель-просветитель, один из крупнейших русских музыковедов, Одоевский всю жизнь интересовался историей науки, открытиями, техническим прогрессом. В частности, он хотел написать роман о Джордано Бруно, чья фигура привлекала его необыкновенно. «Семена, брошенные им, не нам ли принадлежит возращать», — писал он. Одоевский очень высоко оценивал роль науки и техники в совершенствовании человечества.

Самим автором были опубликованы лишь отрывки из повести под названием «Петербургские письма». Это послания одного китайского студента, путешествующего по России, своему другу в Пекине. Он делится впечатлениями

* Русский сатирический журнал (1859—1873 гг.) под редакцией поэта Курочкина.

от нашей страны, какой она будет через 2500 лет. Почему выбрана именно эта дата? Во-первых, несомненно, из-за ее «круглости», а, во-вторых, Одоевский рассчитал, что в 4338 году к Земле должна приблизиться или даже столкнуться с Землей комета Вьелы (Биелы — в современном написании). Видимо, автору хотелось построить драматический сюжет романа на борьбе человечества с приближающимся стихийным бедствием. Впрочем, ученые отнюдь не обескуражены появлением кометы и собираются уничтожить незваную гостью снарядами, как только она окажется в пределах досягаемости. Любопытно отметить, что подобная же угроза со стороны той же самой кометы Биелы использована и в другом фантастическом произведении — в повести Алексея Толстого «Союз пяти», и вообще кометная угроза станет в фантастике XX века довольно расхожей темой.

В утопии Одоевского наиболее интересны научно-технические предвидения и мечты. Предвидения, может быть, и не слишком смелые, но зато весьма точные, научно обоснованные. О его прозорливости сегодня мы можем судить хотя бы по таким словам: «Нашли способ сообщения с Луною; она необитаема и служит только источником снабжения Земли различными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения. Эти экспедиции чрезвычайно опасны, опаснее, чем прежние экспедиции вокруг света; на эти экспедиции единственно употребляется войско...» Догадайся Одоевский сократить время осуществления своих проектов в 20—25 раз, то есть до 100—150 лет, он бы во многом попал в самую точку. Однако автор даже посчитал нужным оправдаться перед читателем и заявить, что в его произведении нет ничего такого, чего было бы нельзя вывести естественным образом «из общих законов развития... Следовательно, не должно слишком упрекать мою фантазию в преувеличении».

По Одоевскому будущее человечества — это полное овладение силами природы. Мы находим у него такое удивительно современное слово, как «электроход», вулканы Камчатки служат для обогревания Сибири, Петербург соединился с Москвой и возник — воспользуемся современной терминологией — мегаполис, чрезвычайно развился воздушный транспорт, в том числе персональный, человечество переделало климат, удивительных успехов достигла медицина, женщины носят платья из «эластического стекла», то есть из стекловолокна, есть цветная фотография и т. д. Даже появление своих собственных «Записок из будущего» Одоевский постарался объяснить «научным» путем: человеческое сознание способно путешествовать по векам и странам в состоянии модного тогда сомнамбулизма. Есть, конечно, и смешные проекты, вроде домашней газеты, размножаемой фотоспособом, или магнетических ванн.

Но в целом исследователи справедливо отмечали, что в случае завершения у Одоевского мог бы получиться роман жюль-верновского склада.

Впрочем, как и у других авторов, научный прогресс человечества совершенно не сопровождается социальным. Конечно, резко улучшились нравы, отпала необходимость в полиции, и даже государь стал поэтом. Наука захватила важные позиции. Молодой человек, чтобы выдвинуться или хотя бы завоевать расположение девушки, должен совершить какое-нибудь научное открытие. В противном случае он считается «недорослем». Создана даже специальная ассоциация из людей науки и искусства для наилучшего функционирования и того и другого. Социального строя, однако, все это не затрагивает. Остались высшие и низшие классы, господа и лакеи, осталось богатство как критерий общественного положения: в мировые судьи, например, избираются люди не только почтеннейшие, но и богатейшие. У них есть право и обязанность вмешиваться во все на свете, даже в интимную семейную жизнь.

«4338-м годом» фантастический элемент в творчестве Одоевского не исчерпывается. Но остальное — фантастика иного рода, где научные мотивы переплетаются с мистическими. Так, цикл «Пестрые сказки» вложен в уста Ириния Гомозейки, этакого русского Фауста. Он магистр философии, знает всевозможные языки, которые преподаются и не преподаются на всех европейских кафедрах. Впрочем, он предпочитает заниматься такими дисциплинами, как алхимия, астрология, хиромантия, магия и т. д. «Могу спорить о всех предметах, мне известных и неизвестных, а пуще всего люблю себе поломать голову над началами вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами...»

Среди «Пестрых сказок» есть, например, рассказ «Сегелиель» — повествование о падшем духе, который тем не менее мечтает делать добро, за что и был сослан Люцифером на Землю, где он появляется в разных видах — 14-летнего мальчика, Савонаролы, Леонардо да Винчи... Мир духов и мир реальный находятся в тесном и постоянном взаимодействии. Так, желая принести максимум пользы людям, этот новоявленный Агасфер поступает на службу... русским чиновником. «Падший дух в роли русского чиновника... — пишет исследователь мировоззрения Одоевского П. Сакулин, — эта идея легко может вызвать улыбку, но Одоевский относится к ней весьма серьезно: он был полон веры в великое значение государственной службы».

Кстати сказать, примерно в те же годы появляется еще один роман, носящий титул фантастического, с похожим сюжетом. Он принадлежал перу ныне совершенно неизвестного Р. Зотова и назывался «Цын-Киу-Тонг, или Три добрые духа тьмы». Здесь тоже идет речь об одном из сподвижников сатаны, тоже не желающем при-

носить зла и тоже отправлениом на Землю. Роман Зотова, написанный в духе заннмательной восточной сказки, более иронинчеи, чем рассказ Одоевского, н подводит читателя к выводу, что вмешательство духов, даже добрых, в земные дела нежелательно н бесперспективно и для духов, и для людей. Люди по своей прнроде — стихийные материалисты и воспринимают начинания высших существ иедоверчиво. Когда дух заявляет, что он прилетел на Землю, его тут же спрашивают: «Как прилетел? На воздушном шаре? Разве у вас знают тайну аэростатов?» А при упоминанин бога Тиеиа встречный человек тут же соображает: «А! Так ты дух из кнтайской мифологии?»

Если только в этой кннге подменить мифологические посылки и сделать этого духа, допустим, роботом нлн пришельцем, то возннкнет чистейшее произведение научной фантастики, в котором существо, ие зиакомое с земными условиямн, пытается методом проб и ошибок иаладить контакт с «аборнгенами», но это оказывается ему не по снлам.

Впрочем, не следует думать, что и Одоевский так уж серьезно относился к мистике в своих произведениях. В его рассказах «Сильфида», «Саламандра», «Душа женщины», «Косморама» всегда наличествует естественное объясненне чудесных событий в жизнн героев, чаще всего с помощью взбудораженного или прямо иенормальиого психического состояния героев.

Раз мы уж заговорилн о фантастнке подобного толка, то сразу же вспоминается другой великий, писатель, который тоже пользовался фантастическими приемамн для сходных целей, но умел делать это с неизмернмо большей художественной силой. Речь ндет, конечно, о повестях Н. В. Гоголя. Я не буду погружаться в озорную сказочную чертовщину «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но нельзя не упомянуть его двух петербургских повестей — «Нос» и «Портрет». (Если угодно, то к этой же традиции можно причислить и пушкинскую «Пиковую даму».) Сказками их ннкак не назовешь. Это художественная фантастнка; разумеется, не научная. Повести несхожн, н фантастический элемент использован в них по-разному. Гротеск «Носа» носит откровенно сатирнческий характер. Это же надо сказать и о «Портрете», хотя тональиость его совсем иная — впрочем, тоже разоблачительная. Здесь фантастика пронизана трагическими нотами — художника волнует мысль о дьявольской силе золота, которая разрушает нестойкие души. История загадочного портрета дала возможность Гоголю изложнть в художественной форме свои эстетические представления. Но я не думаю, что есть смысл подробно анализировать гоголевские повестн, о которых существует огромная лнтература, и хочу только обратить внимание иа то, какнм разнообразным целям может служить фантастнка и каких художественных высот может она до-

стигать в руках больших мастеров.

Обзор фантастической литературы первой половины XIX века я хотел бы закончить упоминанием о небольшой драматической шутке В. А. Соллогуба «Ночь перед свадьбой, или Грузия через 1000 лет». Владимир Соллогуб, имя которого, по свидетельству раскритиковавшего его Добролюбова, упоминалось наряду с именами Гоголя и Лермонтова, прочно забыт к нашему времени; только одна его повесть из провинциального быта — «Тарантас» — переиздается и до сих пор.

В водевиле Соллогуба, как видно из названия, срок до введения всеобщего просвещения и создания развитой сети железных дорог снизился всего до тысячи лет. Напившийся на свадьбе жених просыпается в черезтысячелетием Тифлисе. «Со всех сторон... огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы... железная дорога». Это шутка, но все же и в ней прослушиваются отзвуки требований времени. Женщины в новой Грузии имеют равные права с мужчинами, даже полицейский чиновник — женщина (правда, потому, что теперь это самая легкая должность), купец (такое сословие сохранилось) думает только о пользе «покупщиков», а вовсе не о собственной выгоде, широко развита механизация, есть даже личные механические камердинеры, чешущие пятки, извозчики перевозят клиентов исключительно на воздушных шарах. Позволю себе привести кусочек диалога двух воздушных извозчиков, отбивающих друг у друга пассажира:

«1-й извозчик. Барин! вы с ним не ездите. У него холстина потертая.

2-й извозчик. Молчи, ты, леший... сам намедни ездока в Средиземное вывалил. Эх, барин, возьмите, дешево свезу...»

Литературная обстановка в крепостнической николаевской России не способствовала, конечно, публикации прогрессивных социальных мечтаний. Впервые не просто социальная, но и открыто социалистическая утопия появилась в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Это знаменитый «Четвертый сон Веры Павловны».

* * *

САМОЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «Что делать?» — это, конечно, то, что роман был напечатан в подцензурном журнале, особенно если учесть, что автор находился в одиночке Алексеевского равелина. Ведь на вопрос, поставленный в заголовке, роман отвечает недвусмысленно: революцию. Попутно книга отвечает и еще на целый ряд вопросов: как ее делать, кто ее будет делать — и может быть, самое главное — зачем ее делать, что получат люди в результате ее победы. Утопический элемент, переход от сущего к должному, есть тут вовсе не только в «Четвертом сне Веры Павловны», но и в общей архитектонике романа, особенно в изображении организован-

ных героиней мастерских. Но, конечно, четвертый сон — это самое яркое, самое вдохновенное в досоветской литературе изображение коммунистического будущего.

В отличие от «урбаниста» Одоевского Чернышевский считает, что здоровая и счастливая жизнь возможна только на лоне природы, и поэтому, хотя он и не «решается» совсем ликвидировать города, он говорит, что число их сильно уменьшилось. Можно составить целый список блестяще оправдавшихся научно-технических гипотез Чернышевского. Стоит только выглянуть на улицу, чтобы увидеть предсказанные им дома из стекла и алюминия. Что еще интереснее — Чернышевский упоминает не столько отдельные технические открытия, сколько глобальные проекты, осуществление которых становится одной из главных задач человечества — например, наступление на пустыни. Однако было бы преувеличением сказать, что в этом он сделал принципиальный шаг вперед по сравнению хотя бы с тем же Одоевским, не говоря уже о Жюле Верне, который как раз одновременно со «Что делать?» опубликовал свой первый роман.

До «Четвертого сна Веры Павловны» коммунистических утопий в русской литературе не было, но в мировой литературе они уже были. Однако утопия Чернышевского обладает одной особенностью, которая делает ее уникальной, первой в мире.

Классические утопии Запада подробно излагали экономический и социальный строй идеальных обществ, их государственный механизм, нравственные устои, развитие культуры и цивилизации, даже быт, даже устройство семьи, но никто из них не ставил во главу угла расцвет личности, полное раскрепощение всех человеческих чувств и в первую очередь самого человеческого и самого прекрасного — любви. А «Четвертый сон Веры Павловны» — это социалистическая «Песнь песней». Поэтому мы не можем быть в претензии к автору, что он далеко не всесторонне показал нам царство будущего. Смешно полагать, что такой выдающийся мыслитель, как Чернышевский, считал, что основной заботой людей будущего станет физическая работа на полях и танцульки по вечерам. Писатель ставил себе другую задачу, и его «Сон» стал прообразом художественной фантастики, рассказом о людях и их чувствах, а не о машинах и их свойствах.

Чернышевский подводит свою героиню к картинам «золотого века» через цепь эпизодов из прошлого, чтобы резче, нагляднее обозначить контраст. Но ведь это можно было сделать по-разному. Можно было, скажем, выстроить такой ряд: битвы и войны прошлого, дикие кочевые орды, железные римские легионы, горы трупов и дым пожарищ, которыми отмечена столбовая дорога человечества. И противопоставить этому мирное содружество всех людей, которое наступит только при коммунизме.

Или начать со сцен эксплуатации, нищеты, рабского труда углекопов, заваленных в шахтах, чтобы еще краше был тот мир, в котором творческий труд станет первой жизненной потребностью. Чернышевский не сделал ни того, ни другого. Он изобразил только положение женщины в различные эпохи. Вера Павловна летит по векам и странам. Она видит сладострастное царство богини Астарты, в котором женщина была рабыней, призванной ублажать своего господина. Она видит царство богини красоты Афродиты. В женщине уже замечают человеческое существо, но ценят ее только за прекрасную внешность. Никакого разговора о подлинном равенстве не может быть и в средних веках с их извращенным культом «Непорочной Девы». И лишь в царстве будущего любовь займет подобающее ей место в жизни людей. Светлая Красавица, которая руководит Верой Павловной, называет мир будущего своим царством. А кто она такая? Царица Свобода, Царица Революция, Царица Любовь. Все связано неразрывно и не может существовать одно без другого.

Чернышевский описывает Царство Любви, и не какой-нибудь христианской, пуританской, абстрактной, а любви земной, горячей, брызжущей весельем, дающей людям радость жизни, возбуждающей в них желание горы своротить. «Я царствую здесь. Труд — заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовлено ко мне, отдых после меня. Здесь я — цель жизни, здесь я — вся жизнь».

Чернышевский не указал срока осуществления своего идеала. Он, правда, говорит о том, что человечество постепенно двигалось к построению нового мира, по километру отвоевывая землю у пустынь, что пройдет немало поколений, прежде чем картины сна Веры Павловны станут явью, сама Вера Павловна до них не доживет, но тем не менее точный срок не указан принципиально. Чернышевский хочет сказать, что срок этот зависит только от людей. И чем больше они будут работать для осуществления своих мечтаний, тем скорее их мечты осуществятся.

* * *

ТЕПЕРЬ ПОЙДЕТ РЕЧЬ ЕЩЕ О ТРЕХ ВЕЛИКИХ ПИСАТЕЛЯХ земли русской. Надо, конечно, оговориться, что фантастические произведения не были, мягко говоря, определяющими в их литературной деятельности.

И. С. Тургенев решительно не принял романа Чернышевского: «Если это — не говорю уж художество или красота — но если это ум, дело — то нашему брату остается забиться куда-нибудь под лавку». И как бы желая и в творчестве закрепить свое отличие от Чернышевского, он в том же 1863 году пишет рассказ «Призраки», первое из нескольких произведений, которые дали повод упрекать его в склонности к ми-

стицизму и даже объявить отцом русского декаданса. На самом деле Чернышевский и Тургенев, несмотря на все их разногласия, вовсе ие были крайними полюсами в той идеологической борьбе, которая приобрела в шестидесятых годах XIX века особенно резкие формы, ио все же кое в чем сопоставленне этих написанных в один год произведений характерно.

Еслн Чериышевский в каземате Петропавловской крепости иаписал «Четвертый сои Веры Павловиы», то Тургенев описал в «Призраках» Петропавловку, как символ глухой реакции, и это зрелище привело его к самым мрачным выводам. Все кажется герою рассказа бессмысленным и отвратительным: и Петербург, и Париж, и крестьянское восстание, и эмансипированиая девица с папироской во рту, читающая книгу «одиого из иовейших наших Ювеналов». Да и вообще жизнь, борьба, высокие порывы — все трын-трава: «Люди — мухи, в тысячу раз иичтожнее мух, их слеплеииые из грязи жилища, крохотные следы их мелкой, однообразиой возии, их забавной возни с неизменяемым и неизбежным, — как это мие вдруг все опротивело».

Мрачность иастроеннй Тургенева легко объяснить. Это был год, когда ему пришлось публично отречься от Герцеиа и Огарева под угрозой репрессий со стороны царского правительства, когда он, разорвав с «Современииком», сблизился с реакционным журналом Каткова «Русский вестник», да и общая обстановка в стране не иастраивала на оптимистнческий лад. Лишь люди с закаленным революциоиным мировоззреиием, подобные Чернышевскому, могли сохранить бодрость в этих условиях.

Сюжетная основа «Прнзраков» очень напоминает рассказ Одоевского «Сильфида». И тут и там к иекоему помещику является иекое потустороннее существо, которое поднимает героя иа воздух, и они вдвоем иочами совершают экскурсии над заснувшим миром. Идея, однако, у рассказов разная. Если Одоевский о самих полетах пишет в общих чертах, ему нужен лишь мистико-романтический мотив для того, чтобы оттенить унылое благоразумие тоскливой помещичьей жизни, то у Тургеиева полеты с таинственной, так до конца и ие объясненной Эллис служат композициониым приемом для опнсания разнообразных картии, увиденных иочиыми путешественниками. Одоевский объясняет ие совсем обычное поведение своего героя временным умопомрачением на почве увлечения кабалистическими манускриптами, а Тургенев ие дает никаких объясненй, наоборот, он кончает рассказ откровенно сказочным эпизодом: молочио-тумаиная Эллис встречается с каким-то невообразимым чудовищем и падает на землю, превращаясь перед смертью в прекрасную земную девушку. Сам писатель защищался, однако, от обвинениий в мистицизме. «Вы находите, — писал он в одном письме, — что я увлекаюсь мнстициз-

мом... но могу вас уверить, что меня интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача, а к мистицизму... я совершенно равнодушен и в фабуле «Призраков» видел только возможность провести ряд картин».

Это так и не так. Рассказов, подобных «Призракам», у Тургенева не очень много, но они есть.

Замечательное произведение русской литературы, вдохновленное в общем теми же идеями, что и «Что делать?», а именно «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, вызвало у непоследовательного, к счастью, Тургенева полное одобрение. Для понимания роли фантастического элемента в литературе эта его оценка очень важна: «История одного города», — писал он, — представляет собой **с а м о е п р а в д и в о е** воспроизведение одной из коренных сторон российской физиономии» (разрядка моя. — **В. Р.**).

В «Истории одного города» мы находим еще одну грань использования фантастики для литературных нужд. Это гротеск, это карикатура, нарочито нелепое искажение реальности в сатирических целях.

Каких только немыслимых монстров не перевидал город Глупов с 1731 по 1825 год! Градоначальник с органчиком в голове; градоначальник, который летал по воздуху в городском саду и «чуть было не улетел совсем, как зацепился фалдами за шпиц»; градоначальник, заеденный клопами; градоначальник, у которого оказалась фаршированная голова, в чем он и был уличен местным предводителем дворянства...

Если мы все время будем помнить тургеневские слова, то станет много яснее, какие цели ставит перед собой фантастика и как неразрывно она связана с реалистической тенденцией. В связи с этим я позволю себе привести несколько выдержек из другого отнюдь не фантастического произведения Салтыкова-Щедрина, а именно из «Помпадуров и помпадурш». Желая пояснить свой сатирический метод, Салтыков-Щедрин не без известной доли иронии пишет: «Очевидно, что читатель ставит на первый план форму рассказа, а не сущность его, что он называет преувеличением то, что в сущности есть только иносказание, что, наконец, гоняясь за действительностью обыденного, осязаемого, он теряет из виду другую, столь же реальную действительность, которая хотя и редко выбивается наружу, но имеет не меньше прав на признание, как и самая грубая, бьющая в глаза конкретность».

Что же это за другая действительность? «Литературному исследованию, — продолжает Салтыков-Щедрин, — подлежат не только те поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если б умел или смел. И не те одни речи, которые человек говорит, но и те, которые он не выговаривает, но думает. Развяжите человеку руки, дайте ему свободу высказать **всю** свою мысль — и перед вами уже вста-

нет не совсем тот человек, которого вы знали в обыденной жизни, а несколько иной, в котором отсутствие стеснений, налагаемых лицемерием и другими жизненными условностями, с необычайной яркостью вызовет наружу свойства, оставшиеся дотоле иезамеченными... Но это будет не преувеличение и не нскажение действительности, а только разоблачение той, другой действительности, которая любит прятаться за обыденными фактами и доступна лишь очень н очень пристальному наблюдению».

Конечно, Салтыков-Щедрин здесь говорит не о фантастике, но если вдуматься, то ие состоят ли главные ее задачи именно в воспроизведении своими методами той, другой действительности? Если мы признаем правоту этого мнения, то роль фантастики в литературе окажется более значительной, чем тогда, когда ей «поручают» одну лишь разработку техническнх гипотез. Ведь, как продолжает дальше Щедрин: «Без такого разоблачения иевозможно воспроизведение всего человека, невозможен правдивый суд иад ннм». А стоит немного раздвинуть рамки, и мы легко перейдем от другой действительности отдельного человека к другой действительностн всего человечества.

Развитие этих мыслей в более конкретном преломлении мы найдем и у Ф. М. Достоевского. В его «Дневнике писателя» есть два рассказа, которые он сам обозначил как «фантастические». Уже одно это указание не позволяет нам миновать их. Но рассказ «Кроткая» — о иесчастной женщине, которая вышла замуж за владельца ссудной кассы и, не выдержав такой жизни, покончила с собой, не содержит на первый взгляд иичего фантастического. В предисловии «От автора» Достоевский счел нужным пояснить, почему же он все-таки поставил эту рубрику иад рассказом: «Я озаглавил его «фантастическим», тогда как считаю его сам в высшей степени реальным. Но фантастическое тут есть действительно и именно в самой форме рассказа...» Дело в том, что этот рассказ идет от имени мужа, жена которого только что совершила самоубийство, а он пытается осмыслить происшедшее. Разумеется, в такие часы человек не станет браться за перо и делать свои беспорядочные мысли достоянием общественности. Поэтому Достоевскнй и говорит, что его монолог записан как бы подслушивавшим его стенографом. «...Отчасти подобное уже не раз допускалось в нскусстве. Виктор Гюго, например, в своем шедевре «Последннй день приговоренного к смертной казни» употребнл почти такой же прием и... допустил еще большую неправдоподобность, предположив, что приговоренный к казни может (и имеет время) вести запискн не только в последний день свой, но даже в последний час и буквально в последнюю минуту. Но не допусти он этой фантазии, не существовало бы и самого произведения — реальней-

шего и самого правдивейшего произведеиия из всех, им написаиных» (разрядка моя. — **В. Р.**). Обратим виимаиие иа то, что уже второй авторитет в области литературы ставит фантастику рядом с поиятием «самый правдивый».

Но если можио записать от первого лица мысли человека, которого ведут иа казнь, то можио ведь пойти и дальше и записать «мысли» мертвецов, в чем тогда не будет иикакой мистики. И вот в «Бобке» Достоевский отправляет на кладбище третьеразрядного литератора-алкоголика. Здесь фантастика — фельетонный ход, давший писателю возможность очередного осуждения нравствениого разврата, в который, по его миению, поверженыи все слои городского общества. «Заголимся и обнажимся!» — скандирует ие в меру бойкий покойничек. «Я ужасно, ужасно хочу обиажиться». «Да поскорей же, поскорей! А когда же мы иачнем ничего ие стыдиться?»

В «Сне смешного человека» (1877 г.), хотя и лишенного подзаголовка «фаитастический», мы находим еще одну малеиькую утопию, на этот раз бесспорно реакционную. «Смешиой человек» убедил себя в том, что в жизии всем все равио, а потому и порешил выстрелить в себя из револьвера. Герой рассказа и совершает самоубийство, но во сне. Во сие же он был унесеи через темиые и неведомые пространства к такому же солнцу и к такой же земле, ио земле прекрасиой, и прежде всего своими людьми. «Это была земля, ие оскверненная грехопадением, на ией жили люди несогрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и иашн согрешившие прароднтели, с тою только разиицей, что вся земля здесь была повсюду одиим и тем же раем». Итак, еще один золотой патриархальный век. И вот этот-то рай наш герой из иеиавистного Достоевскому цивилизованного мира разложил, развратил. Он бросил в иевинные души семена лжи и сомнеиия, родившие сладострастие, жестокость, ревность, рабство. Вспыхнули войиы, возиикли союзы, но «уже друг протнв друга», образовалось поиятие о чести, и в каждом союзе подиялось свое зиамя. И тогда появилась иаука, которая стала объяснять людям, как и где искать истину; появились закоиы, которые еще больше ожесточили всех. И все эти беды, по миению автора, произошли потому, что люди стали любить себя больше, чем ближиих. И ои принимается высмеивать социалистов (этого слова в рассказе нет), «которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая, любить себя больше всех, в то же время ие мешать инкому другому... Целые войиы подиялись нз-за этой идеи».

Просиувшийся и прозревший герой уже ие помышляет о самоубнйстве, ибо решает проповедовать любовь к ближиим и самому быть примером такой любви. Неблагодарные люди, правда, объ-

являют его сумасшедшим. Мы находнм здесь отраженне тех же мыслей, которые Достоевскнй выскажет в «Братьях Карамазовых», снова противопоставив христнаиские добродетели «безнравственному» социалнзму.

* * *

НАЧИНАЯ С ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ КОЛИЧЕСТВО ФАНТАСТИЧЕСКИХ КНИГ увелнчнвается и увелнчивается, а литературная форма их приближается к той, которая прнвычна для нас. Дать общую характернстнку фаитастнке зтого периода так же трудно, как дать общую характернстнку всей лнтературе. Как нзвестно, время было весьма сложиое, протнворечивое, трудиое; в литературе наряду с генеральной, реалистической лннией, наряду с творчеством Л. Толстого, Чехова, Горького возннкало множество направлеиий, чаще всего весьма кратковремеиных, но очеиь громко заявлявших о себе. Все зти шатания, свндетельствующие о прнближеннн революционной грозы, сказывались, коиечно, и иа такой частн литературы, как фантастнка. Но на иее действовалн н особые факторы — велнкие научные открытня, например, которые стали прнвлекать все большее общественное внимание, а также чнсто литературные влняння, особенио Жюля Верна, а несколько позже н Герберта Узллса. «Начало века, — пншет А. Бритнков в своей монографин «Русскнй советский научно-фантастическнй роман», — отмечено большнм чнслом чисто технических утопий. Романов же, соедннявших научнотехиическое предвндеине с социальиым, почти не было». Это не совсем точно. Как раз большннство авторов, подвизавшнхся на ниве фантастнки, пыталось соеднннть научно-техинческие н социальные прогнозы. Совсем другое дело — что за социальные прогиозы это былн. Попытка соблюсти хроиологическую последовательность в разговоре о фаитастнке девяностых-девятнсотых годов приведет только к невообразнмой мешаннне. Поэтому я попробую разбить пронзведення на несколько весьма условиых, конечно, групп.

Начнем с более нли менее «чнстой» научной фаитастнкн. Если говорить об отдельиых изданнях, то нх было вовсе немного. Обычио в первую очередь помннают (а чаще всего зтнм дело и исчерпывается) трех авторов — Родных, Чнколева и Цнолковского.

А. Родных, который, кстати сказать, уже в советское время стал одним нз первых популярнзаторов будущих космических полетов, выпустил в 1902 году тоненькую брошюрку, неполных 20 страниц, в шутку названную нм «незакончеиным романом», под названнем «Самокатная подземная дорога между С.-Петербургом и Москвою». Здесь в беллетрнзованной форме нзлагается пришедшая автору в голову остроумная идея, как — теоретнческн, поиятио — можно создать на Земле траиспорт, который ие требовал бы никакнх источников энергнн. Для этого до-

статочно прорыть туннель между двумя пунктами по совершенно прямой линии, то есть по хорде земного шара. Поезда в таком туннеле будут катиться под действием разницы в силе тяжести на его краях и в середине. Я. Перельман в своей «Занимательной физике» пришел к выводу о принципиальной осуществимости идеи А. Родных и даже рассчитал время такой поездки, а именно — около 42 минут. Это, конечно, очень занимательный физический парадокс, но никаких других проблем в очерке нет.

В отличие от него «электрический рассказ» инженера В. Чиколева «Не быль, но и не выдумка» (1895 г.) — довольно толстый том большого формата. Некий граф В.* пригласил гостей в свое имение, превращенное им в Институт экспериментального электричества. Тут мы встречаем электроосвещение, электроотопление, механический гардероб, автоматический нагреватель напитков, автоматическую раздачу книг в библиотеке; подробно, с выкладками доказывается преимущество электромобиля («электрохода») перед бензиновыми и паровыми экипажами. Иные идеи Чиколева не осуществлены до сих пор. Это книга-прейскурант, реклама внедрения электричества в русский быт, и в этом своем качестве она, бесспорно, была очень полезной. Но столь же бесспорно, что к художественной литературе эта книга не имеет ни малейшего отношения, за исключением названия, в котором, на мой взгляд, очень емко сформулирована диалектическая суть фантастического жанра.

Научно-фантастические очерки К. Циолковского «На Луне», «Вне Земли», «Грезы о Земле и небе» имели неизмеримо большее значение, но совершенно очевидно, что и они должны в первую очередь рассматриваться по ведомству науки, а не литературы. Но и фантасты-литераторы могут многому поучиться у Циолковского, в частности, как можно точно и наглядно описывать поведение человека в небывалых условиях — например, в невесомости.

Примерно то же можно сказать о «научных полуфантазиях» многолетнего политического узника, будущего почетного академика Н. Морозова «На грани неведомого» (1910 г.). Автор философски разбирает новейшие открытия — неевклидову геометрию, четвертое измерение, теорию вероятностей и т. д., вести о которых занимали досуг пленника Алексеевского равелина.

Герой книги совершает даже мысленный полет на Луну, но это не бегство от действительности, это материалистические размышления несгибаемого борца, революционера, ученого.

Что же еще остается из собственно научной фантастики? Не очень-то много. В Новгороде выходит книга П. Инфантьева «На другой планете» — первое в русской фантастике путешествие на Марс. Привлекает своим названием, напоминающим Уэллса, «астрономический, физический и фантастический» роман Н. Холодного

«Борьба миров». Правда, после знакомства с ним не совсем понимаешь смысл заглавия. Перед нами очередной вариант кометной угрозы. Впрочем, это, кажется, первая книга, где комета-таки падает на Землю. Глобальной катастрофы при этом не происходит, пострадали только северные провинции, откуда население заблаговременно эвакуировалось. Книга явно не удалась. Приключения железнодорожного служащего, который застрял в Петербурге вместе со своей любовницей и довольно весело провел время «в дни кометы», психологически совершенно не мотивированы и лишены какого-нибудь общественного содержания.

Через десять лет, в 1910 году, явилось на свет еще одно, более интересное произведение «кометной» серии — «Под кометой» С. Бельского, «высеченные на камне записки очевидца о гибели Земли». От катастрофы осталось в живых всего семь человек — сумасшедший хирург, смотритель музея, каторжанин, который не в силах снять кандалы, король, журналист, дочь богатого сыровара и проститутка. Все более деградируя, проводят они свои дни, не очень-то сожалея об утраченном мире.

В изображении жизни этих несчастных, а также последних дней цивилизации и самой катастрофы, с одной стороны, заметно влияние уэллсовской «Войны миров», а с другой стороны, есть некоторые предвидения будущих описаний атомной катастрофы. Во всяком случае, автору удалось передать свое настроение: мир обречен, все летит в пропасть. Так искаженно отразилось в его книге предчувствие гибели старого мира.

Разумеется, такой роман уже не назовешь «чисто» научной фантастикой. По смыслу «Под кометой» самая настоящая антиутопия. Мир, который погиб, настолько плох, что удар кометы можно рассматривать как справедливое воздаяние за грехи его. Несмотря на многие достижения науки, повсюду царит запустение и разврат. «Города представляли небольшие оазисы среди огромных пространств, где нищета, голод и порок убивали человечество». На предупреждения астрономов о грозящей опасности никто не хотел обращать внимания. В парламенте «спорили до тех пор, пока не увидели комету так близко, что миновала всякая надобность в дальнейших прениях». Впрочем, нет уверенности в том, что в парламенте заседали живые люди, ибо его члены давно уже имели обыкновение посылать вместо себя искусственных двойников. Словом, расплата по заслугам.

С некоторых пор мотивы глобальных катастроф и апокалиптических пророчеств стали весьма популярными в фантастике. Иногда они использовались в спекулятивных целях, для эпатажа читателя, иногда отражали состояние неблагополучия, неуверенности.

Разумеется, не во всех книгах Земля обязательно погибала. В фантастике тех лет можно най-

ти несколько романов, которые явно подражают Жюлю Верну. Таков «астрономический роман» Б. Красногорского «По волнам эфира» (1913 г.).

Состоятельные люди организовали клуб «Наука и прогресс», который на собственные средства осуществляет различные смелые проекты. Правда, клуб преследуют неудачи. Астрономическая башня выше Эйфелевой рушится под тяжестью нового рефрактора, гигантский паровой котел взрывается... В этот-то клуб инженер Имеретинский и вносит проект принципиально нового космического аппарата. Аппарат будет иметь огромное зеркало «из чрезвычайно тонких листов гладко отполированного металла» и двигаться с помощью светового давления «по волнам эфира». Чрезвычайно легкой возбудимостью «прогрессисты» весьма напоминают жюль-верновских клубменов. Они немедленно начинают строить аппарат. В книге масса элементарных промахов. Так, межпланетные путешественники забыли (!), что в день их вылета Земля вошла в поток метеоритов. Все, к счастью, остались живы, так как сбитый корабль упал в Ладожское озеро.

Впрочем, их межпланетный полет все же состоялся, но уже в романе «Острова эфирного океана», который Б. Красногорский написал совместно с Д. Святским в 1914 году. Обратив внимание на эту дату, мы не удивимся появлению в романе второго аналогичного корабля, построенного в «соседней стране» по украденным чертежам. Пиратски напав в космосе на мирное русское судно, он вторично сбил его с пути истинного и заставил совершать посадку на различных небесных телах для исправления повреждений. Собственно, книга для того и написана, чтобы изобразить эти небесные тела. Но здесь авторы не стали фантазировать, ничего неожиданного на планетах первопроходцы не открыли, только то, что считала известным тогдашняя наука, — например, каменноугольный период на Венере. Так научно-фантастическая книга превратилась в научно-популярную.

В произведениях того времени воздухоплавание и самолеты играли ту же роль, что в нынешней фантастике космонавтика и звездолеты. Надеюсь, впрочем, что через полвека нынешние произведения о межпланетных кораблях не будут читаться с такой улыбкой, как «Царица мира» (1908 г.) и «Цари воздуха» (1909 г.) В. Семенова. Как о фантастической скорости, способной преодолеть ураганы, говорит автор о 30 м/сек, то есть о 100 километрах в час. Захлебываясь от восторга, автор пишет, что воздушный флот сократил путь из Европы на Дальний Восток в 10 раз, то есть до 5—6 дней вместо 60. И вообще автору представляется, что изобретение летательных аппаратов тяжелее воздуха преобразит всю мировую жизнь, поскольку аэропланы представляют собой почти абсолютное оружие, бороться с которым можно только при помощи такого же флота, но тот, кто

первым захватит воздух, может не позволить создать конкурирующую армию. Ни о каких границах, таможнях и вообще о национальном и экономическом суверенитете при появлении авиации не может быть и речи. На Земле возникает экономическая и политическая анархия. Дважды на протяжении двух романов человечество силой пытаются принудить к миру, разоружению и благоразумию. Первый раз ультиматум предъявил... английский король, терроризируя государства своими аэропланами, что вызвало бешеное сопротивление и низвержение «царицы мира» — Британии. Второй раз — русский инженер Сергей Дьячков, этакий современный странствующий рыцарь, Повелитель «Царей воздуха», летающий под черным флагом с белой звездой. У него есть прибор, вызывающий детонацию взрывчатых веществ на расстоянии. Сергею и его невесте удалось было ликвидировать всю взрывчатку на планете, но люди... ах, понятно, что сделали люди, они взялись за холодное оружие, против которого лучи хитроумных приборов были бессильны, и непонятым борцам за свободу и индивидуализм пришлось удалиться на необитаемый остров, поджидать там прибытия инженера Гарина.

Тоже не совсем «чистая» научная фантастика, но все же...

* * *

В БОЛЬШИНСТВЕ ЖЕ КНИГ, НЕСМОТРЯ на использование летательных и иных аппаратов, авторы стремились не к воспеванию научного прогресса. Их авторы пытались активно вмешаться в политическую и социальную злобу дня. Один из них написал в предисловии: «Литература «романов будущего» с легкой руки Беллами* разрослась до огромных размеров. В самом деле, в этакой форме сойдет самое несуразное вранье, лишь бы рассказ носил хоть сколько-нибудь занимательный характер и рисуемое будущее было лучше настоящего. А так как хуже последнего, собственно говоря, никто ничего не придумает, то это удивительно облегчает задачу наших российских Жюлей Вернов и Фламмарионов».

Предреволюционные годы были временем консолидации не только прогрессивных, но и реакционных сил. В числе идеологических выразителей этих сил были новые славянофилы или, точнее, русофилы. Ученики и соратники Победоносцева, Розанова, Константина Леонтьева, черносотенцы и антисемиты, которым даже христианские вероискания Толстого и Достоевского представлялись революционными, они на разные лады защищали, в сущности, все ту же знаменитую уваровскую формулу, выдвинутую еще в царствование Николая I: «Православие, самодержавие, народность». Жанр утопии был активно двинут ими в ход для этого дела.

Первой, еще сравнительно уме-

---

* Американский писатель, автор утопии «Через сто лет».

ренной ласточкой литературы подобного сорта был роман Н. Шелонского «В мире будущего», вышедший отдельным изданием в 1892 году. Роман этот резко распадается на две части. Первая — это довольно эклектический набор разнообразных научно-фантастических, главным образом жюль-верновских мотивов. Тут и таинственное завещание древнего индуса, и путешествие на Северный полюс на управляемом воздушном корабле, и детективные попытки американских железнодорожных королей помешать успешному полету этого корабля, и охота на плезиозавров. Не знаю, было ли открытием автора состояние анабиоза («временной смерти», по терминологии Шелонского), погрузившись в которое, герои, «не портясь», переносятся в Россию XXX века.

Как говорит сам автор в послесловии, его книга написана в пику утопии уже упомянутого Беллами и вообще против всяких социалистических теорий. На этот раз нельзя сказать, что налицо лишь научно-технический прогресс и никакого социального. Напротив, общественная жизнь изменилась очень сильно. Другой вопрос — как именно?

Начнем, однако, с науки и техники. В книге немало довольно метких попаданий. Телевидение («телефот» — даже название похоже), нетканые ткани, фотопечать, туннель под Ла-Маншем (правда, разрушенный во время последней войны), победа над гравитацией, есть даже намеки на такое состояние вещества, которое мы ныне называем плазмой, и т. д. Но главного свойства научно-технического прогресса — его постоянного ускорения — не сумел предсказать ни один старый фантаст. Отсюда опять-таки и возник срок в 1000 лет.

К этому времени немцев и итальянцев автор попросту убрал из мировой истории, зато союз России с Францией дает необыкновенные плоды. Эти народы перемешались между собой и владеют Европой и почти всей Азией. Они достигли духовного и социального совершенства, которое заключается в понимании того, что человек, чтобы быть свободным и счастливым, не должен ни от кого зависеть и ни у кого просить помощи. Поэтому они ликвидировали города, вернулись к землице, живут большими общинами-семьями, хозяйство натуральное; они все делают сами — и пропитание, и одежду, и даже книги каждая семья печатает самостоятельно. Правда, этот возврат к патриархальности произошел на высоком научном уровне, и они вовсе не сохой ковыряют землю.

Главное в жизни этих людей, живущих в полном довольстве, но в суровой простоте, — это нравственное самосовершенствование, основой которого служит Евангелие, Вера, Религия — естественно, православная. Молодого русского путешественника и девушку, попавших в XXX век из XIX, венчает традиционный бородатый «батюшка». Дело происходит в Москве, куда героев доставили на антигравитационных кораблях,

бывшая столица встретила их перезвоном сорока сороков, а самым величественным зданием, поразившим их воображение, был Храм Всей Руси, построенный миллионами людей, так сказать, по кирпичику. Насчет монарха, правда, там ничего не сказано, но какой-нибудь благообразный самодержец такой стране явно не помешал бы.

Англию и Америку автор сохранил на карте мира, но сделал их «нецивилизованными», «вот как Китай в ваше время», что заключается в сохранении этими странами капиталистического строя с его продажностью, погоней за наживой, богатством и нищетой, милитаристскими устремлениями и т. д. Таким образом, буржуазный Запад тоже резко осужден, а что ему противопоставляется, уже ясно.

Впрочем, еще до Шелонского, в 1889 году А. Беломор (очевидно, это псевдоним, так как повесть была напечатана в журнале «Русское судоходство») написал «Роковую войну 18?? года». Роковой эта война была лишь для противников России — итальянцев, турок и австрияков. Автору на бумаге удалось чрезвычайно быстро осуществить давнишнюю мечту русского царизма и захватить Босфор. Правда, итальянцы оказались тоже не лыком шиты и внезапно напали на Владивосток, куда пришлось срочно перебрасывать русскую эскадру. Книга была написана с очевидной целью — подвигнуть русское правительство на ряд мер, в которых была заинтересована буржуазия: построить на Севере военно-морские базы, проложить Транссибирскую железную дорогу и модернизировать флот. С ура-патриотических позиций автор ведет критику отдельных недостатков в отечественном флоте.

Дальше — больше! На стол читателю ложится фантастическая повесть о делах будущего — «За приподнятой завесой» (1900 г.). Что же увидел ее автор А. Красницкий, заглянув за эту завесу в конец нашего столетия? Он увидел там многое, но это многое весьма мало отличалось от того, что окружало автора в конце XIX века. Но прежде всего надо задать себе вопрос: а стоит ли вообще вспоминать о таких книгах? Стоит, и хотя бы вот почему. Небезынтересно ведь узнать, какое будущее готовили нам господа монархисты и панслависты, если бы их вскорости не смыла революционная волна.

Итак, по Красницкому, экономическое положение масс (неизвестно почему) настолько улучшилось, что «вместе с этим порядком поредела масса пролетариата; капитал жил в полном согласии и дружбе с трудом; рабочий вопрос более не принимал острой формы; стачки и забастовки отошли в область преданий...»

Подлинные сыны России ходят только в кафтанах, рубахах навыпуск и шароварах, заправленных в сапоги. Автор отдает себе отчет, что истинный хозяин России не монарх, а самый богатый человек на свете: этакий русский Крез, демонстративно названный

Иваном Ивановичем Ивановым. От предприятнй, которые этот Иван Иванович поддерживает, он скромно требует только одного: чтобы все в них «участвовавшне, от людей, стоящнх во главе, и до последнего чернорабочего, былн исключнтельно чнсто русского нлн, в крайнем случае, чнсто славянского пронсхождення». Рядом с ним страной заправляет и государственный муж — князь Петр Андреевич Кабанов-Переяславскнй, «живое олнцетворение славянской мощн». А вот и кредо наших внтязей: «Братство, равенство, свобода» — непроходимые глупостн, погремушкн, которыми утешаются ползунки-детн и выжившне из ума старнкн». Так прямо и сказано. А все-такн как быть с другими народностями, живущнмн бок о бок с русскнмн? Их-то куда? Ответ у князя готов: «Тут уж неумолимый закон судьбы... Эти народцы вымнрают не потому, что их вымарнвают, — подчеркнул князь последнее слово, — а потому, что их вымирание совершается естественным путем...» Ничего, мол, не поделаешь.

В области внешней полнтикн опять-таки все вниманне обращено на Босфор. При всей своей прнвязанности ко всему русскому князь готов отдать родную внучку за турецкого владыку, чтобы только тот добровольно убрался из Европы

В. Одоевский тоже верил в мнссию Росснн, но он-то считал, что Россия станет во главе цнвнлнзованного мнра, как самая передовая, самая просвещенная держава. По Красницкому же наивысшее достнженне техники конца XX века — трн летательных аппарата, цнлнндры с крыльямн. Увидя их, русское православное воинство испуганно крестится: «С нами крестная сила! Да что же это такое?»

В сочиненни Сергея Шарапова «Через полвека» (1902 г.) срок указан точно — 7 октября 1951 года. В этот день просыпается в Москве герой романа, «усыпленный искусством нндийских лекарей». Ненавнсть автора к любым изменениям и любому прогрессу просто потрясает. Он лнквндировал своей авторской волей не только автомобилн, заменнв нх снова лошадкамн, но даже н велоснпеды, так как они увелнчивалн число нервных расстройств, и даже было обнаружено «некоторое как бы одичанне средн пользовавшихся ими». Есть, конечно, н государь нмператор, н дворянство, и захваченные пролнвы, разумеется. Страна благоденствует потому, что в ней возрожден древний церковно-общннный строй. Автор с упоением описывает домостроевскую н шовиннстнческую мораль, которая наконец-то восторжествовала в Россни хотя бы под его пером. Вот образцы: «В адвокаты идут преимущественно те дамы, которых уж очень господь лицом обидел». Или: «Развод считается делом постыдным». А есть н такое премиленькое рассужденне: «Кроткий н незлобивый русский народ был раздражен до такой степенн еврейской эксплуатацней, что дохо-

дил в отдельных случаях до неслыханных зверств».

Таковы мечты погромщика, совершенно обезумевшего в предвидении надвигающихся — и совсем других — перемен.

* * *

ДРУГАЯ ГРУППА АВТОРОВ ДЕВЯНОСТЫХ -ДЕВЯТИСОТЫХ ГОДОВ ЗАНЯЛАСЬ УГЛУБЛЕННЫМ рассмотрением потусторонних проблем. Их главные герои — призраки, астральные тела, мертвые невесты — ламии и тому подобное. Произведения подобного толка уже встречались у Одоевского, у Тургенева, но только сейчас пляска загробных теней превратилась в настоящий шабаш. Конечно, даже к этой теме могут быть различные подходы. А. Амфитеатров в романе «Жар-цвет» (1895 г.) рационалистически объяснил леденящие душу описания простым сумасшествием героя. Другой автор, А. Зарин, в рассказе «Дар сатаны» использовал появление призрака в сатирических целях. Герой оказал умершему джентльмену услугу, за что получил в подарок снадобье, позволяющее «слышать» чужие мысли; ход, сотни раз встречающийся впоследствии в научной фантастике, где эта же способность дается герою с помощью каких-нибудь полупроводников. А цель обычно бывает одной и той же. Герой убеждается в лицемерии, двоедушии окружающего мира.

Однако большинство «исследователей» мистического подходило к своему предмету, так сказать, всерьез. Это не значит, разумеется, что они обязательно верили в загробную жизнь, а впрочем, может, и верили, черт их разберет! Обычно местом действия таких произведений было не родное отечество, а предпочтительно Индия. А. Амфитеатров даже иронизировал: «Да как-то всегда все подобные чудеса совершаются в Индии... это принято... это хороший тон сверхъестественного». Характерен «индийский» роман «Арнасвати» Н. Соколова. Мелкопоместный костромской дворянин с помощью построенного им Гиппогрифа, аэростата с электромоторами (неизвестно откуда берущими энергию), попадает на остров в Индийском океане, где открывает заброшеный храм, между прочим освещаемый электричеством. В храме том покоится неизвестно как сохранившееся тело красавицы, а рядом лежат алюминиевые таблички с письменами, видимо содержащими, как догадываются герой и читатель, инструкцию по оживлению. В конце концов выясняется, что это алфавит ариев — общих предков индийцев и славян.

Но подлинным и признанным лидером этого направления была Вера Крыжановская, подписывавшаяся также кокетливым псевдонимом Рочестер.

Как-то так уж получилось, что бульварная, обывательская литература тех лет символизирована тремя женскими именами — Чарская, Вербицкая и Крыжановская. Все три писательницы были плодовиты, каждая из них сумела

выпустить многотомное собрание сочинений, несмотря на сравнительно короткий срок литературной деятельности и еще меньший — их бешеной популярности.

В. Крыжановская специализировалась на исторических и «оккультических» романах. Надо ли, стоит ли причислять ее книги к фантастике? Внешне, по форме, эти книги написаны вовсе не как религиозные апокрифы, а как самая настоящая научная фантастика. Страницы ее книг пересыпаны «научными» объяснениями самых сверхъестественных вещей. Вот, к примеру, как один маг объясняет другому, новичку, принцип действия волшебной палочки, одним движением разрушающей гранитные скалы. «Страшная сила, которая привела тебя в такое недоумение, — не что иное, как вибрационная сила эфира, а умение владеть ею таит в себе скрытый смысл всех физических сил... Звуки, вызванные в известном объеме и сочетании так, чтобы они могли дать эфирные аккорды, путем распространения своих тонических соединений, проникают во все, что им доступно». Ну скажите на милость, разве здесь есть что-либо чудесное? Просто овладение скрытыми силами природы, не больше. Кроме того, не надо думать, что традиции Крыжановской так уж безнадежно мертвы. К полному нашему изумлению, их можно, например, обнаружить в романе А. Бердника «Подвиг Вайвасваты» (1965 г.).

Венцом творчества Крыжановской были пять составляющих единое целое романов о «запредельном» мире: «Эликсир жизни», «Маги», «Гнев божий», «Смерть планеты», «Законодатели». В предисловии к первому из них авторша прямо намекает на то, что господь дозволил именно ей, Вере Крыжановской, заглянуть в щелочку дверей в невидимое, дабы она могла поделиться репортажными откровениями со страждущим и одновременно погрязшим в грехах человечеством.

Коротко сюжет этих книг таков. К молодому английскому врачу Ральфу Моргану, умирающему от чахотки, неожиданно приходит гость и предлагает ему бессмертие с помощью эликсира, оказавшегося — как впоследствии выясняется — первичной материей, разлитой во всей вселенной. Так как Ральфу терять нечего, то он отправляется с незнакомцем в секретный замок, где получает в подарок все фаустовские атрибуты — вечную молодость, бессмертие, богатство и бессмертную же красавицу Маргариту — впрочем, ее зовут по-другому. Но столь щедрый незнакомец не был Мефистофелем, он не потребовал душу взамен, просто он уже пожил несколько тысячелетий, и это дело ему малость поднадоело. Став бессмертным, Ральф попадает в сонм избранных существ, которые предназначены Высшей волей для добрых дел. Среди своих новых приятелей он находит, между прочим, Агасфера и Летучего голландца, разумеется, давно раскаявшихся и прощенных. Ральф проходит обряд посвящения, проле-

тев через какие-то потустороииие бездны и ступени, и знакомится с астральным миром, оказавшимся довольно густо населенным. Там обнтают не только добрые маги, нз которых самые совершенные живут на Солнце, но и различная нечисть, с которой прнходится бороться, — лярвы, суккубы, инкубы, вампиры, атмосферические существа н т. д.

Он попадает в настоящую школу магов, где его готовят к ответственной операцни. Дело в том, что грехи человечества переполнили чашу терпения, и на Землю обрушивается гнев божнй, Земля погибает в страшных катаклизмах, и лишь избранных маги перевозят в своих космических кораблях (весьма напоминающих обыкновенные парусники) на другую планету, где, смешавшись с ее обитателями, людн должны возродить очищениое от грехов человечество. Таким образом, последняя часть, в которой описывается, как маги начали организовывать новое общество, в сущности, тоже утопия.

О прибытии земных переселенцев нецивилизованные жители планеты оповещаются заранее видением, похожим на сфинкса. Вот что оно (или он) вещает: «Знайте, жители равннн, гор и лесов, что пришло время, когда к вам снизойдут боги... Они преобразуют вас, и в потомстве вашем сохранится предание о том, что вам выпало счастье видеть, как благодатные сошли с небес и поселились среди вас. Боги приближаются! Готовьтесь же, люди равннн, гор и лесов, к великому событию...» Ни дать, ни взять — абсолютно так же сейчас изображаются пришельцы, посетившие нас в доисторические времена.

Однако описать «золотой век», пусть даже с ее мещанских, ханжеских позиций, писательница просто оказалась не в силах, сведя все повествование к ряду прнключений. Поражают иные штрнхи строительства «нового мира». Для того чтобы «встряхнуть» населеиие планеты, добренькие божьи посланцы самым грубым образом провоцируют войну. Верховный маг Эбрамар горько вздыхает по поводу того, что война — это печальный, но, к сожалению, неизбежный ускоритель прогресса. «Война встряхивает и облагораживает народы». А до этого было четыре тома разговоров о добре, благолепии, святости, милосердии и тому подобных слюнявых вещах. Хороши цивилизаторы! Пожалуй, трудно глубже, чем Крыжановская сделала это сама, разоблачить реакционную суть того мировоззрення, которым вдохновлены ее книги.

Есть у Крыжановской еще парочка фантастических романов, один из которых посвящен Марсу («На соседней планете»), другой — Венере («В ином мире»). Открытой мистики в этих книгах иемного меньше, ио в прннципе онн мало чем отличаются от оккультной серни, особенно в описанни венерианского общества, этакой обителн блаженных, которые только и говорят о нравственном самоусовершенствовании, истинных и

мнимых добродетелях, астральных телах и т. д. Правда, иногда ни с того ни с сего они вдруг могут заговорить и о спектральном анализе. В этих книгах наша святоша-моралистка не погнушалась и прямыми антисемитскими выпадами.

Но если бы после Гоголя нам потребовались еще доказательства, что и «чертовщина» может прекрасно послужить доброму делу в умных и талантливых руках, то их нам может дать отличная повесть А. И. Куприна «Звезда Соломона», написанная перед самой революцией.

Маленький чиновник благодаря своей способности разгадывать криптограммы и ребусы сумел воспроизвести кабалистическую формулу, секрет которой царь Соломон унес с собой в могилу. И теперь исполняется любое желание молодого человека. Точнее, почти любое. Между прочим, очень существенное «почти». Все его попытки нарушить с помощью нечистой силы законы природы не приводят к успеху. Все, что осуществляется по его желанию, получает объяснение как результат необыкновенно удачного — для него — стечения обстоятельств. Если, например, он желает, чтобы самая незаметная лошадка пришла на скачках первой, это происходит не потому, что она вдруг обретает крылья, а потому, что фавориты поломали себе ноги, споткнулись, с них попадали жокеи и т. д. Словом, герой всегда вытаскивал невероятный шанс — один на миллион, который мог бы произойти, но лишь в принципе...

Все, что происходило с купринским Иваном Степановичем, весьма напоминает то, что происходило с мистером Фодерингеем, героем рассказа Уэллса «Чудотворец». Но уэллсовский персонаж творил подлинные чудеса, не поддающиеся никаким рациональным объяснениям. Есть у Куприна и Уэллса один прямо совпадающий эпизод, не знаю уж, случайное это совпадение или нет. И тот и другой чудотворцы пробуют остановить вращение Земли. И так как Фодерингей в силу своего невежества забыл дать какие-то указания насчет предметов, находящихся на поверхности планеты, они — дома, деревья, люди — немедленно были сорваны с мест силой инерции, все рухнуло и полетело в тартарары. Пришлось срочно давать задний ход и обратным приказом восстанавливать статус-кво. То же произошло и в повести Куприна. Но он не оставил без объяснений эпизод, который люди не могли бы не заметить. Для окружающих это был внезапно налетевший чудовищной силы ураган. Мало того — такой ураган действительно пронесся над Москвой и Московской областью в 1904 году. Так создается реальная атмосфера фантастического или даже сказочного действия, создается психологическая достоверность повествования.

А вот выводы, к которым приходят оба писателя, схожи. Никакого счастья их героям чудесный дар не принес. Наоборот, они сами, по собственной воле, даже

радостно расстаются с чудесным даром. Никакие чудеса людям не нужны, и без них порядочный человек может сделать немало хорошего, пусть он всего лишь мелкая сошка. Именно таков Иван Степанович, выписанный Куприным с обычным для него мастерством. Тихий, скромный, добрый делопроизводитель, правда, вопреки литературной традиции, незабитый, неничтожный. И в минуты своего возвышения, когда он обладает такой властью, как никто в мире, он остается добрым и порядочным. Даже у прислуживающего ему черта он вызывает чувство уважения и изумление: другой бы на его месте залил землю кровью, потребовал бы себе несметные богатства и неслыханных раскрасавиц...

* * *

И, НАКОНЕЦ, В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОЙДЕТ РЕЧЬ О НЕСКОЛЬКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, обойти которые нельзя или не хочется, но которые вряд ли можно объединить под какой-то одной крышей. Единственное, что их связывает, — они относятся примерно к одному и тому же времени.

В 1907 году вышла книга Валерия Брюсова «Земная ось» — первый прозаический сборник тогда уже известного поэта. Среди прочего здесь напечатаны два-три фантастических рассказа и драматические сцены «Земля». В предисловии к «Земной оси» автор сам говорит о сильном влиянии на него многих писателей, в частности Эдгара По. Но наиболее интересная в его фантастике пьеса «Земля» по своему стилю, сценичности, мрачному и торжественному колориту скорее напоминает драмы Виктора Гюго, хотя они всегда были обращены в прошлое, тогда как Брюсов изображает далекое будущее. Человечество выродилось, оно живет в роскошных, но неуютных подземельях, с иссякающей водой, отгороженное от солнца, от голубого неба. Группа взбунтовавшейся молодежи решает привести в действие давно не работавшие механизмы и открыть крыши подземелий. Они рвутся к солнцу, не зная, что Земля давно лишилась воздуха, что они идут навстречу смерти.

В. Брюсов со свойственным ему максимализмом задумал изобразить самый последний акт мировой трагедии, так сказать, своеобразный «Последний день Помпеи». Гибнут люди необычайно величественно и красиво. Их окружает пышный жреческий антураж, храмы, символы, секты... Даже в сценах разврата есть что-то от апофеоза.

Основная идея «Земли»: хотя и романтический, но безнадежный, и даже не безнадежный, а бессмысленный порыв к свободе — сразу вызывает в памяти рассказ В. Гаршина «Attalea princeps», в котором «гордая пальма» все рвалась, рвалась на волю и, пробив крышу оранжереи, тут же замерзла. В. Гаршин смотрел на революцию пессимистически и призывал молодежь воздерживаться

от безумных, по его мнению, актов. Я не думаю, чтобы Брюсов хотел сказать то же самое. Наоборот, он стоял на «левацких» позициях, хотя бы в его известных «Грядущих гуннах», где он призывал к полиому разрушеиию старой культуры, включая в эту культуру и самого себя. Все это говорит о ие слишком большой стройиости в мировоззрении Брюсова тех лет, об известной задаиности его произведений.

Не проясняют дела и рассказы. «Республика Южного Креста», как видно из самого названия, описывает утопическое, или, вернее, антиутопическое государство Южиой полярной области, созданное крупным сталелитейным трестом, Это очень богатая страна с роскошным главным городом Звездным, расположенным на самом полюсе. Но прн всех благах жизнь горожан подчинеиа жестокой регламентации. Все запрограммировано — дома, пнща, платье, печать. Постоянно действует «комеидантский час», не прекращается подавленне недовольных. Начавшаяся эпидемия губит процветающую страну. «С поразнтельной быстротой обнаружилось во всех падение нравственного чувства». Людн забыли все правнла приличия, растеряли остатки совести и предались оргиям и иасилиям. Можно предположить, что идея рассказа — антибуржуазная, антитоталитаристская, как бы мы сейчас сказали.

Но рядом помещен рассказ «Последние мученики», где автор вдруг начинает поэтизировать контрреволюционные силы. В дни мировой революции в храме заперлись члены некой могущественной секты, сделавшей объектом своего поклонения эротическую страсть. К секте принадлежат избраиные люди гибнущего общества — поэты и художники. Трудно сказать, иа чьей стороне автор, то ли на стороне этих «последних мучеников», которые гордо решают погибнуть под пулями в момент своей последней литургии, сплетаясь на мягких коврах в любовных объятиях, то ли на стороне революционеров, окруживших храм, которые не без оснований считают поведение этих избранных попросту развратным.

Самое крупное фантастическое произведение В. Брюсова, к сожалению, осталось неопублнкованным, хотя и сохранилось в рукописи. Это роман о путешествии на Марс «Гора Звезды». Есть у него и другие фантастические рассказы и наброски и даже высказывания по поводу того, какой должна быть фантастика, однако заметным явлением в этой области его творчество не стало.

В тот же год, что и «Земная ось», появилась книга Ив. Морского «Анархисты будущего (Москва через двадцать лет)». Обратите внимание на то, как резко уменьшились сроки! До отдельного издания роман печатался в кадетской газете «Утро» под названием «В тумане будущего». Но будущее автора ие особенно волнует, он врезается своей книгой-фельетоном в кипение политических

страстей, оперируя современными ему именами и понятиями.

Итак, Москва 1927 года, очень напоминающая Москву 1907 года. Десятая Государственная дума, возглавляемая, разумеется, кадетами, масса политических партий, направлений. Среди них, например, демонисты, которые стремятся очистить мир с помощью зла, действуя под девизом «Чем хуже, тем лучше». Но существуют и социал-демократы, один из их лидеров — Максим Горький, «о котором уже забыли, как о писателе». Впрочем, есть на Земле и такое место, где победил социализм. «На одном из островов Атлантического океана два года тому назад была торжественно открыта социал-демократическая республика... Называлась республика Карлосией, в честь Карла Маркса, и президентом ее был негр Джои Бич, большой приятель Максима Горького».

Читать подобные выпады сейчас смешно и поучительно. Из этого видно, как наши идейные враги, чувствуя силу социалистических идей, предпринимали всяческие попытки ограничить, принизить их. Видимо, автор и в самом деле мечтал загнать социализм на атлантический островок.

Впрочем, главный удар в книге направлен не против социал-демократов, а против анархистов, чьи экстремистские действия приводят к хаосу и разрухе. Подсказывается вывод: если в России не будет твердой власти (кадеты предлагаются в качестве подходящего варианта), ее ждут жуткие потрясения.

Одна из самых странных книг в фантастике того времени принадлежит Антону Оссендовскому и называется «Женщины, восставшие и побежденные» (1915 г.). Это весьма неожиданный поворот темы эмансипации. Женщины, которым надоела роль «рабынь или ничтожных помощников мужчин», в один прекрасный день выступают с декларацией «Огонь и кровь — вот отныне наш лозунг». Во всех больших городах мира одновременно вспыхивают грандиозные пожары. Восстание, конечно, быстро подавили, а его участниц международный суд ссылает на отдаленный антарктический остров, где несчастные мятежницы погибают, ибо оказалось, что на этом острове живут компарты, выходцы с далекой звезды, куда они не могут возвратиться. Впрочем, кой-кого из дам спас в последний момент капитан русского судна.

Произведений, которые на том же жанровом ринге сражались бы с подобной мрачной, пессимистической, а то и без затей мракобесной фантастикой, было очень мало. Эта задача станет главным делом уже советских писателей.

А пока нам снова придется вернуться к Куприну. В 1906 году он опубликовал рассказ «Тост». В этом рассказе люди 2906 года (здесь срок не выглядит случайным) — люди свободные, счастливые, красивые — отдают дань уважения беззаветному героизму революцио-

неров прошлых веков, которые сражались и умирали с верой в лучшее будущее, несмотря на невообразимо тяжкие условия, несмотря на частое непонимание и даже неблагодарность тех, за свободу кого они отдавали свои жизни. Когда люди будущего подняли за этих борцов тост, «женщина необычайной красоты» заплакала и сказала: «А все-таки... как бы я хотела жить в то время... с ними... с ними...»

В. Воровский упрекал рассказ за то, что его автор склонен возвеличивать отдельные личности и не замечает повседневной работы «безымянных средних величин», которая ведется во имя воспеваемого писателем счастливого будущего. Трудно требовать от демократа, но отнюдь не социал-демократа Куприна, чтобы он сумел во всей полноте изобразить революционный народ, все ведь познается в сравнении. И нельзя не считать «Тост» одним из скромных гимнов во славу русского революционера, особенно если вспомнить, что был опубликован он после разгрома революции 1905 года.

Правда, Куприн не удержался на этой высоте и в 1911 году, в черные годы для русской литературы, написал сусальный рассказ «Королевский парк» с рядом странных сентенций вроде того, что человечество скучает от всеобщего мира и благоденствия (в «Тосте» оно не скучало, а было занято величественными мировыми преобразованиями), настолько скучает, что даже бросается в кровавую схватку. Кроме того, люди очень заботятся о своих бывших властелинах и втайне весьма уважают их.

Наконец, у Куприна есть и «настоящее» научно-фантастическое произведение — повесть «Жидкое Солнце». В ней соблюдены все законы жанра, но она — по крайней мере, сейчас, для нас — куда менее интересна и увлекательна, чем, скажем, «Звезда Соломона», может быть, потому, что в «Жидком Солнце» описывается довольно условная английская, а затем абстрактно-фантастическая обстановка, в то время как в «Звезде Соломона» перед нами предстает Россия, которую Куприн умел живописать со всеми тонкостями.

Было бы смешно критиковать с современных позиций основную научно-техническую гипотезу повести — сгущение солнечных лучей. Впрочем, автор и сам называл ее «ерундой». Но, во всяком случае, она свидетельствует о том, что писатель был или по крайней мере стремился быть в курсе последних научных достижений. Несмотря на трагическую развязку, повесть эта светла по колориту, в ней чувствуется преклонение перед могуществом человеческого разума.

В «Празднике весны» Николая Олигера (1910 г.) заслуживает внимания попытка создать утопию без помощи экскурсантов и экскурсоводов, без статистических выкладок и пространных экономических объяснений. Вместо этого Олигер дает групповой портрет гармонического общества, вернее, не всего общества; действие происходит в среде скульпторов, живо-

писцев, поэтов, так сказать, творческой интеллигенции. Конечно, это особая группа, и по ее изображению трудно судить о том, что представляет общество в целом. Отдельные фразы, вроде «Как будто мы не можем допустить эту маленькую роскошь: дать возможность жить также и тем людям, которые ничего не хотят делать», ничуть не проясняют социальной структуры. Правда, автор иногда упоминает, что на Земле есть и заводы, и рабочие, и ученые. Но он их почти не показывает.

Книга описывает подготовку к Празднику Весны, похожую на затянувшееся языческое торжество, непрекращающуюся ночь под Ивана Купалу.

Зато автору удалось показать некоторое психологическое отличие тамошних людей от нынешних, что, между прочим, не такая уж легкая задача. Другое дело — устроит ли нас, понравится ли нам их мораль. Они настолько свободны в проявлении своей воли, что когда один из них пожелал умереть в день Праздника Весны, то хотя его и пытались довольно вяло отговорить, никто не усомнился в законности его решения. Или, например, их исключительное прямодушие. Они ничего не скрывают друг от друга. Так, скульптор Коро говорит любящей его Формике, что настал час его любви с другой. Право же, этой откровенностью они часто ранят друг друга сильнее, чем мы своей недоговоренностью или притворством.

Нет, далеко не все хорошо в этом счастливом обществе. Какой-то червь подтачивает этих людей, каждый из них чем-то явно или смутно не удовлетворен, несчастных любовных пар больше, чем благополучных; и если начать разбираться, то ни одного до конца счастливого сердца мы среди них не найдем. И когда появляется уродливый гений Вис, изобретатель напитка забвения, то он не испытывает недостатка в клиентах. И тут, конечно, неминуемо возникают мотивы купринского «Тоста». Писатель Кредо думает лишь о людях прошлого: «Да, они были жестоки, как звери, грубы и не чутки. Их глаза всегда смотрели жадно, и зубы скрипели от злобы. Но в их думах хранились тайные, неизведанные глубины: их души были многообразны и переменчивы, как игра солнечного света. И я люблю их. Я тоскую о них. Ваши цельные прозрачные души меня не удовлетворяют». Правда, автор изображает Кредо не слишком симпатичным человеком, с комплексом неполноценности, но, по существу, окружающие не могут найти убедительного ответа на его слова.

Правда, ненадломленные люди все же есть. Это, например, Мастер света, который от неразделенной любви уезжает на Север строить маяк, разгоняющий полярную ночь; и в этом нужном деле он находит и своё истинное призвание, и душевное успокоение, и новую любовь. Вероятно, объяснение некоторой ущербности героев таится в слишком глубоком

погружеиии их в личные переживания, в слишком уж частные художествениые задачи. Их нельзя назвать жрецами искусства для искусства; они создают свои произведения для людей, ио как-то незаметно, чтобы они мыслили общенародными категориями. Нельзя также сказать, что автор нзобразил своих героев этакими неженками, белоручками. Его художники ие гнушаются и черной работой. И все же они слишком жаитильны, слишком изыскаины; нх чувства иапоминают роскошные торты, ио иельзя же все время питаться тортамн, в них ие хватает простоты, естественности.

Кннга Н. Олигера поэтнчна, грустна, хотя и ие пессимистична, в общем-то она противостоит мистико-шовинистической писанине, ио назвать ее удавшейся соцналистической утопией мы не можем.

Однако в те же годы была создана и вторая после Чернышевского подлинно социалистическая утопия. Это была «Красная Звезда» Александра Богданова. Но о ней разговор особый, ибо, по сути дела, «Красная Звезда» открывает собой иовую главу в истории русской фантастнческой литературы, главу иесравненно более яркую и богатую, а нменно — фантастику советскую.

Комиссия по контактам

В связи с тем, что в последиее время резко усилился интерес к проблеме внеземных цивилизаций, при журиале «Знание — сила» была создаиа общественная Комиссия по контактам. Имеются в виду всевозможные контакты с чуждым, иным разумом других миров. В состав комиссии входят представители многих областей науки — от физики и биологии до истории и этнографии.

Мы представляем читателю иесколько работ членов этой комиссии. К слову, название «Комиссия по контактам» заимствовано из фантастики — из повестей А. и Б. Стругацких.

Теперь, когда земляне самн вышли в космос, они окончательно осознали, что и обнтатели других планет в принцнпе в состоянии сделать то же. Готовясь к визнтам в иные мнры, мы задумываемся иад возможностью нноэвездных посещений иашей планеты. Астрономы пытаются иайтн в потоках электромагннтных волн прнзнаки разумных сигналов, лнигвнсты создают язык, прнгодный для общеиия с существамн неведомой природы.

Внеземные цнвилнзацин никогда монопольно не принадлежали фантастнке, наука обсуждала их возможность н во времена Джордано Бруно н намного раньше. Но сейчас они — по-прежиему не обнаруженные — стали темой для широкнх иаучных исследований. И в то же время проблемы, связаиные с контактом, получают порою очень странное освещенне, бывает, что в статьях энтузиастов нскажаются факты, случается, что бесспорно неверные сведення кочуют по печатным страницам.

Общественная Комнссня по контактам, собранная в 1970 году при журнале «Знание — снла» нз спецналистов разных областей науки с участнем журналнстов, претендует на очень скромное место в общем фронте научного изучения проблем возможиых соприкосновенний с инопланетным разумом.

Она нсследует прежде всего сведення, которые могут быть связаны с пребыванием обнтателей иных мнров на Земле.

Здесь вы прочтете несколько материалов, одобренных комиссией. Часть из них была опубликована, некоторые печатаются впервые. О стиле самой работы комиссии может дать представление отрывок из записей, сделанных на одном из ее заседаний.

Фантасты, авторы первого раздела сборника, говорят о проблеме контакта как писатели. Здесь же слово передается ученым.

«Космический кенгуру»

Отрывок из записей, сделанных на одном из заседаний Комиссии по контактам

26 октября 1970 года

С. АРУТЮНОВ (доктор исторических наук, Институт этнографии АН СССР). Мы знаем, что возможности человеческой фантазии ограничены. Самое буйное воображение только соединяет по-новому детали и черты, данные жизнью, то, что философы называют реалиями...

Э. БЕРЗИН (доктор исторических наук, Институт востоковедения АН СССР). Когда Леонардо да Винчи потребовалось нарисовать дракона, он взял «для натуры» лягушек, ужей, летучих мышей.

С. АРУТЮНОВ. Да, на дракона у людей фантазии хватило. Но до открытия Австралии никто в Европе, Африке и Азии не рисовал сумчатых животных. Кенгуру, видимо, невозможно придумать.

Другой пример деталей, которые можно обнаружить, но нельзя вообразить. Когда финикийцы совершали первое известное истории плавание вокруг Африки, они рассказали, вернувшись, что видели солнце идущим по северной части неба (а не по южной, как они — и мы — привыкли). Оставшимся дома землякам путешественников это казалось неправдоподобной выдумкой. Нас же именно это убеждает в реальности путешествия. Значит, если искать следы пришельцев в фольклоре, надо стремиться обнаружить там новые для планеты Земля реалии, реалии, которых нет на самой планете, не имеющие земных корней.

Ю. ЭСТРИН (кандидат технических наук, физик). Но вещи, не сходные ни с чем земным, могут быть искажены при передаче рассказа о них от поколения к поколению.

С. АРУТЮНОВ. Этнографы знают, что иногда фольклор лучше сохраняет как раз те сведения, для которых у «пересказчиков» нет знакомых аналогий. Правда, сам я считаю, что «неземных реалий» мы на Земле не найдем. И все-таки поискать их стоит, даже ради отрицательного результата.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ (заведующий отделом журнала «Знание — сила»). Значит, предлагается составить список реалий, которых не может быть на Земле, а затем искать эти реалии в фольклоре?

Э. БЕРЗИН. Да, видимо, так. Земляне теперь знают, например, как выглядит Земля из космоса. Раньше не знали, хотя и пытались описывать Землю «со стороны». Всегда ли они описывали ее при этом неверно? Будем искать «космического кенгуру».

Ю. РОСЦИУС (инженер). Кажется, Этану в вавилонском эпосе видел Землю как коврижку хлеба, когда бог показал ее ему со стороны.

В. ПОДГОРНОВ (журналист). Или как лепешку. В общем, круглой.

Ю. ЭСТРИН. Но ведь из космоса Землю можно увидеть круглой, как полную луну, только при довольно редком сочетании астрономических условий. Гораздо вероятнее, что Земля покажется лепешкой усеченной, а то и вовсе серпом — как Луна с Земли. Вполне естественно, что древние вавилоняне, полагавшие планету плоским кругом, воображали ее похожей издали на круглую же лепешку. Вот увидь Этану Землю серпом — это доказывало бы, что кто-то действительно вывез его в космос. Провести аналогию Земли с Луною в Древнем Вавилоне не могли, Землю вавилоняне не считали равноправной с другими планетами. Интересно выяснить еще, описана ли Земля как двойная планета с Луной рядом. Это тоже нельзя было придумать при том уровне знаний. Наконец, Солнце из космоса в определенных условиях выглядит как диск с огненными крыльями.

В. ПОДГОРНОВ, Ю. РОСЦИУС, Ф. БЕЛЕЛЮБСКИЙ (заведующий отделом журнала «Народы Азии и Африки») **в один голос:** Это распространеннейший символ Солнца у многих народов!

С. Я. КОЗЛОВ (кандидат исторических наук, Институт этнографии АН СССР). Совершенно верно. Но ведь крылья есть и у птицы.

(Собравшиеся приходят к выводу, что крылатый диск как символ мог возникнуть и на Земле.)

Р. ПОДОЛЬНЫЙ. А уплотнение времени? Дни, за которые проходят годы, в шотландской легенде о поэте Томасе Рифмаче, попавшем в Страну фей.

Ю. РОСЦИУС. Таких примеров в сказках и легендах совсем не так мало.

С. Я. КОЗЛОВ. Но ведь известно и обратное: когда в некой мифической стране проходят годы, а на Земле — считанные дни.

Э. БЕРЗИН. Это соответствует движению времени во сне, когда за секунды проходят часы. Это можно вообразить.

С. АРУТЮНОВ. Раз можно представить себе сокращение времени — значит, можно представить себе и его растяжение. Вообразив раз лилипутов, нетрудно вообразить и великанов.

Ю. РОСЦИУС. По-моему, где-то, в какой-то легенде, я читал об изменении силы тяжести при взлете к звездам. Одну минуточку, пороюсь в записях... Вот! Хенниг указывает, что во время путешествия друга Гильгамеша Энкиду

с богом Солнца тело Энкиду стало тяжелым, как скала. Правда, я в свое время просмотрел русское академическое издание эпоса о Гильгамеше в поисках этой цитаты и не нашел ее. Но, может быть, Хенниг имел в виду какой-то другой вариант эпоса?

В. ЛЫСЦОВ (кандидат физико-математических наук, биофизик). Мы немало знаем теперь о том, что происходит с человеком в космосе. Кроме увеличения тяжести или, наоборот, невесомости, есть и другое. Изменяется кальциевый обмен: например, кости при долгом пребывании в космосе должны становиться более ломкими.

В. ПОДГОРНОВ. Все это могли бы предусмотреть и как-то предотвратить «космические хозяева»...

Р. ПОДОЛЬНЫЙ. Но ведь инопланетчики могут иметь совсем другую химию тела и не догадываться о вредном влиянии космоса на землян.

П. КРУГЛИКОВ (НИИ приборостроения). Мне кажется, что все выступающие чересчур полагались на нынешние знания человека, исходили только из сегодняшних позиций. Это так же неверно, как видеть инопланетчиков в скафандрах с устаревшими уже сегодня заклепками. Вспомните японские догу, о которых вы писали, товарищ Арутюнов! Почему, скажем, мы так уверены, что путешествовать инопланетчики должны в космических кораблях? Что в этих кораблях должны быть иллюминаторы?

А если человек (или нечеловек) сможет в одно мгновение оказаться на поверхности другой планеты? Нельзя же ручаться за будущее!

Ю. ЭСТРИН. Верно. Но искать следы пришельцев мы можем, только оперируя с тем, что мы сами можем как-то себе представить. Значит, только экстраполируя в будущее сегодняшнюю технологию настолько, насколько это возможно. Конечно, в будущее, а не в прошлое, как это делается, когда на древних статуэтках видят скафандры с заклепками.

РЕЗЮМЕ ЗАСЕДАНИЯ:

Если уж искать следы пришельцев, то искать надо «космического кенгуру». Составить список явлений, принципиально не наблюдаемых на Земле, притом таких, которые нельзя себе вообразить, исходя из земных реалий. Главную роль в составлении такого списка должны сыграть физики, астрономы, специалисты по космосу, летчики-космонавты. Проверить список должны философы и психологи. Список следует составлять безо всякой оглядки на фольклор. И, лишь уже имея на руках такой список, пусть неполный, надо обратиться к фольклору, к сказкам, легендам, преданиям. Проверим историю астрофизикой!

ИГОРЬ МОЖЕЙКО,
кандидат исторических наук

В ожидании гостей

Шел 1827 год. Еще здравствовали соратники Наполеона, живая память о его делах и походах. Первые мемуары и исследования о Наполеоне, истоки не иссякающей и по сей день реки лежали на полках книжных магазинов европейских стран.

И вот в Париже вышла книга, которая называлась «Почему Наполеона никогда не было, или Великая ошибка, источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории XIX века».

Книгу осмеивали, книгу пытались замолчать, книгу называли бредом сумасшедшего, но все новые и новые издания ее появлялись во Франции, Англии, Германии, России. Стало известно имя автора. Им оказался профессор Перес — математик, работавший в Лионском университете. Никто не смог бы обвинить в слабоумии столь образованного, почтенного и уравновешенного человека. И все-таки Перес утверждал, что Наполеона никогда не существовало, что он мираж XIX века, результат массового самогипноза. Доказательства лионского профессора были строго научными. Он выделил в жизни Наполеона девять основных характерных черт, в том числе его имя, место рождения, имя матери, число братьев и сестер, подавление им французской революции, количество маршалов и число лет его царствования.

И профессор пришел к удивительным выводам: Наполеон — символ Солнца, олицетворение нашего дневного светила, аналог

Аполлона. Имя его — Наполеон— путем элементарных этнмологнческих исследований выводнтся из имени Аполлон (аполео — греческое убивать, жечь н т. д.).

Солнечиый Аполлон н Наполеон одинаково родились на острове в Средиземном море, мать Наполеоиа звалн Летнцней, что значит — заря, возвещающая о приходе Солица; трн сестры Наполеона — три грацин, а четыре брата — четыре временн года. Две жены его — Земля и Луна. Сын от второго брака соответствует Гору — египетскому богу, рожденному от брака Озирнса и Изнды.

Аполлон убнвает ужасного змея — Пифона, освобождая Грецню. Наполеон душнт «гидру революцни», освобождая Францню от якобннцев.

Да что там говорить — само слово «революцня» явно пронсходит от греческого «револютус», что можно трактовать как «змея, обернувшаяся вокруг самой себя». То есть исторнческая реальность самой французской революции тоже ставится под вопрос. Двенадцать боевых маршалов Наполеона — двенадцать знаков зодиака, а четыре маршала, не прниимавшнх участия в боях, — четыре основиые точки небесного свода. (Надо сказать, что маршалов у Наполеона было больше, но Перес не считал себя обязанным дотошно следовать фактам, которых не было.) Накоиец, Наполеон царствовал 12 лет, причем взошел на востоке (в Егнпте) н зашел на западе (иа острове Святой Елены).

Окончательио доказав мифичность Наполеона, профессор Перес заключает свой труд словамн: «Мы моглн бы еще подкрепнть свое утвержденне массой королевских прнказов, доподлнниые даты на которых находятся в явном протнворечнн с царствованнем мнимого Наполеона, но у нас есть все оснований не прибегать к этому».

В те днн роялисты делали все, чтобы вычеркнуть нмя Наполеона нз нсторни Франции н представить царствованне Бурбонов иепрерывным. Во Францин действовали указы Бурбонов, изданные в годы правления Наполеона. Перес довел до абсурда вполне реальные тенденцнн французских правящих кругов.

Кннга Переса н сегодня отличный прнмер того, как с помощью наукообразных фраз и фактов, при ближайшем рассмотреннн никакого отношення к делу не нмеющих, можно создать внешне научную гнпотезу. Побуждеиия могут быть вполне благородны, цель достойна того, чтобы к ней стремиться, но неразборчнвость в средствах для достижения цели враждебиа любому научному исследованию, особенно когда дело касается нсторнн, нанболее чуткой н беззащитной нз наук.

Это предисловне. А теперь о сутн дела. Возможно, когда-то на Земле побывалн пришельцы из космоса. Одиако пока, насколько мне нзвестно, нн одного достоверного факта, подтверждающего посещенне нас космнческимн братьямн, не обнаружено. Но есть возможность такого посещения. Есть

желание, чтобы эта возможность стала реальностью.

Если завтра в районе Сыктывкара снизится «летающая тарелочка» или на Памире в кишлаке объявится «снежный человек», ничего невозможного не произойдет. Еще одна гипотеза оправдается, а сколько их, на первый взгляд совершенно безумных, оказывалось в конце концов совершенно правдивыми и становилось частью нашего обыденного существования. (Люди летают по воздуху и высаживаются на Луну, масса переходит в энергию, а Земля — круглая.)

Но гипотеза не становится верной только оттого, что она опубликована.

Опасность модных сегодня гипотез, разрабатываемых обычно отрядами увлеченных неофитов, заключается в соблазне отталкиваться не от фактов, а наоборот: неверно истолковывать факты, а то и вовсе выдумывать их. И логика якобы научных рассуждений заставляет порой вспомнить классическую фразу: «Как же можно утверждать, что бога нет, если все живое создано им?»

За последние годы появился ряд статей, написанных сторонниками гипотезы «Пришельцы у нас побывали». Доказательства, приводимые в статьях в пользу пришельцев, делятся в основном на три группы. Группа первая: цитаты из древних книг. Группа вторая: предметы (от тектитов до фресок Тассили и японских статуэток), могущие служить свидетельством пребывания космонавтов на Земле. Группа третья: исторические памятники, созданные либо руками пришельцев, либо по их указаниям.

Первые две группы доказательств предусматривают обязательное внешнее сходство людей и пришельцев (по образу и подобию), ибо цитаты из древних книг говорят о богах и людях, а трактуются как рассказы о пришельцах, статуэтки или фрески изображают богов и людей и трактуются как изображения пришельцев. Более того, выступая по телевидению, известный писатель и известный сторонник гипотезы о пришельцах Александр Петрович Казанцев демонстрировал древние японские статуэтки и утверждал, что они одеты в скафандры, имеющие те же функциональные части, что и скафандры современных космонавтов-землян. Опять же — «по образу и подобию». Но ведь есть все основания полагать, что даже одежда наших космонавтов, которые через несколько десятков лет отправятся в глубокий космос, будет отличаться от одежды сегодняшних космонавтов куда сильнее, чем костюмы моряков Колумба от одежды современного моряка.

Труднее всего опровергать свидетельства первых двух групп. Пожалуй, порой и невозможно. Если мы будем считать, что жена Лота обратилась не в соляной столб, а погибла от ядерного взрыва, если будем полагать, что в «Махабхарате» говорится о появлении пришельцев, то с таким же успехом можно изобразить бой

Давида с Голиафом как поединок, в котором маленький землянин победил хитростью гиганта пришельца, либо, если хотите, карлик-пришелец победил хитростью и передовой техникой землянина среднего роста. Соловей-разбойник вполне сойдет за пришельца, подающего сигналы своим товарищам с помощью сверхзвуковой сирены, или пришельца, отбившегося от экипажа и плачущего неземным пронзительным плачем. Если сторонники «пришельческой гипотезы» объявляли членами космического экипажа Иисуса Христа и мексиканского бога Кецалькоатля, то почему не включить в число пришельцев Будду, Магомета или Моисея? Последний, как известно, на глазах у людей выходил на связь со своей космической базой. Массу интересных сведений о пришельцах подарят греческие мифы, скандинавские саги и сказки Гавайских островов, русские былины и поэмы Байрона. Главное — найти подход, воспользоваться плодотворным методом профессора Переса: «Наполеон — это Аполлон, и маршалы его — знаки зодиака».

Создатели пришельческих гипотез широко употребляют свидетельства двух первых групп. Но только ими не обойдешься. Нужно нечто более весомое, нечто такое, чего люди сделать не могли, а кто-то за них сделать мог. И тут приходится обращаться к памятникам архитектуры, сооружениям солидным и долговечным. Большая часть этих свидетельств располагается в Азии, Америке, Африке — местах, достаточно отдаленных и недостаточно известных нашему читателю. Собор Василия Блаженного в число доказательств не попадает: Василия Блаженного строили посреди Москвы, и свидетелей тому тьма.

Читая статьи о пришельцах, я выписал из них названия тех сооружений «космического происхождения», которые расположены в Азии, ибо история Азии моя специальность и большинство их мне приходилось видеть.

Вот азиатские сооружения, созданные пришельцами или с их помощью: плиты храма Юпитера в Баальбеке (Баальбекская терраса), Вавилонская башня, Черная пагода в Конараке, железная колонна в Дели. Все они, по утверждению соответствующих авторов, нѐ могли быть созданы людьми, а если даже и могли, то, несомненно, создание их связано с появлением пришельцев. Плиты, колонны и пагоды кочуют из статьи в статью. Авторы «вторичных» исследований предпочитают доверять единомышленнику, а не тратить времени на чтение соответствующей литературы.

Посмотрим, насколько же эти сооружения таинственны, могли ли они быть построены людьми или в самом деле тут не обошлось без космических инициаторов.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Один из основоположников гипотезы о пришельцах в нашей стране М. Агрест рекомендует тщательно проверить современны-

ми методами возраст Вавилонской башни, поскольку подозревает, что она построена пришельцами или для пришельцев. Он пишет: «Сохранившиеся до настоящего времени три яруса этой «Башни», как известно, сложены из обожженного кирпича и расположены в рассматриваемом районе (на Ближнем Востоке, где высаживались пришельцы. — **Ред.**). Некоторые места этого сооружения, по описанию исследователей, опалены и оплавлены».

Великая Вавилонская башня, она же вавилонский зиккурат, святилище бога Мардука, она же башня в Э-Теменанки, храме «краеугольного камня неба и земли», известна каждому из нас с детства как символ столпотворения.

Последним, кто видел и описал эту башню, был Геродот. «Посредине храма стоит массивная башня, — пишет греческий географ, осмотревший ее в V веке до нашей эры, — имеющая по одной стадии в длину и ширину, над этой башней поставлена другая, над второй — третья, и так дальше до восьмой...» (Геродот, История, книга 1, § 181).

Другой исследователь древности, Страбон, живший на рубеже нашей эры, говорит, что башни в его время уже не существовало. Страбон называет ее «гробницей Бела», и ему известно, что башню срыл Ксеркс. Он же рассказывает о дальнейшей судьбе башни, подтверждаемой другими источниками. Оказывается, уже Александр Македонский увидел на месте ее лишь груду кирпича. Он «хотел восстановить эту пирамиду, однако для этого требовалось много труда и продолжительное время (только одна расчистка мусора заняла бы 10 000 человек в течение двух месяцев). Поэтому царь не успел кончить предприятие, так как вскоре его постиг недуг и кончина. Никто из его преемников не заботился об этом» (Страбон, География, книга XVI, 1, 5).

В начале нашего века археологическая экспедиция Кольдевея проводила раскопки на месте Вавилонской башни, в результате которых свидетельства античных авторов были подтверждены. Был найден фундамент башни, сторона которой равнялась 90 метрам. Вокруг обнаружились таблички, говорившие об ее функциях, строении, размерах и так далее. Вавилоняне были писучим народом, тщательно документировавшим свои дела.

В одном Страбон, башни уже не видевший, ошибся. И эту ошибку повторил и Агрест. Башня не была сложена из обожженного кирпича. Обожженный кирпич очень высоко ценился в безлесной Месопотамии. Лишь наиболее ценные и чтимые сооружения облицовывались обожженным кирпичом. Само же строительство велось из кирпича необожженного. Это касается как Вавилонской башни, так и прочих многочисленных зиккуратов подобного типа, обнаруженных в Двуречье, некоторые из которых и сейчас возвышаются над землей, несут следы пожаров и созидательного разрушения.

Так что в дальиейшем сторонникам гипотезы о том, что пришельцы побывали в Двуречье, когда там создавались вавилонское или ассирийское царства, лучше брать в качестве примера какой-ибудь другой зиккурат, например Агар-Гуф или Борсиппу, а не Вавилонскую башню, которой не существует.

БААЛЬБЕКСКАЯ ТЕРРАСА

«Можио допустить, что обследоваиие солиечной системы космоиавты проводили малыми кораблями, стартуя с Земли. Для этих целей им, возможио, поиадобнлось добыть иа Земле ядерное горючее и построить специальиые площадки и хранилища. Они также, несомиеиио, должиы были оставить память о своем пребываиии иа Земле. Не относятся ли назваииые отличительиые сооружеиня, как, иапример, терраса Баальбека, к этим памятиикам?» Эта цнтата взята из статьи М. Агреста «Космонавты древностн». В данном случае М. Агрест вновь выступает как «первооткрыватель». С тех пор терраса неодиократио переходила из статьи в статью как неопровержимый аргумеит. Например, о ее «загадочности» писал А. Горбовский.

Если плиты Баальбека сделали космонавты с другой плаиеты, то этому должио было оказаться миожество свидетелей. Баальбек иаходился в одном из наиболее заселеиных, обжитых райоиов древнего мира. В Римской провииции Сирии располагалось несколько городов с иаселением более полумиллиоиа. Одним из крупнейших городов провиниции был Гелиополис, ныие извѐстный как Баальбек. Одиако ин одии житель города, ни однн историк, нн одии путешествеииик ие обратил виимаиия на пребываиие в центре известиого тогда мира космических кораблей, собиравших ядериое топливо и строивших для этого храиилища из громадных каменных глыб, так как у иих, очевидно, никаких более прогрессивных материалов для этой цели ие существовало.

Зато есть докумеиты, повествующие совсем о другом. Император Рима Антонин Пий (138—161 годы) после присоедииеиия Гелиополиса (или Баал-Бека — города Ваала) к Римской империи приказал иачать там сооружение крупиейшего в мире храма Юпитера. Тому были весьма веские причииы. Густо иаселеиные, богатые ливаиские провииции играли важиую роль в жизни империи. И не только как поставщики товаров, как узловой пункт азиатской торговли, но и в силу причии субъективиых. Римские императоры породиились с правящими домами Ливаиа, а один из преемников Аитонина Пия, Каракалла, был наполовину ливаицем. Ои и его мать Юлия Домиа даже писали иа своих моиетах слово «Гелиополис». Накоиец, именно здесь, в ие так давио приобретеиных землях, важна была идеологическая деятельиость — храм должеи был олицетворять мощь империи.

Итак, время сооружения Бааль-

бекской террасы — II век нашей эры, период, в который инженерная и строительная мысль Рима достигает больших высот. Сохранившиеся по сей день мосты, храмы, плотины, водопроводы, акведуки, дороги остаются замечательными образцами строительного искусства.

Конструкторы храма отлично понимали, что в этом подверженном землетрясениям районе нельзя строить столь громадное сооружение на обычном фундаменте. Он должен быть крепок и не только должен нести на себе вес здания, но и служить перекрытием для обширных храмовых подвалов.

В близлежащих каменоломнях было вырублено множество огромных блоков. Среди них особенно выделялись три гиганта: плиты по двадцати метров в длину, пяти в высоту и четыре в ширину. Они были доставлены в Гелиополис и уложены в основание храма. Однако строительство затягивалось, на него уже ушла масса денег, последующие императоры выделяли их с меньшей охотой, чем Антонин Пий и Каракалла, и потому завершался храм по несколько упрощенному варианту. Кстати, не была закончена и доставлена на место четвертая плита-гигант. Ее, самую крупную из всех, пришлось бросить в каменоломне.

Она и сегодня доступна обозрению любого туриста и не только служит очевидным примером нерадивости пришельцев, полениввшихся закончить как следует свой склад ядерного горючего, но и несет на себе явные следы обработки ручными зубилами. Неужели космонавты использовали зубила в качестве основного инструмента? Или предпочитали пользоваться рабским трудом?

ЖЕЛЕЗНАЯ КОЛОННА В ДЕЛИ

Она возвышается на окраине столицы Индии, неизвестно, сколько ей лет, она не ржавеет, и притом в ней шесть метров высоты. Явно таинственная вещь, которую люди сделать не могли, а космонавты сделали и позабыли на Земле или оставили как напоминание о своем визите. Колонна в Дели вслед за Баальбекскими плитами несколько лет кочует из статьи в статью в качестве одного из основных аргументов.

Однако железная колонна не загадочна и не безродна. Если к ней присмотреться, нетрудно обнаружить там две надписи. Первая — эпитафия индийскому царю Чандрагупте II, умершему в 413 году нашей эры. В эпитафии говорится, что колонна эта отлита и установлена в память царя на горе под названием Стопа Вишну. Когда-то, как установили археологи, она стояла перед вишнуитским храмом в Аллахабаде и была украшена сверху изображением священной птицы Гаруды. Вторая надпись повествует о том, что через несколько сот лет царь Ананг Пал перевез колонну в Дели.

Но, может быть, древние индийцы не умели плавить такое хорошее железо? Может, в V ве-

ке н. э. его там и не знали и потому пришельцы попросту подарили солидный кусок металла людям, а те пустили его на колонну, вместо того чтобы делать из него плуги и развивать сельское хозяйство?

Железо в Индии известно уже за тысячу лет до нашей эры. Уже тогда из него изготовляли оружие и утварь. В описаниях походов Александра Македонского говорится о том, что правитель одного из пенджабских княжеств поднес ему в подарок сто талантов стали — примерно 250 килограммов. А это случилось за 700 лет до создания колонны! Никто не будет утверждать, что колонны такого рода были обычным явлением в Индии. Нет, железо оставалось дорогим, и плуги из него изготовлялись редко. Оно продолжало использоваться в военном деле и для сооружений уникальных. Однако металлургия и, возможно, порошковая металлургия в Индии были хорошо развиты. Например, основной зал «Черной пагоды» в Конараке, о которой речь пойдет ниже, перекрыт железными балками. И здесь нелишне упомянуть о том, что совсем недавно советские археологи в тайге на Дальнем Востоке открыли большой, даже по сегодняшним меркам, металлургический завод, располагавшийся на территории империи чжурчженей. Завод работал уже в X веке.

Можно только повторить, что, хоть колонну изготовить было и нелегко, нужды обращаться за этим к гостям из космоса не возникало.

«ЧЕРНАЯ ПАГОДА» В КОНАРАКЕ

Строительство ее также, уверяет А. Горбовский в книге «Загадки древнейших цивилизаций», не обошлось без пришельцев. «В Индии, — пишет он, — до сих пор существует храм «Черная пагода». Храм этот высотой в 75 метров венчает крыша из тщательно обработанной каменной плиты весом в 200 тонн! Как утверждают специалисты, современная строительная техника не может оперировать подобными тяжестями». Аргумент и в самом деле почти неотразим. Даже сегодня не можем, и все тут! Но оставим в покое специалистов и обратимся к самой пагоде.

Храм солнца в Конараке, или, как его называют, «Черная пагода», стоит в индийской провинции Орисса на берегу океана. Индийская легенда гласит, что царь строил храм в благодарность богу солнца — Сурье, излечившему его от проказы. Однако за походами и интригами царь забыл о строительстве, оно затянулось, и разгневанный бог разрушил башню храма, оставив лишь основное квадратное здание.

Плита, а вернее несколько плит меньшего веса и размера, о которых говорят сторонники таинственных гипотез, перекрывали якобы башню. Когда она рухнула (башни на самом деле нет, А. Горбовский ошибся), то плиты упали с высоты 75 метров. И вот первое, что удивляет, когда подхо-

дишь к этому храму, — плиты перекрытия лежат в ряд неподалеку от храма целехонькие, словно и не рушились с громадной высоты.

Так оно и было. Не рушились. Строительство храма в Конараке велось в середине XIII века, в царствование императора Нарасимхи-Дэвы I, однако в ходе работ выяснилось, что грунт недостаточно надежен, и пришлось строительство прервать, не соорудив одной из двух составляющих индийского храма — башни. Заготовленные для нее плиты так и остались лежать на земле.

Однако при более крепком грунте индийские строители все-таки построили бы башню, обойдясь без пришельцев. Метод строительства был прост и остроумен — как только укладывался очередной ряд плит, снаружи и изнутри здания подсыпался песок — так, что верхний край постройки оказывался вровень с пологим холмом, по склону которого и втаскивали тяжелые плиты. А в заключение надо было лишь убрать песок — и на месте кургана оказывался готовый храм.

Вот уже десять тысячелетий развивается человеческая цивилизация. Порой на страны, достигшие замечательных высот в культуре, обрушивались беды, которые стирали не только цивилизацию, но и память о ней. Но люди продолжали дело предков — в другом конце Земли они подхватывали эстафету, заново проходили путь, освоенный другими, и делали новый шаг вперед. И каждый из нас должен, обязан ощущать себя составной частью этого сложного единого процесса, который называется историей человечества. Археологи по крохам восстанавливают далекое прошлое, историки воссоздают картину рождения нашего дня из миллионов прошедших дней. И при этом пока обходятся без пришельцев.

А что касается гостей из космоса, то уж никак не следует почитать их за недалеких существ, вырубавших баальбекские плиты и оставлявших на память железные колонны. Если они не хотели, чтобы мы знали об их визите, то потребуется много усилий, пока удастся найти их действительные следы. А если хотели, то уж наверно придумали бы способ, достойный высокой цивилизации.

Гипотезы о пребывании на Земле пришельцев имеют полное право на существование, однако в подтверждение им желательно искать факты, а не принимать желаемое за действительное. Опасность подобных измышлений, не подкрепленных ответственным подходом к делу, признавал уже мудрый философ Монтень, который 400 лет назад говорил, что «истинным раздольем и лучшим поприщем для обмана является область неизвестного, уже сама необычайность рассказываемого внушает веру в него, и, кроме того, эти рассказы, не подчиняясь обычным законам нашей логики, лишают нас средств бороться с ними».

Напоследок я предлагаю чнтателю вообразить себя на мннуту человеком, который ищет на Земле следы прншельцев по нспытанному методу профессора Переса. Посмотрим, что в свете этого можно сказать об Эйфелевой башне. Пожалуй, она напоминает стартовую башню космнческого корабля. Тем более что сооружена нз сталн, металла, весьма иеобычного для башен, н явно не несет функциональной нагрузкн. Стонт отдать ее на анализ, — а вдруг оиа построена две тысячн лет назад? А вдруг в ее основанни обиаружатся тектнты — оплавленные камешки, образовавшнеся в момент старта самого корабля? Слово за археологами!

ЮРИЙ РОСЦИУС

Робозерское диво

Будь это в наши дни, газеты пестрели бы заголовками: «Чудо над Робозером», «Гигантский пылающий шар наблюдался более часа», «Трое очевидцев получили ожоги, пытаясь приблизиться к странному телу», «Гигантская шаровая молния или инопланетный зонд?» и т. д.

Но Россия того времени газет не знала: они появились лишь сорока годами позже, при Петре I. Не буду пересказывать древнее свидетельство, просто приведу отрывки из него:

«Государю архимандриту Никите, государю старцу Матфею, государю келарю старцу Павлу, и государем старцом соборным Кирилова монастыря, ваш, государи, работничек Ивашко Ржевской... челом бьет... деревни Мысу крестьянин Левка Федоров сказывал мне: в нынешнем де во 171 * году Августа в 15 день, в субботу, Белозерского уезду, Робозерския волости, разных поместий и вотчин, стояли де они у обедни у приходцкие церкви... многой народ; ...и в то время от небеси учинился шум велик, и многие люди из церкви на паперть вышли, а он-де, Левка, стоял тут же на паперти и видел Божие посещение: с зимнюю сторону, от светла небеси, не из облаку, вышел огнь велик на Робозеро и шел на полдень, вдоль озера над водою, во все стороны сажен по двадцати и боле, а по сторону того пламени дым

* Имеется в виду 7171 год «от сотворения мира», отвечающий 1663 году современного летосчисления.

синь, а впереди его сажен за двадцать шли два луча огиенные ж; ...и того де великого пламеии и двух малых не стало; и мииув де мал час... то ж де огненное пламя в другой ряд появнлось иад озером, от того места где сперва скрылось, с полудии на запад с полверсты, тем же образом, да и померкло; ...в третье тот же огнь явился страшние первого широтою, и поиик, сшед на запад; а стоял-де тот огиь над Робозером над водою часа с полтора, а того де озера вдоль две версты, а поперег с версту; ...ехали в лодке крестьяие, и от того де огия пламеием опаляло, блнз ие подпустило; а в озереде и до дна свет был в болшей глубиие, среди озера сажеии четыре дио, и рыба от пламени как в берег бежит все оии видели; и которым-де местом огиь шел, и то место воду палило, аки ржавец * поверху воды, и ветром по озеру рознесло, стала де вода по-прежнему».

Впервые этот документ был опубликован в изданин «Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею» (т. IV, Спб., 1842 г.), на страницах 331—332, в § 170 под заголовком: «1662 Ноября 30 и 1663 Августа. Отпискн Кирилло-Белозерского монастыря властям, о метеорах, явнвшихся в Белозерском уезде». После интересующей иас второй «отписки» иабрано курсивом: «Современиый список писан столбцем, на двух листках. Оба акта из портфелей Археографической экспедиции». Так что подлинность документа несомнениа.

Что касается соответствия документа истине, то следует отдать должное разумному скептицизму его составителя — Ивашки Ржевского. Он перепроверил слова очевидца Левки Федорова, о чем и сообщил в конце: «И я, ваш работничек, для того в Робозерскую волость к священником иарочно посылал, и они ко мне прислали письмо, что таковое знамение в то число у инх было...»

Конечно, может иайтись читатель, который иазовет Ржевского мистнфикатором. Справедлнво ли такое подозрение?

В ту пору элементарная проверка доиесения Ржевского показала бы в этом случае, что ои обманывает собственное высокое и весьма суровое монастырское начальство. Считать же Ржевского душевнобольным, видимо, нет осиований, нбо тогда монастырские власти не дали бы документу хода.

Итак, перед иамн заслуживающий доверия документ, странным языком повествующий о загадочном явлении. Причудливые его слова несколько заслоняют смысл. Суть изложенного в современной передаче выглядела бы так:

15 августа 1663 года между 10 и 12 часами дня местного времени послышался сильный шум и с севера из ясиого иеба появился громадный пламеиеющий объект, диаметром ие менее 40 метров (то есть высотой с двенадцатиэтажный дом!), который, двигаясь

---

* Ржавец (от ржавчина) — железистый ручеек из болота, красная окисная пленка на болоте.

в южном направлении, стал скользить над поверхностью Робозера.

Из передней части объекта исходили два огненных луча, а по бокам исторгался сизый дым. Пройдя некоторое расстояние над озером, тело исчезло при невыясненных обстоятельствах. Однако через малое время оно снова появилось примерно в полукилометре на юго-запад от того места, где исчезло впервые. Второе его появление также через некоторое время закончилось уменьшением яркости свечения и исчезновением. Еще через некоторое — малое — время то же раскаленное тело, ставшее как бы еще больше, ярче, страшнее, появилось на полкилометра западнее, а затем, померкнув, исчезло.

Общее время пребывания странного тела над озером около полутора часов. Размеры озера невелики — примерно 2 километра в длину и около километра в ширину. Во время появления этого тела ехали по озеру в лодке крестьяне, которые попытались к нему приблизиться. Попытка не увенчалась успехом, вблизи тела было невыносимо жарко. Свет от тела был столь ярок, что видно было расположенное на глубине около 8 метров дно озера и уплывающую в стороны от огня рыбу. Там, где огонь при своем движении опалял воду, на ее поверхности появилась бурая, похожая на ржавчину, пленка, которую позже разнесло ветром.

Что же это было за явление? Его можно было бы принять за мираж. Но тогда остаются необъяснимыми шум при появлении тела, жар, который почувствовали люди в лодке, поведение рыб, появление рыжеватой пленки.

Быть может, это случай массовой галлюцинации? Но явление наблюдали две группы людей, разделенные расстоянием в несколько сотен метров. Показания очевидцев из разных групп взаимно согласованы и дополняют друг друга рядом подробностей, в полном соответствии с положением наблюдателей. С паперти видели явление в целом, без детализации. Наблюдатели в лодке зафиксировали недоступные для стоящих на паперти детали.

Поражает исключительная сложность, комплексность предполагаемой коллективной галлюцинации: она вначале была слуховой, затем перешла в зрительную, а для части очевидцев сопровождалась чуть ли не ожогами.

Остается признать неведомый шар материальным телом.

В упомянутых выше «Актах исторических...» документ помещен под заголовком «Отписки Кирилло-Белозерского монастыря властям о метеорах, явившихся в Белозерском уезде».

К тому же выводу относительно этого явления пришел астроном Д. О. Святский. В книге «Астрономические явления в Русских летописях» (Петроград, 1915 г.) он пишет: «Взрыв аэролита 15 августа 1663 года, по-видимому, произошел на юго-западе утром до полудня, при ясном небе. Две части пронеслись по направлению на юг над озером, а третья и четвертая

упали к западу» (страница 190).

Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой. Во-первых, из документа видно, что идентичное (может быть, то же самое!) тело свидетели видели трижды, с некоторыми малыми, но существенными интервалами во времени. А взрыв и разлет частей метеорита происходят практически мгновенно. Кроме того, Святский пишет: «Две части п р о н е с л и с ь...», тогда как в документе сообщается о попытке ехавших в лодке крестьян приблизиться к появившемуся огню, неудавшейся, как можно понять из описания, лишь потому, что «от того де огня пламенем опаляло, близ не подпустило...». Слово «пронеслись» здесь явно неприменимо. Скорость тела была в этот момент сонзмерима со скоростью лодки, то есть порядка 4—6 км/час.

Кроме того, огонь некоторое время висел над поверхностью озера. Можно было заметить и мечущуюся по дну рыбу, и освещенное дно. Сам документ оценивает общее время наблюдения весьма значительным отрезком времени «...а стоял-де тот огнь над Робозером над водою часа с полтора...».

Метеориты — довольно хорошо исследованные космические тела. Известно, что в космическом пространстве они движутся со скоростью 30—40 км/сек. Орбитальная же скорость Земли равна 30 км/сек. Скорость метеорита относительно Земли зависит и от собственных скоростей Земли и метеорита, и от взаимного расположения их траекторий. Если метеорит и Земля идут навстречу друг другу, то относительная их скорость достигает 60—70 км/сек. Если же они движутся в одну сторону, догоняют друг друга, то относительная скорость может быть близка к нулю. Но гравитационное поле Земли ускоряет такой относительно медленный метеорит примерно до 11 км/сек. Затем он входит в верхнюю атмосферу, спускается далее в плотные ее слои, где тормозится. Дальнейшее поведение метеорита зависит от его массы — чем она больше, тем больше и скорость. Метеориты весом в десятки и сотни граммов достигают поверхности Земли со скоростью в несколько десятков метров в секунду. У космических гостей весом в сотни килограммов скорость доходит до 500 м/сек.

Описываемое документом тело могло иметь вес от 30 тысяч до 250 тысяч тонн (!) * в зависимости от состава. Легко представить себе, что скорость такого тела была бы огромной! Следует заметить, что если какое-то тело врежется в Землю со скоростью 5 км/сек, то произойдет его мгновенное испарение — тепловой взрыв. Энергия взрыва должна быть приблизительно равна энергии тротила, взятого в массе тела! Даже будь Робозерский шар изо льда, энергия взрыва была бы в полтора раза больше энергии атомного взрыва в Хиросиме или Нагасаки. В этом случае в радиусе нескольких кило-

* Меньшее значение отвечает весу ледяного шара диаметром в 40 метров, большее — весу железного шара.

метров живых очевидцев явления найти бы не удалось. Но они были, а взрыва не было. Значит, скорость тела гораздо меньше 5 км/сек.

Но она не могла быть и слишком малой, и вот почему. Чисто теоретически предмет, имеющий в поперечнике 40 метров (с учетом разрешающей способности человеческого глаза), можно увидеть на расстоянии в 130 километров. Практически — на расстоянии около 10 километров. При движении над озером скорость тела была равна примерно 5 км/час. Двигайся оно и к озеру с той же скоростью, оно прошло бы 10 километров часа за два. Очевидцы же утверждают, что этот путь был пройден шаром всего за несколько минут. Значит, скорость шара менялась. При подлете она, видимо, была довольно большой, а затем снизилась до 1,3—1,5 м/сек. И тело при этом не упало на Землю, а зависло над водой и передвигалось уже горизонтально. Но почему? Ведь метеорит, вне зависимости от скорости, должен был упасть! А в документе о падении ничего не говорится, хотя явление такого масштаба не заметить невозможно. Отписка сообщает лишь об окончательном исчезновении тела после третьего его появления.

Как видим, попытка отождествления описанного явления с метеоритом оказалась также неудачной.

Может быть, это был не метеорит, а небольшая комета — вернее, ее ядро?

Заметим сразу, что вероятность столкновения Земли с ядром кометы в сотни миллиардов раз меньше вероятности падения метеорита и равна примерно одному случаю за 80 000 000 лет! Кроме того, скорости комет космические, и отождествить описываемое в документе тело с кометой так же невозможно, как и с метеоритом.

Есть еще явление, которое можно привлечь для объяснения загадки Робозера. Я имею в виду шаровую молнию. Природа ее также пока загадочна. Однако попытку отождествления робозерского шара с шаровой молнией нельзя считать попыткой заткнуть одну дырку другой. Не зная сущности процессов, протекающих в шаровых молниях, из наблюдений мы имеем все же представление о том, в каких условиях эти молнии появляются, как выглядят, как ведут себя, какими явлениями сопровождаются.

Установлено, что шаровые молнии появляются обычно вблизи грозовых фронтов в конце грозы, чаще всего в июле — августе месяцах. Появлению шаровой молнии, как правило, предшествует обычная. Время существования шаровой молнии оценивают от 1 секунды до 5 (реже — более) минут. Обычно наблюдают молнии диаметром в 10—20 сантиметров, хотя есть одно сообщение о наблюдении шара диаметром в 27 метров! Шаровые молнии могут стоять неподвижно, а могут и передвигаться со скоростью до нескольких сотен километров в час *

* По некоторым данным, максимальная скорость шаровых мол-

в любом направлении, не определяемом направлением ветра. Значительное количество наблюдателей отмечают различной интенсивности шумы, свечение, выделение дыма, ощущение теплоты. Более половины описанных шаровых молний имеют красный или желто-красный цвет, похожий на цвет пламени. Исчезают они иногда беззвучно, иногда со взрывом.

У Робозерского дива много общих черт с шаровой молнией. Но этого сходства, видимо, недостаточно для признания шара именно молнией. Если это все-таки была шаровая молния, то буквально невиданная, гигантская, самая большая из всех, какие когда-либо были описаны!

Что противоречит предположению о молнии? Стояла хорошая, солнечная погода. Шар появился из ясного неба (не из облака, как подчеркивает документ). Невозможно объяснить второе и третье появление шара в непосредственной близости от наблюдателей, буквально на их глазах, а также описанные в документе два огненных луча. Достойно удивления общее время наблюдения — около полутора часов! Настораживает также упоминание о появлении рыжеватой пленки на поверхности воды.

Так что же это было?

Сделаем еще одну, последнюю, попытку объяснения Робозерского феномена. Лет десять назад австралийский радиоастроном Рональд Брейсуэлл из Стенфордского университета высказал любопытное предположение. Он считает, что существующие в Галактике цивилизации могут забрасывать в разные ее уголки автоматические инопланетные зонды. Задача этих автоматов — обнаружение других цивилизаций, сбор информации о них, попытка привлечения внимания и установления контактов.

Сравнить бы наше тело с таким инопланетным зондом! Да вот беда — как это сделать? На что похож он, как «ведет» себя? О теле-то мы хоть что-то знаем, а зонду... можем приписать все, что заблагорассудится. Можно ли назвать такое объяснение чистым и честным? Ведь так мы можем назвать интересующее нас тело «летающей тарелкой», а что это добавит к знаниям человечества об интересующем нас явлении, о вселенной?

Исчерпав, кажется, все мыслимые причины, от элементарных и неизменных до экстравагантных и фантастических, мы должны констатировать невозможность полного отождествления описанного в документе впечатляющего явления с известными ныне. Что это было?

Вопрос остается открытым. Условия задачи (если так можно сказать) ясны, и попробовать решить ее может каждый наш читатель. Разрешима ли эта задача вообще? Кто знает? Вероятно, да!

ний достигает 100 км/сек, то есть 360 000 км/час. См.: Л е о н о в Р. А., Загадка шаровой молнии. М., 1965, стр. 68.

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ,
доктор исторических наук

Это не космонавты

Возможность того, что представители каких-либо других цивилизаций время от времени посещали нашу Землю и оставили на ней свои следы, отнюдь не исключена.

Задача исследователей не в том, чтобы найти немедленно и во что бы то ни стало доказательства инопланетных визитов на Землю, а в том, чтобы, разобравшись во множестве кажущихся загадочными фактов, установить, какие из них не могут иметь отношения к нашей проблеме, отбросить их и сосредоточить внимание на тех фактах, исследование которых представляется более перспективным.

Как этнограф должен сказать, что ссылки на древние изображения одетых в скафандры космонавтов — один из наиболее легко опровергаемых аргументов.

Искренне жаль, что эти изображения нет-нет да и появляются вновь на страницах вполне серьезных и добросовестных журналов в качестве доказательств гипотезы, которая сама по себе вполне правомерна и интересна.

В № 9 журнала «За рубежом» за 1970 год опубликована статья писателя А. Казанцева «Между фантазией и наукой». Я здесь намеренно остановлюсь только на статье А. Казанцева, а не на помещенной рядом с ней статье Эриха Деникена «Назад к звездам», поскольку «вольность» Деникена в обращении с фактами и недостоверность ряда приводимых им сведений хорошо показывает сам А. Казанцев.

Писатель видит изображения космонавтов в японских доисторических статуэтках «догу» (точнее, древнеайнских, потому что айны составляли древнее население Японии). В причудливом орнаменте, украшающем догу, богатое воображение действительно легко может усмотреть «космические костюмы с герметическими шлемами, щелевидными очками и фильтрами для дыхания... заклепочки, застежки, люки для осмотра механизмов на плечах и в затылочной части шлема».

Если бы статуэтки догу появились среди других древностей Японии внезапно и именно в скафандровидной форме, для такого предположения были бы основания. Но в том-то и дело, что наиболее похожие на людей в скафандрах, очкастые и разукрашенные заклепками статуэтки — это наиболее поздние формы догу, которым предшествовал длительный период постепенной эволюции от весьма примитивных и невыразительных глиняных изображений человека. Догу лепили из глины древние мастера эпохи развитого неолита, этим фигуркам по тричетыре тысячи лет. Если мы построим, как это принято делать в археологической науке, эволюционный ряд статуэток от самых ранних и примитивных до самых поздних — изощренных и вычурных, то увидим, что все эти люки, фильтры и прочие технические детали скафандров на самом деле результат постепенного художественного преображения, стилизации более ранних форм, первоначально довольно реалистично изображавших части человеческого тела и не имевших никакого сходства с деталями космической техники.

Начнем с наиболее яркого признака этих статуэток — с их глаз. У многих поздних статуэток они занимают практически все лицо, которое теперь вовсе не имеет сходства с лицом человека, скорее напоминая голову какого-то насекомого вроде стрекозы.

Но на ранних образцах статуэток рот, глаза, уши изображались одинаково, просто кружками, точь-в-точь как у нас рисуют человеческое лицо неумелые руки ребенка. Затем рот и глаза приняли овальную форму, но все еще изображались одинаково. Многое зависело, конечно, не только от эпохи, но и от умения и личного мастерства отдельных скульпторов. На наиболее удачных статуэтках глаза выполнены в традиционной условной манере в виде щелей, но все же понятно, что это не очки, не люк скафандра, а просто большие прищуренные веки. И уж, конечно, вздернутый нос и полураскрытый рот статуэтки не оставляют никакого сомнения в том, что перед нами не шлем космонавта, а человеческое лицо с ушами, глазами, ртом, носом и татуировкой на щеках.

Орнаментальные линии на «теле» статуэтки, «заклепочки» на самом деле очень хорошо сопоставляются с узорными аппликациями на айнских халатах. Этот орнамент служит современным археологам одним из наиболее убеди-

тельных доказательств того, что сделали эти статуэтки именно айны, а не эскимосы или кто-нибудь еще.

Следует обратить виимание на одно очень важное обстоятельство. Все древнеяпонские догу изображают женщин. Очевидно, это проявление матриархальных принципов в общественном строе древних айнов, результат культа прародительниц, богинь материнства и плодородия. На почти всех хорошо сохранившихся статуэтках отчетливо видна женская грудь. Грудь обычно обнажеиа или хотя бы выдается в прорези одежды. Если бы мы располагали только статузтками более позднего типа, а именно такую статузтку приводит в качестве иллюстрации к своей статье А. Казанцев, то, коиечно, зти малеиькие выступы можно было бы трактовать как кнопки грудных щитков скафандра. Одиако достаточио внимательно поглядеть иа некоторые из наиболее типичных догу, чтобы понять истинное зиачение зтих выступов, в какой бы форме они ни были представлены на догу. Я думаю, крайне маловероятно, чтобы среди предполагаемых звездных пришельцев не только решнтельно преобладали женщины, но чтобы оии к тому же позировали перед древними айнами, частично разгерметизировав и вообще расстегнув свой «скафандр».

Итог всего сказанного достаточно ясен. Вопрос о возможных контактах разнопланетных цнвнлизаций — это вопрос серьезный, который должен обсуждаться на строго научном уровне, с привлечением научно обоснованной аргументации. Что же касается японских неолитических статуэток, то они неотъемлемая органическая часть сложного, высокоразвитого, заслуживающего самого тщательного изучения керамического искусства древних айнов. В нем много еще волнующих, не до конца раскрытых загадок. В нем можно найти стыки судеб ныне весьма далеких народов. Несомненно, что в его формировании участвовали пришедшие в Японию группы индонезийцев, но как и когда оии пришли — мы точио не знаем.

Возможно, что возникновеиие керамики в Южной Америке связано с Древней Японией, с какими-то вольными или невольными переселениями через Тихий океан.

В коице прошлого века, когда еще об изобретении космического скафаидра не было и речи, японский археолог Цубои пришел к выводу, что фигурки догу изображают зскимосов в солнцезащитных очках. Действительно, такие очки (из кожи или коры с узкой прорезью для глаз) до сих пор еще в ходу у зскимосов, да и у других северных народов. Их назначение — защищать глаза от слепящего отблеска снега. А в легендах айнов, потомков древнейшего иаселения Японии, есть сообщения о людях, плававших в легких кожаных лодках. Лодки по описаиию очень похожи на зскимосскую байдарку. Цубои предположил, что эскимосы первоначальио жили в Японии и лишь потом ушли на

север, в нынешние места их обитания.

Но в Японии снега куда меньше, чем в Арктике, и ни у айнов, ни у японцев потребности в таких очках никогда не возникало. По мере того как археологи находили все новые догу, все более явной становилась несостоятельность теории Цубои.

Однако раскопки показали, что Цубои в чем-то был прав, на севере Японии еще тысячу лет назад действительно жили не то эскимосы, не то какой-то родственный им народ. Только сейчас теория Цубои поставлена с головы на ноги: не нз Японии эскимосы заселнли Арктику, а из Арктикн вторглись в Японию и растворились потом среди айнов.

Немало вполне научных н в то же время романтическнх, волнующих, порой граничащих с фантастикой проблем связано со статуэткамн догу. Но к визитам инопланетян эти глиняные фигурки никакого отношения не имеют.

ИГОРЬ КЛЕНОВ

Фауст в космосе

ПРОТОКОЛ О ВЫСЫЛКАХ ИЗ ИНГОЛЬШТАДТА

...В среду после Вита 1528 года приказано некоему человеку, именовавшему себя доктором Георгом Фаустом из Гейдельберга, искать себе пропитания в другом месте и взято с него обещание властям за этот приказ не мстить и никаких неприятностей не учинять.

Его не любили ученые мужи. Они писали о нем с презрением и некоторой долей зависти. И весьма обижались на суеверных и легкомысленных графов и герцогов, пригревавших бродячего врача, астролога и хироманта при своих дворах. Фауст был более славен, нежели они, трудом и терпением добившиеся признанного места в науке, переполненной суевериями, злыми духами, ведьмами и чертями. Фауста гнали из городов, хотя в протоколах о высылке почтенные бюргеры не забывали взять с него обещание не мстить негостеприимному городу — многие были уверены в том, что ему открыты тайны, что власть его над силами тьмы велика и загадочна.

Друзья Фауста, а их было немало среди студентов и разношерстного городского люда, прислушивались к каждому его слову. Спесивые рыцари с трепетом ждали исполнения предсказаний мудрого доктора.

«За три месяца погибли все флотилии, о которых я говорил, — писал домой из Венесуэлы рыцарь Филипп фон Гуттен, — и те, которые вышли из Севильи раньше нас, и те, которые следовали за нами. Приходится мне признать, что предсказания философа Фауста сбылись почти полностью, ибо немало мы натерпелись за это время».

Фауст отлично знал, что может ожидать рыцаря, отправившегося в опасное и долгое путешествие,— он предсказал беды и не ошибся. Странно было бы, если бы он не угадал.

Мы привыкли к «Фаусту» Гёте. Образ старика, получившего молодость в обмен на рискованный союз с дьяволом, образ трагический, серьезный, вытеснил сразу двух Фаустов. Первого Фауста, о котором уже шла речь, — реального, умершего примерно в 1540 году ученого и предсказателя. И второго Фауста — героя народной книги, которая, видно, начала создаваться уже при его жизни, книги, где народная молва собрала всяческие сказочные и действительные истории как о докторе, так и о подобных ему чернокнижниках и вольнодумцах. Книга эта увидела свет в 1587 году, через сорок с небольшим лет после смерти Фауста, и многократно переиздавалась в Германии и других европейских странах. Фауст стал одним из наиболее популярных и любимых народных героев. В нем, во втором, народном, Фаусте, совместились черты Насреддина, Панурга и Уленшпигеля — шутников и мудрецов.

Рушилось средневековье, слабела власть церкви над умами людей. Фауст — современник великой Крестьянской войны в Германии. Знаменитый реформатор Лютер знал о нем и в беседах с учениками не раз упоминал имя безбожника, понося его, хоть немного и побаивался колдуна, подобно почтенным гражданам Ингольштадта. Лютеру принадлежат слова: «Много говорилось о Фаусте, который называл черта своим куманьком и говаривал, что, если бы я, Мартин Лютер, протянул ему только руку, он бы сумел меня погубить. Но я не хотел его видеть...»

Веселый, проказливый Фауст удивительно подошел к своей эпохе. Бунт его, бунт против церкви и власть имущих, даже союз с дьяволом вызывал ужас лишь у теологов и попов. В народной книге за сокрушениями издателей по поводу столь страшного и греховного союза с нечистой силой видны веселые интонации авторов, полностью сочувствующих герою. Фауст помогает соединиться возлюбленным, наказывает жадных торговцев, возвращает жене мужа, приделывает оленьи рога богатому рыцарю, а потом до смерти запугивает его храброе войско... Он веселит студентов и в праздники, и в великий пост, а в день смерти его окружают многочисленные скорбящие друзья.

Народная книга о Фаусте была не только веселым для одних и нравоучительным для других (кому что в ней хотелось видеть) рассказом. Она несла также массу всевозможных сведений — читатели XVI века были куда любознательнее своих предков. В книге много говорится о разных странах, которые посетил жадный до жизни Фауст.

И одно из этих путешествий Фауста стоит несколько особняком. Составители «от себя» рассказывают о странствиях чернокнижника по германским государствам (Германию Фауст и на самом деле всю объехал, возможно, побывал он и во Франции, в Париже, а ученик его, Вагнер, повествует даже о путешествии в

Южную Америку и описывает там сумчатых животных), Чехии, Турции. Но путешествие Фауста в космос — один из трех написанных от имени Фауста и включенных в книгу документов (два других — завещание, где Фауст отказывает своему наследнику и верному ученику Вагнеру книги и лист с описанием путешествий в ад).

Составители книги сообщают, что в бумагах покойного ученого они обнаружили письмо, написанное его доброму приятелю, врачу Ионе Виктору в Лейпциг. Обращается Фауст к своему другу как к физику и астроному, полагая, что его отчет может представить интерес с научной точки зрения.

В те времена путешествия к звездам были куда менее популярны, нежели визиты в рай и ад (Фауст, естественно, посетил оба эти района). Немногочисленные сказочные путешествия за пределы планеты не выходили за рамки обычных в средневековье представлений о Земле и небе. Да и куда полетишь, если всем известно, что небо твердое?

Начало рассказа о путешествии Фауста не обещает ничего необычного. Летел он в весьма стандартном экипаже — повозке, запряженной двумя драконами. Драконы описаны со знанием дела, у них коричневые с черным крылья в белых крапинках, а спина, брюхо и голова в зеленоватых, желтых и белых пятнах.

Но стоило Фаусту отделиться от Земли, как начались интересные вещи. Интересные для сегодняшнего читателя — с точки зрения современников Фауста они не слишком отличались по характеру от сведений о драконах.

Из-под колес повозки вырывались огненные языки. Казалось бы, зачем ей подобная иллюминация, если ее все равно тащат летающие драконы? Дальше сообщается: «Чем выше я поднимался, тем темнее становилось вокруг. Казалось, будто из яркого солнечного дня я погружаюсь в темную яму».

Вряд ли читатель народной книги обращал особое внимание на то, что по мере подъема колесницы небо чернело. Ведь только через несколько веков люди, поднявшиеся в стратосферу, увидели днем темное небо.

Через некоторое время огненная повозка поднялась на 47 миль в вышину, то есть примерно на 80 километров. С этой высоты Фауст разглядывает открывающиеся картины. Что он видит? Всю Землю? Или только родной город? Нет. Часть Европы, именно такую, какую мог бы увидеть, поднимись он в самом деле на эту высоту.

«Взгляни, — говорит Фаусту Мефистофель, — вот по левую руку лежит Венгрия, далее здесь Пруссия, там, наискось, Сицилия, Польша, Дания, Италия, Германия. Завтра же ты увидишь Азию, Африку, также Персию, Татарию, Индию, Аравию».

Три дня продолжается орбитальный полет. Фауст видит практически все страны Европы и Азии. Но стран, не известных его современникам, он не наблюдает. Даже

не видит Америки, которая к тому времени уже открыта.

Любопытно, что Константинополь с высоты в 80 километров кажется ему столь маленьким, «будто там едва три дома».

Затем Фауст полетел прочь от Земли. На восьмой день он себя плохо почувствовал. Такое впечатление, что у него были нелады с вестибулярным аппаратом. «Увидел я, — пишет Фауст, — что небо движется и кружится так быстро, как будто оно разлетится на тысячу кусков. Небо было таким ослепительным, что я ничего не мог разобрать, и таким жарким, что я мог бы сгореть, если бы мой слуга не поднимал ветер».

В это время корабль, видимо, приблизился к солнцу, потому что Фауст сообщает своему корреспонденту: «И хотя мне казалось, что Солнце у нас величиной едва ли с днище от бочонка, на самом деле оно больше всей Земли, так что я не мог видеть, где оно кончается. Поэтому-то Луна ночью, когда Солнце заходит, получает от него свет и так ярко светит ночью, что и на небе становится светло». Весьма смело для XVI века!

Смело увеличивает Фауст «общепризнанные» размеры звезд и планет. Звезды, говорит он, больше, чем по полземли, планеты — величиной с Землю.

Кстати, в другой главе книги Фауст объясняет некоему почтенному астроному, что мнение о том, будто звезды размером подобны пламени восковой свечи, неверно. Звезды велики, «многие поболе, чем эта страна». Астроном, видно, лишь улыбнулся снисходительно и спросил, а как же тогда они падают? Ведь если такое чудище свалится на Землю, от нее ничего не останется. Но Фауст не растерялся и придумал новую «небылицу».

«В том, что происходит со звездами, — сказал он самоуверенно, — когда они светят и падают на Землю, нет ничего необыкновенного, это бывает каждую ночь. Когда мы замечаем вспышки или искры, это знак, что со звезд падают капли... Но то, что звезды будто бы падают, это только люди так воображают, и когда часто видим мы ночью падающий огненный поток, это все же не падающие звезды, как обычно полагают».

Не исключено, что некоторые прозрения Фауста случайны. Ведь, в конце концов, они обильно перемешаны со сведениями о духах, драконах и иных потусторонних явлениях, куда более привычных человеку XVI века, нежели сообщения о невероятных размерах Солнца и звезд, о метеоритах и черном небе космоса. Возможно, в книге Фауста отразились догадки астрономов и ученых (может, и самого Фауста), обогнавших свое время, но не смевших высказать эти догадки от своего имени.

И не исключено, что тем, кто был знаком с книгой, куда легче было потом поверить еретическим словам Коперника и Джордано Бруно, так как внутренне они были подготовлены к восприятию революционных понятий о Земле и небе.

Сообщение о докторе Фаусте было зачитано на очередном заседании Комиссии по контактам.

— Итак, — сказал председатель, — кто из присутствующих хочет высказаться?

Члены комиссии переглянулись.

— Скажите, а не мог он быть наркоманом? — осторожно спросил кто-то.

— Таких сведений не сохранилось, — сухо ответил докладчик. — Разумеется, белена, опиум и некоторые другие средства в том же роде были уже давно известны.

— А как насчет пейотля?

— Фауст умер почти через полвека после открытия Америки. Можно допустить, что он был знаком и с этим наркотиком.

— Итак, мнение первое: рассказ Фауста — продукт интенсивной галлюцинации, — подытожил председатель. — Кто еще желает высказаться?

— Предположим на секунду, что Фауста забирают с собой в космос пришельцы, тогда почему в его рассказе не отмечено явление невесомости? — спросил физик.

— На аппарате могла действовать искусственная сила тяжести.

— Тогда отчего у Фауста закружилась голова?

— Но вы заметили, что это случилось лишь раз за весь восьмидневный полет?

— Временная поломка?

— Если хотите.

— Можно предложить и другое объяснение этому умолчанию, — заметил историк. — «Письмо» опубликовано через 47 лет после смерти Фауста. Мы не знаем, сколько раз письмо Ионе Виктору редактировалось, сокращалось и дополнялось, прежде чем оно было напечатано в типографии Иоганна Шписа. Но если даже это подлинный текст письма, проблема его соответствия действительным наблюдениям и ощущениям Фауста не становится более легкой. Достаточно вспомнить подробное описание сказочных драконов. Современники доктора и народная легенда о нем сходятся в мнении, что Фауст был весельчаком и мистификатором, обожавшим разыгрывать своих напыщенных коллег. Вряд ли от него можно ожидать чего-то вроде бортжурнала полета, даже если бы этот полет вправду состоялся.

— Главное все-таки не в том, о чем Фауст умолчал и почему именно, — сказал докладчик. — Важно другое: можем ли мы выделить в его письме картины, какие не было бы в состоянии создать даже самое буйное воображение человека XVI века. Я предлагаю для конкретного обсуждения четыре пункта: 1) Черное небо на высоте более 80 километров. 2) Внезапное вращение неба на восьмой день полета. 3) Площадь обзора и возможность разглядеть те или иные объекты. 4) Ослепительное и яркое небо.

— Черное небо люди впервые увидели в тридцатых годах нашего века, — заметил физик. — Но это не было открытием для ученых.

Представление о черноте космоса было выведено теоретически.

— Но не в XVI веке?

— Нет. Мы не знаем таких работ столь большой давности. Впрочем, ведь и великие открытия Леонардо да Винчи стали известны лишь в XIX веке, и то лишь по воле случая — нашелся его рукописный архив.

— Площадь обзора с такой высоты примерно соответствует действительной, — сказал математик. — Но, зная геометрию, Фауст мог легко эту площадь вычислить.

— Учебника Эвклида для этого хватило бы? — спросил историк.

— Да. Хватило бы и одной теоремы Пифагора.

— Что же касается слепящего света в связи с близостью Солнца, — добавил физик, — Фауст мог его ощущать, только если смотрел прямо на Солнце. Достаточно ему было немного отклониться в сторону (а судя по письму, у него был круговой обзор), как Фауст вновь бы увидел черное небо.

— Стало быть, и это сообщение не может быть весомым доводом, — согласился докладчик. — Остается «вращение неба».

— А Фауст не мог страдать, скажем, лабиринтитом, как Свифт?

— Во всяком случае, он, как врач, мог быть знаком с этой болезнью, — заметил историк.

— Будем подводить итоги, — сказал председатель. — Как же мы в целом оценим «письмо» Фауста?

— Мне кажется, — сказал историк, — что Фауста надо рассматривать на фоне его эпохи. Он родился около 1480 года и умер в 1540 году. В 1488 году в Европе впервые был напечатан в подлиннике греческий писатель (Гомер), а к 1520 году все важнейшие работы греческих авторов, дошедшие до нас, были опубликованы. После тысячелетнего забвения в руках европейских ученых внезапно оказалась огромная сокровищница античной мысли. Фауст мог почерпнуть оттуда чрезвычайно многое. Если взять «письмо» Фауста в целом, а не только четыре положения из него, выбранные докладчиком, окажется, что космогонические представления Фауста гораздо ближе к представлениям древнегреческих философов-материалистов, чем к данным науки XX века.

— И все-таки это был большой человек, — сказал докладчик. — Ведь знаменитый «Молот ведьм», пособие по уничтожению инакомыслящих, был напечатан впервые почти одновременно с Гомером, в 1487 году, а к 1520 году выдержал тринадцать изданий с предисловием папы римского. Фауст очень рисковал. Может быть, я неправильно выбрал эпиграф к докладу?

— А какой следовало бы избрать?

— Из известного стихотворения:

Ученый, сверстник Галилея,
Был Галилея не глупее.

Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья.

— Случалось, что шутовская форма изложения истин помогала избежать костра, — заметил историк. — У великого Рабле, например, были современники и единомышленники, которые сказали куда меньше, чем он, но сделали это в более серьезной форме — и поплатились жизнью.

— Да, может быть, доктор Фауст и не был, в сущности, таким уж весельчаком... — сказал кто-то.

ЮРИЙ ЭСТРИН,
кандидат технических наук

«Пришельцев» — в систему!

«Проблема контактов» человечества с представителями инопланетных «внеземных цивилизаций» принадлежит к тем немногим проблемам, которые одинаково уютно чувствуют себя на страницах фантастической повести и научного журнала. Это еще не наука, но уже почти не фантастика. Десятки гигантских радиотелескопов прислушиваются к многоголосице вселенной в надежде уловить среди «шорохов» звезд и «скрипов» галактик сигналы «братьев по разуму». Лингвисты разрабатывают космический язык, вполне пригодный для обмена информацией по «большому кольцу», а физики, переняв эстафету у фантастов, обсуждают вопросы использования антивещества в качестве горючего для фотонных звездолетов.

Следует заметить, что «проблема контактов» расцвела в атмосфере чрезвычайно благожелательного психологического микроклимата. Идея «множественности обитаемых миров», высказанная Джордано Бруно, превратилась в наши дни чуть ли не в незыблемый научный постулат. Доказательство существования «внеземных цивилизаций» явилось бы событием ни с чем не сравнимого научного и философского значения. Однако понимание важности проблемы, вероятно, далеко не единственная причина огромного общественного интереса к «пришельцам». Какую-то роль, наверно, играет и дань «космической моде», и остатки юношеского увлечения научной фантастикой, не ослабевшего у некоторых моих зна-

комых (и у меня самого), как говорится, до седых волос, и воспоминания о грезах и размышлениях, которые зрелище звездного неба вызывает у каждого человека с неампутированным воображением.

Особое место в «проблеме контактов» занимают поиски следов «пришельцев» в прошлом нашей планеты. За последние годы появились десятки книг и журнальных статей, в которых приведены буквально сотни доказательств, призванных свидетельствовать о том, что в отдаленные — или даже не столь отдаленные — эпохи нашу Землю посещали «гости из космоса». Некоторые из этих доказательств позднее оказывались несуществующими, вроде пресловутого «зальцбургского параллелепипеда», о многих других писали специалисты, разъяснявшие их вполне земное происхождение, но на смену каждому факту, павшему жертвой научного скепсиса, неизменно появлялись десятки новых.

Пока доказательств контактов с «пришельцами» было относительно немного, они выглядели для человека непосвященного довольно убедительно (если человеку хочется во что-то верить, его легко убедить). Однако когда число доказательств стало стремительно расти, когда следы «пришельцев» стали находить на всех континентах и во все времена (в том числе на иконах XVIII века), то убедительность этих доказательств — по крайней мере в психологическом плане — значительно пошатнулась. Лишняя ложка масла способна вопреки поговорке испортить даже хорошо заваренную кашу. Помните старинную шутку о тяжбе двух соседок? Истица требовала через суд возвращения одолженного горшка. Ответчица же доказывала свою невиновность на основании того, что

а) она этот горшок и в глаза не видывала;

б) она взяла его уже треснутым;

в) вернула его в целости и сохранности.

Бедняжка не устояла перед искушением привести в свою пользу на два доказательства больше, чем было нужно, и проиграла дело.

К сожалению, все известные автору многочисленные статьи и книги, посвященные проблеме «пришельцев», излагают доказательства контактов, так сказать, «навалом», перечисляя их все подряд. Такое общее «собирательство» часто бывает характерно для начального этапа исследований. Следующим этапом должен явиться переход от фактов, доказательств или того, что их заменяет, к построению гипотезы. Вся история убедительно свидетельствует, что научная гипотеза не только удобный способ классификации и систематизации известных фактов, но и инструмент, позволяющий отыскивать новые факты или хотя бы указывающий наиболее вероятную область таких поисков. (Гипотеза, предсказавшая неизвестные ранее факты, возводится при этом в более высокий ранг теории.) Значение гипотезы особенно возрастает в тех случаях, когда известные факты допускают не-

сколько различных трактовок. Здесь уместно сравнение с созданием криминалистической версии на основании косвенных улик. Чем больше разнородных фактов укладывается в стройную, непротиворечивую систему, тем меньше вероятность случайного совпадения и тем выше убедительность гипотезы.

Всякая гипотеза должна быть внутренне непротиворечивой, удовлетворять возможно большему числу фактов и иметь достаточно высокую вероятность. Первые два требования интуитивно понятны; третье можно пояснить на простом житейском примере. Представьте, что вы забыли на садовой скамейке какой-нибудь предмет — например, зонтик. Через несколько минут вы возвращаетесь и обнаруживаете, что скамейка пуста. Среди множества гипотез, объясняющих эту пропажу, возможна и такая. Из физики известно, что существует ничтожно малая, но все же отличная от нуля вероятность события, при котором направления теплового движения всех молекул зонтика совпадут, и он улетит со скоростью пушечного снаряда. Хотя эта гипотеза внутренне непротиворечива и полностью удовлетворяет всем известным фактам, тем не менее вряд ли вы будете серьезно ее рассматривать.

Само собой разумеется, что построению гипотезы должна предшествовать долгая и кропотливая работа по отделению зерен истины от плевел вранья и натяжек.

Будем исходить из того, что большинство «улик», содержащихся в пухлом «деле о контактах», соответствует действительности, и рассмотрим один из возможных путей построения гипотезы. Все «улики» могут быть классифицированы следующим образом:

I. Материальные предметы, приписываемые «пришельцам» (после исчезновения «зальцбургского параллелепипеда» этот разряд почти пуст, если не считать «гранитных дисков» с надписями, якобы найденных в Китае).

II. Сооружения, возведенные «пришельцами» или под их руководством (Баальбекская платформа, система «посадочных знаков» на плато Наска в Южной Америке и т. д.).

III. Графические и объемные изображения «пришельцев» (рисунки на камнях, петроглифы, фрески, статуэтки и т. п.).

IV. Устные и письменные свидетельства, трактуемые как воспоминания о «пришельцах» (этот разряд «улик» наиболее обширен: мифы, легенды, фольклор, библия, летописи, античный и средневековый эпос и т. д.).

V. Научные и технические анахронизмы (астрономические познания, невозможные до изобретения телескопа; карты, относимые к средним векам и изображающие Землю из космоса, резкие сдвиги в технологии и т. п.).

Каждая «улика» связана с определенным географическим районом и определенной исторической эпохой. Построение гипотезы проще всего начать с поиска географических и (или) хронологических

закономерностей. Можно представить три варианта группировки ответов на вопрос:

1. Где произошел контакт?

A_1. Все известные «улики» относятся к одному географическому району, который мы будем называть «зоной контакта».

B_1. Существует несколько четко разграниченных «зон контакта».

C_1. «Зоны контакта» «размазаны» по всей территории Земли.

Точно так же существуют три варианта на вопрос:

2. Когда произошел контакт?

A_2. Временные координаты всех «улик» могут быть отнесены к одному относительно короткому интервалу — назовем его «датой контакта».

B_2. Существует несколько различных «дат контакта». (В этом случае длительность интервала между «датами контакта» должна хотя бы в несколько раз превышать погрешность, связанную с хронологической датировкой соответствующих «улик».)

C_2. Контакты хронологически «размазаны» по всей истории человечества.

Можно провести здесь и более подробную классификацию. Так, в случае варианта B_2 можно было бы попытаться найти определенную зависимость между «датами контакта» — например, периодичность.

Ограничимся для начала тремя вариантами ответов на каждый вопрос. Различные комбинации этих ответов позволяют построить девять гипотез, которые можно условно записать в виде таблицы:

A_1A_2	B_1A_2	C_1A_2
A_1B_2	B_1B_2	C_1B_2
A_1C_2	B_1C_2	C_1C_2

Кроме того, для полноты включим в классификацию гипотез «нуль гипотезу» об отсутствии контактов.

Гипотеза A_1A_2 может быть названа гипотезой «единичного контакта». Все «улики», перечисленные в разделах I—III классификации «улик», должны относиться к одному периоду времени и находиться в одном географическом районе. С «уликами» из раздела IV дело обстоит несколько сложнее, так как они могут быть обнаружены далеко за пределами рассматриваемого района: известно, что кочуют не только народы, но и сюжеты искусства. Тем не менее современные методы истории, этнографии, археологии, лингвистики и ряда других наук нередко позволяют проследить путь «бродячих улик» в пространстве и во времени. Гипотеза «единичного контакта» послужила бы серьезным основанием для поиска новых фактов, а также более детального анализа всего, что известно о данном районе в историческую эпоху, соответствующую «дате контакта».

Упомянем здесь еще одну возможность поиска «следов пришельцев». Большинство «улик» в явной или скрытой форме предполагает антропоморфность «пришельцев», а порою их биологическую совместимость с людьми. Кстати, легенды многих народов изобилуют рассказами о небесных существах, берущих в жены земных

женщин. Эти легенды часто используют в качестве «доказательства» существования контакта. Значит, возможно существование «биологических улик» в виде тех или иных генетических особенностей у потомков народов, населявших «зону контакта». Время появления таких особенностей может быть установлено при помощи антропологических методов реконструкции по черепу и скелету, на основе графических и скульптурных изображений, относящихся к рассматриваемому периоду, и т. п.

Гипотеза A_2B_1 «единой даты контакта» логически мало отличается от предыдущей. В самом деле, цивилизация, способная преодолеть межзвездные расстояния, вероятно, обладает транспортными средствами, позволяющими посетить любые уголки нашей планеты. Убедительность такой гипотезы также была бы довольно высока. Наличие единой хронологии у всех пяти разрядов «улик» само по себе явилось бы серьезным доводом в пользу предположения о контактах. Иначе было бы трудно объяснить одновременное появление у народов, населяющих далеко отстоящие друг от друга территории и находящихся на различных стадиях общественного развития, сходных «космических сюжетов», рисунков и т. д.

При разборе остальных вариантов гипотез целесообразно сделать еще один шаг и попытаться обнаружить закономерность в ответах на вопрос:

3. Кто посещал Землю?

A_3. Представители одной цивилизации.

B_3. Представители разных цивилизаций.

C_3. Неизвестно.

Вариант A_3 предполагает возможность выделения из множества «улик» некоторого «общего множителя». Таким «общим множителем» могла бы явиться, например, реконструкция внешнего облика «пришельцев» на основе различных их изображений в разных местах или же реконструкция при помощи независимых источников тех или иных сторон их техники (средства передвижения — «огненные колесницы» и т. д.).

Комбинация трех ответов на три вопроса позволяет построить 27 различных гипотез: $A_1A_2A_3$; $A_1B_2C_3$ и т. д.

Дифференциация некоторых из этих гипотез может представить значительные трудности. Так, например, гипотеза $A_2B_2A_3$ предполагает, что существование нескольких «дат контакта» связано с последовательными посещениями Земли представителями одной и той же цивилизации, а гипотеза $A_2B_2B_3$ пытается объяснить те же факты контактами с несколькими различными цивилизациями. Земные аналогии подсказывают, что за время, истекшее между двумя контактами, цивилизация визитеров может настолько уйти вперед, что ее попросту нельзя будет узнать. Однако положение все же не полностью безнадежно. Например, внешний облик должен быть более консервативным, чем технология; в развитии технологии

могут быть прослежены определенные закономерности и т. д.

Следующий шаг в поиске закономерностей — классификация ответов на вопросы о цели контакта и об отношении к контакту.

4. Цель контакта:

A_4. Исследовательская.

B_4. Культурно-просветительская (миссионерская).

C_4. Цель неизвестна (или не может быть понята на современном уровне наших знаний).

5. Отношение к контакту:

A_5. Намеренное вступление в контакт.

B_5. Отказ от контактов.

C_5. Нейтральное (контакты не являются целью визита, но их и не избегают).

Анализ информации, якобы полученной человечеством в процессе контактов, может привести к различным комбинациям ответов на эти вопросы. Так, вариант B_4A_5 предполагает намеренную передачу информации от более развитой цивилизации менее развитой. Понятно, что качество и количество переданной информации не могут быть произвольными, а должны определяться уровнем менее развитой цивилизации. Так, передача современной ядерной технологии людям античной или средневековой цивилизации была бы невозможна даже при обоюдном желании заинтересованных сторон.

Известным подтверждением такой гипотезы могли бы явиться резкие скачки технологии в отдельных точках планеты. Было бы весьма заманчиво, если бы такие скачки технологии оказались приуроченными к «зонам» и «датам контактов» (гипотеза $A_1B_2C_3B_4A_5$ по нашей классификации). Те же рассуждения остаются в силе и в том случае, когда передаваемая информация носит не технологический, а морально-этический или философский характер.

Вариант A_4B_5 предполагает случайную «утечку информации» (например, в результате наблюдения людей за стартом или приземлением космического корабля и т. д.). Вероятно, психология могла бы предложить основанные на законах человеческого восприятия методы обработки и такой информации.

Однако такой подход к анализу информации, полученной в процессе контактов, предполагает наличие определенного психологического сходства между «пришельцами» и людьми. В принципе же не исключено, что посещение Земли преследовало цели, весьма далекие от тех, которые мы приписываем «пришельцам». Представим наделенный разумом муравейник, расположенный где-нибудь в глухой тайге, в окрестности которого ночевала партия геологов. Геологи могли даже заметить муравейник или не обратить на него внимания, а муравьи — прийти к выводу, что появление людей означало попытку вступления в контакт. Аналогия, не слишком лестная для человеческого самолюбия, но тем не менее вполне допустимая. (Этот случай соответствовал бы гипотезе C_4C_5.)

Различные сочетания трех ответов на пять вопросов позволяют

построить 243 различные гипотезы. Как проверить, какая из них наилучшим образом отвечает всем известным «уликам»? Можно было бы призвать на помощь электронные вычислительные машины. Существуют программы, позволяющие обрабатывать большой объем разнородной информации и находить определенные закономерности даже при высоком уровне «шума». (Роль «шума» в данном случае играет неверная или не относящаяся к делу информация.)

Далеко не все гипотезы равноценны. По современным оценкам * вероятность прямого контакта двух цивилизаций крайне мала. Ясно, что гипотеза «единичного контакта» обладает большим правдоподобием, чем гипотеза «множества контактов со множеством цивилизаций». Трудно заранее сказать, какие гипотезы удовлетворят известным фактам, а какие окажутся для них прокрустовым ложем.

Так или иначе гипотеза необходима. Бессистемное нагромождение все новых и новых «косвенных улик» без установления внутренней связи между ними оказывает плохую услугу предположению о межпланетных контактах цивилизаций.

Как ни легковесны некоторые из «доказательств», выдвигаемые сторонниками контактов, все же не следует забывать известную притчу о верблюде и соломинке. И поэтому в конце в виде предостережения мне хотелось бы привести цитату из классика *: «...Доказательства! Конечно, хорошо иметь доказательства, но, поверьте, в некоторых случаях еще лучше вовсе их не иметь».

---

* И. С. Шкловский, Вселенная, жизнь, разум.

* А. Франс, Остров пингвинов.

БОРИС ЛЯПУНОВ

Советская фантастика

(опыт библиографии) 1946—1956 годов *

1946

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Изгнание владыки (роман).
1. М.—Л., Детгиз. 596 стр. (Б-ка приключений.)
2. В авторском сборнике «Победители недр. Изгнание владыки». Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1958; Новосибирск, книжн. изд-во, 1958. 466 стр.; Киев, «Молодь», 1959, 498 стр.
Тайна двух океанов (роман).
2. Л., Лениздат, 419 стр.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Человек-амфибия (роман).
2. М.—Л., Детгиз, 183 стр.

ВАСИЛЕНКО И.

Необыкновенное происшествие.
Общее собрание знаков препинания (рассказы).
В авторском сборнике «Необыкновенное происшествие». Ростов-на-Дону, книжн. изд-во.

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ, ЯСНЫЙ ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Человек-ракета (повесть).
1. «Знание — сила», № 10—12.
2. В авторском сборнике «Человек-ракета». М.—Л., Детгиз, 1947. (Б-ка фантастики и приключений.)

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Н.

В глубине океана (рассказ).
1. «Краснофлотец», № 23—24.

---

* Продолжение библиографии советской фантастики. Библиография за 1917—1945 годы помещена в сборниках «Фантастика-67», «Фантастика-68» и «Фантастика-69—70». В последующих выпусках «Фантастики» библиография будет продолжена.

Под № 1 указана первая публикация, под № 2 — последующие издания.

Поскольку настоящая библиография является первым опытом такого рода работы, редакция и составитель просят читателей сообщить свои замечания.

ДОЛГУШИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Тайна невидимки (повесть).
1. «Знание — сила», № 2—6.
2. В сборнике повестей «Дорога богатырей». М., Трудрезервиздат, 1949.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Алмазная труба (рассказы).
М., «Правда», 48 стр. (Б-ка «Огонек».)
Сод.: Алмазная труба. — Озеро Горных Духов.
Рассказы о необыкновенном.
2. «Новый мир», № 4.
Сод.: Алмазная труба. — Белый Рог.
Рассказы о необыкновенном.
2. Сталинград, обл. книжн. изд-во, 88 стр.
Сод.: Ак-Мюнгуз (Белый Рог). — Алмазная труба. — Атолл Факаофо. — Бухта Радужных Струй.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Арктический мост (роман).
1. М., «Молодая гвардия», 416 стр. (Научная фантастика и приключения.)
2. Перераб. и дополн. М., Трудрезервиздат, 1948, 776 стр. (Фантастика и приключения.); М., Детгиз, 1959, 553 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)
Взрыв (рассказ-гипотеза).
1. «Вокруг света», № 1.
2. Б-ка современной фантастики. Т. 14. Антология советской фантастики. М., «Молодая гвардия», 1967.
Живое ущелье (повесть).
1. «Пионерская правда», № 40, 41, 43, 46, 47, 49—53.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

День и ночь (рассказ).
1. В авторском сборнике «Шестое чувство». М.—Л., Детиздат, стр. 65—79.
2. В авторском сборнике «Три желания». М., «Детская литература», 1967.
Новая кожа (рассказ).
1. В авторском сборнике «Шестое чувство». М.—Л., Детиздат, стр. 39—51.
2. В авторском сборнике «Три желания». М., «Детская литература», 1967.
Снегиревский эффект (рассказ).
1. В авторском сборнике «Шестое чувство». М.—Л., Детиздат, стр. 19—38.
2. В авторском сборнике «Три желания». М., «Детская литература», 1967.
Огненный шар (повесть).
1. «Вокруг света», № 8—10.

2. В авторском сборнике «Три желания». «Молодая гвардия», 1948; М., «Детская литература», 1967.

Шестое чувство (сборник рассказов).
М.—Л., Детгиз, 79 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
Сод.: Шестое чувство. — «Снегиревский эффект». — Новая кожа. — Сто градусов. — День и ночь.

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

Разговор по существу (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 4.
2. Под названием «История одного взрыва» — в авторских сборниках: «На грани возможного». М.—Л., «Молодая гвардия», 1947; «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952; «История одного взрыва». М.—Л., Детгиз, 1953; в сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз, 1950, стр. 301—330.

Электрические снаряды (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 5—7.
2. В авторских сборниках: «На грани возможного». М.—Л., «Молодая гвардия», 1947; «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952; «История одного взрыва». М.—Л., Детгиз, 1953.

РОЗЕНФЕЛЬД МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ

Морская тайна (роман).
2. М.—Л., Детгиз, 144 стр. (Б-ка приключений.)

САБУРОВ С. [САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ]

Секрет рыболова (рассказ).
1. «Знание — сила», № 7.
2. В авторском сборнике В. Сапарина «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», 1949.

Чудесный вибратор (рассказ).
1. «Знание — сила», № 2—3.
2. Под названием «Происшествие в доме № 5» в авторском сборнике В. Сапарина «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», 1949.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Железное сердце (рассказ).
1. «Знание — сила», № 8—9 и 12.

Испытание (рассказ).
1. «Знание — сила», № 6.

Удивительное путешествие (рассказ).
1. «Вокруг света», № 10.
2. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», 1949.

Ультраглаз (рассказ).
1. «Знание — сила», № 1.

2. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», 1949; в сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз, 1950.

УСПЕНСКИЙ ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ

Плавание «Зэты» (рассказ).
1. «Вокруг света», № 5—6.
2. «Искатель», 1970, № 3.

АМАТУНИ П. Г.

Маленький летчик Пирр (повесть-сказка).
1. Ставрополь, книжн. изд-во, 120 стр.

БЕЛЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

1947

Властелин молний (роман).
1. М.—Л., «Молодая гвардия», 176 стр. (Научная фантастика и приключения.)

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ,
ЯСНЫЙ ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ЦНИИХРОТ-214 (рассказ).
1. В авторском сборнике «Человек-ракета». М.—Л., Детгиз, стр. 66—80.

Человек-ракета (сборник).
М.—Л., Детгиз, 80 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
Сод.: Человек-ракета. — ЦНИИХРОТ-214.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Звездные корабли (повесть).
1. «Знание — сила», № 7—10.
2. М.—Л., Детгиз, 1948, 83 стр. (Б-ка фантастики и приключений.) В авторских сборниках: «Звездные корабли». М.—Л., Детгиз, 1953 (Б-ка научной фантастики и приключений); «На краю Ойкумены. — Звездные корабли». М., Детгиз, 1956 (Б-ка приключений, т. 6); то же, М., Детгиз, 1959; то же, Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1961; Б-ка современной фантастики. М., «Молодая гвардия», 1965, т. 1.

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Патент «АВ» (роман).
1. «Огонек», № 1—20.
2. М., «Советский писатель», 1948, 348 стр., 1949, 340 стр.; Новосибирск, книжн. изд-во, 1959, 312 стр.; в авторском сборнике «Старик Хоттабыч. — Патент «АВ». — Остров Разочарования». М., «Советский писатель», 1956; то же, 1961.

МИЩЕНКО Л.

Геотехнология (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 3 (Окно в будущее).

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Аппарат «СЛ-I» (повесть).
1. «Знание — сила», № 1—5.
2. В авторских сборниках: «Три желания». «Молодая гвардия», 1948, «Научно-фантастические повести»; М., «Советский писатель», 1951; «Тень под землей». М.—Л., Детгиз, 1954; «Тень под землей». М., Гослитиздат, 1957; «Три желания». М., «Детская литература», 1967; в сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз, 1950.

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

Автоматы писателя (рассказ).
1. В авторском сборнике «На грани возможного». М.—Л., «Молодая гвардия», стр. 80—88.
2. В авторском сборнике «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952.

В глубь земли (повесть).
1. «Вокруг света», № 8—11.

На грани возможного (сборник рассказов).
М.—Л., «Молодая гвардия», 88 стр. (Научная фантастика и приключения.)
Сод.: Шорохи под землей. — Электрические снаряды. — История одного взрыва. — Напуганная молния. — Автоматы писателя.

Напуганная молния (рассказ).
1. В авторском сборнике «На грани возможного». М.—Л., «Молодая гвардия», стр. 72—79.
2. В авторских сборниках «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952.

Шорохи под землей (рассказ).
1. «Вокруг света», № 1.
2. В авторских сборниках «На грани возможного». М.—Л., «Молодая гвардия», 1947; «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Птица Маук (киноповесть, по мотивам романа В. Обручева «Земля Санникова»).
1. «Вокруг света», № 1—3.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Сигнал «Я-17» (рассказ).
1. «Знание — сила», № 6.
2. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», 1949.

СТЕФАНОВСКИЙ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ

Вокруг света за 3 часа (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 5 (Окно в будущее).

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман).
2. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, т. 5.

Голубые города (рассказ).
2. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, т. 5.

Союз пяти (повесть).
2. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, т. 5.

БРАГИН ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

В стране дремучих трав (роман-сказка).
1. М.—Л., Детгиз, 288 стр. (Б-ка приключений.)
2. М., Детгиз, 1959, 334 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.); М., Детгиз, 1962, 336 стр.; М., «Детская литература», 1967, 303 стр.

ВСЕВОЛЖСКИЙ И.

Судьба прозорливца (повесть).
1. Дзауджикаугиз, Сев.-Осет. АССР, 64 стр.

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Погонщики туч (повесть).
1. «Знание — сила», № 1—4.
2. В сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз, 1950.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Белый Рог (сборник рассказов).
Куйбышев, обл. изд-во, 248 стр.

Сод.: Белый Рог — Алмазная труба. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Тень минувшего. — Атолл Факаофо. — Бухта Радужных Струй. — Последний марсель. — «Катти Сарк».

Звездные корабли (повесть).
2. М.—Л., Детгиз, 82 стр. (Б-ка фантастики и приключений.).

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Арктический мост (роман).
2. М., Трудрезервиздат, 776 стр. (Фантастика и приключения.)

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Патент «АВ» (роман).
2. М., «Советский писатель», 348 стр.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Золотое дно (повесть).

1. «Техника — молодежи», № 3—12.
2. М.—Л., Детгиз, 1949, 303 стр.; М.—Л., Детгиз, 1952, 360 стр.; М., Географгиз, 1960, 245 стр.; в авторских сборниках: «Научно-фантастические повести». М., «Советский писатель», 1951; «Избранное». М., «Советский писатель», 1958; «Повести». М, «Молодая гвардия», 1962; «Три желания». М., «Детская литература», 1967.

Тень под землей (повесть).

1. В авторском сборнике «Три желания». «Молодая гвардия», стр. 71—166.
2. В авторских сборниках: «Научно-фантастические повести». М., «Советский писатель», 1951; «Тень под землей». М.—Л., Детгиз, 1954; «Тень под землей». М., Гослитиздат, 1957; «Три желания». М., «Детская литература», 1967.

Три желания (повести).

«Молодая гвардия», 280 стр.

Сод.: «Огненный шар. — Тень под землей. — Аппарат «СЛ-1».

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

Покорители земных недр (отрывок из романа «Дороги вглубь»).

1. «Знание — сила», № 10.

Роман «Дороги вглубь». «Молодая гвардия», 1950.

Угольный генератор (рассказ).

1. «Знание — сила», № 12.
2. В авторских сборниках «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1949 и 1952.

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Остров Таусена (повесть).

1. М.—Л., Детгиз, 212 стр. (Б-ка приключений.)

ПОДСОСОВ А.

Новый Гольфстрим (роман).

1. Свердловск, облгиз, 176 стр.

Путешествие в Завтра (очерки).

1. «Знание — сила», № 10 (тематический номер).

Сод.: Иванов В., Путешествие в Завтра. — Сапарин В., Зарисовка с натуры. — Бобров Н., Поезда пересекают море. — Долгушин Ю., Превращение вида. — Ферсман А. Е., Мечта ученого. — Коржук Л., Завтрашний день одной шахты. — Туровская П., «Шагающие» машины. — Вейтков Ф., Электростанция 195... года. — Евгеньев С., 10 000 километров в час. — Реполовский С. В., 144 часа на станции управления погодой.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Исчезновение инженера Боброва (рассказ).
1. «Знание — сила», № 5—6.
2. М.—Л., Детгиз, 1949, 64 стр.; в сборнике «Дорога богатырей». М., Трудрезервиздат, 1949; под названием «День Зои Виноградовой» — в авторском сборнике «Новая планета». «Молодая гвардия», 1950.

СТУДИТСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Ущелье Батырлар-Джол (повесть).
1. «Знание — сила», № 7—11.
2. Под названием «Ущелье Батырлар-Джол (Дорога богатырей)» — в сборнике «Дорога богатырей». М., Трудрезервиздат, 1949.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита (роман).
2. Полн. собр. соч. М., ГИХЛ, т. 4.

ФЕРСМАН АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Мечты ученого (очерк).
1. «Знание — сила», № 10.
2. То же под названием «Химия и техника будущего». В кн. А. Е. Ферсман, Занимательная геохимия. М.—Л., Детгиз, 1948.

1949

БАРШЕВСКИЙ В.

Вертолет (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 7 (Окно в будущее).

БОЛДЫРЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Загадка ракеты «Игла-2» (повесть).
1. В сборнике «Дорога богатырей». М., Трудрезервиздат, стр. 111—187.

ВОДОПЬЯНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Воздушный экспресс (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Окно в будущее).

Дорога богатырей (сборник повестей).
1. М., Трудрезервиздат, 303 стр.
Сод.: Долгушин Ю., Тайна невидимки. — Сапарин В., Исчезновение инженера Боброва. — Болдырев С., Загадка ракеты «Игла-2». — Студитский А., Ущелье Батырлар-Джол (Дорога богатырей).

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

На краю Ойкумены (повесть).
1. М., «Молодая гвардия». 291 стр.

2. М., «Молодая гвардия», 1952, 294 стр.; Горький, книжн. изд-во, 1959, 260 стр.; Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 1959, 264 стр.; в авторских сборниках: «Великая Дуга». М., «Молодая гвардия», 1956 и 1957 (Б-ка научной фантастики и приключений); Б-ка приключений. М., Детгиз, 1956, т. 6; «На краю Ойкумены. — Звездные корабли». М., Детгиз, 1959; то же, Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1961.

ИВАНОВ ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ

Энергия, подвластна нам (отрывки из романа).
1. «Знание — сила», № 8—12, 1950, № 1—4.
2. (Роман.) М., Трудрезервиздат, 1951, 276 стр.

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Патент «АВ» (роман).
2. М., «Советский писатель», 340 стр.

ЛУКОВСКИЙ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

Гибель дракона (пьеса).
1. М.—Л., «Искусство», 138 стр.

Тайна вечной ночи (пьеса).
1. М.—Л., «Искусство», 128 стр.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Золотое дно (повесть).
2. М.—Л., Детгиз, 303 стр.

Рекорд высоты (повесть).
1. «Вокруг света», № 1—5.
2. В сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз, 1950.

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

В мире исканий (повести и рассказы).
М.—Л., Детгиз, 336 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)

Сод.: Тайна карстовой пещеры. — Пути-дороги. — В глубь земли. — История одного взрыва. — Шорохи под землей. — Электрические снаряды. — Угольный генератор. — Напуганная молния. — Изобретатель красного дерева. — Автоматы писателя.

Пуговинка фиолетовая (рассказ).
1. «Вокруг света», № 3.

Пути-дороги (повесть).
1. В авторском сборнике «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, стр. 80—135.

Тайна карстовой пещеры (повесть).
1. В авторском сборнике «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, стр. 5—79.
2. В авторском сборнике «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, 1952.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Архипелаг исчезающих островов (повесть).
1. «Молодая гвардия», 172 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
2. М.—Л., Детгиз, 1952, 392 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений); М., Географгиз, 1962, 285 стр. (Путешествия. Приключения. Фантастика); в авторских сборниках: «Повести о Ветлугине». М., «Молодая гвардия», 1958; «Архипелаг исчезающих островов. Страна Семи Трав. Повести о Ветлугине». Красноярск, книжн. изд-во, 1968; «Повести о Ветлугине», в новой авторской редакции. М., «Детская литература», 1969 и 1970. (Б-ка приключений и научной фантастики.)

РОЗВАЛ СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Лучи жизни (роман).
1. М., «Советский писатель», 484 стр.
2. Новосибирск, Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1966, 376 стр.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Исчезновение инженера Боброва (рассказ).
2. М.—Л., Детгиз, 64 стр.

Новая планета (рассказ).
1. «Вокруг света», № 4.
2. В авторском сборнике «Новая планета». «Молодая гвардия», 1950.

Оранжевый заяц (рассказ).
1. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», стр. 74—84.

Синяя птица (рассказ).
1. «Вокруг света», № 7.
2. В авторском сборнике «Новая планета». «Молодая гвардия», 1950.

Спичка (рассказ).
1. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», стр. 31—40.

Тайна черной крыши (рассказ).
1. В авторском сборнике «Удивительное путешествие». «Молодая гвардия», стр. 41—49.

Удивительное путешествие (рассказы).
1. «Молодая гвардия», 88 стр.
Сод.: Удивительное путешествие. — Секрет рыболова. — Сигнал «Я-17». — Спичка. — Тайна черной крыши. — Происшествие в доме № 5. — Ультраглаз.— Оранжевый заяц.

1950

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Исчезновение Дмитрия Астрова (рассказ).
1. «Вокруг света», № 8.

ТУШКАН ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

Черная буря (отрывки из романа «Черный смерч»).
1. «Знание — сила», № 1. (Роман опубликован в 1954 г. М.—Л., Детгиз.)

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Торжество жизни (роман).
1. Харьков, книжн.-газ. изд-во, 339 стр.
2. Перераб. Харьков, книжн.-газ. изд-во, 1953, 367 стр. и 1954, 367 стр.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Озеро Горных Духов (рассказ).
2. В сборнике «На грани возможного». Горький, облгиз.

Рассказы.
«Молодая гвардия», 184 стр.
Сод.: Голец Подлунный. — Озеро Горных Духов. — Алмазная труба. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Олгой-Хорхой. — Путями старых горняков. — Белый Рог.

ЗАХАРЧЕНКО ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (В. ДМИТРИЕВ)

Путешествие в Завтра (очерки).
1. «Техника — молодежи», № 1—4, 6, 8.
2. М.—Л., Детгиз, 1952, 168 стр., и 1953, 192 стр. (Школьная б-ка.)

КАЛЬНИЦКИЙ Я.

Конец подземного города (повесть).
1. Харьков, книжн.-газ. изд-во, 216 стр.
2. Харьков, обл. изд-во, 1955, 214 стр.

КАНДЫБА ФЕДОР ЛЬВОВИЧ

Горячая земля (роман).
1. «Молодая гвардия», 365 стр.
2. Ярославль, обл. изд-во, 1951, 326 стр.

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Из глубины Вселенной (очерк).
1. «Знание — сила», № 10.

МОРОЗОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Последний рейс «Генриетты» (памфлет).
1. «Техника — молодежи», № 5.

Путешествие доктора Строкса (рассказ).
1. «Вокруг света», № 4.

На грани возможного (сборник).
Горький, облгиз, 344 стр.
Сод.: Немцов В., Рекорд высоты. — Гуревич Г., Погонщики туч. — Немцов В., Аппарат «СЛ-1». — Ефремов И., Озеро Горных Духов. — Охотников В., История одного взрыва. — Сапарин В., Ультраглаз.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Семь цветов радуги (роман).
1. «Молодая гвардия». 536 стр.

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Полет по планетам (рассказ).
1. «Вокруг света», № 1.
2. В авторском сборнике «Путешествие в прошлое и будущее». М., Изд-во АН СССР, 1961; М., «Наука», 1965.

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

Дороги вглубь (роман, написанный на основе повестей «В глубь земли», «Пути-дороги» и «Тайна карстовой пещеры»).
1. «Молодая гвардия», 215 стр.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Новая планета (рассказы и очерки).
«Молодая гвардия», 160 стр.
Сод.: Новая планета. — День Зои Виноградовой (другое название — «Исчезновение инженера Боброва»).— Объект 21. — Синяя птица.

Плато Чибисова (рассказ).
1. «Знание — сила», № 11.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман).
2. Краснодар, Краевое книжн. изд-во, 307 стр.

ТУШКАН ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

Разведчики зеленой страны (повесть).
1. М.—Л., Детгиз, 534 стр.

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Иней на пальмах (повесть).
1. «Знание — сила», № 7—11.
2. М., Трудрезервиздат, 1954, 160 стр.; в авторском сборнике «Прохождение Немезиды». «Молодая гвардия», 1961.
Тополь стремительный (повесть).
1. М.—Л., Детгиз, 110 стр.

ДМИТРИЕВ В.
(ЗАХАРЧЕНКО ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ)

Через шесть морей. Путешествие в Завтра (очерки).
1. «Техника — молодежи», № 1—3.

ИВАНОВ ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ

Энергия подвластна нам (роман).
2. М., Трудрезервиздат, 276 стр.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Гость из космоса (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 3.
2. В авторском сборнике «Гость из космоса». М., Географгиз, 1958. Перераб. вариант в авторском сборнике «Гость из космоса», «Московский рабочий», 1963.

КАНДЫБА ФЕДОР ЛЬВОВИЧ

Горячая земля (роман).
2. Ярославль, обл. изд-во, 326 стр.

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Остров Разочарования (роман).
1. М., «Молодая гвардия», 470 стр.
2. В авторском сборнике «Старик Хоттабыч. — Патент «АВ». — Остров Разочарования». М., «Советский писатель», 1956 и 1961.

ЛУКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Судьба открытия (роман).
1. М.—Л., Детгиз, 542 стр. (Б-ка научной фантастики.)
2. Перераб. изд. М., Детгиз, 1958, 534 стр., и 1959, 534 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.) М., «Детская литература», 1968, 534 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Научно-фантастические повести.
М., «Советский писатель», 567 стр.
Сод.: Золотое дно. — Тень под землей. — Аппарат «СЛ-1».

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова (роман).
2. М., Географгиз. 295 стр.
Плутония (роман).
2. М., Географгиз, 312 стр.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Мгновение (рассказ).
1. «Знание — сила», № 12.
2. В авторском сборнике «Каменный холм». «Молодая гвардия», 1952. (Научная фантастика и приключения.)

УЛЬЯНОВ Ю.

Живые краски (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 9.

ВОДОПЬЯНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Поезд над облаками (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 5 (Окно в будущее).

Голос моря (повести).
М., Трудрезервиздат. 152 стр.
Сод.: Сапарин В., Голос моря. — Охотников В., Новое зрение. — Иванов В., В карстовых пещерах.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

На краю Ойкумены (повесть).
2. М., «Молодая гвардия», 294 стр.

ЗАХАРЧЕНКО ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (В. ДМИТРИЕВ)

Путешествие в Завтра (очерки).
2. М.—Л., Детгиз, 168 стр.

ИВАНОВ ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ

В карстовых пещерах (повесть).
1. В сборнике «Голос моря». М., Трудрезервиздат, стр. 87—150.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Мол «Северный» (роман-мечта).
1. М., Трудрезервиздат, 390 стр.
2. Полярная мечта (Мол «Северный»). «Молодая гвардия», 1956, 480 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений); Подводное солнце (Мол «Северный»). Перераб. и дополн. изд. М., «Советская Россия», 1970, 428 стр.

МОРОЗОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Морской конь (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 9.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Золотое дно (повесть).
2. М.—Л., Детгиз, 360 стр. (Б-ка научной фантастики.)

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

В мире исканий (повести и рассказы).

М.—Л., Детгиз, 272 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)

Сод.: Новое зрение. — Тайна карстовой пещеры. — История одного взрыва. — Шорохи под землей. — Электрические снаряды. — Угольный генератор. — Напуганная молния. — Изобретатель красного дерева. — Автоматы писателя.

Изобретатель красного дерева (рассказ).

1. В авторском сборнике «В мире исканий». М.—Л., Детгиз, стр. 251—260.

Новое зрение (рассказ).

1. В сборнике «Голос моря». М., Трудрезервиздат, стр. 42—85.

2. В авторских сборниках: «В мире исканий», М.—Л., Детгиз, 1952; «История одного взрыва». М.—Л., Детгиз, 1953.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Архипелаг исчезающих островов (повесть).

2. М.—Л., Детгиз, 392 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)

Каменный холм (рассказы).

«Молодая гвардия», 192 стр. (Научная фантастика и приключения.)

Сод.: Каменный холм. — Мгновение. — Вилла на Энсе (вариант рассказа «Аромат резеды», «Вокруг света», 1939, № 5).

СЫТИН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Покорители вечных бурь (повесть).

1. «Техника — молодежи», № 4—11.

2. М., Детгиз, 1955, 125 стр.

ШАЙБОН АШОТ (ГАСПАРЯН АШОТ ГАСПАРОВИЧ)

Победители тьмы (роман). Пер. с армянского.

1. Ереван, «Айпетрат», 488 стр.

ШТЕРНФЕЛЬД АРИО АБРАМОВИЧ

Маршруты межпланетных кораблей (очерк).

1. «Техника — молодежи», № 5.

ЯКОБСОН АУГУСТ МИХЕЛЕВИЧ

Шакалы (драматическая сатира). Пер. с эстонского.

1. «Дружба народов», № 2.

2. М., «Советский писатель», 1952, 110 стр.,; в «Сборнике пьес». М., Профиздат, 1953, т. 3.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Торжество жизни (роман).
2. Перераб. изд. Харьков, книжн.-газ. изд-во, 367 стр.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Звездные корабли (сборник).
М.—Л., Детгиз, 240 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
Сод.: Звездные корабли. — Тень минувшего. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Озеро Горных Духов. — Голец Подлунный. — Олгой-Хорхой. — Белый Рог.

Путешествие Баурджеда (повесть).
1. М., «Молодая гвардия», 136 стр.
2. В авторских сборниках: «Великая Дуга». М., «Молодая гвардия», 1956 и 1957; М., Детгиз, 1956 (Б-ка приключений, т. 6).

ЗАХАРЧЕНКО ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (В. ДМИТРИЕВ)

Путешествие в Завтра (очерки).
2. М.—Л., Детгиз, 192 стр. (Школьная б-ка.)

КИЛЬЧИНОВ В.

Лесозавод-самоход (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Окно в будущее).

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Лаборатория в космосе (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 8.
2. В кн. Б. Ляпунова «Открытие мира». «Молодая гвардия», 1954 и 1959.

МОРОЗОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Пульс Земли (рассказ).
1. «Вокруг света», № 10—12.

НИКОЛАЕВ Г.

Светящийся конденсатор (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 8 (Окно в будущее).

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова (роман).
2. М., Географгиз, 295 стр.

Плутония (роман).
2. М., Географгиз, 256 стр.

Обсерватория завтрашнего дня (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 5 (Окно в будущее).

ОХОТНИКОВ ВАДИМ ДМИТРИЕВИЧ

История одного взрыва (сборник).
М.—Л., Детгиз, 112 стр.
Сод.: История одного взрыва. — Электрические снаряды. — Новое зрение.

Первые дерзания (повесть).
1. М., Трудрезервиздат, 328 стр.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Поющие пески (главы из повести).
1. «Вокруг света», № 5—8.

Спор (рассказ).
1. «Знание — сила», № 4.

ЧУХРОВ ВЛАДИМИР

Полет на Луну (поэма).
1. Калуга, изд-во газ. «Знамя», 80 стр.
2. Калуга, изд-во газ. «Знамя», 1954, 80 стр.

ШТЕРНФЕЛЬД АРИО АБРАМОВИЧ

Накануне космического полета (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 2 (Окно в будущее).

1954

АДАБАШЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

Тайна должна быть раскрыта (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 10.

АНФИНОГЕНОВ АРТЕМ ЗАХАРЬЕВИЧ

Сквозь полярные льды (очерк).
1. «Знание — сила», № 10 (Окно в будущее).

БАБАТ ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ

Токи высокой частоты (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 1 (Окно в будущее).

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Борьба с подземной непогодой (главы из повести).
1. «Знание — сила», № 10, 11, оконч. — 1955, № 2—4.
2. Полностью, под названием «Подземная непогода» (повесть). М., Детгиз, 1956, 224 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики); в авторском сборнике «На прозрачной планете»; М., Географгиз, 1963. (Путешествия. Приключения. Фантастика.)

Иней на пальмах (повесть).
2. М., Трудрезервиздат, 160 стр.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Торжество жизни (роман).
2. Харьков, книжн.-газ. изд-во, 367 стр.

ЕВГЕНЬЕВ Б.

Глобус (очерк-фантазия).
1. «Вокруг света», № 4.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Адское пламя (рассказ).
1. «Знание — сила», № 1.
2. В авторском сборнике «Алмазная труба». М.—Л., Детгиз, 1954.

Алмазная труба (рассказы).
М.—Л., Детгиз, 207 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)
Сод.: Алмазная труба. — Путями старых горняков.— Встреча над Тускаророй. — Атолл Факаофо. — Бухта Радужных Струй. — Последний марсель. — Адское пламя.

Геология в 2004 году (будущее исторической геологии) (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 4 (Окно в будущее).

Озеро Горных Духов (рассказы).
М.—Л., Детгиз, 128 стр.
Сод.: Обсерватория Нур-и-Дешт. — Озеро Горных Духов. — Голец Подлунный. — Олгой-Хорхой. — Белый Рог.

ЗАКЛАДНЫЙ Е.

Победители льдов (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 9.

ЗВОНКОВ В. В.

Окно в будущее (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 3.

КАРБЕЛАШВИЛИ А.

Машина сортирует письма (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 7 (Окно в будущее).

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Открытие мира.
1. «Молодая гвардия» (очерки: «Прыжок из стратосферы», стр. 46—50; «Путь идеи», стр. 89—92; «Искусственная планета», стр. 93—99; «Лунный перелет», стр. 117—124; «В глубины космоса», стр. 151—153).
2. «Молодая гвардия», 1959.

Станция вне Земли (очерк).
1. «Знание — сила», № 9.
2. В кн. Б. Ляпунова «Открытие мира». «Молодая гвардия», 1954 и 1959.

МАЗУРУК ИЛЬЯ ПАВЛОВИЧ

Авиация завтра (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 2 (Окно в будущее).

МОРОЗОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

«Марс-1» (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 12.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Тень под землей (повести).
М.—Л., Детгиз, 240 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)
Сод.: Тень под землей. — Аппарат «СЛ-1».

НОВОСЕЛЬЦЕВ Ю. (МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ)

Коралл быстрорастущий (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 8.

ОСТРОУМОВ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Лунный рейс (рассказ).
1. «Пионер», № 4, 5.

ПЛАТОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ

Страна Семи Трав (роман).
1. «Молодая гвардия», 440 стр. (Отрывок под назв. «По реке Тайи» — «Вокруг света», № 1—3.)
2. В авторских сборниках: «Повести о Ветлугине». М., «Молодая гвардия», 1958; «Архипелаг исчезающих островов. — Страна Семи Трав. — Повести о Ветлугине». Красноярск, книжн. изд-во, 1958; «Повести о Ветлугине» в новой авторской редакции. М., «Детская литература», 1969 и 1970. (Б-ка приключений и научной фантастики.)

ПОКРОВСКИЙ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Бурджар-Сай (поэма).
1. «Знание — сила», № 10.

Плотина за 6 минут (Репортаж из будущего). Очерк.
1. «Техника — молодежи», № 6.

Полет на Луну (очерки).
1. (Сокр. вариант.) «Знание — сила», № 10.
2. М., Трудрезервиздат, 1955, 184 стр. (Фантастика и приключения.)

РЕВЗИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Пять недель на воздушном шаре (очерк).
1. «Знание — сила», № 2 (Наука и фантастика).

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Нить Ариадны (рассказ).
1. «Знание — сила», № 10.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман).
2. Алма-Ата, Казгослитиздат, 271 стр.

ТУШКАН ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ

Черный смерч (роман).
1. М.—Л., Детгиз, 648 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
2. Фрунзе, Киргизское гос. изд-во, 1959, 636 стр.

ФРАДКИН БОРИС ЗАХАРОВИЧ

Дорога к звездам (роман).
1. Молотов, книжн. изд-во, 376 стр.
2. Пермь, книжн. изд-во, 1958, 456 стр.
История одной записной книжки (повесть).
1. Молотов, книжн. изд-во, 140 стр.

ХВАСТУНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

К Солнцу (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 3 (Окно в будущее).

ЧУХРОВ ВЛАДИМИР

Полет на Луну (поэма).
2. Калуга, изд-во газ. «Знамя», 80 стр.

1955

АДАМОВ ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ

Тайна двух океанов (роман).
2. М., Детгиз, 479 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)

ГИРЧЕНКО Л.

Удобрение молнией (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 4 (Окно в будущее).

ГОЛУБЕВА В.

Загадка подводной лодки (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 2.

ГРЕБНЕВ ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ

Тайна подводной скалы. — Южное сияние (повести).
Вологда, обл. книжн. изд-во, 237 стр. («Тайна подводной скалы» — перераб. вариант повести «Арктания»,

Детгиз, 1938; «Южное сияние» — перераб. вариант рассказа «Невредимка». «Вокруг света», 1939, № 3.)

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Второе сердце (повесть).

1. В альм. «Мир приключений», вып. 1. М., Детгиз, стр. 209—249.

Лунные будни (рассказ).

1. «Техника — молодежи», № 10.
2. В авторском сборнике «Пленники астероида». М., Детгиз, 1962.

ДАШКИЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Украденный голос (рассказ).

1. «Техника — молодежи», № 11.

КАЛЬНИЦКИЙ Я.

Конец подземного города (повесть).

2. Перераб. изд. Харьков обл. изд-во, 214 стр.

КАРАМЗИН Б.

Нью-Меланоз профессора Клипса (рассказ).

1. «Техника — молодежи», № 6.

КУДАШЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

Ледяной остров (роман).

1. «Молодая гвардия», 318 стр.
2. Новосибирск, книжн. изд-во, 1959, 308 стр.

КУЗНЕЦОВА В.

Необыкновенное путешествие (повесть).

1. Алма-Ата, Казгослитиздат, 308 стр.

ЛЯПУНОВ БОРИС ВАЛЕРИАНОВИЧ

Мы — на Марсе (очерк).

1. «Огонек», № 2.

МАРТЫНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ

220 дней на звездолете (повесть).

1. Л., Детгиз, 216 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)
2. В кн.: Мартынов Г., Звездоплаватели (роман в 3-х кн.).

Кн. 1. «220 дней на звездолете». Лениздат, 1960.

МАСЛОВ Э.

Под светом двух солнц (рассказ).
«Техника — молодежи», № 3.

МАТЕЮНАС А.

Экран жизни (рассказ).
1. «Вокруг света», № 1.

МЕЕРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Защита 240 (роман).
1. Харьков, обл. изд-во, 364 стр.

МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Широкая магистраль (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 3 (Окно в будущее).

МОРОЗОВ В., ЭРДМАН Н.

Полет на Луну (сценарий мультфильма).
1. В кн.: «Фильмы-сказки». Сценарии рисованных фильмов. М., «Искусство», стр. 50—80.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Осколок Солнца (повесть).
1. «Молодая гвардия», 256 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
2. В авторских сборниках: «Избранное». М., «Советский писатель», 1958; «Повести». «Молодая гвардия», 1962; «Альтаир. — Осколок Солнца. — Последний полустанок». М., «Советский писатель», 1965.

Счастливая звезда (роман).
1. М., «Советский писатель», 526 стр.
2. «Альтаир» (сокр. вариант романа «Счастливая звезда»). М., Трудрезервиздат, 1956, 584 стр. (Фантастика и приключения.) В авторских сборниках: «Избранное». М., «Советский писатель», 1958; «Альтаир. — Осколок Солнца. — Последний полустанок». М., «Советский писатель», 1965.

НОВОСЕЛЬЦЕВ Ю. (МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ)

Новые крылья (рассказ).
1. «Смена», № 1—3.

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова (роман).
1. М., Географгиз, 288 стр.; Алма-Ата, изд-во АН Казахской ССР, 271 стр. и 310 стр. (2 изд.).

ОРМ Г.

Шаровая молния (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 7.

ПОКРОВСКИЙ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Атомный самолет будущего (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 8 (Окно в будущее).

Полет на Луну (очерки).
2. М., Трудрезервиздат, 184 стр. (Фантастика и приключения.)

ПОПОВ В.

Случай на даче (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 9.

РОЩАХОВСКИЙ В.

Алмаз (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 5.

САВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Навстречу звездам (рассказ).
1. «Знание — сила», № 10.
2. То же под названием «Где вы, Ильин?..» — в авторском сборнике «Черные звезды». М., Детгиз, 1960.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Волшебные ботинки (рассказ).
1. «Знание — сила», № 12.

Однорогая жирафа (рассказ).
1. «Вокруг света», № 5, 6.
2. В авторском сборнике «Однорогая жирафа». «Молодая гвардия», 1958.

Хрустальная дымка (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 1.

СВЕТОВ А.

Второй лик пустыни (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 5.

СОСНОВ В.

Препарат ЗЭТ (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 8.

СЫТИН ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Покорители вечных бурь (повесть).
2. М., Детгиз, 125 стр.

ТАРАСОВ АНАТОЛИЙ САВВИЧ

Искусственный спутник Земли «Циолковский» (очерк).
1. «Московский колхозник», № 12

ТЕПЛОВ ЛЕВ ПАВЛОВИЧ

Среда Рея (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 4.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита (роман).
2. М., Гослитиздат, 143 стр.
Гиперболоид инженера Гарина (роман).
2. М., Гослитиздат, 276 стр.

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

На Луне (повесть).
2. М., Детгиз, 64 стр.

ЧЕРНОВ М., БОГДАНОВ А.

Трансарктический атомоход (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 11 (Окно в будущее).

ШАГУРИН НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Рубиновая звезда (повесть).
1. Красноярск, книжн. изд-во, 96 стр.

ШТЕРНФЕЛЬД АРИО АБРАМОВИЧ

Вокруг света за 88 минут (репортаж-фантастика. Очерк).
1. «Вокруг света», № 10.
Вокруг серебристого шара (репортаж-фантастика. Очерк).
1. «Смена», № 5, 6.
Орбитальные корабли (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 5 (Окно в будущее).
Рейс на Меркурий (очерк).
1. «Юность», № 3.

1956

БАБАТ ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ

Мечты инженера. Отрывки из статей, опубликованных в 2056 году. Разговор из XXI века (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Репортаж из будущего).

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Избранные научно-фантастические произведения в 2-х т. М., «Молодая гвардия».
Т. 1. 568 стр. Сод.: Человек-амфибия. — Чудесное око. — Человек, нашедший свое лицо.
Т. 2. 536 стр. Сод.: Голова профессора Доуэля. — Звезда КЭЦ. — Вечный хлеб. — Продавец воздуха.
Человек-амфибия (роман).
2. М., Гослитиздат, 168 стр., Фрунзе, Киргизучпедгиз, 168 стр.

ВОЛЬБЕРГ С.

Движущаяся улица (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Репортаж из будущего).

ГИЛЬЗИН КАРЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Путешествие к далеким мирам
1. М., Детгиз. 277 стр. (очерк «Побываем в будущем», стр. 245—275).
2. М., Детгиз, 1960.

ГОЛУБЕВ ГЛЕБ НИКОЛАЕВИЧ

Золотая медаль Атлантиды (повесть).
1 «Вокруг света», № 10—12.
Межпланетный репортаж (очерк).
1. «Вокруг света», № 8.
Погода по заказу (юмореска).
1. «Вокруг света», № 9.

ГОМОЛКО НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

За великую трассу (повесть). Пер. с белорусского.
1. Минск, Учпедгиз БССР, 228 стр.
2. В кн.: Н.. Гомолко, Шестой океан. Минск, Госиздат БССР, 1961.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Алые паруса (феерия).
2. В авторских сборниках: «Избранное». М., Гослитиздат; «Рассказы». Свердловск, книжн. изд-во.
Бегущая по волнам (роман).
2. Куйбышев, книжн. изд-во, 176 стр.; Йошкар-Ола, Маркнигоиздат, 203 стр.; в авторском сборнике «Избранное». М., Гослитиздат.
Избранное.
М., Гослитиздат, 423 стр.
Сод: Позорный столб. — Возвращенный ад. — Корабли в Лиссе. — Алые паруса (феерия). — Сто верст по реке. — Словоохотливый домовой. — Четырнадцать футов. — Акварель. — Комендант порта.
Рассказы.
Свердловск, книжн. изд-во, 264 стр.
Сод.: Позорный столб. — Жизнь Гнора. — Сердце пустыни. — Корабли в Лиссе. — Алые паруса (феерия). — Сто верст по реке. — Четырнадцать футов. — Возвращение. — Акварель. — Комендант порта.

ГРОМОВ А., МАЛИНОВСКИЙ Т.

Тайна утренней звезды (повесть).
1. «Октябрь» (Кишинев), № 6—7.

ГУБАРЕВ ВИТАЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Великий волшебник (комедия).
1. М., «Искусство», 66 стр.

ГУРЕВИЧ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

Подземная непогода (повесть).
2. М., Детгиз, 224 стр. (Б-ка приключений и научной фантастики.)

Приключения машины (главы из повести).
1. «Знание — сила», № 7, 10.

ЕФРЕМОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

Великая Дуга (повести и рассказы).
«Молодая гвардия», 774 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)
Сод.: Путешествие Баурджеда. — На краю Ойкумены. — Тень минувшего. — Обсерватория Нур-и-Дешт. — Озеро Горных Духов. — Голец Подлунный. — Белый Рог. — Алмазная труба — Путями старых горняков. — Встреча над Тускаророй. — Последний марсель. — Атолл Факаофо. — Бухта Радужных Струй.

На краю Ойкумены. — Звездные корабли (повести).
М., Детгиз, 480 стр. (Б-ка приключений, т. 6.)
Сод.: На краю Ойкумены. — Путешествие Баурджеда. — Звездные корабли.

ЖИГАРЕВ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ

Кто там! (рассказ).
1. «Знание — сила», № 7.

КАБАРИН ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Сияние базальтовых гор (повесть).
1. Кишинев, изд-во «Школа советикэ», 336 стр.
2. Саратов, книжн. изд-во, 1957, 343 стр.

КАЗАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Полярная мечта (Мол «Северный») (роман).
2. «Молодая гвардия», 480 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)

Пылающий остров (роман).
2. М., Трудрезервиздат, 736 стр. (Фантастика и приключения.)

ЛАГИН ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ

Атавия Проксима (роман).
1. «Молодая гвардия», 480 стр. (Б-ка научной фантастики и приключений.)

Остров Разочарования (роман).
2. В авторском сборнике «Старик Хоттабыч. — Патент «АВ». — Остров Разочарования». М., «Советский писатель».

Патент «АВ» (роман).
2. В авторском сборнике «Старик Хоттабыч. — Па-

тент «АВ». — Остров Разочарования». М., «Советский писатель».

Съеденный архипелаг (сатирический рассказ).
1. В альманахе «Мир приключений», вып. 2. М., Детгиз, стр. 211—234.
2. В авторском сборнике «Съеденный архипелаг». М., «Советская Россия», 1963.

ЛИЛИНА МИРРА ЕФИМОВНА (ПЕРЕЛЬМАН)

Прыжок в неизвестность (повесть).
1. В кн. «Ленинградский альманах», кн. 2. Лениздат, стр. 267—299.

МАРКИН А.

Карандаш инженера рисует новое лицо планеты (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Репортаж из будущего).
Между двумя материками. Размышления в электроэкспрессе Оймякон — Берингов пролив (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 1—2 (Репортаж из будущего).

МОРАЛЕВИЧ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Транспорт будущего.
1. Профиздат, 126 стр. (очерки — стр. 21—28, 44—52, 55—61, 96—105, 106—110).
2. Ю. Новосельцев, Магистрали грядущего. М., «Советская Россия», 1962, 183 стр.

НЕМЦОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Альтаир (сокращенный вариант романа «Счастливая звезда»).
1. М., Трудрезервиздат, 584 стр. (Фантастика и приключения.)
2. В авторских сборниках: «Избранное». М., «Советский писатель», 1958; «Альтаир. — Осколок Солнца. — Последний полустанок». М., «Советский писатель», 1965.

ОБРУЧЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова (роман).
2. М., Географгиз, 287 стр.
Плутония (роман).
2. М., Географгиз, 304 стр.

ОСТРОУМОВ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ, ДОБРЯКОВ Ю., БЫКОВ Н.

Путешествие в год шестидесятый (очерки).
1. М., «Молодая гвардия», 103 стр.

ПАВЛОВСКИЙ О.

Необыкновенное путешествие Петьки Озорникова (повесть).
1. Кишинев, изд-во «Шкоала советика», 96 стр.
2. Краснодар, книжн. изд-во, 1961, 310 стр.

ПОПИЛОВ ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ

2500 год. Всемирная выставка (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 7—8 (Репортаж из будущего).

САВЧЕНКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Пробуждение профессора Берна (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 11.
2. В авторском сборнике «Черные звезды». М., Детгиз, 1960; в сборнике «Дорога в сто парсеков». «Молодая гвардия», 1959.

Путешествие Вити Витькина (рассказ).
1. «Знание — сила», № 9.

САПАРИН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

Путешествие в 1960 году (очерк).
1. «Вокруг света», № 2.

СОЛОВЬЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Триста миллионов лет спустя (сценарий).
1. «Юный техник», № 3, 4, 1957, № 1—3.

СТУДИТСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Сокровище Черного моря (роман).
1. М., Трудрезервиздат, 408 стр. (Фантастика и приключения.)

ТАРАСОВ АНАТОЛИЙ САВВИЧ

В загадочных мирах (роман).
1. Сокр. вариант — газ. «Вперед» (Тушино), № 43, 45, 47, 48, 52, 54, 56, 58, 60, 62.

Тайна камчатской впадины (повесть).
1. Сокр. вариант — газ. «Красногорский рабочий», № 113, 114, 117—119, 122, 123, 125, 126, 131—133.

ТЕПЛОВ ЛЕВ ПАВЛОВИЧ

Телебиблиотека — миллионы томов в одном переплете (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 6 (Репортаж из будущего).

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина. — Аэлита (романы).
2. Б-ка приключений. М., Детгиз, т. 4, 447 стр.

ТОМАН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

История одной сенсации (повесть).
1. «Знание — сила», № 6.
2. В авторском сборнике «История одной сенсации». М., Воениздат, 1960.

ФРАДКИН БОРИС ЗАХАРОВИЧ

Тайна астероида 117-03 (повесть).
1. Молотов, книжн. изд-во, 140 стр.

ХЛЕБЦЕВИЧ ЮРИЙ

Путь на Луну открыт (очерк).
1. «Техника — молодежи», № 5 (Репортаж из будущего).

ЧЕРНЯЕВ Б.

Оживший портрет (рассказ).
1. «Техника — молодежи», № 12.

Советские научно-фантастические фильмы 1946—1956 годов

1946 **Наше сердце.**

11 частей, 2306 м. Мосфильм. Авторы сценария: Е. Габрилович, Б. Галин, М. Денисов. Режиссер-постановщик А. Столпер. Операторы: В. Павлов, С. Уралов. Художник И. Шпинель. Композитор Н. Крюков. Звукооператор В. Богданкевич. Комбинированные съемки Н. Ренкова. В ролях: М. Кузнецов (Самохин), В. Дружников (Казаков), Н. Зорская (Оля), В. Германова (Варя), Ю. Любимов (Яков), А. Петров (Гусенко), В. Зайчиков (Потапыч), Н. Архипова (Катя), А. Ханов (Зуров). В фильме фантастический эпизод: старт беспосадочного перелета советских летчиков вокруг света.

1953 **Серебристая пыль**

10 частей. 2803 м. Мосфильм. Авторы сценария: А. Якобсон, А. Филимонов. Режиссер-постановщик А. Роом. Режиссер П. Арманд. Главный оператор Э. Тиссэ. Комбинированные съемки: П. Маланичев, И. Гордиенко. Художник А. Уткин. Композитор М. Чулаки. Звукооператор В. Зорин. В ролях: М. Болдуман (Самуэль Стил), С. Пилявская (Дорис), В. Ушакова (Джейн), Н. Тимофеев (Аллан О'Коннел), В. Ларионов

(Гарри), В. Белокуров (Эптон Брюс), Р. Плятт (Мак Кеннеди), Г. Кириллов (Курт Шнейдер), А. Ханов (Чарлз Армстронг), В. Лекарев (Гидеон Смит), Г. Юдин (Дик Джонс), З. Занони (Мери), Д. Комогоров (Бен), А. Пелевин (Джо Твист), Л. Смирнова (Флосси), О. Абдулов (шериф) и др.

Экранизация пьесы А. Якобсона «Шакалы».

Полет на Луну.

3 части, 854 м. Союзмультфильм. Авторы сценария: В. Морозов, Н. Эрдман. Режиссеры: В. Брумберг, З. Брумберг. Оператор Е. Петрова. Композитор Ю. Левитин. Звукооператор Н. Прилуцкий. Художники-мультипликаторы: Б. Дежкин, В. Арбеков, Л. Попов, Б. Бутаков. Ф. Хитрук, Р. Давыдов, К. Чикин, Т. Федорова, Е. Хлудова, В. Борисова. Художники-декораторы: О. Геммерлинг, В. Валерианова, Е. Танненберг, Г. Невзорова, Д. Анпилов, В. Роджеро, К. Малышев. Художник по трюковым съемкам Н. Федоров.

Тайна вечной ночи

8 частей. 2192 м. Мосфильм Автор сценария И. Луковский. Режиссер-постановщик Д. Васильев. Режиссер Л. Сааков. Оператор Н. Большаков. Комбинированные съемки: Б. Горбачев, Б. Хренников, З. Морякова, А. Клименко. Художник А. Бергер. Композитор И. Морозов Звукооператор Е. Кашкевич. Консультанты: А. Кузин, Б. Лагутин, А. Маурэр. В ролях: И. Переверзев (Денисов), К. Барташевич (Русанов), М. Астангов (Мерцалов), А. Ячницкий (Лаврентьев), Д. Столярская (Турчина), Е. Измайлова (Соколова) и др.

Экранизация пьесы И. Луковского «Тайна вечной ночи».

1955 (первая серия), 1956 (вторая серия)

Тайна двух океанов (в двух сериях)

Первая серия — 9 частей, 2292,5 м; вторая серия — 7 частей, 1879 м. Грузия-фильм. Авторы сценария: В. Алексеев, Н. Рожков, К. Пипинашвили. Режиссер-постановщик К. Пипинашвили. Режиссер Г. Гуния. Главный оператор Ф. Высоцкий. Композитор А. Мачавариани. Звукооператор Р. Лапинский. Художники-поста-

новщики: Л. Мамаладзе, Е. Мачавариани. Комбинированные съемки: Ф. Семянников, Б. Буравлев, А. Дигмелов. Главный консультант В. Брагин. В ролях: С. Столяров (Воронцов), И. Владимиров (Скворешня), С. Голованов (Горелов), П. Соболевский (Дружинин), В. Нинуа (Лордкипанидзе), С. Комаров (профессор), А. Максимова (Быстрых), Л. Пирогов (Быстров), Т. Добротворский (Базов), П. Луспекаев (Карцев), М. Глузский (Ивашев), И. Прейсс (Сидорина), И. Бристоль (Павлик) и др.

Экранизация романа Г. Адамова «Тайна двух океанов».

С. СМИРНОВ

С. ПАВЛОВ

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

В. ЖУРАВЛЕВА

К. БУЛЫЧЕВ

С. ЖЕМАЙТИС

И. ВАРШАВСКИЙ

Ю. ТУПИЦЫН

В. КОЛУПАЕВ

М. ПУХОВ

В. ЩЕРБАКОВ

А. ДМИТРУК

Л. ОБУХОВА

Г. АЛЬТОВ

В. РЕВИЧ

И. МОЖЕЙКО

Ю. РОСЦИУС

С. АРУТЮНОВ

И. КЛЕНОВ

Ю. ЭСТРИН

Б. ЛЯПУНОВ

●

КРАСНОЯРСК

БАКУ

МОСКВА

ЛЕНИНГРАД

ОРСК

ТОМСК

КИЕВ

●

СОДЕРЖАНИЕ

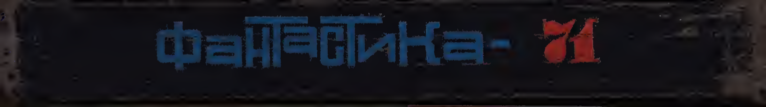
ФАНТАСТИКА. 1971. Сборник.
М., «Молодая гвардия», 1971.
384 с. (Фантастика. Приключения. Путешествия).

Р2

Редакторы **Б. Клюева** и **С. Михайлова**
Художник **А. Блох**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Л. Никитина**

Сдано в набор 30/IV 1971 г. Подписано к печати 29/IX 1971 г. А01315. Формат 60×84[1]/16. Бумага № 2. Печ. л. 24 (усл. 22, 32). Уч.-изд. л. 24,2. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Т. П. 1971 г., № 222. Заказ 900.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

фантастика - 71